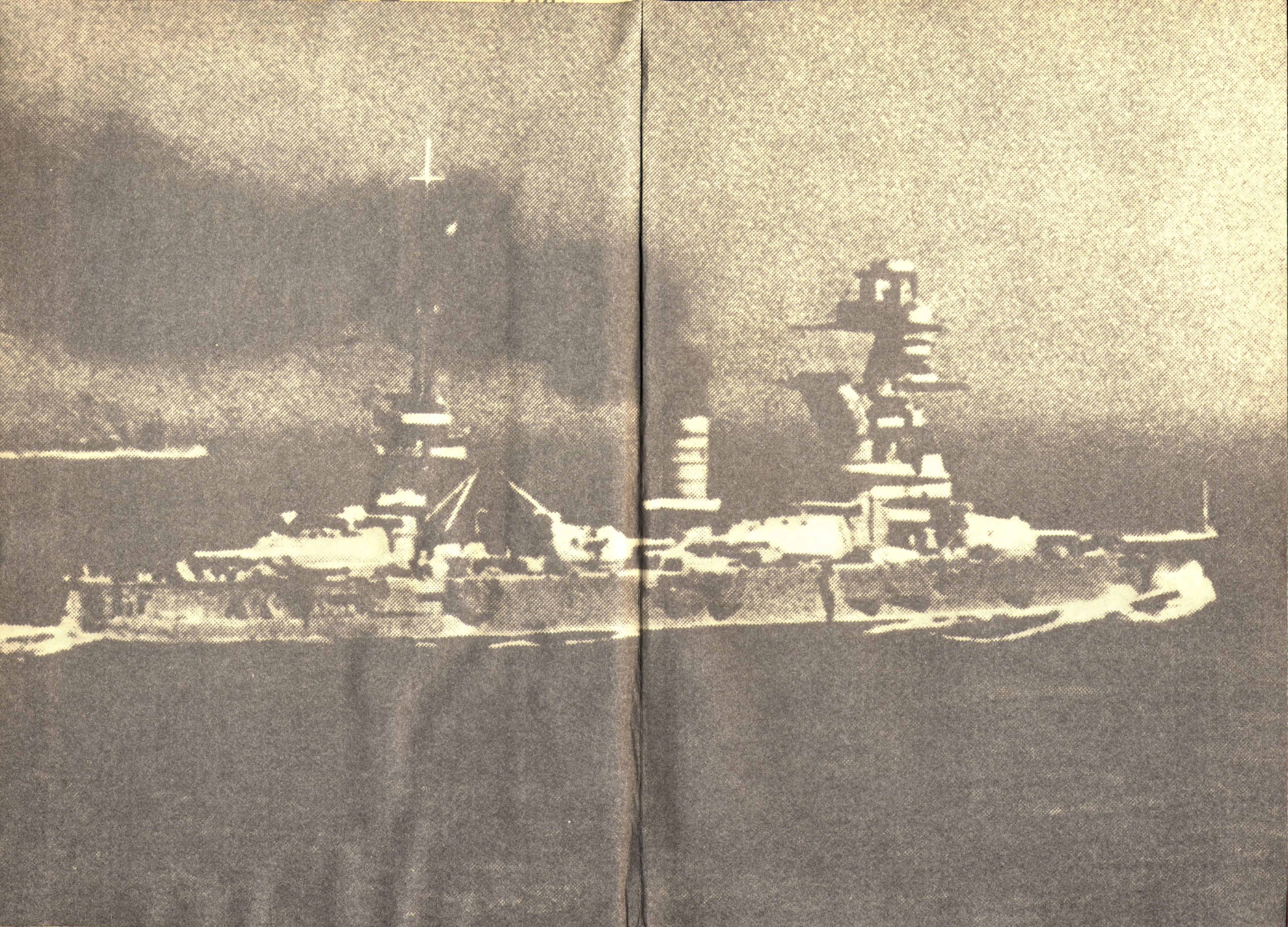
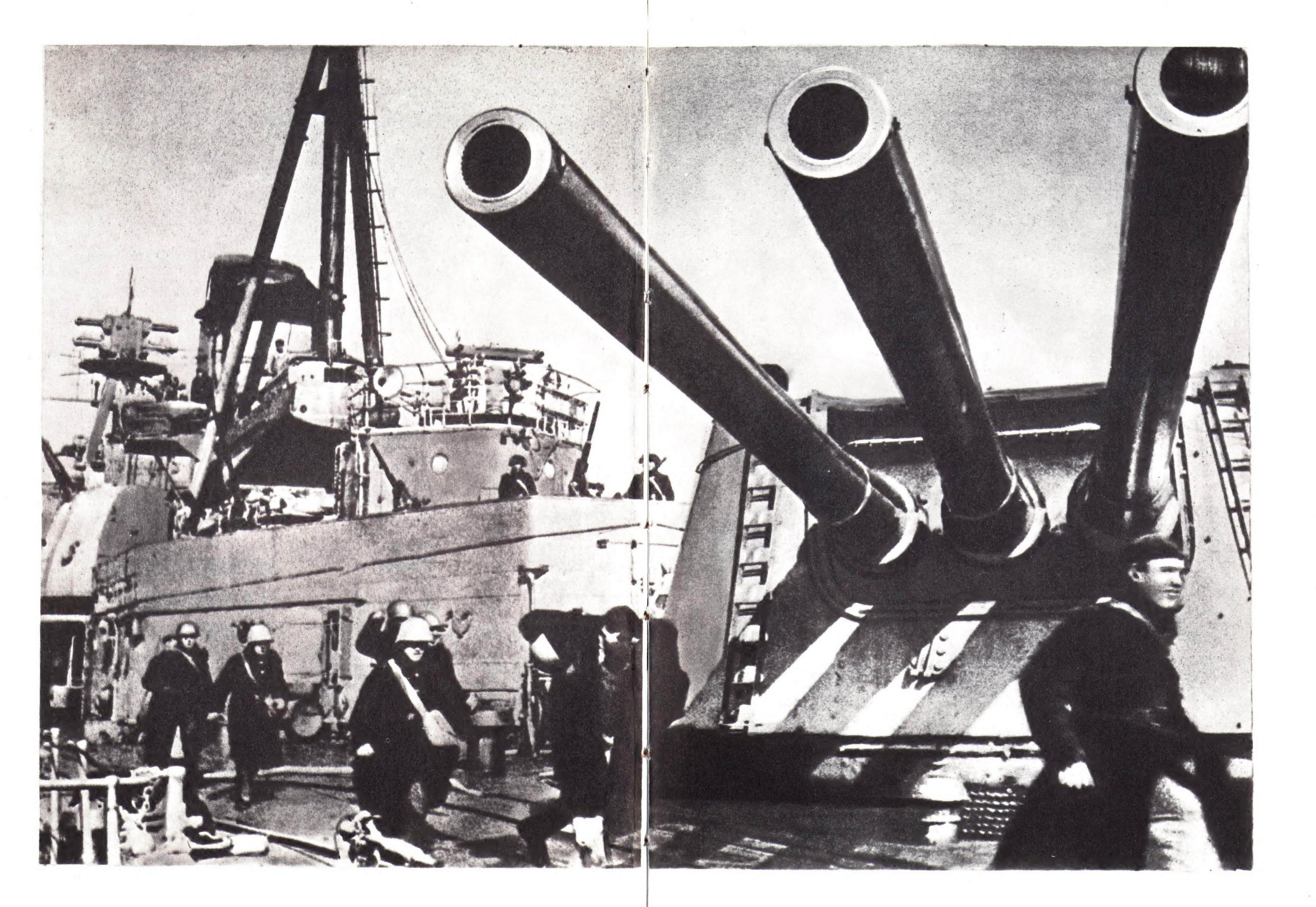
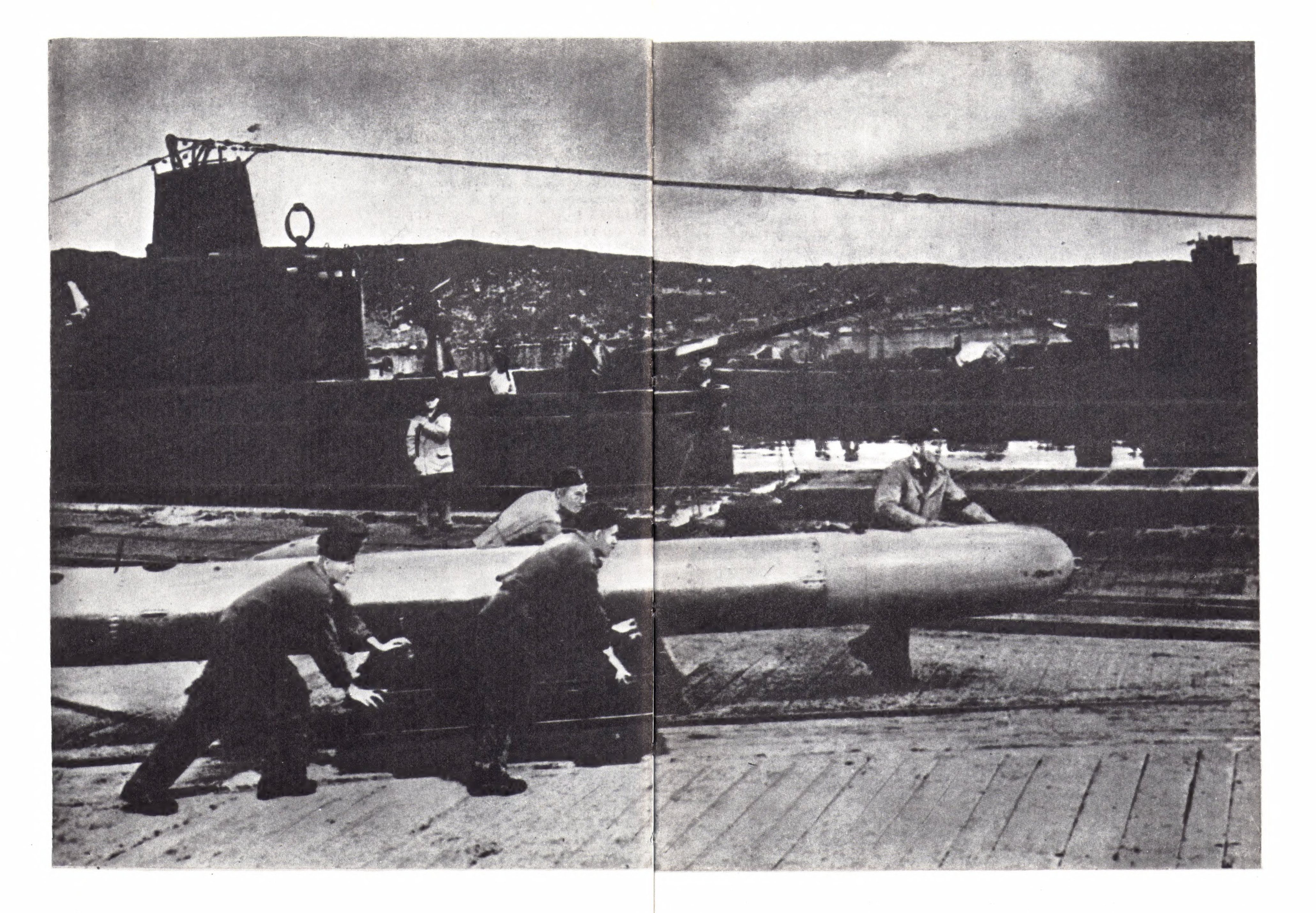

Центрального Комитета и МК ВКП(б).
Среда, 25 июня 1941 г.
ЦЕНА 15 КОП.
СООБЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО*)
ВПЕРЕД! НА ЗАПАД!
1941
1945
КОМИССАРЫ
НА ЛИНИИ ОГНЯ

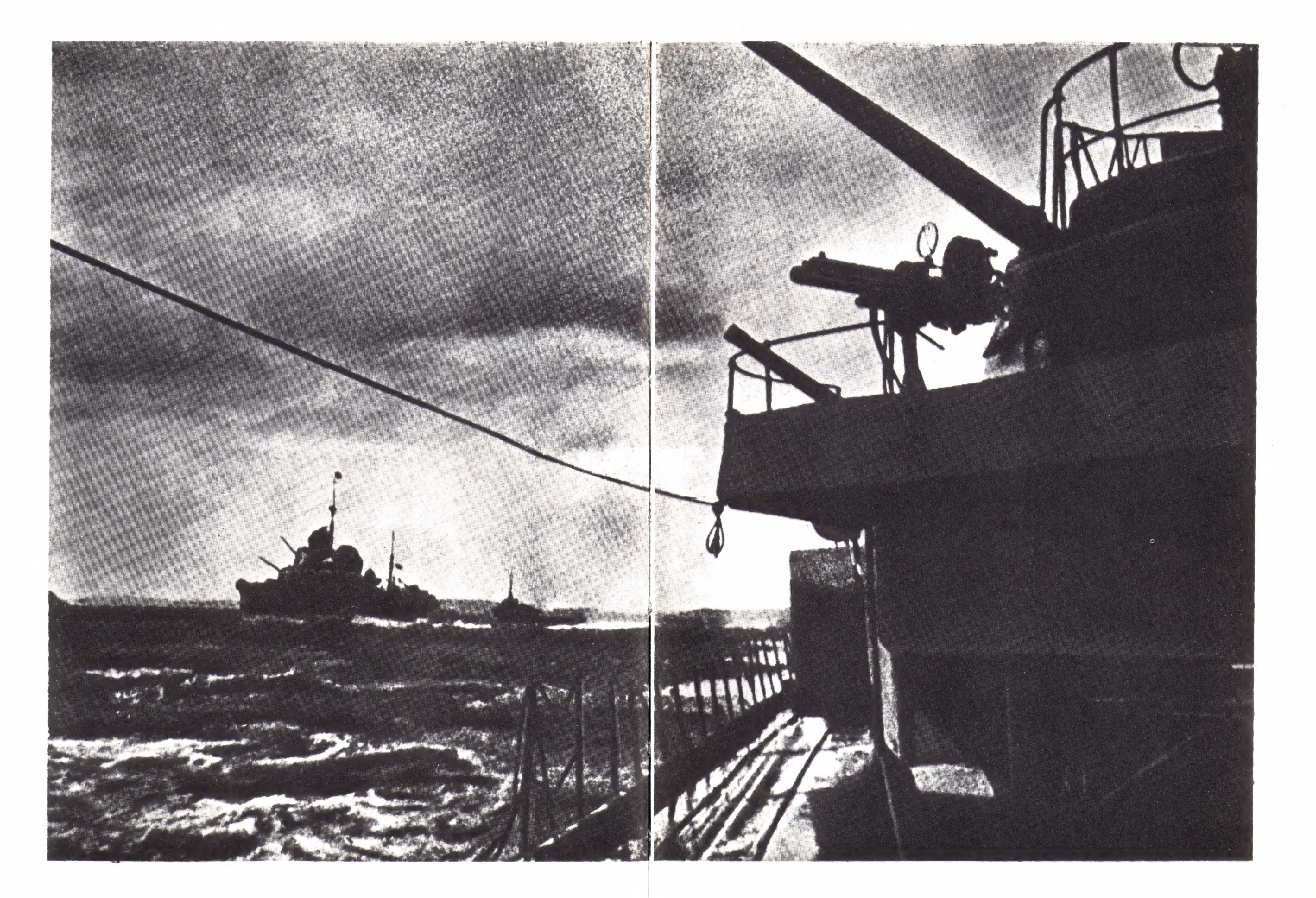

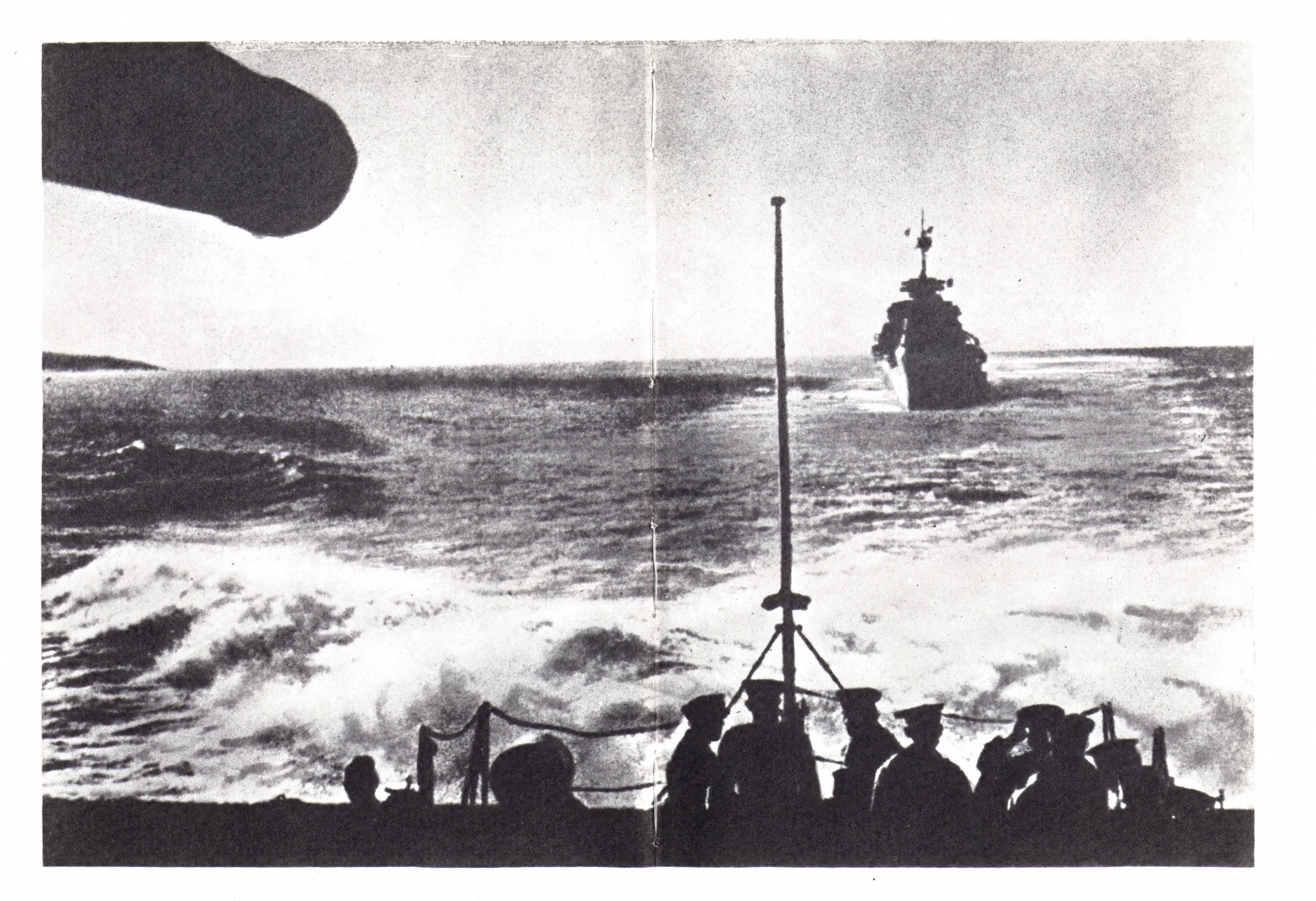
На море

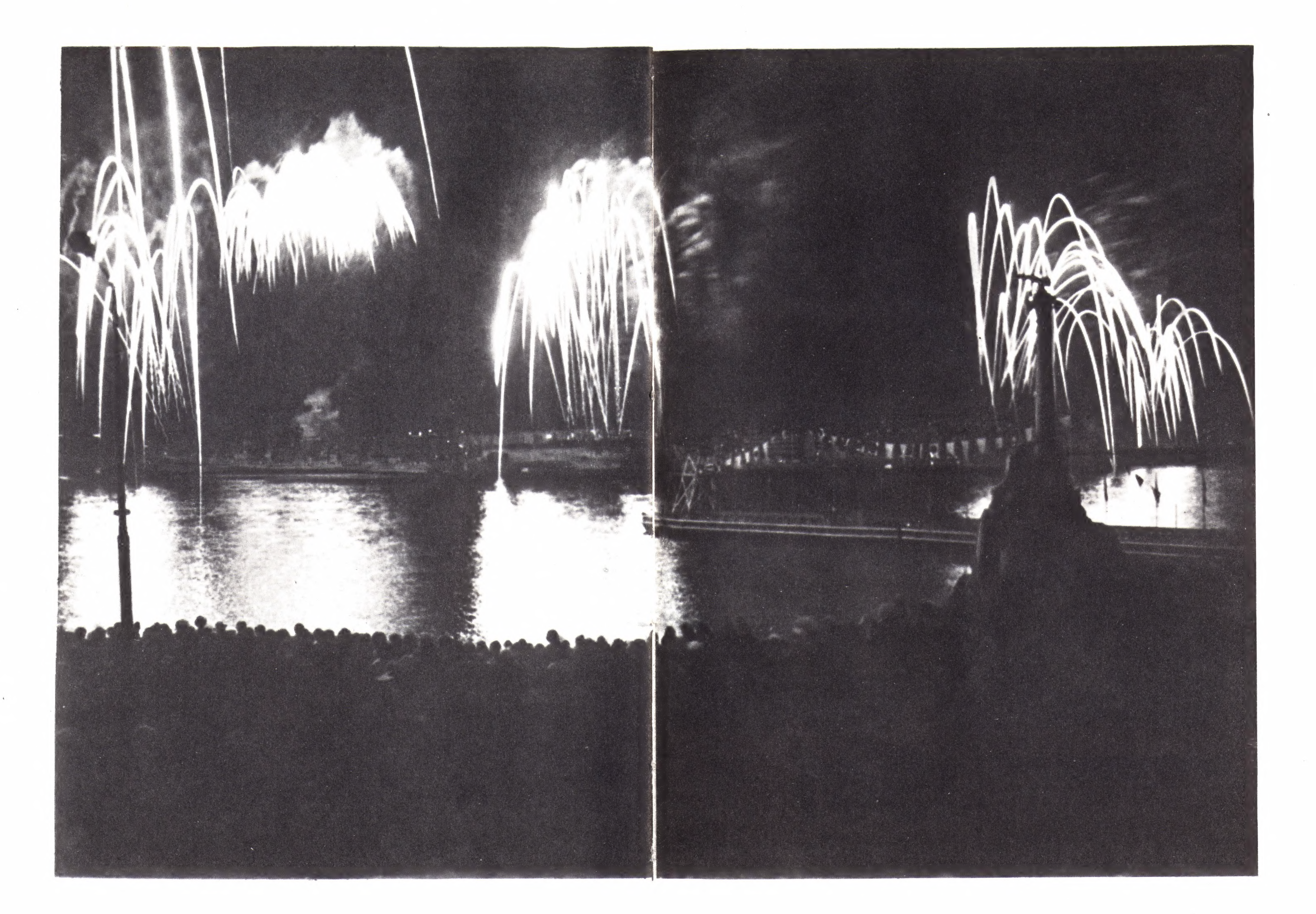
КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ

О·МОРСК. ФЛОТ
КОМИ
1941

ССАРЫ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

НА
МОРЕ

I ОГНЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

Под общей редакцией *Б. А. Костюковского*

Составитель *А. Н. Плотников*

К 63 **Комиссары** на линии огня. 1941—1945. На море / Сост. А. Н. Плотников; Под общ. ред. Б. А. Костюковского. — М.: Политиздат, 1985.—271 с., ил.

Настоящая книга, выходящая к 40-летию со Дня Победы, посвящена подвигу политработников советского Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне. Публикуемые очерки писателей, журналистов, участников войны отображают героическую деятельность моряков-комиссаров, которые всегда были на передней линии огня, увлекая за собой краснофлотцев партийным словом и личным примером.

Одновременно выходят также две книги, посвященные политработникам Сухопутных войск и Военно-Воздушных Сил.

Издание адресуется широкому кругу читателей.

К $\frac{\textbf{0505030202—190}}{\textbf{079(02) —85}}$ **153—85**

63.3(2)722
9(С)27

Когда в четвертом часу утра
22 июня 1941 года
волны немецких самолетов подошли
к Севастополю, намереваясь
сбросить электромагнитные мины
и заблокировать корабли в его бухтах,
они были рассеяны огнем
зенитных средств ПВО военно-морской
базы и кораблей.
Выполнить поставленную задачу
гитлеровцам не удалось. На огневой
налет с румынского берега
своевременно и в полной боевой
готовности ответила
и Дунайская флотилия,
вынудив замолчать вражеские батареи.
Были сорваны попытки фашистов
скрытно провести минные
постановки возле наших баз
в Либаве и Кронштадте.

Военно-Морской Флот СССР
организованно, стойко и мужественно
встретил вероломное нападение
фашистской Германии
на нашу Родину,
с первых минут войны дав решительный
отпор агрессору.
И этот отпор, особенно яркий
на фоне наших
временных военных неудач,
не был случайным.

Флот в предвоенные годы
неустанно учился тому,
что так необходимо было на войне.
В любую погоду выходили в море
надводные корабли,
совершали небывалые автономные,
в том числе подледные, плавания
наши субмарины.
На ходовых мостиках
и в боевых рубках их стояли
по преимуществу молодые, но смелые
и мужественные командиры,
а рядом с ними пламенные военкомы —
герои очерков этой книги.

1

Военные комиссары и политруки всегда были душой каждого экипажа. В нужную минуту они появлялись в машинном отделении, в отсеке, на боевом посту, воодушевляли растерявшихся, ободряли уставших, горячим партийным словом и личным примером зажигали матросские сердца. Стократно возросла их роль, когда над землей, морями и океанами забушевала военная гроза. Это понимали даже наши смертельные враги. «...Русский комиссар — безоговорочный большевик, большевик до последнего вздоха, пронизанный волей защищаться и биться»,— писали в своих людоедских циркулярах главари третьего рейха, призывая к тотальному террору против советских людей, преданных партии и народу.

Люди во флотских кителях с золотыми полосками и красными просветами на рукавах — политработники — были в первых рядах защитников Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, они поднимали морских пехотинцев в яростные контратаки на подступах к городу Ленина, под Новороссийском, на Ханко и под Азовом, с пением «Интернационала» уходили в легенды на палубах тонущих кораблей, делились последними глотками кислорода в лодочных отсеках.

Геройски дрались с врагами моряки-тихоокеанцы.

Со многими из таких людей читателю предстоит познакомиться на страницах этой книги. С теми, чей облик на века воплощен в граните и бронзе памятников, на холстах художественных полотен и в названиях кораблей и судов. И с теми, чей подвиг был более скромен, но достаточно весом, чтобы остаться в боевой летописи Военно-Морского Флота. С теми, которых давно уже нет среди нас, и с теми, которые продолжают жить и трудиться, примером своим воспитывая молодое поколение нашей страны.

Мне приятно сознавать, что некоторых из героев очерков я знал лично, посылал на боевые задания и вместе с ними бороздил огненные фарватеры, а кое с кем продолжаю встречаться до сих пор, делюсь дружескими воспоминаниями о пережитом. Был я близко знаком с ныне покойным Николаем Васильевичем Матковским, боевым политработником, ставшим после войны ответственным работником аппарата ЦК КПСС, под моим началом служил Николай Иванович Корнилов, ныне мы вместе работаем в Совете ветеранов Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Частенько видимся мы и с контр-адмиралом в отставке
Арсением Захаровичем Шилиным,
капитаном 1-го ранга в отставке Сергеем Александровичем Лысовым. О всех о них можно сказать строкой из популярной песни: «Не стареют душой ветераны...»

Сорок лет назад отгремели последние залпы, но для флота война не закончилась 9 мая 1945 года, тральные силы еще долго с риском для жизни боролись с минной опасностью на всех наших морях и океанах. И вело на подвиг пахарей моря партийное слово замполитов, парторгов и комсоргов.

О них эта книга.

С. Захаров

Адмирал

НА ФЛОТАХ БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Вечером 12 июля
в Балтийском море были
обнаружены германские
транспорты с войсками и
танками, охраняемые
сильным отрядом эсминцев,
сторожевых кораблей,
торпедных катеров и
истребительной авиации.
Краснознаменный
Балтийский флот рядом
последовательных ударов
авиации, кораблей и
береговой обороны нанес
противнику крупные потери:

потоплены два эсминца,
тринадцать транспортов и
баржа с танками; кроме
того, получили сильные
повреждения и горят
тринадцать транспортов
и один эсминец.
С нашей стороны потерь
в кораблях и самолетах нет.

Вечернее сообщение
Совинформбюро от 14 июля
1941 г.

Леонид
СОБОЛЕВ

НОЧЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Пора было спуститься поужинать, но старший лейтенант оставался на мостике, вглядываясь в дымчатый горизонт балтийской белой ночи.

Высокий светлый купол неба, где мягко смешивались нежные тона, легко и невесомо опирался на гладкую штилевую воду. Она светилась розовыми отблесками. Солнце, зайдя, пробиралось под самым горизонтом, готовое вновь подняться, и просторное бледное зарево стояло над морем, охватив всю северную часть неба. Только на юге сгущалась над берегом неясная фиолетовая дымка. Наступала самая короткая ночь в году, ночь на 22 июня.

Но для тральщика это была просто третья ночь беспокойного дозора.

Тральщик крейсировал в Финском заливе, обязанный все видеть и все замечать. Здесь проходила невидимая на воде линия границы, и все, что было к югу от нее, было запретно для чужих кораблей, самолетов, шлюпок и пловцов. Вода к северу от нее была «ничьей водой». Эта «ничья вода» была древней дорогой торговли и культуры, но она же была не менее древней дорогой войны. Поэтому и там надо было следить, не собирается ли кто-либо свернуть к советским берегам: морская дорога вела из Европы, в Европе полыхала война, а всякий большой пожар разбрасывает опасные искры.

Дозор выпал беспокойный. Две ночи подряд тральщик наблюдал необычайное оживление в западной части Финского залива. Один за другим шли там на юг большие транспорты. Высоко поднятые над водой борта показывали, что они идут пустыми, оставив где-то свой груз, но торопливость, с которой они уходили, была подозрительной. Тральщик нагонял их, подходил вплотную, и на каждом из них был виден на корме наспех замазанный порт приписки — Штеттин, Гамбург, а сверху немецких — грубо намалеванные финские названия кораблей. С мостиков смотрели беспокойные лица немецких капитанов, а над ними на гафеле торопливо поднимался финский флаг. Странный маскарад...

Все это заставляло насторожиться. Поэтому к ночи тральщик снова повернул на запад, поближе к «большой дороге», и старший

лейтенант, рассматривая с мостика горизонт, интересовался вовсе не красками белой ночи, а силуэтами встречных кораблей.

Очевидно, он что-то увидел, потому что, не отрывая глаз от бинокля, нащупал ручки машинного телеграфа и передвинул их на «самый полный». Тральщик в ответ задрожал всем своим небольшим, но ладно сбитым телом, и под форштевнем, шипя, встал высокий пенистый бурун.

— Право на борт,— сказал Новиков, не повышая голоса. На мостике все было рядом — компас, рулевой, штурманский столик с картами. И только два сигнальщика, сидевшие на разножках у рогатых стереотруб, были далеко друг от друга: они были на самых краях мостика, раскинувшегося над палубой от борта до борта,— два широко расставленных глаза корабля, охватывающих весь горизонт. Старший лейтенант наклонился над компасом, взял по нему направление на далекий транспорт и проложил этот пеленг на карте. Он наметил точку встречи и назвал рулевому новый курс.

На мостик поднялся старший политрук Костин — резкое увеличение хода вызвало его наверх, оторвав от позднего вечернего чая (который вернее было бы назвать ночным). Он тоже поднял бинокль к глазам и всмотрелся.

— Непонятный курс,— сказал он потом.— Идет прямо на берег...— Куда это он целится? В бухту?

Он обернулся к командиру, но, увидев, что тот, шевеля губами, шагнул от компаса к штурманскому столику, замолчал. Не следует задавать вопросы человеку, который несет в голове пеленги: бормоча цифры, тот посмотрит на вас отсутствующим взглядом, еще пытаясь удержать в голове четвертушки градусов, потом отчаянно махнет рукой и скажет: «Ну вот... забыл...»— и вам будет неприятность. Поэтому старший политрук дождался, пока цифры не превратились в тонкие линии на карте, и тогда наклонился над маленьким кружком — местом тральщика в море. Командир провел на западе еще одну линию — курс замеченного транспорта. Она уперлась в восточный проход мимо банки с длинным названием — Эбатрудус-матала.

— Вот куда он идет. Понятно?— сказал он и выразительно взглянул на политрука.

Проход был в «ничьей воде». Он лежал далеко в стороне от большой дороги в Балтику, и транспорту, если он не терпит бедствие, решительно нечего было тут делать. Но проход этот, узкий и длинный, был кратчайшим путем из прибрежной советской бухты в Финский залив. Второй выход из нее вел далеко на запад, в Балтику. Старший политрук кивнул головой и посмотрел на счетчик оборотов (стрелки их дрожали у предельной цифры), потом опять поднял бинокль.

— Пустой,— сказал он, вглядываясь,— наверное, опять из этих, перекрашенный... Продали они их финнам, что ли? И какого черта ему идти этим проходом, это же ему много дальше?— Он посмотрел

на карту.—«Матала»— банка, а «Эбатрудус»? Знакомое что-то слово, и какая-то пакость... Забыл...

Старший политрук учился говорить по-эстонски и тренировался на всем: на вывесках, на встречных лайбах, на газетах и названиях маяков и банок. Он еще прошептал это слово, как бы подкидывая его на языке и беря на вкус, и неожиданно закончил:

— Надо догнать, командир. Ряженый. От него всего жди.

— Догоним,— ответил старший лейтенант. Он вновь взял пеленг на далекий силуэт и подправил курс.

Тральщик полным ходом шел к точке встречи. Легкий ветер, рожденный скоростью, шевелил на мостике ленточки на бескозырках сигнальщиков. Один из них не отрываясь смотрел на транспорт, второй, с левого борта, медленно обводил своей рогатой трубой горизонт. На мостике молчали, выжидая сближения с транспортом. Потом старший политрук огорченно вздохнул.

— Нет, не вспомнить,— сказал он и достал потрепанный карманный словарик. Он полистал его (на мостике было совершенно светло) и радостно докончил: — Говорил я, что пакость! «Вероломство», вот что! Банка Вероломная, или Предательская, как хочешь.

— Никак не хочу,— сердито ответил командир, и оба опять замолчали, вглядываясь в транспорт. В бинокль он уже был виден в подробностях — большой и высокий. Гребной винт, взбивая пену, крутился близко от поверхности воды, как это бывает у незагруженного корабля. Транспорт упорно шел к проходу. Через час он мог быть там.

— Слева на траверзе три подводные лодки! Восемьдесят кабельтовых, — вдруг громко сказал сигнальщик на левом крыле.

Командир и политрук одновременно повернулись и вскинули бинокли. Много правее розового зарева низко на воде виднелись три узкие высокие рубки. Лодки, очевидно, были в позиционном положении. Но сигнальщик торопливо поправился:

— Финские катера, товарищ старший лейтенант. — И добавил, оправдываясь: — Рубки очень похожие, а палуба низкая... Три шюцкоровских катера, курс зюйд.

Старший лейтенант пригнулся к компасу и быстро перешел к карте. Он прикинул на ней место катеров и задумался, постукивая карандашом по ладони. Старший политрук молчал: не надо мешать командиру принимать решение. Но, стоя рядом с командиром, Костин тоже оценивал обстановку и думал, как бы он сам поступил на его месте.

Обстановка была сложной: слева — военные катера чужой страны шли на юг к невидимой линии границы, справа — торговый транспорт, перекрашенный и под чужим флагом, шел к важному проходу в «ничьей воде». Тральщик мог повернуть или вправо, или влево,

проследить одновременно действия подозрительных гостей он не мог. Давать радио о помощи было бесполезно, даже самолет запоздал бы к месту происшествия. Оставалось решать, куда важнее идти: к катерам или к транспорту?

Но катера были военные, и катера явно шли в наши территориальные воды. Следовательно, нужно было гнаться именно за ними, а не за торговым кораблем в нейтральных водах. Додумав, Костин выжидательно посмотрел на командира.

Очевидно, и тот пришел к такому же решению, потому что скомандовал:

— Лево на борт, обратный курс... Держать на катера! Видите их?

— Вижу, товарищ старший лейтенант,— ответил рулевой, пригибаясь к штурвалу, как будто это помогало ему рассмотреть катера. Они были очень далеко, за дистанцией залпа, и для простого глаза казались низкими черточками на воде.

Тральщик, кренясь, круто покатился влево, а командир, смотря в бинокль, стал с той же скоростью поворачиваться вправо, не выпуская из глаз транспорт. Даже когда тральщик закончил поворот и пошел на катера, командир продолжал стоять к ним спиной.

— Не нравится мне этот транспортюга,— сказал он негромко, и в голосе его Костин уловил тревожные нотки.— Уж больно кстати катера подгадали, что-то вроде совместных действий... Как они там поворачивают?

— Идут к границе, далеко еще,— ответил Костин.— Думаешь, старый трюк откалывают?

— Обязательно,— сказал старший лейтенант.— Вот увидишь, сейчас повернут — и начнется петрушка... Плюнуть бы на них и жать полным ходом к транспорту... Да, черт его, как угадаешь?..

Трюк, о котором говорил Костин, был действительно уже устаревшим. Недели три назад сторожевой корабль так же ходил в дозоре и так же заметил два шюцкоровских катера, идущих к нашим берегам. Сторожевик пошел на сближение, и катера тотчас повернули вдоль линии границы. Но едва сторожевик, убедившись в этом, попробовал вернуться к своему району, катера опять пошли на юг, к нашим водам, вынуждая его гнаться за ними. Так, не переходя запретной линии, а только угрожая этим, катера оттянули сторожевик далеко на восток, а на западе меж тем проскочила к берегу шлюпка... Правда, привезенного ею гостя немедленно же словили пограничники, но задачу свою катера выполнили.

Обстановка и в этом случае была похожей: транспорт зачем-то пробирается в проход у Эбатрудус-матала, и катера явно отвлекали внимание дозорного тральщика. Некоторое время они шли еще прежним курсом к границе; потом убедившись, что они обнаружены и что тральщик повернул на них, катера легли курсом ост и пошли вдоль границы.

— Так, все нормально,— сказал старший лейтенант, когда сигнальщик доложил об этом повороте.— Что же, проверим... Лево на борт, обратный курс!

Тральщик снова повернулся к транспорту. Тот уже был близко от прохода, и, чтобы тральщику застать его там, нужно было решиться теперь же прекратить преследование катеров и идти прямо к банке Эбатрудус. Старший лейтенант прикинул циркулем расстояние до прохода и поднял голову.

— Эбатрудус, Эбатрудус...— сказал он в раздумье, покачивая в пальцах циркуль.— Так говоришь — Вероломная?

— Или Предательская, как хочешь,— повторил Костин.

— Это что в лоб, что по лбу... Название подходящее... Только что ему там делать? Шпионов на таких бандурах возить — дело мертвое... Хотя, впрочем, из-за борта на резиновой шлюпке спустить — и здравствуйте...

— А черт его знает,— медленно сказал Костин.— Ему и затопиться недолго. Потом скажет — извините, что так вышло, ах-ах, авария, нам самим неприятно, сплошные убытки, а дело сделано...

Война полыхала в Европе, а Европа была совсем близко. Перекрашенный корабль под чужим флагом мог и точно выкинуть любую пакость. А проход был узок, и транспорт, затонувший в нем как бы случайно, мог надолго закупорить для советских военных кораблей удобный стратегический выход. Догадка Костина была близка к правде, и за транспортом надо было глядеть в оба...

— Товарищ старший лейтенант, катера повернули на зюйд,— снова доложил сигнальщик.

Все разыгрывалось как по нотам: теперь тральщик вынуждался вновь идти к катерам, те снова отвернут на восток вдоль границы — и все начнется сначала. А тем временем перекрашенный транспорт выполнит ту диверсию, для которой, как вполне был убежден старший лейтенант, он и шел в проход.

Уверенность в том, что транспорт имеет особую тайную цель, была так сильна, что старший лейтенант твердо решил идти к угрожаемому проходу, не обращая более внимания на демонстративное поведение катеров. Он сказал об этом Костину, добавив, что катера вряд ли рискнут на глазах у советского дозорного корабля войти в наши воды. Надо тотчас дать радио в штаб с извещением о появлении катеров, а самим следить за транспортом.

Радио дали, и тральщик продолжал идти к проходу у банки Эбатрудус. Маневрирование, к которому вынудили его катера, несколько изменило положение: теперь точка встречи с транспортом могла быть у самого прохода, а не перед ним. Но все же старший лейтенант надеялся, что, видя возле себя советский военный корабль, транспорт не осмелится ни затопиться, ни спустить шлюпку с диверсантами, ни принять на борт возвращающегося шпиона.

Однако и решив бросить катера, он то и дело оглядывался, следя за ними. Они упорно продолжали идти на юг. Направление на них показывало, что они все еще не дошли до запретной линии границы. Наконец, проложив очередной пеленг, старший лейтенант сказал:

— Дальше им некуда. Через три минуты повернут.

Но прошло и три минуты, и пять, а катера все еще продолжали идти курсом зюйд. Старший лейтенант тревожно наклонился над компасом: они были уже на милю южнее границы, и не заметить этого на катерах, конечно, не могли. Но они продолжали идти в кильватер головному, не уменьшая хода, и курс их нагло и открыто — на глазах у дозорного корабля — вел к советской воде, к советским берегам.

По всем инструкциям дозорной службы тральщик был теперь обязан преследовать катера. Но ясно было, что катера и транспорт действуют совместно, решая одну задачу. Откровенный и наглый переход границы должен был заставить тральщик все-таки кинуться за ними, бросив транспорт в проходе у банки Эбатрудус. Что он мог там сделать, было еще непонятно, но оба, и командир, и политрук, были убеждены, что все дело сводилось к нему. Надо было быть возле него, чтобы помешать ему сделать то неизвестное, но опасное, что угадывалось, прощупывалось, чувствовалось в его настойчивом и странном стремлении к проходу.

Транспорт был уже хорошо виден. И тогда на гафеле его поднялся большой флаг.

— Товарищ старший лейтенант, транспорт поднял германский торговый флаг,— тотчас доложил сигнальщик с правого борта, и командир вскинул бинокль.

Это был флаг дружественного государства, связанного с Советским Союзом пактом о ненападении, договорами и соглашениями. Торговый корабль этого дружественного государства шел в нейтральной воде, там, где он имел право ходить как ему угодно. Он шел пустой, без груза, осматривать на нем было нечего, и задержать его для осмотра или предложить ему переменить в «ничьей воде» курс означало бы вызвать дипломатический конфликт. Отчетливо видный в ровном рассеянном свете белой ночи, льющемся со всех сторон высокого неба, флаг дружественной державы, поднятый на транспорте, резко менял обстановку. Оставалось одно: повернуть к военным кораблям, нарушившим границу.

Но старший лейтенант медлил.

Он продолжал смотреть на флаг, не опуская бинокля, и глаз его Костину не было видно — руки открывали только нижнюю часть лица. Губы командира дважды выразительно сжались, потом раскрылись, как будто он хотел что-то сказать, но вновь сомкнулись, и на щеке выскочил желвак: он плотно стиснул челюсти. Долгую минуту, которая Костину показалась часом, командир молчал. Потом он

опустил бинокль и повернул лицо к своему заместителю — и тот поразился перемене, которая произошла в нем за эту минуту.

— Война,— сказал старший лейтенант негромко, не то вопросительно, не то утверждающе.

Над Европой полыхал пожар войны, ветер истории качнул языки пламени к Финскому заливу, сухой и грозный его жар вмиг иссушил это живое, почти мальчишеское лицо. Он стянул молодую кожу глубокой складкой у бровей, отнял у глаз их влажный юношеский блеск, сухими сделал полные губы. В такие минуты военные люди, как бы молоды они ни были, сразу становятся взрослыми.

Это веселое простое лицо молодого советского человека, привычное лицо командира и друга, было новым и незнакомым. Новыми были эта складка на лбу, крепко сжатые челюсти, странная бледность розовых щек,— или так играла на них белая ночь?— незнакомым был серьезный, какой-то слишком взрослый взгляд веселого и жизнерадостного командира, которого больше хотелось называть Колей, чем товарищем Новиковым или, как полагается по службе, «товарищ старший лейтенант». И сразу тихая белая ночь, нежные краски воды и неба, последняя ночь привычного, надоевшего дозора, далекая база с друзьями, с семьей, театром и обычной воскресной поездкой за город — все исчезло, стерлось, заволоклось горячим и тревожным дыханием войны.

Транспорт надо было остановить или заставить отвернуть от прохода. Но он имел право не подчиниться сигналу. Тогда следовало дать по нему предупредительный выстрел. Этот выстрел мог быть первым из миллионов других.

— Отсалютовать флагом!— скомандовал старший лейтенант.— Лево на борт!

Он наклонился над картой и быстрым движением проложил курс на северо-восток — к катерам.

— Не уйдут,— сказал он Костину.— Мы их отрежем.

Транспорт, продолжая держать на гафеле флаг, уходил к банке Эбатрудус. Старший лейтенант проводил его долгим выразительным взглядом и потом надавил кнопку. Резкий звонок боевой тревоги прозвучал в тишине белой ночи. Тральщик увеличил ход, орудия его зашевелились.

Спокойно плыла над морем белая тихая ночь. Это была самая короткая ночь в году — ночь летнего солнцестояния. В эту ночь черные тяжелые бомбовозы уже несли по легкому, высокому и светлому небу большие бомбы, чтобы скинуть их на города Советской страны, мирно отдыхающие под воскресенье. В эту ночь фашистские танки уже шли к границе в военный поход на Советский Союз. В эту ночь фашизм рвал договоры и пакты, совершая никого уже не изумляющее новое предательство. В эту ночь — самую короткую ночь в году — история человечества вступала в новый период, который по-

том будут называть периодом восстановления прав человека на земном шаре, загаженном страшной, мрачной силой фашизма.

Катера заметили поворот советского тральщика. Они тотчас повернули на север и полным ходом стали уходить из территориальных вод, стараясь как можно скорее уйти на «ничью воду», где советский корабль уже не сможет их обстреливать.

На мостике тральщика была боевая тишина. Ровно гудели вентиляторы, низко рычало в дымовой трубе горячее бесцветное дыхание топок. И только один голос звучал в этой тишине — дальномерщик каждые полминуты называл расстояние до катеров. Оно медленно, но неуклонно уменьшалось, но было еще слишком далеко для верного залпа. Носовое орудие, задрав до самого мостика ствол, пошевеливало им в стороны, как бы нюхая в воздухе след уходящих катеров.

Это была погоня — напряжение всех механизмов, молчаливое выжидание залпа, умный, точный выигрыш на каждом градусе курса. Катера не могли полностью использовать свое превосходство в скорости: не рассчитав маневра, они слишком далеко спустились за линию границы. Теперь справа им мешали островки, и оставалось только уходить от островков под углом к курсу тральщика. А это означало, что раньше, чем они выйдут на «ничью воду», они сблизятся с тральщиком на дистанцию его артиллерийского залпа.

Видимо, на катерах поняли всю опасность этого сближения, потому что под кормой головного вырос белый бурун и остальные стали заметно отставать. Потом и у них за кормой показалась пышная пена — катера дали предельный ход. Его не могло надолго хватить, и весь вопрос был теперь в том, успеют ли они выскочить за невидимую роковую линию или до этого сблизятся с тральщиком.

Старший лейтенант, казалось, совсем забыл о транспорте. Теперь им владело одно стремление — догнать и атаковать катера, пока они находятся еще в наших водах. Он дважды до отказа передвинул рукоятки машинного телеграфа, и, очевидно, этот сигнал, требующий от людей и механизмов невозможного, был понят: тральщик дал ход, которого он до сих пор не знал. Дистанция снова начала уменьшаться.

Но все же она уменьшалась слишком медленно. Катера все ближе подходили к заветной грани. Через пять-шесть минут они будут на нейтральной воде, и пограничный конфликт опять перерастет в дипломатический, угрожающий войной. Не пойман — не вор: уничтоженные в советских водах катера считались бы бандитами, уничтоженные в «ничьей воде», они были бы военными кораблями, на которые напал первым советский военный корабль.

Старший лейтенант быстро перешел к карте, хотя она вся была у него в голове. Он наклонился над столом, но сбоку ему протянул листок шифровальщик.

— Товарищ старший лейтенант, экстренное радио по флоту.

— Старшему политруку дайте,— сказал он нетерпеливо.

Сейчас ему было не до телеграммы, даже если в ней сообщалось о вылете самолетов: катера уже были у «ничьей воды»... Нужно было немедленно выдумать что-то, что помогло бы их поймать. Он всматривался в карту, требуя от нее ответа, хотя отлично знал, что другого маневрирования не придумаешь. Если бы граница была хоть на две-три мили севернее!.. Тогда катера были бы вынуждены сами еще отклонить курс в сторону тральщика — острова прижали бы их на запад — и вошли бы в сферу его действительного огня. Но граница была там, где она была, и ничего нельзя было сделать...

— Уйдут,— сказал старший лейтенант сквозь зубы и с отчаянием повернулся к Костину.

Он хотел сказать ему, что попался на удочку, медля возле транспорта, что катера успели сделать свое дело у берегов и теперь безнаказанно уходят, но старший политрук молча протянул ему бланк радиограммы. Командир прочел, поднял на него глаза, снова прочел бланк, потом бережно сложил его вчетверо и спрятал в боковой карман кителя.

— Товарищ старший политрук,— сказал он официально,— объявите на мостике и по боевым постам. Первая задача — катера.

Солнце уже встало над морем, и вся таинственная невнятность белой ночи давно исчезла. Трезвая и ясная бежала за бортами вода, ясно и прозрачно было голубое небо. Блестела на мостике краска, и ярко трепетали на быстром ходу цветные флажки-флюгарки. Начинался день, первый день войны, и в мыслях, во всем существе была та же ясность, трезвость и прозрачность.

Все стало на свое место: враг есть враг, и никакие дипломатические сложности, никакие условные линии границ, которых не видно на море, не стесняли более действий тральщика. Радиограмма была короткой. В ней сообщалось о нападении гитлеровской Германии на наши города и приказывалось атаковать противника при встрече.

Огромное спокойствие овладело Новиковым. Как будто лопнул где-то внутри давний старый нарыв, мучивший и беспокоивший, стеснявший движение и мысль. Ему показалось, что эта белая невнятная ночь, транспорт, катера, неизвестность, что делать и за кем гнаться, были давным-давно, несколько лет назад. Он даже удивился, как это мог он так мучиться и колебаться. Теперь он неторопливо подошел к компасу, удобно пристроился к нему и стал ожидать терпеливо и спокойно, когда катера сделают вынужденный поворот и сами приблизятся к его курсу. Впереди было много воды, ясность и победа.

Так его и застал старший политрук, когда вернулся на мостик. Он сообщил, что краснофлотцы приняли сообщение именно так, как он и ожидал: спокойно, почти не удивляясь, не разменивая ненависть

к врагу на крик и угрозы. Краснофлотцы просили передать командиру, что к бою с врагом Родины, революции и человечества они готовы.

— Про катера сказал?— спросил старший лейтенант.

— Про катера я не говорил,— негромко сказал Костин и наклонился к нему:— Ты малость погорячился, Николай Иванович. Ничего с ними не изменилось: Финляндия пока с нами не воюет. Она, может, только наших снарядов и ждет, чтобы поднять крик на весь мир.

Он сказал это мягко и осторожно. Так говорят другу о неожиданно постигшей его беде, так опытный врач сообщает больному о перемене к худшему. Он слишком хорошо знал своего командира (и просто Колю Новикова), чтобы не понимать, каким ударом будет для него это сообщение.

Старший лейтенант продолжал стоять у компаса в той же спокойной позе. Только карандаш в его руках, с которым он отошел сюда от карты,— карандаш, которым был проложен беспощадный курс, отрезающий катерам выход,— внезапно хрустнул. Ровный голос дальномерщика продолжал отсчитывать дистанцию. Она была близка к дистанции огня, еще пять минут — и можно было открывать огонь. Тральщик, дрожа, мчался вперед, носовое орудие по-прежнему нюхало след врага, но весь план боя рухнул.

Старший лейтенант поднял руку и выбросил обломки карандаша за борт. Потом он повернул пеленгатор на катера и прильнул к нему глазом. Сбоку Костин увидел этот пристальный, немигающий взгляд — и снова поразился: второй раз за эти немногие часы веселый молодой командир повзрослел еще на несколько лет.

— Ясно. Ушли. Право на борт, трал к постановке изготовить,— скомандовал старший лейтенант и поднял голову от пеленгатора. Он посмотрел на Костина, и где-то в глубине глаз тот на миг увидел прежний взгляд Коли Новикова, горячего, неукротимого парня, выдумщика и упрямца, человека смелых, но слишком быстрых поступков.

— Эх, и прижал бы я их к островкам, и раскатал бы как миленьких!— протянул он, покачивая сжатым кулаком.— Ведь что обидно, Кузьмич: на них те же немцы сидят, это как факт, все же теперь ясно... Да, я понимаю,— остановил он Костина,— я все понимаю... Предлагаю перейти к очередным делам. Пойдем посмотрим, что там эта гадюка наделала...

Он дал телеграфом уменьшение хода и повел Костина к карте.

Через полтора часа тральщик с заведенными фортралами подходил к проходу у банки Эбатрудус. Здесь не было никого — транспорт «дружественной державы» давно ушел в Балтику западным дальним проходом, и нагнать его не было возможности.

Был совершенный штиль, зеленая вода лежала ровно и гладко, и рябь не затуманивала ее прозрачной глубины. В ней отчетливо бы-

ли видны красные буйки фортрала — они плыли над водой, как плотные, упитанные дельфины, изредка резвясь и вскидываясь к поверхности, но тотчас увлекаемые на нужную глубину оттяжками и рулями. Прочные тросы, проведенные к ним с форштевня, защищали тральщик от встречи с миной. Раздвигая перед собой воду, водоросли и минрепы, тральщик осторожно вошел в проход.

И в самом узком месте прохода из правого трала всплыла подсеченная им мина.

Освобожденная от удерживавшего ее на глубине минрепа, перебитого тралом, она с легким всплеском выскочила из воды и осталась на поверхности — первая мина новой большой войны. Финский залив, вдоволь наглотавшийся мин за годы первой мировой и гражданской войн, вновь почувствовал их надоедливый металлический вкус. И может быть, поэтому он так охотно и быстро выплюнул эту первую мину, едва трос, удерживавший ее в зеленой глубине, встретился с советским очистительным тралом. Она медленно кружилась на неподвижной воде, показывая свои длинные рожки — обнаженные нервы, не терпящие прикосновения,— огромная, черная, круглая смерть.

Ее уничтожили, как гадюку, меткой пулеметной очередью. Зашипев, как гадюка, она медленно погрузилась и пошла на дно, выпустив темный дым из мерзкого своего существа. Пули, не вызывая взрыва, продырявили ее корпус — командир решил утопить ее без шума, чтобы не привлекать внимания.

Но вторая подняла этот нежелательный шум: правый трал неудачно задел ее рожок, и столб воды, дыма и металла встал рядом с тральщиком. Страшное сотрясение всего корпуса выбило из зажимов рубильники, в кочегарке и в машине потух свет. Рулевой повернул голову к старшему лейтенанту и, стараясь не повышать голоса, доложил, что рулевое управление вышло из строя, и потом отряхнулся от воды, упавшей с неба на мостик прохладным, свежим душем. Через минуту на мостике зазвонил телефон, из машины сообщили, что все нормально и что рубильник теперь зажат намертво, все должно работать — и руль, и приборы, и свет.

Тогда новый столб воды встал с левого борта, новый звуковой удар потряс людей — и второй красный упитанный дельфин всплыл рядом с бортом. Тральщик остался без фортралов.

Старший лейтенант застопорил машину.

Было неизвестно, на какую глубину поставил мины транспорт, так оправдавший название банки Эбатрудус. Предательское заграждение, поставленное торговым кораблем без объявления войны, несомненно, было рассчитано и на мелкосидящий тральщик, гнавшийся за транспортом. Поэтому продвижение вперед без фортрала было опасным. Заводить новые буйки здесь, на заграждении, было бессмысленно: трал начинал работать при определенной скорости хода,

а развивать эту скорость на минах было нельзя. Уйти задним ходом тоже нельзя было: струя винтов сама подтащила бы к корпусу тральщика покачивающиеся под водой мины.

Старший лейтенант в раздумье смотрел в воду. Спокойная и неподвижная, она была прозрачна. Он поднял голову и взглянул на Костина:

— Я думаю, проползем, если с умом взяться? Не ночевать же тут.

— Попробуем,— ответил Костин, поглядывая в воду.— Все равно до самой смерти ничего особенного не будет.

Командир наклонился с мостика и объявил краснофлотцам, что надо делать.

Приготовились к худшему — достали спасательные средства, вывалили за борт шлюпки. На баке, по бортам, на корме встали наблюдатели. Дали воде совершенно успокоиться и восстановить свою прозрачность. И тогда старший лейтенант дал малый ход — несколько оборотов винтов — и тотчас застопорил машины.

Медленно, как бы ощупью тральщик двинулся вперед. Напряженная, строгая тишина стояла на мостике, на палубе, в машине, в кочегарке. И в этой тишине раздался возглас наблюдателя с бака:

— Мина слева в пяти метрах. Тянет под корабль!

Новиков и Костин перегнулись с левого крыла мостика.

Мина и точно была видна. Она стояла на небольшой глубине, дожидаясь прохода тральщика. И как ни медленно и ни осторожно он шел, увлекаемая им масса воды заставила мину дрогнуть на минрепе, качнуться и двинуться к борту тральщика.

Неторопливо поворачиваясь и как бы целясь своими рогами в борт, она подходила ближе.

Но этим рогам был нужен удар определенной силы — иначе мины рвались бы сами от удара волны, от наскочившей на них сдуру крупной рыбы. И на этом был построен весь расчет старшего лейтенанта: пройти медленно, по инерции, может быть, и касаясь мин и их рогов, но касаясь осторожно, без удара.

И тральщик медленно шел вперед, и еще медленнее текло время. Страшной эстафетой — страшной в своей деловитости и спокойствии — шла вдоль борта к корме перекличка наблюдателей:

— Мина слева в трех метрах. Уходит под корабль.

— Мина у борта, плохо видно.

— Ушла под корабль у машинного отделения.

Томительно и грозно наступила большая пауза. Мина шла под дном корабля. Она шла медленно, вероятно поворачиваясь и царапая днище. Возможно, что колпаки не сомнутся. Но возможно и другое. Сделать больше ничего нельзя, надо ждать.

И на тральщике ждали. Краснофлотцы смотрели вниз: те, кто

стоял на палубе,— в воду, те, кто был внутри корабля,— на железный настил. И только двое, подняв головы, смотрели на небо: это были два сигнальщика, искавшие в голубой яркой высоте черную точку. Старший лейтенант был убежден, что вот-вот должен появиться фашистский самолет — транспорт наверняка сообщил по радио о преследовании его тральщиком.

О мине под днищем никаких сведений больше не поступало. Зато с бака опять раздался спокойный голос боцмана:

— Товарищ старший лейтенант, вторая. Справа в шести метрах.

— Докладывайте, как проходит,— сказал старший лейтенант, всматриваясь. С мостика она еще не была видна.

— На месте стоит, товарищ старший лейтенант. То есть мы стоим, хода нет.

— Так,— сказал старший лейтенант и повернулся к Костину.— Интересно, где первая? Может быть, уже под винтами... Рискнуть, что ли?

— На Волге шестами отпихиваются, а тут глубоко,— ответил тот.— Хочешь не хочешь, а крутануть винтами придется. Давай, благословясь.

Старший лейтенант передвинул ручки телеграфа, поймав себя на том, что старается сделать это осторожно, как будто от этого зависела сила удара винтов. В машине старшина-машинист переглянулся с инженером, и оба опять невольно посмотрели себе под ноги. Потом старшина приоткрыл стопорный клапан, и винты дали несколько оборотов. Стрелка телеграфа опять прыгнула на «стоп», и пар перекрыли.

Тральщик получил чуть заметный ход. Тогда сразу раздалось два одновременных возгласа:

— Вышла из-под днища на правом борту, всплывает!

— Справа мина проходит хорошо!

А с бака вперебивку раздался тонкий тенорок боцмана:

— Товарищ старший лейтенант, третья слева, в трех метрах, тянет под корабль!

— Спички у тебя есть, Николай Иванович?— вдруг спросил Костин.

Старший лейтенант покосился на него неодобрительно: никогда не курил, а тут... Он достал спички и нехотя протянул ему. Старший политрук аккуратно вынул две спички и положил их на стекло компаса.

— Две прошло,— пояснил он.— Запутаешься с ними, так вернее будет.

Командир засмеялся, и Костин увидел, что перед ним прежний Новиков — жизнерадостный, веселый, молодой. Глаза его блестели прежним озорным блеском, и тяжелая непривычная складка на лбу разошлась.

— А ведь вылезем, Кузьмич. Смотри, как ладно идет!

— Ты сплюнь,— посоветовал ему Костин.— Не кажи «гоп», пока не перескочишь... Неужто всю коробку на компас выложу? О четвертой докладывают.

Но коробки хватило. Через двадцать три минуты тральщик очутился на чистой воде, и Костин бережно собрал со стекла двенадцать спичек.

Тральщик весело развернулся на чистой воде, завел тралы и снова пошел на заграждение, освобождая от мин важный для флота проход у банки Эбатрудус. Солнце подымалось к зениту, наступал полдень первого дня войны, первого за последние полгода дня, который был короче предыдущего. Солнце повернуло на осень. Впереди были холодные дни, дожди, сырость, мрак — зима, ожидающая фашистские полчища. Впереди был бесславный конец начатой ими в этот день гибельной войны.

1941

Виктор
ФЕДОТОВ

ОГНЕННЫЕ МИЛИ

На четвертый день войны заместитель командира корабля по политчасти батальонный комиссар Иосиф Семенович Прагер вызвал к себе в каюту политрука Дукачева. «Зря вызывать не станет,— несколько озадаченно думал политрук, спускаясь по трапу. — Что же могло произойти?» В таких случаях почему-то невольно думается о допущенных промашках или недочетах, однако, как он ни пытался угадать, ничего подобного припомнить не мог и продолжал гадать: «Что же все-таки случилось?..»

— Проходите, садитесь, Андрей Степанович,— Прагер кивнул на стул и, оторвавшись от бумаг, устало провел ладонью по коротко остриженным волосам.— Все списки, списки — людей, боепитания, просто питания, чего только нет в этих бумагах! Но главное — люди.— Он вдруг улыбнулся приветливо, доступно:— Чаю хотите?

— Спасибо, товарищ комиссар.— Дукачеву было не до чаепития, но от души все же отлегло: значит, на добрый разговор приглашен.

Да и обстановка успокаивала: стоял теплый июньский день, в небе — ни облачка, тишина, только мирно похлюпывали у борта легкие волны.

Они сидели за чаем, невольно улавливая плеск всхлипывающей у борта присмиревшей волны, доносившийся через распахнутый иллюминатор, ровно бы прислушиваясь к непривычному покою и к самим себе — к своему внутреннему состоянию, течению мыслей. Июньский ветерок, теплый да солоноватый, просачиваясь в каюту через открытый иллюминатор, слегка отдувал пеструю ситцевую шторку. За ней голубела под солнцем Северная бухта, где словно бы подремывали стоящие на бочках могучие корабли — линкор [1] «Парижская Коммуна», крейсеры «Красный Кавказ» и «Червона Украина», дальше виднелись эсминцы, подводные лодки, сторожевые корабли, уже ошвартовавшиеся у пирсов и еще входящие на внутренний рейд. Посмотреть со стороны — идиллическая картина, будто и нет войны, будто по-прежнему течет обычная жизнь военной гавани.

---

[1] Линкор — линейный корабль, крупнейшая боевая единица ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны.— *Ред.*

Но Прагер и Дукачев знали, насколько обманчива эта умиротворенная тишина. За стальными бортами кораблей они мысленно видели круглосуточно дежурящих на боевых постах комендоров и пулеметчиков, в любой миг готовых встретить огнем фашистские бомбардировщики. Уже четвертый день шла война, и четвертые сутки, днем и ночью, немцы бомбили Севастополь, забрасывали минами вход в бухту, норовя закупорить в ней наши корабли, отрезать им выход в открытое море. Однако гитлеровским летчикам далеко не всегда удавалось пробиться к намеченной цели, уже на подходе к Севастополю их встречал плотный заградительный огонь корабельной и береговой зенитной артиллерии.

— Возвращаются наши с боевого задания,— кивнул Прагер на швартующиеся корабли.

— А мы все на приколе,— вздохнул Дукачев.— Почему? Краснофлотцы в бой рвутся, а мы все на бочке загораем. Спрашивают, до каких пор? А что им ответишь?..

— Таков приказ командующего флотом,— перебирая бумаги, сказал Прагер.— Вам двадцать девять лет, Андрей Степанович.— Он улыбнулся:— Значит, наш крейсер «Молотов» моложе вас ровно на столько, ведь он всего за неделю до начала войны вошел в строй...

— Опыт — дело наживное, товарищ комиссар.

— Верно, к тому же молодые теперь, может, самые грамотные. Вы знаете, на каком расстоянии наша радиолокационная установка «Редут-К» обнаруживает самолеты противника?

— Примерно сто — сто десять километров.

— Точно. И, кроме «Молотова», ни один другой корабль пока не имеет такого мощного средства обнаружения, недаром именно мы ведем боевую разведку воздушной обстановки на подступах к Севастополю. И ведем ее весьма успешно, как вы знаете. Потому-то и не было на город ни одного внезапного налета, даже в ночь на двадцать второе. Так-то, голубчик. Вместе с другими кораблями мы отражаем атаки вражеских самолетов. Мы воюем! Разве этого мало, скажите?

— Но мы — боевой корабль, товарищ батальонный комиссар, личный состав это знает. Потому и рвутся краснофлотцы в бой.

— А вы? Лично вы, товарищ политрук, как считаете?

— Разумеется, и я... тоже рвусь.

— Представьте, я тоже. Но есть приказ!

На кораблях, словно на перекличке, стали отбивать по три двойных склянки — девятнадцать часов. Мелодичный звон поплыл над тихой бухтой, сливаясь с шелестом волн и медленно замирая. Прагер мельком взглянул на часы, сверяя время.

— А пригласил я вас, Андрей Степанович, вот по какому делу. Посоветовались мы тут с командиром крейсера капитаном 1-го ранга Зиновьевым, со старпомом, другими коммунистами и решили рекомендовать вас секретарем парторганизации корабля.

Дукачев спросил, глядя прямо ему в глаза:

— Почему именно меня?

— Я отвечу на ваш вопрос, он вполне уместен, — сказал Прагер.— Во-первых, вы, как говорится, пролетарского происхождения. Ваш отец, Степан Дмитриевич, хоть и из крестьян, а всю жизнь был рабочим, первую мировую войну провел в окопах, в гражданскую был комиссаром отряда, дрался с беляками в Донбассе и погиб за народное дело. Верно я говорю?.. И вас мы хорошо знаем, Андрей Степанович. Наскитались вдоволь горьким сиротой, потом красноармейцем воевали с басмачами в Туркестане, строили Магнитку. Рабочей и партийной закалки вам не занимать, на военно-политических курсах учились, уже три года в рядах партии, теперь вот политруком на новом, точнее, новейшем крейсере Черноморского флота...

Сирены на кораблях и в городе завыли одновременно. Густо забасили торговые суда, пронзительно засвистели паровозы на железнодорожных путях. По всем отсекам крейсера зазвенели колокола громкого боя — сигнал боевой тревоги. На Севастополь накатывала очередная волна вражеских самолетов.

— После отбоя договорим,— уже на ходу бросил Прагер.— Впрочем, полагаю, вы согласны?

— Так точно, товарищ комиссар!— Дукачев натянул поглубже мичманку и кинулся на свой боевой пост (БП).

В эту ночь политрук так и не заснул. Мешали не только налеты немецких бомбардировщиков — они еще дважды набрасывались на затемненный город-порт. Нет, он понимал, что работа предстоит напряженная и ответственная: новый корабль, молодой, еще «несплаванный», экипаж почти в тысячу человек и в нем пока только восемьдесят семь коммунистов — всего-то каждый десятый. Идет война. Уже есть потери. Люди рвутся в бой... Думай, политрук, думай, тяжело будет, хоть и есть у тебя какой-никакой опыт. Так и не заставил себя уснуть Дукачев — он был уже полон будущими заботами. Именно в ту ночь молодой парторг и определил свою главную задачу — создать сильную, монолитную партийную организацию на крейсере. В этом он видел залог успешных боевых действий корабля в разгоравшейся Великой Отечественной. Этому и посвятил он все свои силы...

Ближе к середине августа крейсер «Молотов» встречал командующего Черноморским флотом вице-адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского.

Командующий выступил перед личным составом. Без всяких прикрас рассказал он о нелегкой обстановке на фронтах. Обожгли матросские сердца его горькие, полные неумолимой правды слова:

— Идут оборонительные бои на подступах к Одессе. Враг силен,

но наши части сражаются мужественно, стойко. И здесь, под Севастополем — гордостью нашего русского флота,— уже полным ходом идут фортификационные работы. Будьте же готовы, друзья мои черноморцы, драться с врагом не только на море, но и на суше!

Тревожно и вместе с тем решительно колыхнулась матросская масса, могучей прибойной волной прокатился гул голосов над палубой крейсера:

— Не отдадим Одессу!

— Грудью защитим Севастополь!

— Враг силен, коварен, жесток,— заключил вице-адмирал свое выступление.— Но мы сильнее духом, наше дело правое, и потому мы победим!

— Товарищ вице-адмирал, разрешите вопрос?— донеслось с полубака.— Одессе тяжело. Почему же наш крейсер не пошлют ей на помощь? Или даже всю эскадру?

Командующий нахмурился.

— Одессу в беде не оставим. А ваш крейсер необходим Севастополю, в системе противовоздушной обороны города ему отведено особо важное место. Без него здесь не обойтись. Надеюсь, понятно? Я еще раз обращаюсь к вам: корабельный состав должен быть готов сражаться и на суше...

Через несколько дней Военный совет флота призвал добровольцев из числа моряков-севастопольцев на защиту осажденной Одессы.

Дукачева вызвал к себе старпом — капитан-лейтенант Семен Васильевич Домнин:

— Загляни-ка, Андрей Степанович, надо посоветоваться.

Перед ним лежала шифрограмма, и, когда Дукачев приблизился, он кивнул на нее:

— Вот, Одесса нуждается в помощи. Запись добровольцев среди краснофлотцев будут вести командиры БЧ [1], среди командного состава — поручено мне. Нужны только добровольцы,— подчеркнул он еще раз.

— Записывайте меня первым,— сказал Дукачев.

Старпом подвинул ему лист бумаги. Сверху на нем было крупно написано: «Список командиров крейсера «Молотов», изъявивших желание добровольно идти на сухопутный фронт». Под номером первым уже стояла фамилия: «Домнин С. В.» Дукачев взял у старпома ручку и написал: «2. Дукачев А. С.»

— Надо объявить по корабельному радио,— сказал он.— Пойду посоветуюсь с Прагером.— И взглянул на старпома.— Но кто же тогда останется на крейсере?

---

[1] БЧ — боевая часть.— *Ред.*

— Полагаешь, все запросятся?

— После выступления командующего мы провели в боевых частях массовые беседы и информации. Политруки и агитаторы по заданию партбюро рассказывали о героизме русских моряков на суше при защите Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 годов, о теперешних зверствах фашистов на нашей земле. Видели бы, каким гневом, какой решимостью загорались глаза у краснофлотцев.

Но даже он, секретарь партбюро Дукачев, не мог предугадать такого: весь личный состав крейсера выразил желание отправиться на помощь Одессе. Почти все записались добровольцами! Хоть это и подтвердило веру парторга в единый патриотический порыв моряков, но одновременно и расстроило: выходило, не успели они еще привить людям любовь к родному кораблю. Тревожил вопрос: чем все это кончится? Крейсер — мощная боевая единица и таковой должен оставаться при любых обстоятельствах. Как быть?..

Ясность внес следующий день. Пришло разъяснение — с крейсера направить под Одессу всего двенадцать человек из числа старшин и краснофлотцев. Но это не упростило положения, напротив, усложнило его. Забурлила матросская масса: кого пошлют? Задумались командир, комиссар, парторг: кого послать? Наконец совместно решили: направить тех из моряков, кто призван из мест, где предстоит драться с врагом. Но и таких на крейсере немало. Значит, надо отобрать самых лучших.

Экипаж был выстроен на юте. Перед строем застыли двенадцать отобранных добровольцев с полной выкладкой.

— Мы не можем послать на помощь Одессе всех записавшихся добровольцами,— громко говорил командир.— Крейсер в боевом строю! По приказу командующего флотом мы направляем только двенадцать человек. Вот они перед вами, вы их знаете, и вам решать, каждый ли из них достоин высокой чести представлять наш экипаж на суше.

Он начал зачитывать список:

— Краснофлотец Максименко!

— Достоин!— прокатилось по рядам.

— Краснофлотец Дыба!

— Клянусь выполнить свой долг до конца!— Дыба вышел на два шага вперед из строя и застыл, чуть склонив голову. Желваки возбужденно бугрились на скулах, словно приговора себе ждал. Но его-то хорошо знали моряки.

— Достоин!— дружно взлетело над палубой.

— Краснофлотец Цыганков!

— Достоин!

Что это? Дукачеву на миг показалось, будто ожили кадры знаменитого кинофильма «Мы из Кронштадта» и горячее дыхание рево-

люционных балтийских матросов докатилось сюда, на борт современного черноморского крейсера.

Торжественно-строгий голос командира продолжал выкрикивать фамилии добровольцев:

— Краснофлотец Кошик!

На этот раз в ответ не послышалось раскатистого матросского гула. Застыл, нахмурился в странном молчании строй. Лишь несколько голосов робко выкрикнуло: «Достоин!» Дукачеву была понятна такая реакция: еще при достройке корабля Кошик нарушил воинскую дисциплину и этим вызвал недоверие боевых товарищей. Вот когда расплачивается он за свой проступок — дорогая, нелегкая это плата... Политрук видел, как побелело лицо Кошика, как умоляюще смотрели его полные слез глаза. Но отворачивались от его взгляда краснофлотцы и командиры. Кошик не выдержал этого молчаливого осуждения, шагнул из строя и ломающимся голосом произнес:

— Братцы, был грех! Не повторится никогда больше, простите! Кровью своей смою, слово флотское даю... Окажите честь, умру, но корабля нашего не посрамлю... Ведь мать у меня в Одессе. Братцы, родная мать ждет там!..

— Достоин ли краснофлотец Кошик защищать Одессу?!— вновь обратился командир крейсера к строю, накаляясь в голосе.— Окажем ему доверие?!

И строй будто выдохнул:

— Достоин!..

Не все добровольцы возвратятся на крейсер. Не вернется и краснофлотец Кошик, его смертельно ранят в яростной матросской контратаке. Последними словами его будет: «Братцы, бейте гадов, не отдавайте Одессу!», а последней просьбой: «Расскажите на крейсере, передайте спасибо, что поверили...» Но об этом политрук Дукачев с болью в сердце узнает много позже...

Вдоль Кавказского побережья уже несколько дней бушевал шторм. Крейсер «Молотов» бросил якорь на внешнем рейде Очамчири, чтобы принять на борт десять маршевых рот, орудия и минометы, медикаменты и продовольствие для защитников осажденного Севастополя. Погода лютовала: с моря неистовый ветер накатывал к рейду стада седогривых тяжелых волн, нес хлесткие снежные заряды, с гор сползали плотные сизые облака. Все это смешивалось в буйной кутерьме, и видимость была никудышной. Крейсер водоизмещением восемь тысяч тонн мотало, словно игрушечный кораблик. Стрелка кренометра сползала до тридцати градусов на оба борта, иллюминаторы, казалось, вот-вот зачерпнут воды.

— Эй, на корабле! — что есть мочи закричал в мегафон капитан

с подошедшего судна — на палубе его жались к надстройкам красноармейцы. — Мы не можем к вам подойти!

— А Севастополь не может ждать! — загремел голос командира «Молотова». — Там гибнут люди, им нужна подмога!

Капитан грузового судна и сам понимал это, потому не оставлял попыток подойти к борту крейсера. Наконец это удалось. Послышалась команда:

— Подать сходню! Опустить ниже кранцы!

Корабли мотало как в дикой пляске — то грузовое судно взлетает на гребне волны, а крейсер тяжело оседает между валами, то, наоборот, вот-вот сшибутся бортами. Десятка три бойцов все же успевают перебраться на крейсер, и вдруг — треск: ломается сходня, срезает при ударе леерные стойки.

— Что происходит? Почему задерживается погрузка?!— комиссар Прагер бросается к борту.

Дукачев, руководивший погрузкой вместе с помощником командира и боцманом, едва успевает оглянуться, как огромный вал, круто накренив корабль, водопадом обрушивается на палубу. Комиссара накрыло с головой и понесло за борт. Еще секунда — и он окажется в клокочущем водовороте между бьющимися борт о борт судами. Дукачев бросился за ним. Молнией промелькнула мысль: «Успеть!» Уже у самых лееров он одной рукой схватил комиссара за полу реглана, другой вцепился в стойку. «Хватило бы силы...»— снова подумал он, с неимоверным трудом одолевая тугой напор воды. Когда она схлынула, они оба разом поднялись на ноги.

— Спасибо, Андрей! — обнял Дукачева Прагер, впервые называя его просто по имени...

Завершив все-таки погрузку, крейсер взял курс на Севастополь. Дукачев, освободившись от обязанностей по боевому расписанию, раскрыл папку с кипой заявлений о приеме в партию. Они поступили в последние дни, их было много — около сорока. Знакомясь с ними, парторг испытывал гордость и удовлетворение: в трудный для Родины час моряки, готовые отдать жизнь за победу над заклятым врагом, писали: «В бой хочу идти коммунистом». Эти простые слова волновали и радовали: в партию шли лучшие люди и шли перед боем.

В Севастопольскую бухту крейсер вошел на рассвете. Ошвартовались у причала Угольной пристани и сразу начали высадку доставленного пополнения, выгрузку техники и боеприпасов. Одновременно, по приказу из штаба Севастопольского оборонительного района, орудия крейсера открыли огонь по врагу, усиленно обстреливавшему причал. Все слилось в сплошной гул и грохот.

— Скорее, скорее, ребята!— поторапливал Дукачев краснофлотцев и старшин, вереницей сбегающих по трапу на берег с ящиками патронов, мин, снарядов.— Нам еще раненых надо забрать!

Он побежал на свой боевой пост — ЗКП [1]. Разорвавшийся невдалеке снаряд брызнул осколками, и кисть левой руки парторга сразу обдало жаром. Он сдернул перчатку — из нее полилась кровь — и, стиснув зубы, быстро перевязал руку бинтом из индивидуального пакета. А на причале уже падали убитые, стонали раненые. Разгрузка застопорилась — люди дрогнули под губительным огнем противника. Превозмогая боль, Дукачев негромко сказал стоящим рядом:

— Коммунисты, за мной...

И несмотря на вражеский обстрел, работа закипела с удвоенной энергией. У Дукачева учащенно забилось сердце — не от тяжести ящиков со снарядами, а от прихлынувшей теплой волной радости: его поняли, отозвались на его призыв, пошли за ним.

Закончив разгрузку и приняв на борт больше пятисот раненых, женщин, детей и стариков, крейсер вышел из бухты. Обстреляв боевые порядки противника в Бельбекской долине, он взял курс на Новороссийск.

Штормило. Корабль сильно бросало. Дукачев знал, что раненые пехотинцы и непривычные к морю пассажиры с трудом переносят эту качку, и направился к ним, чтобы поддержать и ободрить героев-севастопольцев, еще несколько часов назад с такой стойкостью защищавших город.

В кубрике зенитных комендоров, до отказа забитом носилками с ранеными, лежала тяжелораненая молодая женщина.

— Только что уснула, товарищ политрук,— сказал ему дежурный краснофлотец,— хорошо, что пришли, все комиссара звала.

— Нет, я не сплю,— подала вдруг голос женщина.— Спасибо, что пришли, товарищ комиссар.

— Я не комиссар, я парторг корабля, политрук,— ответил Дукачев и присел рядом.

— Раз политрук, значит, комиссар. Прошу: запишите адрес моего мужа. Он воевал под Одессой, а я с первых дней обороны Севастополя — медсестрой здесь в госпитале. Мать и дочь погибли — бомба попала в наш дом.— Женщина передохнула, собралась с силами и назвала фамилию мужа, его полевую почту.— Напишите ему, мне уже не суметь.

— Вы поправитесь. Обязательно. Вот придем на Кавказ...

— Я сама медик, все понимаю...— слабо ответила она.— Прошу: напишите ему...

Ее похоронили, по флотскому обычаю, в морских волнах.

Боевые корабли продолжали доставлять в осажденный Севастополь свежие воинские подразделения, вооружение, боеприпасы, а

[1] ЗКП — запасной командный пункт.— *Ред.*

обратными рейсами вывозили раненых, эвакуировали жителей города. Все труднее становилось пробиваться к севастопольцам, на пути корабли встречали вражеские бомбардировщики, торпедные катера, подводные лодки. А к середине июня сорок второго года Севастополь оказался в огненном кольце блокады — немцы отрезали его и со стороны моря.

И все же некоторым кораблям удавалось с боем прорываться. Нередко они погибали в неравных схватках с врагом, но продолжали идти, потому что Севастополь ждал их. Разрушенный, горящий, задыхающийся в гари и пороховом дыму, но не сдающийся, город сражался, сковывая дивизии, необходимые врагу для наступления на Сталинград.

Многие моряки с «Молотова» сражались и на суше, защищая каждую пядь родной земли. От них приходили письма, о некоторых появлялись статьи и очерки во флотской газете. Несказанно радовались их боевым успехам на корабле. Дукачев всякий раз с помощью политруков и агитаторов незамедлительно сообщал эти весточки личному составу. Иногда моряки, возвращавшиеся после ранения из госпиталя на крейсер, рассказывали о горячих боях на берегу. И тогда зажигались решительностью матросские глаза. Дверь каюты парторга почти не закрывалась. На стол одно за другим ложились заявления коммунистов с просьбой направить их на передовую под Севастополь.

В ночь на 16 июня 1942 года «Молотов» в сопровождении эскадренного миноносца «Безупречный» снова вошел в Северную бухту. Это был его последний рейс в осажденную крепость. С трудом ошвартовавшись возле Угольной пристани, он сразу открыл огонь из орудий по вражеским позициям. Вспышки выстрелов освещали сходни, по которым сбегали на берег красноармейцы, спускались по разгрузочным лоткам ящики с боеприпасами. Пока краснофлотцы сгружали орудия и минометы, с причала на борт уже несли носилки с ранеными, многие из них, перебинтованные, опираясь на плечи товарищей и свои винтовки, поднимались сами. Крейсер содрогался от выстрелов главного калибра, а неподалеку на причале все чаще рвались вражеские снаряды. Рикошетя огненными брызгами, осколки секли стальную бортовую обшивку корабля.

Из штаба флота позвонил оперативный дежурный:

— Приказ командующего немедленно отходить!

— Разгрузка закончена,— отвечал командир,— но еще не всех раненых забрали.

И погрузка продолжалась. Дукачев со старпомом Домниным распоряжались на корме, где скопилось особенно много раненых. Все понимали, что это последний заход крейсера в Севастополь. Горько было видеть, как пылает красавец город, как взметаются огненные всплески от разрывов бомб и снарядов на его улицах, как чер-

неют от зловещего дыма его белые стены. Многие моряки и защитники города, уходя, как символ верности и любви к нему подбирали на причале осколки камней, чтобы унести с собой частицу героического Севастополя. Это было молчаливой клятвой вернуться сюда вновь. Парторг Дукачев тоже взял такой камень. Рука сжимала его в кармане кителя.

Позже поэт Александр Жаров напишет драматические, но полные оптимизма слова своей знаменитой песни «Заветный камень», и многие, не знавшие ее истинного происхождения, наверное, подумают, что это всего лишь поэтический образ. Но так было — песня пришла из жизни...

— На «Молотове»!— кричал оперативный дежурный.— Командующий флотом приказывает немедленно уходить!

— Отдать швартовы!— прозвучала наконец команда над опустевшим пирсом.

В июньские дни рано светает. Около трех часов утра крейсер покидал Севастопольскую бухту. В сероватой мгле проплывали мимо развалины еще недавно прекрасного белокаменного города, торчали из воды мачты и надстройки погибших кораблей. Крейсер шел словно по морскому погосту, обрамленному разрушенными памятниками.

С горечью и болью смотрел на все это Дукачев. Он сжимал камень в руке и мысленно клялся: «Мы еще вернемся к тебе, Севастополь! Отомстим за тебя!» Он был уверен, прощаясь с дорогим сердцу городом, вот так же клянутся в эти минуты все моряки.

Покинув бухту, крейсер в сопровождении эсминца «Безупречный» взял курс на Новороссийск.

Было пасмурно, небо не различалось, сливалось на горизонте с морем и несмотря на середину июня обжигало холодным ветром. Но моряки радовались непогоде: для вражеских самолетов в такую пору небо затворено. Плохо приходилось людям на верхней палубе — их поливало соленым дождем, пробирало до костей ветром. Но разве это беда в сравнении с тем, что они пережили в Севастополе!

Дукачев неотлучно находился среди людей, стараясь, как мог, успокоить и подбодрить их: до Новороссийска оставались считанные мили...

В намеченном квадрате Феодосийского залива в точно обозначенное время корабли должна была ждать подводная лодка «М-62». По замыслу, она своим сигнальным огнем должна была помочь крейсеру «Молотов» и лидеру [1] «Харьков» сориентироваться в темноте и обеспечить надежную привязку к берегу. Однако лодки на месте не

[1] Лидер — эскадренный миноносец бóльшего водоизмещения.— *Ред.*

оказалось. Дукачев, да и не только он, почувствовал тревогу. Вспомнилось, что еще утром их обнаружил вражеский самолет-разведчик. Он не посмел приблизиться, опасаясь зенитного огня кораблей, но стало ясно: скрытно переход совершить теперь не удастся.

Где же все-таки подводная лодка «М-62», почему не видно в заданном квадрате ее огня, что с ней случилось? Долго ждать было нельзя: там вдали, на береговой полосе, метались нервные щупальца прожекторов, пронзали черное небо огненные трассы зенитных пулеметов, вспыхивали багровые взрывы, полыхали отсветы пожаров. Каждую минуту могли появиться преследователи.

Дукачев вернулся на свой боевой пост, где по расписанию должен был находиться вместе с помощником командира крейсера Игнатенко. В случае выхода из строя главного командного пункта (ГКП) они должны взять на себя управление кораблем, но главная задача Дукачева сейчас — руководство группой стрелков из ручного оружия — пулеметов, автоматов, винтовок — в случае появления низколетящих целей. Их огонь трассирующими пулями мог указать зенитчикам направление опасности.

— Кажется, наши самолеты бомбят Феодосийский порт,— Игнатенко кивнул на береговые всполохи.

— Бомбят,— подтвердил Дукачев и обернулся к младшему политруку Осипову:— Если появятся самолеты противника, мы с вами на дальномерную площадку. Пулемет готов?

— Так точно, товарищ политрук.

Дукачев приказал всей своей группе быть наготове, и вовремя — с полубака донесся сигнал:

— Прямо по курсу — торпедные катера!

Тяжелый крейсер развернулся и успел уклониться вправо. Мимо бортов пронеслись пенные борозды — следы торпед. Встреченный артогнем, вспыхнул один вражеский катер, затем другой. По кораблю несется ликующее «Ур-ра-а!». И тут же послышались новые сообщения:

— Слева и справа по носу — четыре торпедных катера! Заходят в атаку!

— Самолеты-торпедоносцы с обоих бортов! Курс девяносто, высота пятьдесят!

— Осипов, к пулемету. Быстро!— распорядился Дукачев.

Крейсер отбивался всеми огневыми средствами.

— Лево руля! — раздавалась команда с ГКП и почти следом: — Право руля!— Голос командира спокойный и твердый.

Корабль маневрировал, круто кренясь то на один, то на другой борт. Зловеще мелькали над ним стервятники-торпедоносцы, едва не задевали крыльями мачты. Торпеды, выпущенные с катеров, сброшенные самолетами, проносились вдоль бортов и за кормой. Казалось, из этого пекла крейсеру не вырваться.

Дукачев посылал из ручного пулемета очередь за очередью. Прошитый трассирующими пулями, огненным факелом рухнул один вражеский самолет, не вышел из пике второй, вспыхнул, наткнувшись на снаряды «сотки»[1], торпедный катер.

Отражая беспрерывные атаки, крейсер полным ходом уходил на зюйд. Лидер «Харьков» шел следом, защищая его артогнем. Но вражеские самолеты и катера не отставали. Один из «Хейнкелей-111» прорвался через плотный заслон огня и, метнувшись черной тенью над крейсером, почти в упор сбросил две торпеды. Сам он, прошитый снарядами, тут же рухнул в морские волны, прошла мимо одна из сброшенных им торпед, а другая...

Дукачев вздрогнул, когда за спиной у него прогремел оглушительный взрыв. Корпус крейсера накренился. Ходуном заходила палуба, кормовую часть резко подбросило, затем она рухнула вниз. Тугой воздушной волной политрука отбросило на башню и ударило о броню. Но сознания он не потерял. И, пересилив боль, бросился на корму, где еще недавно подбадривал краснофлотцев, указывая им цели. Добежав до шпиля, он обомлел: кормы дальше не было. Она обрывалась разорванными лоскутами железа, из зияющего черного провала шел пар. В центральной части корабля раздался еще один взрыв, корабль стал терять ход.

— Крейсеру оторвало корму,— едва выговорил оглушенный Дукачев, поднявшись на ЗКП.— Второй взрыв — в центральной части.

— Немедленно организовать аварийные спасательные работы!— помощник командира крейсера Игнатенко кинулся вниз.— Дукачев, остаетесь старшим!

В боевой рубке ГКП ощутили лишь сильный толчок, взрыва за грохотом боя не услышали. Правда, погас свет, но тут же перешли на аварийный.

— Закончить левый разворот!— подал команду каперанг.

— Есть закончить левый разворот!— Рулевой стал выполнять приказание, но крейсер не подчинялся, он продолжал забирать влево, содрогаясь всем корпусом и теряя ход. — Корабль не слушается руля, товарищ капитан первого ранга!

Командир крикнул в переговорную трубу:

— В машине! Что у вас там?

— Машины целы, но корпус сильно вибрирует,— донесся ответ.

— Выяснить! Доложить!

— Есть!

Аварийная группа обследовала повреждение, и ее командир доложил:

— Товарищ капитан первого ранга, взрывом торпеды оторвано

---

[1] 100-миллиметровое орудие.— *Ред.*

более двадцати метров кормовой части корабля вместе с рулем. Но крейсер держится на плаву остойчиво.

— Любой ценой дать кораблю ход!— приказал командир.— Аварийным группам принять все меры.

Наверху шел бой. Тяжело поврежденный корабль, окутанный дымом и паром, отбивался от пикирующих торпедоносцев и бомбардировщиков, от наседавших катеров. Видя, что торпедированный крейсер все еще держится, они решили добить его. И в который уже раз вдоль бортов хищно проносились акульи тела торпед, взрывы бомб вскидывали гигантские смерчи воды.

Внизу, в машинном отделении и возле рваного среза разбитой кормы, шла не менее жаркая борьба за живучесть корабля. И он получил наконец ход. Стальная обшивка, отогнутая взрывом, действовала как заклинившийся руль — крейсер двигался по замкнутому кругу.

Собранный и спокойный командир крейсера нашел тот оптимальный режим работы машин, при котором можно было, набрав скорость, идти без руля в нужном направлении — на зюйд.

Почти всю ночь фашисты преследовали израненный крейсер, набрасываясь на него с разных сторон. Это стоило им еще двух торпедоносцев — и они рухнули в морскую пучину. На траверзе Анапы, уже на рассвете, корабль атаковали еще четыре самолета, но, встретив плотный заградительный огонь, издалека наугад сбросили торпеды, развернулись и ушли. За одним из них потянулся сизый шлейф дыма.

Это была последняя вражеская атака.

На горизонте всплывал огромный оранжевый диск солнца, вокруг стояла оглушающая после ночного боя тишина. Команде разрешили позавтракать.

На ЗКП позвонил комиссар бригады Прагер.

— Андрей Степанович, поднимитесь на ходовой мостик,— попросил он Дукачева.

А когда тот пришел, попросил рассказать о взрыве на корме и о том, как вели себя люди в бою.

Дукачев рассказал.

— Краснофлотцы и старшины проявили подлинное мужество,— заключил он свое сообщение.— Я побывал на многих боевых постах, в машинном отделении, у кормового обрыва, все видел своими глазами. Если бы не их самоотверженные действия, мне кажется, крейсеру не выбраться бы из этого пекла.

— Да, люди у нас на крейсере настоящие,— сказал Прагер.— Как придем в базу, особо отличившихся надо представить к наградам... — И спросил: — Заявления о приеме в партию есть?

— Семьдесят два... Большинство подано перед боем.

— Сколько же теперь всего у нас коммунистов?

— Почти четыреста, товарищ полковой комиссар.

— А сколько их было на крейсере, когда вы стали парторгом, Андрей Степаныч?— с лукавинкой улыбнулся Прагер.

— Восемьдесят семь...

...Крейсер «Молотов» находился в Поти, когда 5 июля 1942 года пришла тяжелая весть: наши войска оставили Севастополь. И хотя было известно, что защитники города проявили чудеса храбрости, чтобы отстоять его, сообщение это потрясло всех. Трудно было мириться с этой скорбной мыслью. При одном упоминании о Севастополе сердца моряков сжимались от боли и ярости. А севастопольские «заветные» камни, взятые в последнем походе, напоминали о священном долге, звали к отмщению, к скорейшему изгнанию врага из города русской морской славы.

Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

«Мы придем к тебе вновь, Севастополь! Выручим тебя из беды!»— такие думы ни на миг не оставляли моряков крейсера.

И они дождались своего светлого часа.

Махмут
ХАМЕТОВ

ВОЕНКОМ ПОДВОДНОГО КРЕЙСЕРА

Подводная лодка с литерами «К-22» на борту плавно отвалила от причала и, набирая скорость, двинулась в открытое море. «Катюша», как любовно называли на флоте подлодки типа «К», уходила в свой первый боевой поход. Вглядываясь в непривычные еще очертания этого нового мощного корабля глубин, стоявшие на причале командир бригады капитан 1-го ранга Виноградов, комдив капитан 2-го ранга Гаджиев и военком соединения бригадный комиссар Козлов невольно задумались: «Как-то начнется ее боевой путь?»

Эта мысль не оставляла и военкома подлодки «К-22» старшего политрука Льва Николаевича Герасимова. Он шел по отсекам, вглядываясь в серьезные, сосредоточенные лица моряков, занявших свои посты, и думал о том, как взволнованы они были только что, во время предпоходного митинга — митинга, на котором впервые, по-особому ярко, проявился высокий боевой дух экипажа, его сплоченность. Комиссару запомнилось выступление старшины 1-й статьи Федора Антушева:

«Враг силен, беспощаден, но робеть перед ним мы не будем. Не страх, а чувство ненависти к фашистам в нашей душе. Пусть партия и народ знают: мы будем драться по-флотски, с честью выполним боевое задание!»

«Молодец, Антушев, молодцы, ребята!»— думал Герасимов, поглядывая сейчас на своих товарищей и мысленно оценивая их боевые характеры.

«К-22» вступила в строй лишь в августе 1940 года. Первые свои плавания она совершила на Балтике, и военком Герасимов мог гордиться тем, что за недолгие предвоенные месяцы им всем сообща — командованию, партийной и комсомольской организациям — удалось заложить хорошие основы идейной зрелости и боевой выучки экипажа.

Первый командир лодки — капитан-лейтенант Тузов в мае 1941 года получил новое назначение, корабль принял капитан 3-го ранга Виктор Николаевич Котельников — бывалый подводник с Северного флота, прославившийся в арктических плаваниях. Это он, Котельников, вел подводную лодку «Д-3», участвовавшую в героической экс-

педиции по снятию папанинцев с дрейфующей станции «Северный полюс» и как командир проявил высокое искусство: его лодка одолела в том знаменитом походе 10-балльный океанский шторм и в подводном положении форсировала ледовую перемычку шириной в пять кабельтовых. Неудивительно, что команда «катюши» сразу признала авторитет своего нового командира.

Герасимов находился в дизельном отсеке, когда по переговорному устройству прозвучал басовитый голос Котельникова:

— Прошу комиссара наверх!

Поднявшись на мостик, Лев Николаевич после духоты дизельного отсека с удовольствием подставил лицо студеному норд-весту. Котельников вынул изо рта свою неизменную спутницу — короткую трубку и сообщил, что лодка находится на траверзе острова Торос.

— Пора вскрывать, Лев Николаевич.— Многозначительно взглянув на военкома, он достал из внутреннего кармана реглана синий пакет.

В пакете были калька района предстоящих им боевых действий и оперативное задание. Оно состояло в следующем: начиная с 21 октября подводная лодка должна произвести глубокую разведку в районе Вест-фьорда и, в случае обнаружения здесь вражеских судов или боевых кораблей, незамедлительно атаковать их.

— Все ясно, Виктор Николаевич,— кивнул Герасимов, возвращая командиру документ.— Разрешите идти, надо поговорить с коммунистами и комсомольским активом.

— Волнуешься? — спросил Котельников, заметив во взгляде военкома озабоченность.

— Есть немного. Как бы не вышло по поговорке: «первый блин комом».

— Этого не допустим,— твердо проговорил командир.— Хотя и не всех успел узнать на корабле, но верю: народ у нас надежный.

— Экипаж отличный,— согласился Герасимов.— Но ведь не обстрелянные еще, вот что меня тревожит...

— Ничего. Поговори с людьми еще разок. Я тоже побываю на главных боевых постах, — успокоил его командир.

«С комиссаром мне повезло», — тепло подумал Котельников, глядя вслед спускавшемуся в люк военкому, и представил себе, как тот, ведя разговор с командой, будет, по обыкновению, пристально смотреть в лица собеседников, словно спрашивая: «А не растеряетесь в трудную минуту?»

Поначалу Котельникова даже раздражала эта привычка Герасимова, и он как-то сказал ему:

— Не прими это за бестактность, но хочу поинтересоваться... Вот ты одним из первых пришел на лодку, а к краснофлотцам и старшинам до сих пор приглядываешься, как к новичкам. Что это, контроль или недоверие?

— Ни то ни другое, Виктор Николаевич. Просто хочется лучше понять психологию каждого, узнать, что его беспокоит, а главное, люди ведь меняются со временем, и важно не проглядеть, к лучшему или к худшему. Партполитработа — это, брат, наука, так сказать, человековедение в действии.— Герасимов хитровато и чуть застенчиво улыбнулся: — Кстати, эта наука касается и комсостава...

— Конечно, касается,— буркнул Котельников.— Каждый из нас, командиров и политработников,— воспитатель.

Важность воспитательной работы военком и командир особенно остро ощутили в самом начале войны. Экипаж тяжело переживал временные неудачи на фронтах, отступление, захват противником наших городов и сел. Моряки рвались в бой, а им приходилось заниматься доводкой материальной части; они мечтали о схватках с врагом в открытом море, а им пока надо было отстаиваться возле причала. Тут-то и сказалась действенность партийно-политической работы на корабле. Герасимов постоянно разъяснял старшинам и краснофлотцам, что успехи врага — фактор временный, что ресурсы силы у нашей страны велики и перелом наступит скоро.

Когда наконец подготовительные работы были завершены и пришел приказ о переводе «К-22» на Северный флот, лодка, замаскированная под баржу, пошла вверх по Беломорско-Балтийскому каналу. Он находился в это время под непрерывными ударами фашистской авиации и дальнобойной артиллерии, многие его участки были разрушены. Караван порой еле полз. Комендоры «катюши» постоянно дежурили возле изготовленных к бою пушек и не раз открывали огонь по вражеским самолетам.

А положение на фронтах не улучшалось. На севере бои шли вблизи Петрозаводска, откуда — рукой подать до канала. В этих тревожных условиях на «К-22» ни на час не прерывалась боевая и политическая работа. Котельников изучал с командирами новый театр плавания и боевую тактику подводных лодок, Герасимов постоянно информировал команду о первых, еще скромных успехах североморцев, их возрастающем опыте. Командир и комиссар работали рука об руку. Уже в первые недели совместной службы Котельников отметил про себя, что старший политрук обладает завидной волей, упорством и огромным чувством ответственности. В то же время он необычайно чуток, внимателен и

тактичен с людьми. Ему нравилось, что Герасимов не любит длинных речей и назиданий, что объясняется он коротко и весомо. Еще большее уважение к своему комиссару командир почувствовал, узнав его незаурядную биографию.

Лев Николаевич Герасимов в детстве рано осиротел и воспитывался в одном из ленинградских детских домов. В пятнадцать лет он начал трудиться самостоятельно, поступив учеником токаря на «Электросилу». В 1936 году его призвали в армию — краснофлотцем на Черное море, где вскоре избрали секретарем комсомольской организации части, а затем — членом Очаковского райкома и Николаевского обкома комсомола. Был Герасимов и делегатом IX съезда ЛКСМ Украины, и кандидатом в члены ЦК комсомола республики. Военкомом на «К-22» он был назначен после окончания Военно-политического училища имени Ф. Энгельса.

...Спустившись с мостика, Герасимов направился к парторгу лодки — мичману Федору Константиновичу Пастухову. Рассказав ему о поставленной перед ними боевой задаче, он попросил его подробно объяснить коммунистам роль каждого из них в выполнении полученного приказа.

Когда позже военком обходил отсеки, к нему обратился электрик — краснофлотец Леонид Казнин. Лев Николаевич припомнил, как он в первые дни войны настойчиво просил отправить его на фронт:

— Понимаете, стыд замучил. Семья наша от фашистов горя натерпелась. Отец воюет, а я, молодой, здоровый, сижу в прочном корпусе, чаи-компоты попиваю...

Тогда и Герасимов, и командир настойчиво убеждали моряка, что каждый на своем месте нужен, что не за горами время, когда и их «катюша» пойдет в бой.

— Понимаю, но ждать не могу... Невыносимо ждать! — стоял на своем Казнин.

А вот сейчас он улыбался и, весело посверкивая глазами, говорил:

— Наконец-то и наш черед наступил, товарищ комиссар! Правы вы были тогда. Возвратимся, обязательно напишу отцу: «Теперь и мы зададим перцу фашистам!»

— Обязательно напишете,— убежденно ответил Герасимов.— Я думаю, будет о чем написать.

На подводном корабле закипела работа. По указанию военкома агитаторы Владимир Кириченко, Александр Сазонов, Михаил Ермаков разъяснили краснофлотцам задачи лодки в районе действий и ознакомили все БЧ с очередной сводкой Совинформбюро, принятой по рации. Редколлегии отсеков готовили экстренные номера Боевых листков. Торпедисты по собственному по-

чину на смазке приготовленных к бою торпед начертили: «За Родину!», «За Москву!», «За Мурманск!»

На переходе к Вест-фьорду — он простирается на сотни миль в юго-западном направлении от порта Нарвик — шедшую в подводном положении лодку настиг жестокий шторм. Для молодых балтийцев он оказался изнурительным и тяжелым — временами крен лодки достигал 35—40 градусов. В эти трудные часы военком был неотлучно рядом с вахтенными матросами из новичков, стараясь то шуткой, то добрым словом поддержать и ободрить их.

На подходе к западному району шторм начал стихать, люди заметно повеселели. Но тут-то и поджидала лодку смертельная опасность: прямо по курсу «катюши» на зеленовато-серой поверхности моря покачивался зловещий черный шар. И быть бы беде, если бы не бдительность сигнальщиков и сноровка вахтенного командира лейтенанта Тищенко, сумевшего вовремя сманеврировать и обойти мину.

Так верхняя вахта стала героем дня. В ее честь был срочно выпущен Боевой листок.

В назначенной точке «К-22» погрузилась и приступила к выполнению боевой задачи. Периодически поднимая перископ и включая гидроакустику, команда провела тщательное обследование предполагаемых путей движения фашистских конвоев в районе Лофотенских островов. Затем в течение нескольких суток лодка обшарила в разных направлениях почти весь Вест-фьорд, но ни одного каравана противника так и не встретила.

А между тем было известно, что немецкие суда и боевые корабли везут грузы в порты Норвегии скорее всего именно по этому фьорду.

— Похоже, что они переходят из порта в порт только в темное время, в тумане и во время снежных зарядов,— предположил командир.

Чтобы проверить эту мысль, было решено проникнуть к находящемуся у южного входа в фьорд порту Будё — маневровой базе гитлеровского флота. Это значило — идти в самое логово врага, строго охраняемое его морскими и воздушными патрулями. Риск был огромный, но возвращаться домой без нужных сведений было нельзя.

Все шло хорошо, пока вблизи острова Сандхорне лодку по буруну перископа не обнаружил немецкий противолодочный патрульный самолет. Здесь она подверглась первой бомбежке.

— Срочное погружение! — скомандовал Котельников.

«Катюша» стремительно уходила на глубину. Вокруг нее рвались бомбы. К счастью, они падали на значительном расстоянии и существенного вреда не причинили. Отлежавшись на грунте,

«катюша» продолжила свой рейд и вскоре вышла на ближние подходы к порту Будё. Однако и там ни вражеских кораблей, ни крупных судов не оказалось.

Разведывательное задание было выполнено, и 18 ноября «К-22» вернулась в Полярный. Котельников доложил командованию результаты наблюдений: в этом первом походе лодка обстоятельно изучила проливы между Лофотенскими островами и весь Вест-фьорд. Они оказались весьма удобными для судоходства — по ним транспорты могут свободно выходить к внутренним водным путям Норвегии. Противник не был обнаружен, видимо, потому что гитлеровцы, встревоженные появлением в этом отдаленном районе советских разведывательных самолетов и подводных лодок[1], временно прекратили движение своих конвоев.

Командование флота нашло сведения, добытые «К-22», очень ценными. В дальнейшем их не раз использовали для усиления борьбы с вражескими кораблями на северных морских коммуникациях.

Вторично «К-22» вышла в море под флагом командира бригады капитана 1-го ранга Виноградова. На сей раз ей предстояло поставить минное заграждение в узком проливе Рольвсёсунд в районе Хаммерфеста, где пролегал фарватер противника, а затем продолжить поиск вражеских конвоев.

Герасимов отправился в отсек минно-торпедного подразделения, чтобы поговорить с его командиром — лейтенантом Георгием Сапуновым и старшим краснофлотцем Семеном Приемышевым. От их действий во многом зависел успех постановки мин. Комиссар знал, что Сапунов и Приемышев — ленинградцы, росли в одном дворе, одновременно были призваны во флот и продолжали дружить здесь, на корабле. Это были серьезные, дисциплинированные бойцы, и на лодке к ним относились с большим уважением.

— Ну, как там минеры? — спросил Котельников, когда военком поднялся на мостик.

— Уверен в них,— твердо ответил Лев Николаевич.— Знающие ребята. Сумеют сделать все, как надо.

В первые же часы похода Герасимов обошел и другие отсеки, поговорил со специалистами всех основных боевых постов.

— Деловой, беспокойный у тебя военком,— заметил Виноградов в разговоре с Котельниковым.

— Да, комиссар у нас настоящий,— ответил Виктор Николаевич.— Мы с ним быстро сработались, взаимопонимание полное...

---

[1] Несколько раньше поход к Лофотенским островам совершила «К-1» под командованием капитана 3-го ранга М. П. Августиновича.

Котельников рассказал комбригу, что члены экипажа всегда рады встрече со своим военкомом. Умеет он найти пути к людям, заглянуть в их сердца. После каждой его беседы экипажу яснее и понятнее становятся самые сложные задачи подлодки, связь их удачного выполнения с общей стратегией войны.

...Ранним утром 8 декабря «К-22» прибыла в назначенный район. В короткие часы полярных сумерек обследовали пролив, а с наступлением полной темноты приступили к постановке минных банок. Дело спорилось, минеры, руководимые лейтенантом Сапуновым, действовали сноровисто, значительно перекрывая установленные боевые нормативы. Были выставлены уже восемнадцать мин из двадцати, когда сигнальщики обнаружили появившееся прямо по носу вражеское судно. Котельников решил атаковать его в надводном положении, не прекращая постановку мин.

Лодка легла на боевой курс, послышалась команда:

— Пли!

Торпеда устремилась к судну. Но взрыва не последовало.

— Промахнуться мы не могли, расчет точный,— ответил Виктор Николаевич на немой вопрос военкома.— Значит, судно мелко сидит, торпеда прошла под килем. Ничего, потопим снарядами,— и отдал команду: — Артрасчеты, наверх!

Комендоры один за другим стремительно выскочили из рубочного люка, и уже через несколько секунд загремели орудийные выстрелы. Снаряды, посланные краснофлотцами Яковом Сарычевым, Андреем Кабановым, Владимиром Астаховым и Павлом Ивановым, точно поразили цель. Судно загорелось и пошло ко дну.

Так был открыт боевой счет подводной лодки «К-22». Это произошло 9 декабря 1941 года. По приказанию Котельникова в вахтенном журнале было записано: «В проливе Рольвсёсунд потоплен транспорт противника водоизмещением 2000 тонн. Мины поставлены точно в заданном районе».

Военком мог по праву гордиться дисциплиной и мужеством экипажа: в этом первом успехе лодки была и его доля. С особым чувством помогал он составлять Боевой листок, посвященный отличным действиям минеров и комендоров.

В поисках противника прошли следующие сутки. 11 декабря «К-22» вошла в пролив Серёсунд. Электроэнергия была на исходе, необходимо было всплыть для зарядки аккумуляторных батарей. Оставив за себя у перископа помощника — старшего лейтенанта Бакмана, Котельников направился к комбригу, чтобы обсудить обстановку. Но в следующую же минуту сигнал тревоги вернул его в боевую рубку: Бакман доложил, что слева по борту на дистанции 35 кабельтовых следуют два вражеских судна. Командир прильнул к окулярам перископа и в просвете меж-

ду снежными зарядами отчетливо увидел морской буксир, натужно тянувший тяжело груженную баржу. Доложив об этом поднявшемуся в рубку комбригу, Виктор Николаевич уступил ему место у перископа. Разглядев цель, капитан 1-го ранга Виноградов принял решение уничтожить суда с помощью артиллерии.

— Всплывайте и открывайте огонь. Торпеды нам еще пригодятся, — сказал он. — Заодно зарядите аккумуляторы.

Последовали четкие команды Котельникова. «К-22» всплыла полностью. Артрасчеты быстро заняли свои места у орудий и открыли прицельный огонь. От первых же прямых попаданий загорелся буксир и стала тонуть баржа. Но не успело еще отгреметь дружное «Ура!» краснофлотцев, как из-за скалы неожиданно выскочили фашистские катера-охотники.

— Все вниз! Срочное погружение! — скомандовал Котельников.— Электрики, как у вас?

— Батареи заряжены,— последовал четкий ответ.

«Катюша» укрылась под толщей воды. Но сразу оторваться от противника не удалось: катера-охотники все-таки засекли лодку, в воду полетели глубинные бомбы. Несколько часов преследовали они «катюшу», не переставая ожесточенно бомбить. В отсеках лопались электрические лампочки и плафоны, с подволока осыпалась пробка, вышли из строя приборы горизонтальных рулей. Ситуация была критической, но в экипаже никто не паниковал. Проявляя выдержку и хладнокровие, каждый занимался своим делом. При слабом свете аварийного освещения устраняли неисправности, переналаживали технику.

Имея незначительные повреждения, 18 декабря «катюша» вошла в свою гавань и, по традиции североморских подводников, орудийными выстрелами возвестила о победах, одержанных ею на коммуникациях противника. А через несколько дней разведка флота установила, что на минах, поставленных «К-22» в проливе Рольвсёсунд 9 декабря, подорвался и пошел на дно фашистский транспорт «Штейнбек» водоизмещением 2185 тонн.

12 января 1942 года после планово-предупредительного ремонта лодка снова вышла в море. Это были дни славной победы наших войск под Москвой. На фронтах разворачивалось грозное для врага наступление Красной Армии. Военком живо, зажигательно рассказал об этом экипажу, и потому все моряки на «К-22» действовали с особым подъемом и воодушевлением. Каждому хотелось внести свою лепту в общее дело победы.

Выйдя на вражескую коммуникацию, «катюша», как всегда, начала поиск противника. В боевом напряжении прошли сутки, вторые, а фашистские суда не появлялись. Однако теперь упорства и выдержки возмужавшим в боях подводникам было не занимать. Котельников продолжал обследовать фьорды и проливы.

На четвертые сутки похода они прошли через Конгс-фьорд и приблизились к порту Берлевог. Вражеских судов там тоже не оказалось. Только 19 января в бухте Стурстейнбукт был обнаружен и атакован торпедами крупный фашистский транспорт. Повредив судно, «К-22» всплыла и потопила его артиллерийским огнем. В это время в бухту вошел немецкий сторожевой корабль, а за ним еще одно судно, как выяснилось позже,— грузовой пароход «Вааланд». Оба они были расстреляны и от прямых попаданий снарядов пошли ко дну. Однако в ходе этого быстротечного боя сама «К-22» была замечена и обстреляна береговой батареей противника, а потом подверглась атаке фашистской подводной лодки. Удачным маневром Котельникову удалось вывести «катюшу» из-под ударов, и, более того, едва рубка вражеской субмарины, облегченной после пуска торпед, показалась на поверхности моря, 45-миллиметровое орудие «катюши» открыло по ней огонь. Фашистская лодка ушла на глубину и атак больше не предпринимала.

На переходе в базу Герасимов и Котельников собрали в кают-компании свободных от вахты коммунистов, чтобы подвести итоги боевого похода. Они были вдохновляющими. Высоко оценив действия личного состава и особо отметив мастерство, сноровку и мужество всех отличившихся членов экипажа, от гидроакустиков до комендоров артрасчета и торпедистов, комиссар поздравил команду с возросшей боевой зрелостью.

В базе моряки подводного крейсера узнали, сколь значительным был ущерб, нанесенный ими врагу: через несколько дней после возвращения «К-22» было установлено, что вместе с двумя судами она отправила на дно зимнее обмундирование для 30 тысяч вражеских солдат, много цемента и динамита.

Командующий флотом вице-адмирал А. Г. Головко, пригласив Котельникова и Герасимова на главный командный пункт, сообщил им об этих результатах и не удержался от похвалы:

— Молодцы! Хорошо воюете! Ваша лодка в буквальном смысле слова раздела целый фашистский корпус. И это в зимние холода!

— А как велась партполитработа в этом удачном боевом походе? — поинтересовался у военкома член Военного совета флота дивизионный комиссар А. А. Николаев.

— Все было, как обычно, товарищ член Военного совета,— ответил Герасимов.— Делали все возможное...

— Комиссар, как всегда, скромничает,— улыбнулся Котельников.— Работа-то обычная, да обстановка необычная... И вообще могу доложить, четкая работа и личное мужество военкома, да и всех коммунистов и комсомольцев, послужили важнейшим условием боевых успехов корабля.

— Ну что ж, коль так, завтра на совещании политработников послушаем ваш доклад, Лев Николаевич, — сказал Николаев. — Прошу подготовиться и обстоятельно рассказать обо всем проделанном.

Доклад военкома получился живым, интересным и содержал немало полезного для присутствующих в зале политруков, комиссаров и командиров. На примере последнего похода «К-22» Герасимов убедительно показал, какое важное значение имеет в плавании постоянная информация о положении на фронтах, как она воодушевляет подводников, поднимает их боевой дух. Показав собравшимся заведенную им тетрадь, куда радисты ежедневно записывали принятые ими последние сводки Совинформбюро, он сказал:

— Не смотрите, что она такая потрепанная... Десятки рук держали ее. Словно свежий номер газеты, она переходила во время плавания из отсека в отсек, от одного боевого поста к другому.

Затем комиссар достал из кармана небольшой атлас, с которым никогда не расставался.

— А чтобы краснофлотцы яснее представили себе огромность нашей страны и героизм ее защитников, мы по карте Родины следили за всеми переменами на фронтах, тесно увязывая их с боевыми буднями экипажа.

Рассказал военком и о постоянных беседах в отсеках со свободными от ходовых вахт моряками, и о проведенном в последнем походе открытом партийном собрании, которое рассмотрело многочисленные заявления о приеме в партию.

А парторганизация подводного крейсера «К-22» действительно сильно выросла за последнее время, что немало способствовало боевым удачам экипажа, за которыми к морякам пришли и добрая слава, и признание их мастерства командованием флота и всеми подводниками-североморцами. 23 февраля 1942 года, в День Красной Армии и Военно-Морского Флота, перед очередным выходом на особое задание более сорока членов экипажа получили высокие правительственные награды. Командиру подводной лодки Котельникову был вручен орден Ленина, военкому Герасимову — орден Красного Знамени. Чуть позже, 3 апреля 1942 года, за новые, мастерски проведенные операции «К-22» была удостоена звания гвардейской.

Рос боевой дух экипажа «катюши», ширился счет потопленных, выведенных ею из строя судов и транспортов противника, с каждым новым походом все больший урон наносила она врагу.

Яркой страницей в истории гвардейского корабля стало спасе-

ние экипажа подорвавшейся на мине Краснознаменной подводной лодки «Щ-421». Эта дерзкая, отчаянно смелая операция навсегда осталась в памяти командира «щуки» — капитана 3-го ранга Видяева, экипажа субмарины — всех подводников-североморцев.

Беда с «Щ-421» случилась 8 апреля, когда она находилась в четырех милях от вражеского берега. От взрыва мины лодка лишилась хода и не могла погрузиться. «К-22» получила приказ командующего флотом идти на помощь терпящим бедствие товарищам. Разыскав «щуку», она попыталась взять ее на буксир, но помешала крупная волна: буксирный конец то и дело рвался. Как назло в воздухе появился фашистский самолет-разведчик, а из Лаксе-фьорда вышло военное судно. В этой ситуации оставался один выход: чтобы лодка не досталась врагу, командование обоих кораблей приняло решение потопить «щуку». «К-22» подошла к ней вплотную. Отвалили носовые горизонтальные рули, по ним экипаж Видяева перешел на «катюшу». Со спасенными краснофлотцами на борту подводный крейсер отошел от поврежденной лодки на три кабельтова и выстрелил по ней торпедой. Над морем прогрохотал мощный взрыв. Все сняли головные уборы. Краснознаменная «Щ-421», на боевом счету которой было восемь уничтоженных фашистских транспортов, навсегда скрылась под водой.

10 апреля утром «К-22» вернулась в Полярный и двумя выстрелами возвестила об успешном выполнении задания. Затем на мачте были подняты позывные «Щ-421» и произведен еще один выстрел — за потопленное погибшей «щукой» вражеское судно.

В августе 1942 года Котельников был назначен командиром, а Герасимов комиссаром дивизиона подводных лодок. К этому времени «К-22» совершила шесть боевых походов, уничтожила восемь вражеских транспортов и боевых кораблей. И нет сомнения, в ее успехах решающую роль сыграли не только высокая боевая подготовка, но и крепкая идейная закалка экипажа, воспитанного военкомом Герасимовым и всей партийной организацией лодки. Если перед войной в ее состав входило всего семеро коммунистов, то в 1942 году их было уже почти две трети экипажа.

До конца войны Лев Николаевич Герасимов участвовал еще во многих походах и за боевые заслуги получил новые награды. Он не оставил флота и в послевоенные годы: командовал подводной лодкой, учил и воспитывал новые поколения советских подводников. Своей скромностью, верностью великим идеям Ленина, всей своей сутью мужественного бойца-коммуниста он внес неоценимый вклад в это важное дело.

Юлий
АННЕНКОВ

КОМИССАР — СЫН КОМИССАРА

Московские моряки

Наша полуторка, не сбавляя хода, круто свернула с бульвара на улицу Кирова, темную, как ущелье в горах. Только кое-где посверкивали голубые щелочки маскировочных фар. Кто-то из молодых солдат, отобранных на сборном пункте командиром в черной шинели и флотской фуражке, спросил матроса, сидевшего в кабине:

— На каком корабле воевать будем?

— Корабль что надо! Без киля и клотика. Вот приедем...

Конца фразы я не расслышал, потому что с крыши Главного московского почтамта дробно и гулко ударили зенитки.

Смысл сказанного бывалым матросом я понял на следующее утро, когда всех новоприбывших, переодетых в синие фланелевки с черными брюками, привели в зал, где перед нами выступил комиссар Евгений Яковлевич Юровский.

— Рассаживайтесь по банкам! — сказал он, указывая на ряды скамеек.— И привыкайте к нашей флотской терминологии.

Батальонный комиссар показался нам строгим. Четко очерченные губы крепко сжаты, брови чуть нахмурены. Зато глаза — добрые, небольшие, золотисто-карие и, как выяснилось вскоре, весьма зоркие. На вид комиссару было лет тридцать, не больше.

— Поздравляю вас с зачислением в состав 14-го Отдельного гвардейского минометного дивизиона моряков! Теперь вы — гвардия, да еще морская!

Вот тогда-то мы и узнали, что уже в сентябре сорок первого на дальних подступах к Москве, под Вязьмой и Ржевом, вела огонь по фашистским танкам морская артиллерия. Орудия, снятые с кораблей, не могли передвигаться и стояли, закрепленные на своих огневых позициях. Против них бросались в атаку гитлеровские батальоны, несущие на своих сапогах пыль и прах почти всей покоренной Европы, на них наползали танки с черно-белыми крестами на башнях, и лишь остатки атакующих откатывались потом назад под грохот разрывов корабельных снарядов. Но наступил момент, когда кончились боеприпасы. Враг, прорвавшись на соседних участках обороны, замкнул кольцо

вокруг морских батарей, тогда артиллеристы по приказу командования взорвали пушки и в рукопашных схватках прорвались к своим из окружения.

Традиции флота

Когда в канун 24-й годовщины Октября из морских артиллеристов и из нового пополнения был сформирован 14-й дивизион, Евгения Яковлевича Юровского вызвал к себе уполномоченный наркома ВМФ в Московской зоне обороны дивизионный комиссар Звягин.

— Считайте, что вам повезло! — сказал он.— Получите новейшее оружие. Сокращенно называется РС, а точнее я и сам о нем ничего не знаю. Слышал, что-то минно-торпедное...

Теперь каждый знает, какое это было оружие: установки реактивных минометов. Название «катюша» появилось позже, а тогда говорили просто: «боевая машина». Вместе с новым оружием мы получили инструкцию. Ее знали все: максимальная осторожность и строгая секретность; ближе четырех километров к передовой не подходить; давать не более одного залпа с той же позиции; действовать только при авиационном и пехотном прикрытии; в случае опасности захвата техники противником — установки и боезапас взорвать. Именно для этой цели на каждой боевой машине хранился подрывной заряд — 40 килограммов тротила.

Никто не знал, когда нам придется вступить в бой, через месяц или через день. Надо было изучить наше оружие как можно быстрее. Этим занимались все, от командира части до кока. Пример показывал комиссар. Он и впоследствии, на разных фронтах, в обороне и в наступлении, в краткие часы отдыха между боями, любил повторять веселую фразу, имевшую очень глубокий смысл: «Учиться, как бриться!» Подтянутый флотский вид, независимо от условий, был непреложным законом в части. И такой же непреложной стала обязанность каждого учиться. Что касается коммунистов и комсомольцев, то к ним комиссар предъявлял еще более высокие требования: «Знай и умей на ступеньку выше», «Если ты наводчик — будь готов заменить командира орудия, если командир взвода — сумей в любую минуту принять командование батареей».

Мне довелось прослужить вместе с Юровским более трех лет на многих фронтах Великой Отечественной войны, в разных должностях — от наводчика до командира подразделения. А позже, когда на базе дивизиона был создан 305-й полк моряков, я стал его помощником по комсомолу (в отдельных полках ГМЧ полагались политотделы). И только теперь, много лет спустя, я по-настоящему понял, что главной особенностью Юровского

было знание людей, умение развивать их способности. Еще в первые дни под Москвой он поставил своей целью создать часть, готовую к решению любой боевой задачи. Намерение это осуществилось полностью. Сегодня в Центральном музее Вооруженных Сил СССР можно увидеть гвардейские знамена дивизиона и полка, увенчанные орденом Красного Знамени.

В первые дни существования дивизиона его костяк составляли балтийцы из Кронштадта. Потом, уже на юге, к ним присоединились черноморцы с крейсера «Коминтерн». И конечно, постоянно приходило пополнение из сухопутных частей. Командиры подразделений — многие из них были выпускниками Севастопольского военно-морского училища имени ЛКСМУ, поначалу не имели боевого опыта, но все они пришли непосредственно с флота и были носителями тех морских традиций, которым комиссар Юровский придавал большое значение.

Командир части Арсений Москвин — еще недавно командир БЧ-2 на балтийском эсминце «Гневный» — прирожденный военный талант. И особенно ярко он раскрылся на юге, в непрерывных боях лета 1942 года. Уже в самом начале их совместной службы комиссар Юровский искренне и горячо поднимал авторитет молодого командира, тактично и незаметно воспитывая его самого. Нельзя сказать, чтобы их отношения складывались безоблачно с первых дней. С того момента, как им обоим, одновременно вышедшим из окружения во главе разных групп морских артиллеристов, поручили возглавить гвардейский дивизион, они внимательно присматривались друг к другу. Москвин не терпел посягательств на его командирские права и резко реагировал на каждое замечание комиссара, хотя в глубине души понимал, что Юровский прав. Так было, например, в момент формирования, когда пришло пополнение из сухопутных частей.

— Я привык иметь дело с моряками, а кого мне дают? — говорил недовольный Москвин.

— Вот ты и преврати в моряков этих сухопутных артиллеристов, шоферов, зенитчиков, — спокойно отвечал комиссар.

Зато если кто-нибудь даже из командного состава вышестоящих инстанций пытался хотя бы в неофициальном разговоре незаслуженно критиковать Москвина, Юровский решительно давал отпор:

— Москвин — хороший моряк, лучшего примера для матросов не найдешь. Наше дело — возможно выше поднять авторитет командира, а недостатки есть у каждого. Горяч? Знаю. Суров, даже мрачен. А что взыскателен и строг — хорошо!

Еще под Москвой был случай, когда старшина 2-й статьи, молодой командир орудия, серьезно провинился, командир дивизиона потребовал отчислить его из части. Юровский возразил:

— Человек понял свою вину. Служит он без года неделю, но успел уже многому научиться. Он не трус, не разгильдяй. Мы бесспорно воспитаем из него командира. Надо лепить человеческий характер, строить его, как дом, кирпич к кирпичу, а выбросить — проще всего.

Москвин вспылил:

— Может, возьмешься сам командовать дивизионом?!

«Самого тебя еще надо воспитывать,— подумал комиссар,— тебя — героя, боевого флотского командира»,— но вслух он сказал:

— Нас с тобой послали на сухопутный фронт партия и командование, так что воли нервам не давай. Сейчас у нас с тобой одно дело: гнать немцев от Москвы.

В ходе боев под Москвой складывалась их дружба — дружба, не нуждавшаяся ни в каких словесных выражениях, без затаенных обид, но и без скидок. Такая же дружба постепенно связала, сцементировала, укрепила весь дивизион, всех, за редким исключением, служивших в нем людей.

Командующий опергруппой гвардейских минометных частей генерал Нестеренко ставил эту спаянность чуть ли не на первое место, говоря об исключительных успехах дивизиона Москвина и Юровского. Это было в период, пожалуй, самых тяжелых испытаний, самых ожесточенных боев, выпавших на долю части летом 1942 года, сначала на Южном, потом на Северо-Кавказском фронтах.

— Смелость — это еще не все,— говорил генерал,— без мастерского владения техникой, без умения разобраться в боевой обстановке, которые отличают Москвина и Юровского, не было бы и успехов. Но есть у них еще одно качество — морская дружба! Вы думаете, у командира с комиссаром не бывает стычек? Еще какие! А действуют они как один человек. Весь дивизион — как один человек. Батарея — с батареей, расчет — с расчетом, матрос — с матросом. Это такая цепочка, что не перегрызешь!

И командующему, и офицерам части, и всему ее составу было ясно, что душа этой дружбы — комиссар Евгений Юровский. Недаром он всегда так заботился о сохранении и укреплении морских традиций. Еще на Западном фронте, в тех самых батареях, из которых потом был сформирован 14-й дивизион, Евгений Яковлевич воспитывал людей на примерах из истории русской морской доблести и гражданской войны — ведь тогда еще не успели появиться в части свои герои. Образцом верности Родине, примером для подражания он называл матросов с крейсера «Варяг», отважных «потемкинцев» и революционных моряков Маркина, Хохрякова, Железнякова... О подвигах этих легендарных героев Юровский рассказывал так живо и непосредственно, будто

служил вместе с ними. И люди стремились стать похожими на них даже внешне: пулеметчики носили поверх бушлатов перекрещенные пулеметные ленты; бескозырку и тельняшку, когда встала необходимость переодеться в сухопутную форму, сохранил почти каждый; офицеры носили морские фуражки, а на рукав гимнастерки нашивали якорь; белые якоря на дверках машин служили отличительным знаком части.

Юровский не раз говорил: «Если морские традиции и морская форма помогают лучше бить врага — слава этим традициям и этой форме!» По его просьбе командующий Северо-Кавказским фронтом Иван Ефимович Петров разрешил морякам носить гимнастерку расстегнутой, чтобы видна была «морская душа» — тельняшка. Интересно, что почти каждый новый боец, попадавший в часть, откуда-то раздобывал себе флотскую бляху или тельняшку. «У нас все — моряки,— говорил Юровский,— и, если в части останется хоть один человек, пришедший с флота, если даже не останется ни одного, часть все равно будет морской». Впоследствии, в качестве особого поощрения за ратные дела, командование Черноморского флота — снова по предложению Юровского — обеспечило полк комплектом морского обмундирования. К тому времени полк был уже широко известен по всему фронту, в его строю было много героев, с которых брали пример, как когда-то с моряков гражданской войны.

Отец и сын

В июле сорок второго дивизион, переброшенный на Южный фронт после разгрома немцев под Москвой, расположился в одной из донских станиц. Как-то после отбоя, когда все, кроме караульных, уже спали, Юровский вышел за околицу, чтобы собраться с мыслями. Утром предстояло радостное и торжественное событие — вручение первых в дивизионе наград за оборону Москвы.

Степная дорога казалась под луной застывшей среди полей рекой. Он пошел по этой дороге, постепенно углубляясь в страну воспоминаний, куда не часто заглядывает человек на войне, но заглянув, видит всю свою жизнь так четко, как вряд ли кому удается в мирное время.

Хотелось найти подходящие слова, чтобы навсегда запечатлеть в сознании бойцов завтрашний знаменательный день, подготовить их к предстоящим жестоким испытаниям. Но вместо этих, пока еще не родившихся слов, в памяти всплыло детство.

...Как это было давно, еще в Свердловске, который тогда назывался Екатеринбургом.

Однажды, 30 лет назад, как теперь, 9 июля — в день его рождения — отец подарил ему игрушечный паровозик. «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка, другого нет у нас пути, в руках у нас винтовка». Нет, эта песня, конечно, появилась значительно позже, но в сознании Юровского она навсегда связана с теми далекими годами, да и сейчас подходит не меньше, хоть теперь у нас кроме винтовок есть реактивные снаряды...

Он сделал над собой усилие, чтобы переключить мысли на сегодняшний день, но они снова упорно возвращались к прошлому. Может быть, именно в нем он подсознательно искал силы для тех испытаний, которые предстояли вскоре дивизиону.

...В полутемной квартире екатеринбургского рабочего Якова Михайловича Юровского часто появлялись незнакомые люди. При тусклом свете керосиновой лампы они тихо беседовали о чем-то, потом расходились по одному, чтобы не вызвать подозрений соседей или жандармов. Маленький Женя, его старший брат и сестра привыкли ничему не удивляться, ни о чем не расспрашивать. Как-то мать спрятала в доме какой-то сверток. Через несколько дней он увидел его на столе. Из развернутого полотна посыпались металлические буковки. Их называли непонятным словом «шрифт». Один из сидевших в комнате — худощавый молодой человек с живыми глазами и бородкой клинышком — сказал отцу:

— Ребята не проболтались бы, тезка!

— Не беспокойся, Яков Михайлович, — спокойно ответил ему отец и обернулся к детям: — Что видели?

Старший брат Шура буркнул:

— Ничего не видели. Мы играем.

— Не видели! — повторил Женя.

Тезка отца тихо рассмеялся. Он посадил маленького Женю к себе на колени и сказал ему:

— Молодец, конспиратор! Ты еще увидишь в своей жизни очень много хорошего. Прекрасная будет жизнь!

Это был Яков Михайлович Свердлов.

Вскоре отца забрали в солдаты — шла первая мировая война. Яков Юровский вернулся, когда Жене уже исполнилось 8 лет, в 1917 году. На площади собралась толпа. Отец говорил с трибуны. Его слова запомнились Жене на всю жизнь: «Голосуйте за список номер пять!» Это был список большевиков — предстояли выборы в местные Советы. Власть уже была в их руках.

Теперь отца редко видели дома: солдат-комиссар Яков Юровский возглавил один из первых на Урале отрядов Красной гвардии. Его же назначили комиссаром «золотого поезда», когда с захваченного белогвардейцами Урала большевики увозили в Москву золотой запас России. «Надежнейшим коммунистом» назвал тогда Владимир Ильич Ленин Якова Михайловича Юровского.

Под его руководством «золотой поезд» с боями прорвался в столицу. Вместе с комиссаром тогда приехала его семья: ее нельзя было оставить в Екатеринбурге, белогвардейцы перебили бы их всех поголовно.

В Москве они поселились во 2-м Доме Советов — так называли тогда гостиницу «Метрополь». Именно здесь Женя впервые увидел Ленина. А было это так: перед новым, 1919 годом ребята решили пригласить на елку Владимира Ильича и тут же избрали «делегацию». В нее вошли и братья Юровские: Шура и Женя.

В ресторанном зале «Метрополя» заседал ВЦИК. У массивных дверей стоял матрос в бушлате, перекрещенном пулеметными лентами. Он проверял пропуска и нанизывал их на штык. У ребят пропуска не было, но дети революции знали свои права — ведь они делегаты! Ребята потребовали вызвать коменданта. Он явился — суровый и строгий: Владимиру Ильичу некогда разговаривать... Но магическое слово «делегация» все же сыграло свою роль. Из мраморного зала вышел Владимир Ильич в зимнем пальто и шапке-ушанке. Он поздоровался и совершенно серьезно спросил, какие вопросы у делегатов? Ленин расспросил ребят, как они живут, ходят ли в школу, что им дают есть в клубе-коммуне 2-го Дома Советов. И, наконец, сказал, что постарается побывать на елке, но ребята должны понимать: идет война, дел очень много, если время выкроить не удастся — не обижаться!

Приехать Ильич не смог, но о детской просьбе не забыл — прислал на елку поэта Демьяна Бедного и комиссара-балтийца Еремеева.

...Потом была работа на заводе, а в 1932 году — курсы командиров-артиллеристов, по окончании которых — служба на создававшемся тогда Тихоокеанском флоте. И вот сейчас... «Отец... Если бы он был на моем месте, что сказал бы он матросам?»

И тут вспомнилось, как Яков Юровский однажды прочел сыну, приехавшему в отпуск с Дальнего Востока, строку из военных произведений Энгельса... «Вот это я и скажу!»

На следующий день вручали награды. Москвину и Юровскому — ордена Красного Знамени. Ту же награду получили главстаршина Шустров, матросы Зелинский, Белоусов и многие другие.

— Друзья мои! — начал свою речь комиссар. — Наш дивизион существует немногим более полугода. Сегодня первый его праздник. Большой праздник! Но будут еще бóльшие. Сегодня мы получаем награды, заслуженные еще под Москвой, еще до рождения дивизиона. Каждый из нас принес с собой в эту часть все лучшее, что у него есть, — дорогие воспоминания, верность героическому прошлому и верность светлому будущему, за которое мы воюем. Приближается время жестоких сражений. Пусть в них каждый

берет пример с защитников Москвы. Нам дали замечательное оружие, и мы им гордимся, но помните всегда очень верную мысль Энгельса: «Не ружье, а солдат выигрывает войну!»

Корабль в степи

Евгений Яковлевич Юровский всегда считал, что подвиг — это не только героическое действие, но и состояние души совершившего его человека. Самоотверженность и решимость одного в нужную минуту вызывает в сердцах окружающих его людей огромный отклик или, как сказали бы мы сегодня, цепную реакцию энтузиазма, пробуждающую дремавшие в нас, не известные нам самим огромные моральные силы. Так рождаются новые подвиги и возникает то удивительное явление, которое мы называем «массовый героизм». Массовым подвигом были действия 14-го дивизиона моряков летом 1942 года, когда немецко-фашистские танковые и механизированные соединения хлынули в донские степи. Сплошной линии фронта не было — только грохочущие и ревущие танковые клинья, которые все глубже вонзались в истерзанные просторы нашей земли, испепеляли поля и станицы, теснили на юго-восток наши части. Тогда-то и появились крылатые слова «корабль в степи».

Так называли на фронте дивизион капитан-лейтенанта Москвина и комиссара Юровского — три батареи боевых машин с якорями на дверках кабин. Маневрируя в степи, как корабль в открытом море, они перерезали дороги фашистским танковым колоннам, появлялись у них то с фланга, то с тыла, вступали в непредусмотренный никакими уставами встречный бой, расстреливая вражеские машины прямой наводкой, сжигая их внезапными залпами на ночных стоянках. Моряки двигались параллельно колоннам противника, иногда пристраивались им в хвост и били без всякой пощады, пользуясь ночной темнотой или непроглядной пыльной завесой. А когда кончались снаряды, они встречали противника с гранатами в руках, скинув пропыленные гимнастерки, в одних тельняшках. И видел враг через смотровые щели в броне, что эти люди — крепче брони.

Двадцать дней и ночей непрерывно, непрестанно длился этот бой — бой «по уставу сердца», как учил краснофлотцев их комиссар Юровский. А первым, кто вызвал «цепную реакцию» массового героизма, был младший политрук Абызов, совершивший свой подвиг 23 июля 1942 года.

За спиной дивизиона моряков лежал горящий Ростов-на-Дону. Бурые клубы дыма поднимались над ним в безветренное небо. «Юнкерсы» яростно бомбили город и переправу, по которой наши

войска отходили за Дон. Было жизненно необходимо хоть на несколько часов задержать наступавшие части противника. Севернее Ростова-на-Дону, в районе аэродрома, отход наших войск прикрывал 14-й дивизион моряков. Сейчас уже никто не вспоминал ни о пехотном, ни об авиационном прикрытии. Ни одного советского бойца не было впереди дивизиона, если не считать троих разведчиков. Совсем недавно секретаря комсомольской организации части младшего политрука Александра Абызова, по предложению комиссара Юровского, назначили начальником дивизионной разведки. Теперь, вместе с матросами Журавским и Кравченко, он сидел в маленьком окопчике, отрытом в четырех километрах от огневой позиции. В знойном воздухе нарастал тяжелый гул. То исчезая, то появляясь среди складок местности, замелькали черные точки. Они росли, множились. Скоро их уже нельзя было сосчитать. Абызов одно за другим передавал на КП дивизиона краткие радиодонесения. Командир и комиссар его глазами видели происходящее. Они понимали, что только внезапный и очень точный удар мог бы обеспечить дивизиону инициативу, которая позволит задержать этот неудержимо надвигающийся вал железа и огня.

Москвин уже готов был подать команду «Залп!», когда Абызов передал на КП: «Прошу огня не открывать». Комиссар Юровский сказал нетерпеливо сжавшему челюсти командиру:

— Абызов знает, что делает! Ждать недолго.

И верно: через несколько минут, когда танки, беспечно катившие с открытыми люками, надвинулись ближе, из тщательно замаскированного окопчика Абызова на командный пункт по радиотелефону донесся негромкий голос:

— Танки на моем рубеже. Прошу дивизионный залп!

Еще не прозвучал ни один выстрел, а Юровский и Москвин уже сняли свои черные фуражки. Комиссар тихо сказал:

— Слава погибшим героям.

Прогремел залп. Сто девяносто два реактивных снаряда. Буря раскаленных осколков. Тонны взметнувшейся земли. И среди всего этого, где-то там — Саша Абызов, матросы Журавский и Кравченко, вызвавшие на себя огонь дивизиона, в значительной мере определивший исход боя, и не только потому, что одновременно запылали одиннадцать танков, а вся железная лавина врага на какое-то время превратилась в скопище машин, но и потому, что цепная реакция подвига началась. Четко маневрируя, поочередно стреляя и медленно отступая, батареи морского дивизиона уничтожали все больше и больше танков. Они боролись за каждый метр родной земли, отвоевывали драгоценные секунды, минуты, часы для отхода и перегруппировки наших основных сил.

Прошел день. Настала ночь. Теперь уже с ростовских улиц моряки вели огонь отдельными боевыми машинами — прямой наводкой, по вспышкам танковых пушек, почти в упор били они врага так, что осколки снарядов долетали до своих же орудий. И только на рассвете, когда не осталось ни одного снаряда, моряки отошли за Дон. В этом бою было уничтожено пятьдесят танков. Около суток продержал дивизион танковое соединение врага под Ростовом.

А еще через сутки на одном из коротких привалов появился Александр Абызов с двумя своими разведчиками. Конечно, никто из них не рассчитывал остаться в живых, как не рассчитывали в дивизионе еще раз их увидеть. Оглушенные разрывами наших снарядов, они вылезли на поверхность земли уже ночью, когда танки продвинулись далеко вперед. Обойдя их с фланга, разведчики переплыли Дон и пришли в свою часть, где на них уже были заполнены наградные листы: «...к ордену Красного Знамени — посмертно».

Комиссар Юровский перед строем спросил Абызова:

— Как ты принял такое решение?

Абызов помедлил. Он был очень смущен.

— Я подумал,— наконец сказал он,— нет никого, кроме нас. Идут двести танков. Не пропускать же их на своих. А вас — полторы сотни плюс Ростов.

Что мог ответить ему комиссар? Он обнял героя со словами:

— Я уже слышу, как ты передаешь данные для залпа по Берлину.

Предвидение это сбылось. Действительно Абызов корректировал огонь Краснознаменного полка моряков по окраине Берлина, а еще через несколько дней написал на одной из колонн рейхстага: «Москва — Берлин, гвардейцы-моряки».

Никто в дивизионе не мог предвидеть тогда, каким будет его победоносный путь к логову врага, но после ростовского боя Евгений Яковлевич Юровский уже был уверен, что создана такая часть, за которую не стыдно не только перед своими начальниками, но и перед отцом — комиссаром гражданской войны, и перед тем великим человеком, которого он в детстве видел однажды у входа в зал заседаний ВЦИК и чей портрет выткан на врученном дивизиону гвардейском знамени.

Последующие двадцать дней подтвердили уверенность комиссара. И если июль и август 1942 года были впоследствии вписаны в ту главу истории войны, которую называют отступлением, то для дивизиона моряков эти месяцы нередко были наступлением. Нет никакой возможности описать или даже перечислить все эпизоды этого беспримерного сражения. Жизнь стала непрерывным боем. Грани времени стерлись, не было ни дня, ни ночи,

так как не было привычных часов для сна, который отделяет один день от другого. Юровский порой удивлялся запасу сил в себе самом, в командирах и матросах. Беспредельным казался этот запас у капитан-лейтенанта Москвина. Командир и комиссар все время искали врага.

Генерал Нестеренко не сомневался теперь, что дивизион, при наличии снарядов и бензина, выполнит любое задание, и он не скупился на боезапас и горючее, как не скупился и на самые трудные задания.

Так, однажды колонне боевых машин предстояло нанести внезапный ночной удар по танкам, остановившимся на отдых в станице Средний Егорлык. Дивизион быстро двигался к северо-западу по накатанной степной дороге. На подножках первой машины стояли Москвин и Юровский. Навстречу им шли отходящие подразделения.

— Куда идете? Там — немцы!.. Лезете в мешок, товарищи моряки!.. Танки справа и слева! — кричали им солдаты.

Комиссар лишь отшучивался, вольно цитируя Маяковского:

— Мы туда — они сюда, разделение труда.

Такие шутки действовали на матросов лучше любых речей. Они глубоко верили в правильность решения командования дивизиона, верили в командиров своих подразделений, в дивизионную разведку, в самих себя.

Они выполнили тогда поставленную перед ними задачу: три дивизионных залпа обрушились в самую гущу вражеских танков и автомашин, а когда противник открыл огонь, дивизион уже растворился в путанице степных дорог. Позже, когда на коротком привале кто-то повторил при комиссаре его шутку: «Мы туда — они сюда...» — Евгений Яковлевич строго сказал:

— Только не думайте, друзья, что мы воюем, а остальные отступают,— и перечислил пехотные, кавалерийские, артиллерийские части, которые, подобно дивизиону моряков, вели активную оборону, воодушевляя соседей, громили врага и готовили наступление.

Решительность комиссара, его уверенность в силах советской армии, личное мужество увлекали моряков, делали для них невыполнимое выполнимым. Так было на хуторе Жуковском, где собрались подразделения из разных частей. Вражеские танки появились совершенно неожиданно, с той стороны, откуда их не ждали. Паника была бы неизбежной, если бы не присутствие духа у Евгения Яковлевича. Ему удалось быстро вернуть уже уходивший с хутора дивизион. Под прикрытием огня дивизиона командование сумело организовать разрозненные части для отпора врагу.

А через несколько дней моряки надолго расстались со своим

комиссаром. Юровский и Москвин выехали на рекогносцировку к переправе через реку Белую. Тут их машину обстреляли прорвавшиеся вражеские автоматчики. Тяжелораненого комиссара привезли в дивизион. Лежа на носилках, он всматривался в лица бойцов и командиров. Они не пытались скрыть свое горе, не стесняясь слез, подходили к нему попрощаться. Никто не произносил громких слов, но комиссар не сомневался, что и без него они будут воевать как герои.

— Любите свой дивизион! — сказал он.— Мы еще повоюем вместе, друзья!

Под полковым знаменем

Евгений Яковлевич Юровский возвратился в часть через несколько месяцев, когда на базе дивизиона был сформирован 305-й Гвардейский минометный полк моряков. Он был назначен заместителем командира и начальником политотдела. Бойцы из ветеранов дивизиона по-прежнему между собой называли его комиссаром. Но часть постоянно пополнялась, и в ней было много новых людей: матросы-черноморцы, молодые солдаты и офицеры из сухопутных частей, новички, пришедшие прямо из училищ. Юровскому предстояло не только завоевать авторитет среди них, но и сцементировать полк, передать ему лучшие боевые традиции дивизиона, награжденного за бои в донских степях орденом Красного Знамени.

Однажды на полковом сборе он показал бойцам альбом с якорями и гвардейскими лентами на переплете.

— Это будущая история нашего полка,— сказал он.— Пока здесь не заполнена ни одна страница, но я не сомневаюсь, портреты многих из вас скоро появятся в ней.

«История полка» действительно заполнялась очень быстро. В ней появились и радостные и горькие страницы — война не бывает без потерь. Самая тяжелая из них постигла полк 14 августа 1943 года. На своем командном пункте был смертельно ранен командир — капитан 2-го ранга Москвин. Через несколько дней он скончался в госпитале, в городе Сочи. Эта весть потрясла гвардейцев-моряков.

Начальник политотдела с несколькими матросами и офицерами выехал на похороны Москвина, с которым были пройдены самые трудные годы войны. Перед отъездом Юровский договорился с командирами дивизионов о точном времени прощального залпа.

— Пусть даже сама смерть командира послужит делу победы,— сказал он.

Евгений Яковлевич переживал эту потерю не менее тяжко, чем несколько лет назад он пережил смерть отца. По дороге в Сочи все молчали. Юровский не говорил ни с кем, он вспоминал. И свои первые стычки с командиром, и окрепшее в боях единство их мыслей и дел. Москвин с самого начала был для него героем, одним из лучших командиров. Но и у лучших есть недостатки. Недостатки Москвина были как бы продолжением его достоинств: смелость у него переходила в лихость, твердость — в суровость, требовательность граничила с безжалостным отношением к себе и другим. За время их совместной службы характер Москвина во многом изменился под влиянием Юровского, изменились и их отношения. Теперь Юровский не только глубоко уважал, но и любил Москвина, как любят близкого человека — брата или сына, со всеми его качествами — хорошими и плохими.

— В минуту, когда мы предаем земле тело нашего командира,— говорил Юровский над открытой могилой,— сражающиеся на боевых рубежах гвардейцы-моряки дают залп по врагу. Пусть же этот залп-салют нанесет новый урон захватчикам, а наш полк впишет новые героические страницы в свою историю.

Вернувшись на огневые позиции, Юровский узнал, что в результате залпа-салюта наши части заняли важный опорный пункт — высоту 95,5 в районе станицы Неберджаевская, уничтожив при этом много техники и живой силы противника.

В полк прибыл новый командир — молодой майор Петр Петрович Пузик. Это был один из тех офицеров, которые особо отличились во время степных боев 1942 года. Заместитель командира по политчасти подполковник Юровский верил, что новый командир поддержит исконные морские традиции, которые так бережно охраняла часть. И он не ошибся, первый же приказ майора Пузика гласил:

«Вступая в обязанности командира полка, приказываю:

1. Всему личному составу свято хранить и множить лучшие традиции русского флота.

2. В первых же боях прицельным огнем, своими залпами отомстить за смерть нашего любимого командира — гвардии капитана 2-го ранга Москвина».

Много лет спустя Петр Петрович Пузик, ныне генерал-майор артиллерии, рассказывал однополчанам, с каким волнением вступал он в командование гвардейцами-моряками. Тогда он с первых же дней ощутил крепкую поддержку своего заместителя по политчасти.

Авторитет командира... Он рождается в горячем боевом деле, на полях сражений. Свой авторитет командир полка Пузик утвердил в бою за Новороссийск и при прорыве «голубой линии». Во главе с ним полк прошел через жаркие схватки с врагом на

Тамани, за Полярным кругом, в Польше, в Германии и завершил свой боевой путь на берегу Эльбы. «Комиссара», как по-прежнему называли подполковника Юровского гвардейцы-моряки, уже не было в полку: во время боев в Карелии он получил второе тяжелое ранение, надолго приковавшее его к госпитальной койке. Но его слова и дела продолжали жить в сердцах однополчан. Воспитанные им, сплоченные в единую флотскую семью, они вписали немало славных страниц в начатую им «Историю полка».

Вернувшись в строй после ранения, Евгений Яковлевич Юровский прослужил еще несколько лет на дважды Краснознаменном Балтийском флоте. Потом он много лет работал на заводе «Металлист» в Москве. Его энергии, доброй воле и умению объединять людей обязана своим существованием организация ветеранов полка моряков. Он навсегда остался для нас комиссаром. Каждое его предложение, каждая просьба, касающаяся военно-патриотической работы, воспринималась ветеранами полка как боевой приказ. Шла ли речь о создании полкового музея, о выступлениях перед молодежью или в воинской части. «Комиссар просил...», «комиссар предлагает...» — эти слова, переданные по телефону или в письме, были законом для каждого из нас, где бы мы ни жили, чем бы ни занимались в данный момент.

Евгения Яковлевича уже нет среди нас. На скромной его могиле — якорь, как на множестве могил, оставленных дивизионом, а позже полком на дорогах войны от Москвы-реки до реки Эльбы. Но по-прежнему съезжаются гвардейцы-моряки на задуманные им и ставшие традиционными полковые сборы. Они рассказывают о своей работе на заводах и в сельском хозяйстве, в научных и учебных заведениях. И каждый из нас понимает, что многими своими успехами, лучшими делами мы обязаны великой военной школе и тем принципам верности, твердости и боевого товарищества, которые воспитал в нас Евгений Яковлевич Юровский.

Спасибо Вам, товарищ комиссар!

Игорь
ЧЕРНЫШЕВ

МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

Война уже была в разгаре, когда я, вместе с однокурсниками, надел форму лейтенанта флота — синий китель с полуторными золотистыми нашивками на рукавах и фуражку с такой же золотистой эмблемой — «крабом».

Вместе с несколькими другими «зелеными» лейтенантами меня направили на первую командирскую должность — штурманом (он же помощник командира корабля) на малый морской охотник за подводными лодками, который сокращенно звали «МО». Это был деревянный катер длиной чуть больше 25 метров, шириной в четыре и осадкой в полтора метра. Три авиационных мотора, работавших на бензоспиртовой смеси, позволяли таким крошечным корабликам прямо лететь по волнам со скоростью до 30 узлов, то есть около 55 километров в час. Быстрее, чем некоторые автомобили той поры по сухопутным дорогам.

Но грозной брони на нашем корабле, увы, не было. Над гладкой деревянной палубой — в ее средней части — возвышалась рубка из тонких алюминиевых листов — лишь бы карты не сдуло встречным ветром, — в ней размещались штурман и радист, каждый со своим немудрящим хозяйством. За рубкой — ходовой мостик, обшитый парусиной, на котором, как и на каждом порядочном военном корабле,— главный магнитный компáс (по-морскому ударение на последнем слоге), машинный телеграф, переговорные трубы для связи с боевыми постами, прожектор, ячейки-«соты» для сигнальных флагов и «командирский рояль» — пульт с контрольными лампочками, замыкателями сирены, колоколов громкого боя, ревунов и навигационных огней.

Охотники имели гидроакустику и глубинные бомбы для борьбы с подводными лодками, были вооружены двумя 45-миллиметровыми полуавтоматическими пушками, а также двумя крупнокалиберными пулеметами ДШК.

Экипаж наш состоял из 24 человек, по преимуществу молодых людей, за исключением боцмана да механика, даже командир и помощник были недавними выпускниками военно-морских училищ. Но удивительно быстро все они приобретали умение и боевой опыт.

На морской охотник с бортовым номером 302 мы пришли одновременно с моим однокашником лейтенантом Юрием Азеевым, который, волею судьбы, стал его командиром — моим начальником. Естественно, на первых порах командование побаивалось выпускать в самостоятельное плавание такой «детский сад», и на мостике рядом с Азеевым всегда стоял командир звена старший лейтенант Соколов. Но вскоре он заявил:

— Все, мореплаватели! Хватит вас за ручку водить! Воюйте сами, ни пуха вам, ни пера!

Вскоре «триста второй», в обиходе «двойка», покинул Кронштадт и занял место в охранении транспортов, шедших на запад.

Первая ночь прошла спокойно. Утром около острова Лавенсари нам повстречался конвой. После обмена опознавательными сигналами один из сопровождавших его охотников неожиданно направился к «двойке». На палубе подошедшего охотника стоял невысокий плотный человек в синем морском кителе с нашивками батальонного комиссара.

— Военком нашего дивизиона,— произнес негромко механик катера Павел Белобок, ни к кому конкретно не обращаясь, но, очевидно, предупреждая Азеева и меня, не знавших комиссара в лицо.— Шапуров Гаврила Сергеевич.

Едва катера соприкоснулись бортами, как комиссар неторопливо перелез через леера, ограждавшие палубу. Вслед за ним на «двойку» последовал и потертый чемоданчик с немудреным походным скарбом.

Шапуров махнул рукой, и доставивший его охотник, взревев моторами, пустился догонять свой конвой.

Выслушав доклад вахтенного, батальонный комиссар повернулся к стоявшему около мостика Белобоку и спросил глуховатым баском:

— Ну, как дела, Павел Акимович?

— Нормально, Гаврила Сергеевич.

— Поглядим на норму. Первый раз самостоятельно?

— Да, впервой.

Посмотрев на меня, Шапуров поинтересовался:

— Помощник командира?

— Так точно, товарищ батальонный комиссар! — И я представился, как положено по уставу.

— Добро. Выберем свободную минуту — побеседуем.

— Есть, товарищ батальонный комиссар.

Приблизившись к мостику, он спросил Азеева:

— Разреши, командир?

— Да-да, конечно, товарищ батальонный комиссар. Прошу.

Шапуров поднялся на мостик.

— Здравствуй, командир. Комиссар Шапуров Гаврила Сергеевич. Решил погостить у вас. Познакомиться поближе, помочь, чем смогу.— Он повернулся к рулевому и сигнальщику: — Здравствуйте, товарищи. Примете?

— Конечно.

— Вот и хорошо. А я пока постою здесь. На меня внимания не обращайте, делайте свое дело.

Комиссар отошел на левое крыло мостика, где стоял сигнальщик Николай Слепов. Первое время все находившиеся на мостике и возле него чувствовали себя несколько стесненно и скованно, хотя комиссар ни во что не вмешивался. Он просто стоял и молча смотрел, что и как происходит вокруг. Скоро все, забыв о высоком начальстве, занялись своими обязанностями.

Солнце быстро поднималось за кормой «двойки». Захлопали люки, ведущие в кубрики: одни члены экипажа, отдохнувшие, с припухшими от сна глазами, поеживаясь от утренней прохлады, выходили на вахту, другие, сменившись, торопились вниз, чтобы успеть вздремнуть до появления вражеских самолетов. Так за несколько минут произошла смена на всех боевых постах, в том числе и на мостике. Только Азеев и Шапуров остались на своих местах.

Через некоторое время батальонный комиссар спустился на палубу, прошел на носовую часть корабля, обменялся несколькими фразами с комендором, несшим вахту у пушки, приоткрыл люк и заглянул в камбуз, о чем-то поговорил с минером, стоявшим у пулемета, и, подойдя к Азееву, сказал:

— Командир, если можно, оставь за себя помощника и спустись на палубу. Я подожду тебя на юте.

Военком и командир, стоя между сбрасывателями глубинных бомб, у лееров на самом конце кормы, о чем-то беседовали. Вернее, медленно, не торопясь говорил Шапуров, заканчивая каждую фразу рубящим движением ладони. Азеев же изредка односложно отвечал, согласно кивая. Потом они уселись на стеллажи глубинных бомб и проговорили еще с полчаса.

Вернувшись на мостик, командир вызвал боцмана — старшину 1-й статьи Якова Григорьева — и приказал приготовить чай и горячий завтрак на весь экипаж.

— И чтобы отныне и вовек к утренней смене вахт был такой завтрак. Все!

Григорьев пытался возразить, что это, мол, не входит в его обязанности, да и слишком раннее время для завтрака выбрано. Но Азеев резко перебил его:

— Выполняйте приказание! А ваши возражения выслушаю позднее. Когда придем в базу.

За пятнадцать минут до очередной смены вахты на палубе вновь возникло оживление. Только теперь заступающие на вахту сначала с довольным видом отправлялись на корму для перекура, а сменившиеся, даже не покурив, торопились в кубрики. А дело было в том, что в кубриках на столах впервые во время нахождения катера в море появились чайники с горячим ароматным напитком и банки с разогретой свиной тушенкой.

Когда я спустился в кают-компанию, там за столом сидели военком Шапуров, механик Белобок и боцман Григорьев.

— ...и штатного кока у нас нет,— горячился Григорьев.— Некому у нас кастрюлями заниматься. Не неженки, и сухим пайком обойдемся!

Батальонный комиссар прихлебывал с блюдечка горячий чай, приправленный клюквенным экстрактом, изредка откусывая от рафинадного кубика, молчал. Белобок крутил ложечку в стакане и тоже молчал. Эти трое знали друг друга давно.

Наконец Григорьев выговорился, запал кончился, и он, улыбнувшись, заключил:

— Вот так-то, товарищ комиссар. Нет у нас такой возможности, чтоб горячими блюдами в море баловаться. Воевать надо, а не чаи распивать да борщи хлебать.

Шапуров посмотрел на боцмана:

— Все?

— Все, товарищ комиссар.

— В таком разговоре меня зовут Гаврила Сергеевич. А я думал, что ты еще что-нибудь придумаешь в оправдание своей лени, Яков.

Военком дивизиона отодвинул от себя пустое блюдце, поставил на него перевернутый вверх донышком опорожненный стакан и обратился к Белобоку:

— Теперь видишь, Павел Акимович, какой прохлоп ты допустил как секретарь парторганизации катера? Вот до какой практики тут дошли, да еще и теорию под нее подвели: «Воевать надо, а не чаи распивать»!

— Вообще-то, конечно... Но с другой стороны...

— Вот-вот: «с одной стороны», «с другой стороны»... Эх ты, парторг! Крутишь, как ложечку в стакане. А горячий чай и дымящуюся тушенку первым уничтожил. В горле не застряли.

— Так ведь...

— Вот именно — «ведь»! То есть «ведай», «знай»! Вот и получается, что не ведаешь. А не ведаешь потому, что не подумал сам и к людям не прислушался... Не понимаю я тебя, Павел Акимович. Вот Григорьева — понимаю: боится переработать. С горячей едой ему хлопот прибавится и лишний часок поспать не удастся...

Боцман попытался возразить, но военком пресек эту попытку:

— Я тебя слушал и не перебивал. Теперь будь добр выслушать меня!.. Так вот, парторг, я и говорю, что понимаю Григорьева, предпочитающего спокойствие дополнительным хлопотам. Понимаю командира и его помощника — они здесь люди новые, смысл катерной жизни только-только постигать начали. Прямо со школьной скамьи в непривычную обстановку, да еще с такой ответственностью за всех и за все. По неопытности могли и не заметить или посчитать, что на катерах так и должно быть — это ж не линкоры! Да и заняты они были все это время другими вопросами в связи со вступлением в свои должности. А вот на тебя дивлюсь: ты же не один год служишь на охотниках. Ни тебя, партийного руководителя, ни остальных членов партии на катере я понять не могу: неужели вы до сих пор не осознали, что война будет долгой и тяжелой?! А это так! Так зачем же самим делать ее еще тяжелей?!

— Да, но штатные нормы...

— Да что ты прицепился к нормам?! Война давно перечеркнула все довоенные нормы. По тем нормам наши катера нельзя выпускать в море при волне больше трех баллов. А мы сейчас плаваем и при пяти, и при шести баллах. А нужно будет, и при большем волнении пойдем. И ты это великолепно знаешь!.. Довоенная норма автономности катера — двое суток. А сейчас вы плаваете без захода в базу две недели. Две недели!.. И что ж, эти две недели ты, парторг, собираешься с Григорьевым жить и воевать без горячего харча, всухомятку? Да вас легкий бриз одолеет, не то что сытый враг. Нет, товарищи, вы просто легкомысленно относитесь к делу. Посмотрите, как сегодня все повеселели, приободрились после горячего завтрака!.. Вот, Павел Акимович, пошевели мозгами, посоветуйся с коммунистами, с комсомольцами, да и с беспартийными тоже, и предложи, что надо сделать, чтобы экипаж в море регулярно получал горячую еду. И ты, помощник, вместе с командиром поломай голову над этим вопросом. Я ему уже кое-что сказал по этому поводу. Вот пока и все. Больше никого не задерживаю.

...Сутки прошли на удивление спокойно: ни одного налета вражеской авиации. Лишь однажды далеко в стороне пролетел «юнкерс», видимо разведчик. Комиссар, пользуясь благоприятной обстановкой, облазил все отсеки, побывал на всех боевых постах и везде подолгу беседовал с людьми. Вернувшись из очередного «вояжа» по кораблю, он поднимался на левое крыло мостика и подолгу стоял рядом с сигнальщиком, но потом снова отправлялся в новый «рейс» по катеру.

На следующий день вместе с конвоем прибыли в базу. После

пополнения запасов был разрешен отдых, а затем состоялось короткое открытое партийное собрание с повесткой дня: «Улучшение бытовых условий на катере — одна из мер повышения его боеспособности».

Вопрос обсуждался весьма бурно. Больше всего досталось боцману Григорьеву. Все говорили по-деловому, указывая на недостатки в питании и расписании вахт, предлагали, как их устранить. Одним словом, разговор был откровенным, партийным.

Примерно через неделю мы, возвращаясь в Кронштадт, встретили конвой, державший курс на запад. Шапуров, как обычно стоявший на левом крыле мостика, попросил:

— Командир, подойди к головному. С левого борта. Это — «единица». И распорядись, чтобы кто-нибудь принес из кают-компании мой чемоданчик.

— Уходите, Гаврила Сергеевич?

— Хочу посмотреть, что делается на других катерах дивизиона. Положением дел у вас я теперь почти доволен. Так держать.

Когда катера сошлись бортами, военком громко сказал: «Не командуйте!»,— перелез через леера на палубу «единицы» и поднял руку:

— До встречи! Желаю удачи!

К сожалению, встречи с военкомом дивизиона происходили не так часто, как хотелось бы: он был один, а катеров восемнадцать, к тому же они плавали и самостоятельно, и в составе разных конвоев.

Несмотря на редкость посещений каждого из катеров, Шапуров был хорошо осведомлен о положении дел на них и при необходимости всегда успевал вмешаться в события.

Конец навигации, ледостав и подъем катеров на берег для профилактического ремонта сделали общение с батальонным комиссаром более доступным и регулярным. На занятиях по боевой и политической подготовке в ходе ремонта, на политинформациях, в работе агитаторов и пропагандистов — везде чувствовалось его направляющее влияние.

31 декабря по предложению Шапурова ужин и вечерний чай перенесли на 23 часа. Хозяйственники приготовили нам неожиданный для блокадного Ленинграда подарок: по крохотной булочке из пшеничной муки и по пятьдесят граммов портвейна. Гаврила Сергеевич поднял единственный тост, бурно поддержанный всеми,— «За нашу победу!».

После непривычного торжественного застолья состоялся концерт, в котором приняли участие все, кто умел хоть чуть-чуть петь, танцевать или играть на каком-либо музыкальном инструменте. Затем смотрели веселый фильм «Сердца четырех», унесший нас в довоенные годы. Мы искренне смеялись, и кино-

механик, уступая нашим просьбам, по нескольку раз прокручивал понравившиеся кадры.

Когда все расходились по кубрикам на короткий отдых, меня остановил военком и пригласил зайти к нему. На столе появились две кружки с кипятком, кусочек сахара.

— Вот. Чем богат, тем и рад.

— Спасибо, Гаврила Сергеевич. Но...

— Потом скажешь свое «но». А пока расскажи, как идут дела. Чем живешь, чем дышишь, как складываются отношения с людьми?

Из последующего разговора я понял, что военком дивизиона знает обо всех событиях, произошедших на катере, и о боевых делах и о деталях повседневной жизни экипажа. Отвечая на его вопросы, я, по сути, лишь уточнял и подтверждал отдельные интересовавшие его моменты.

Неожиданно Шапуров спросил:

— Говорят, что ты собираешься подать заявление о вступлении в партию. Верно?

Хотя я об этом думал уже много раз, но, вроде, никому не говорил.

— Да, Гаврила Сергеевич, хотел бы.

— А почему же решил именно теперь вступить в партию? Время сейчас тяжелое.

— Вот... понимаете, Гаврила Сергеевич...

Я не нашелся сразу, что ответить. Но передо мной возникли высохшие, пергаментные лица ленинградцев. Голод. Холод. Санки с трупами, завернутыми в простыни. Молчаливые очереди у магазинов. Широко раскрытые, без слезинок, глаза притихших детей. Поврежденные вражескими бомбами Эрмитаж и «Мариинка»...

— Потому что не могу иначе...

У меня не хватило слов, а горло сжала спазма.

— Ясно, — медленно выдохнул Шапуров и, достав из ящика стола лист бумаги, протянул его мне: — Пиши заявление. Я дам тебе рекомендацию. Верю, не подведешь.

Через две недели в одной из промерзших комнат казармы состоялось партийное собрание, на котором несколько человек дивизиона, в том числе и я, были приняты кандидатами в члены ВКП(б).

В конце собрания, обращаясь к нам, комиссар Шапуров сказал, что звание коммуниста налагает много обязанностей, давая лишь одну привилегию перед беспартийными — быть в первых рядах сражающихся за наше социалистическое Отечество. Сказал, вроде, обычные в таких случаях слова, но они мне запали в душу на всю жизнь.

Я находился в Кронштадтском морском госпитале после ра-

нения, полученного при нападении на наш дозор двенадцати «мессеров», и мысленно прокручивал все перипетии того жестокого боя. Фашистские самолеты обрушили на катера настоящий огненный шквал. И вдруг наш рулевой Алексей Смирнов, не выпуская штурвала, как-то странно попятился, прижимая меня спиной к переборке. И в то же мгновение над палубой вскинулись фонтанчики колючей щепы, крыша рубки покрылась рваными дырами, вдребезги разлетелось стекло ветрового козырька. Меня сильно ударило по ноге, а рулевой дернулся, обмяк и стал медленно опускаться на настил мостика. Только позднее я понял, что он заслонил меня собой от вражеских пуль!

Атаки «мессеров» удалось отбить, но дорогой ценой: на нашем охотнике двое погибли и троих ранило, включая меня самого.

Первым навестил нас в госпитальной палате Гаврила Сергеевич Шапуров. Поздравив всех с правительственными наградами, предложил немудрящие гостинцы того голодного времени.

Прощаясь, батальонный комиссар сказал:

— Поправляйтесь быстрее. Вам еще надо отомстить за своих товарищей.

Конечно, не только эти слова, а сама тревожная обстановка того времени укрепили мое решение бежать из госпиталя. И не одному, а со всей своей «инвалидной командой».

Наше появление на родном катере было встречено радостным хохотом, добродушными остротами и жаркими объятиями. Мы и сами смеялись, глядя на экипировку друг друга. На мне был китель механика катера Павла Белобока, на других — фланелевки с чужого плеча. Наши товарищи как могли подготовили материальное обеспечение «группового побега» из госпиталя.

Здесь мы узнали, что часть нашего экипажа вместе с командиром накануне была переведена на другой катер. Я стал командиром «двойки». А уже через четверть часа охотник миновал боны и взял курс на запад, заняв свое место в ордере.

Через несколько часов, опираясь на палку, я сошел на пирс острова Лавенсари, где нас встречали комдив капитан-лейтенант Бочанов и батальонный комиссар Шапуров, и бодро доложил:

— Задание выполнено. Боевых столкновений не было. Катер готов к новому выходу в море.

— Добро,— хмуро взглянул на меня Бочанов.— А из госпиталя, конечно, сбежал?

Почувствовав ободряющее пожатие локтя батальонным комиссаром, я сознался:

— Так точно.

Капитан-лейтенант отвернулся от меня и стал смотреть на горизонт, подернутый легким утренним туманом. Прошло несколько томительных минут, пока Бочанов не выдавил сквозь зубы:

— Сейчас с тобой разбираться некогда. Но раз пришел, знай: три ночи подряд мы не можем выполнить важное задание. В предшествующие ночи получили тяжелые повреждения два наших катера. Сегодня ночью подорвался и затонул третий. «Двойка» вызвана сюда, чтобы продолжить выполнение задания. А ты — назвался груздем, полезай в кузов. Вечером выйдешь в море.

— Есть вечером выйти в море,— ответил я.

Шапуров взял меня за локоть и отвел в сторону:

— Народ наверняка уже знает. Как настроение?

Я оглянулся и увидел устремленные на нас вопросительные взгляды членов экипажа «двойки».

— Не из радостных.

— Понимаю. Людям не хватает уверенности. А Суворов говорил: «Кто растерян — тот наполовину побежден». Вот наша задача: вернуть людям уверенность в себе. Задача коммунистов катера. Я буду сегодня у вас. А сейчас отойди от пирса и встань на якорь в конце бухты. Дай людям отдохнуть.

Через полчаса к пирсу подошел другой охотник. В бинокль я увидел на его палубе спасенных с подорвавшегося катера. Некоторые были в мокрой еще одежде, босиком, без бушлатов. На многих белели свежие повязки. Мой бывший командир был ранен в руку, а боцман Григорьев, переведенный также с «двойки» на тот катер, как я узнал вечером от Шапурова,— погиб.

Экипаж кончал вечернюю приборку, когда на «двойку» прибыли Бочанов и Шапуров. Выслушав мой доклад, комдив направился вместе со мной в рубку, а Шапуров — на ют, к группе краснофлотцев.

В рубке Бочанов подошел к столу, на котором лежала карта района, и, водя по ней пальцем, изложил суть задания. Оно оказалось далеко не легким.

Итак, к северу от Лавенсари есть небольшой, но сильно укрепленный островок, «нависающий» над фарватером, по которому наши подводные лодки уходят на запад. Чтобы лишить противника возможности следить за движением лодок, островок решено захватить. Известно, что он прикрыт со всех сторон плотным минным полем, и тральщики получили задание пробить в нем проходы для сил десанта. Наша задача — обеспечить траление, то есть не допустить к тральщикам вражеские катера и канонерские лодки.

— С вами сегодня пойдут еще один охотник и два торпедных катера... Кровь из носа, но задание выполнить! Ясно?

— Куда уж яснее. Виноват. Ясно, товарищ капитан-лейтенант.

— Тогда я пошел.

Выйдя из рубки, мы увидели, что члены экипажа «двойки»

плотным кольцом обступили батальонного комиссара. В тишине слышался его негромкий, спокойный голос:

— ...жертвы на войне неизбежны. Но надо стремиться, чтобы их было поменьше. С нашей стороны, конечно. Но для этого нужно мастерство, выдержка и сознание долга. Все это у нас есть. Поэтому нельзя воевать бесшабашно: «Эх! Была не была — все равно помирать!» Помирать-то, может, и помирать, но одно — помереть раньше, а другое — позже; можно помереть с большим толком, так, что о тебе потом век не забудут: «Вот был человек!» А можно и так, что будут говорить: «Да, не повезло парню. Жаль. А мог бы...»

Бочанов кивнул на ют:

— Комиссар беседует. Послушай.

Комдив прищурил красные от бессонницы глаза и спрыгнул в разъездной катерок.

— Три фута вам под килем. И чтоб все было в ажуре.

— А Шапуров?

— Он сказал, что пойдет с вами.

Катерок отвалил от борта.

А Гаврила Сергеевич тем временем продолжал:

— ...Всем ясно: получил задание, команду — выполняй! Надо — жизнь отдай. Не мне вам об этом говорить: Смирнов и Полуэктов служили на вашем катере... Но если можно, надо и задание выполнить, и жизнь сохранить...

— Да, как же. Сохранишь ее в этом чертовом супе с галушками,— угрюмо пробормотал Волчков, пожилой краснофлотец, призванный из запаса и заменивший Смирнова.— Вот три катера ходили, и все три...

Шапуров усмехнулся:

— Значит, тебя на бережок, на теплую печку, а вместо тебя пусть кто-нибудь другой на задание сходит. Так?

— Так не так, а мне неохота ахнуться...

— А кому охота?

Стоявшие рядом с Волчковым товарищи как-то отступили, и он оказался как горошина на ладони.

Пристально посмотрев на рулевого, Шапуров спросил:

— У тебя семья есть, Волчков?

— Есть. Жена — Наила Фокиевна, и трое ребят. Двое на заводе, а третий в школе.

— И все они думают, что ты — богатырь. Защищаешь их от немца. Герой! А ты, оказывается, запечный вояка. Ну что ж. Так и напишем Наиле Фокиевне, чтобы она знала и сыновьям сказала, кто ты есть, Волчков.

Наступила тягостная тишина, которую нарушил Рыбаков, недавно избранный секретарем парторганизации катера:

— Я скажу так: кто боится сегодня идти в море, пусть останется на берегу и не портит нам настроение. Мы справимся и без него. А завтра пусть на пирсе примет у нас швартовы и посмотрит нам в глаза. Верно?

Все согласились с Рыбаковым. Настроение явно пошло вверх. Шапуров чуть заметно улыбнулся:

— Ну а теперь несколько слов о положении на фронтах... Только садитесь поудобней. Еще настоитесь ночью-то...

В назначенное время я дал сигнал сниматься с якоря. На мостик поднялся Шапуров и встал, как тогда, на левом крыле. Неожиданно повернувшись к Волчкову, он сказал:

— Эх, письмо-то Наиле Фокиевне не успел отправить... Какая неприятность... Ну да ладно, потерпи: утром отправлю.

Волчков насупился, но промолчал.

Когда мы покинули рейд, Шапуров подошел ко мне и тихо спросил:

— Придумал что-нибудь?

Я сразу понял, о чем он, и так же тихо ответил:

— Нам целесообразнее, по-моему, идти не впереди тральщиков по минному полю, а позади них, в протраленной полосе. Выскочить же навстречу катерам противника мы всегда успеем.

— А не боишься наткнуться в темноте на подсеченную мину?

— Подсеченную можно обнаружить, а стоящую на глубине — увы!

— Это верно. Но подсеченную обнаружить непросто.

— Поэтому поставил задачу всем: смотреть за водой. Пусть очи повылазят, но смотреть! И смену буду производить чаще, чтобы внимание не притуплялось.

— Кажется, ты прав, командир. Давай действуй. А о повышении внимания и бдительности я матросам еще напомню.

Ночь оказалась тихая, безлунная, а потому тревожная. Члены экипажа безмолвно замерли на своих постах, стараясь взглядом пробуравить тьму.

Семь часов мы делали галс за галсом, то приближаясь к островку, то удаляясь от него. Чувство опасности притупилось, волнение улеглось, но наблюдатели по-прежнему бдительно несли вахту.

Хлопнула задрайка машинного люка, и на палубу поднялся Шапуров. Несколько минут он стоял неподвижно, привыкая к темноте. Затем неторопливо подошел к вахтенному у кормовой пушки. Обменявшись несколькими фразами с ним, перешел к следующему боевому посту. Так он обошел всех и поднялся на мостик.

— Что же, кажется, порядок, все начеку.

Не успел он закончить, как впередсмотрящий Александр Фролов крикнул:

— Мина! Прямо по носу! Дистанция двадцать пять метров!

И сразу каждая доля секунды приобрела цену жизни. Руки автоматически переводят машинный телеграф на «стоп». Теперь надо...

— Мина! Левый борт сорок пять! Дистанция пять метров! — это уже сигнальщик Слепов.

«Еще одна!» — подсказывает мозг, руки сами передвигают ручки машинного телеграфа, приказывая правому мотору: «Полный назад!», а левому «Полный вперед!»

— Право на борт!

— Есть право на борт! — выкрикнул Волчков, с ожесточением крутя штурвал.

Из-за корпуса катера мне не видно мины, и я выполняю маневр только по данным докладов.

— Мина у форштевня! Расстояние два метра!

На палубе у левого крыла мостика послышался какой-то стук, хватающий за сердце, и одновременно голос минера Остапенко:

— Придержи, Зуйков!

— Мина у рубки! Один метр от борта!

Чувствую, как ладони покрываются потом.

— Мина у мостика! Один метр от борта!

Быстро перевожу все ручки машинного телеграфа на «стоп». Катер по инерции медленно движется вперед и будто обтекает рогатую смерть.

— Мина у кормовой пушки! Один метр от борта!

Проходит минута, пока раздается сообщение:

— Мина у кормы, расстояние два метра от борта!

Наконец:

— Мина за кормой!

— Молодец, командир! — тихо говорит Шапуров.— Здорово!

И, похлопав меня ладонью по спине, возвращается на левую сторону мостика.

Сразу даю средним мотором «малый вперед», стремясь избежать второй мины. Шапуров неподвижно, как статуя, стоит у ограждения мостика и смотрит за борт.

Что там такое? Заглядываю через плечо военкома и вижу задранный в зенит пулемет и... пару ботинок на палубе. Командир отделения минеров Зуйков, держась одной рукой за тумбу пулемета, перегнулся через леера и что-то тащит. Слышатся возня и сопение.

— Давай!.. Сюда!..

— Так... Еще...

Из-за борта показывается фигура, которую Зуйков тянет за шиворот бушлата. Еще несколько секунд — и на палубу встает минер Остапенко, без шапки и босиком.

— Что вы там делали?! — удивленно спрашиваю его.

— А я ее... вторую-то... трошки ногой отпихнул,— смущенно улыбнулся минер.— Уж больно близко подошла. Боялся, вдруг тюкнется о борт...

— Молодец!

Шапуров поворачивается ко мне:

— Нет. Не молодец... Герой! Вот только шапку зря потерял.

Остапенко смеется:

— Две руки были заняты, а третья... А третьей, для шапки, нет.

— А ботинки зачем снял? — поинтересовался Шапуров.

— А как же?! Кожаная подошва соскользнуть могла! Да и твердая.

— Ох и хитер!

Гаврила Сергеевич покрутил головой, спустился с мостика и направился к машинному люку:

— Надо мотористам рассказать.

Волчков снял шапку и отер лицо.

— Господи, разминулись!

Слабый свет компаса освещает влажный лоб рулевого.

Незадолго до окончания галса наши тральщики подсекли еще несколько мин. Затаив дыхание, все напряженно вглядывались в темноту, стараясь обнаружить всплывшие мины. Я вел катер осторожными толчками, теперь меня не испугал голос Фролова:

— Мина! Прямо по носу! Дистанция тридцать метров!

— Стоп моторы!

Своевременное обнаружение мины позволило спокойно выполнить маневр и разойтись с ней на безопасном расстоянии.

Катер медленно шел своим курсом. Вскоре начало сереть, на востоке появилась зелено-желтая полоска. Силуэты тральщиков и обеспечивающих катеров вырисовывались все более четко. От воды потянуло предутренней свежестью.

С первыми лучами солнца мы вошли в бухту острова Лавенсари. На пирсе, как и сутки назад, стояли люди, с тревогой ожидавшие возвращения тральщиков.

Командир дивизиона выслушал мой доклад и боднул головой воздух:

— Добро! А сейчас — отходите от пирса. Отдыхайте. Вечером выйдете снова.

День пролетел незаметно. За два часа до выхода на катере состоялось короткое партийное собрание. Рыбаков рассказал о поступке Остапенко. В решении записали: коммунистам исполнять свой долг так, как исполняет его коммунист Остапенко. Вспомнили погибших друзей — Смирнова и Полуэктова, которые являются для экипажа катера образцом служения Родине.

...Мы снялись с якоря и направились к выходу из бухты, когда нас догнал разъездной катерок с Шапуровым.

— Решил еще раз сходить с вами. Возьмете? — спросил Гаврила Сергеевич, поднимаясь на палубу «двойки».

— А почему не взять?! — обрадовался Белобок.— С хорошим человеком везде хорошо.

— И на том спасибо,— отозвался Шапуров, взойдя на левую сторону мостика.

Выбрав момент, Волчков, не поднимая головы от компаса, тихо спросил:

— Гаврила Сергеевич, вы отправили письмо моей жене?

— Не успел.

— Ну и слава богу,— с облегчением вздохнул рулевой.— Подождите до этого возвращения.

— Добро.

Быстро темнело. Легкий ветерок гнал мелкую попутную волну. Низкие тучи закрыли небо. Тьма, еще более густая, чем вчера, наступила раньше положенного времени. Тишину нарушало только негромкое хлюпание воды о привальный брус.

Люди были молчаливы и сосредоточенны, но без малейшего намека на нервозность. Они выполняли свою обычную работу на войне.

А Шапуров стоял на левой стороне мостика и молча наблюдал за спокойными, уверенными действиями членов экипажа «двойки». Это были уже не новички, каждый знал, чего следует ожидать и что делать.

Вблизи островка, в конце галса, тральщики подсекли сразу три мины.

— Урожайный заход,— заметил Шапуров, не поворачивая головы.

И в ту же секунду раздался мощный удар. Невдалеке, перед катером, выросло словно сказочное раскидистое белое дерево, освещенное изнутри красноватым светом. Через мгновение катер обдало густой водяной пылью. Впередсмотрящий, стоявший у форштевня, инстинктивно отскочил к пушке и пригнулся.

Открылся машинный люк, и послышался голос встревоженного Белобока:

— Что? Подорвались?

— Пока нет,— ответил Зуйков.— Мина взорвалась в трале.

Взрыв услышали и на острове. Яркий луч прожектора заскользил по поверхности воды, приближаясь к тральщикам, застопорившим ход для смены тралов. Отчетливо виднелись мокрые макушки подсеченных мин.

Неожиданно раздался голос военкома:

— Командир, ты не забыл нашу задачу: прикрыть тральщики?

От спокойного баска комиссара дивизиона я почувствовал уверенность и отдал команду:

— Зуйков! Приготовиться ставить дым!

Увеличивая ход, поворачиваем прямо на прожектор и, выйдя за пределы протраленной полосы, начинаем ставить густую дымовую завесу. А в голове одна мысль: «Только бы не налететь на мину!»

Луч прожектора, упершись в стену дыма, резко бросается в нашу сторону. Над морем гулко разносятся частые выстрелы автоматических пушек и торопливое уханье крупнокалиберных орудий. Ослепленные ярким светом прожектора, мы не видим ни всплесков, ни трасс. Но и противник, не видя тральщиков за дымзавесой, ведет беспорядочную стрельбу, не причиняя никому особого вреда. Только воздух наполнен свистом пуль и фырчанием осколков снарядов.

Мы, не открывая стрельбы, тянем хвост дымзавесы. Вскоре противник прекращает огонь.

Все идет хорошо: тральщики поставили тралы и дали ход. Вот только ветер за это время заметно усилился и появились волны. Некоторые из них вскидывают пенистые гребешки.

— Погодка-то расходится,— недовольно бубнит Волчков.— А ветродуи говорили — «штиль».

— Значит, опять попали на тридцать процентов,— отозвался Шапуров.

— Каких тридцать процентов?! — удивился рулевой.

При опасном плавании подвахтенные обычно не уходили в кубрики, а стараясь быть ближе к своим боевым постам, собирались позади мостика или сидели на световом люке машинного отсека. Так было и в этот раз. Поэтому едва начался разговор Волчкова с Шапуровым, как все свободные от вахты повернулись лицом к комиссару и плотнее притиснулись к мостику.

Гаврила Сергеевич стоял, привалившись спиной к ограждению мостика и засунув озябшие пальцы в рукава шинели.

— А они, ветродуи-то, гарантируют, что прогноз оправдывается на семьдесят процентов, а тридцать... Вот мы сегодня и нарвались на эти тридцать негарантированных процентов.

— Сейчас они нам уже не страшны,— заметил сигнальщик Слепов. — Задание, вроде бы, выполнили.

— Верно, — отозвался Шапуров. — Задание в общем выполнили. И неплохо. А дадут еще такое же, — выполните еще лучше: теперь вы все знаете, и опыт есть.

Все заулыбались, и только Волчков, не отрывая взгляда от светящегося компаса, проворчал:

— Просто повезло.

Хотя сказано это было тихо, Шапуров все же услышал и возразил.

— Просто повезло?.. То есть удача?.. Однако «вчера удача, сегодня удача — помилуй бог, надобно и умение». Так, кажется, говорил Суворов. А он в таких делах толк знал. Я считаю, что удача не сама к вам пришла, а вы ее добыли. Добыли своим мастерством, своей отвагой, своими высокими моральными качествами. Так думаю я, так думают и твои товарищи, Волчков. И только у тебя — особое мнение. Жаль. Тем более что и ты-то вроде не на печи лежал, а штурвал крутил. И, я полагаю, крутил хорошо. Командир, как ты считаешь?

— Нормально крутил. Даже лучше, чем раньше.

— Ясно?.. И запомни, что удача и везение бывают только у умелых и смелых.

Не успели мы войти в бухту острова Лавенсари, как к нам подскочил разъездной катерок с командиром дивизиона.

— Гаврила Сергеевич, пересаживайся на «тройку»! — прокричал в мегафон капитан-лейтенант. — Я буду на «пятерке»! И сразу же выходим!

Перед тем как покинуть охотник, Шапуров пожал мне руку:

— Спасибо, командир. Хорошо действовал экипаж. Поблагодари всех от моего имени. Особо — Остапенко. Надо представить его к награде.

На палубе, около лееров, он увидел перед собой Волчкова.

— Ну что, счастливец?

Не подымая головы, краснофлотец попросил:

— Вы, это... уж не пишите домой-то...

— Почему? Напишу непременно! Пусть Наила Фокиевна и сыновья знают, что ты их по-настоящему защищал, защищал Родину. Не хуже других. А там, глядишь, постараешься и лучше многих станешь.

Рулевой молча проводил взглядом комиссара и украдкой провел ладонью по щекам...

Вскоре капитана 3-го ранга Шапурова перевели с дивизиона охотников на другое соединение, и встречи с ним становились все реже и мимолетней. Однако в дивизионе частенько вспоминали его и проверяли себя в трудную минуту: а как бы поступил комиссар?

Вспомним и мы его. И хотя давно уже ушел от нас коммунист Шапуров, он навсегда останется в нашей памяти, а сила его духа будет проявляться в тех наших поступках, которыми гордится каждый человек.

Евгений
ВОЙСКУНСКИЙ

ТРУДНАЯ РАБОТА ВОЙНЫ

С Лукой Алексеевичем Таранушенко мы, можно сказать, знакомы давно — с той памятной декабрьской ночи 1941 года, когда наш транспорт подорвался на минах в Финском заливе. Это был огромный по тем временам турбоэлектроход, вывозивший с полуострова Ханко арьергард защитников ВМБ[1]: по приказу Ставки шла эвакуация, Гангутский гарнизон перебрасывался на Ленинградский фронт — в свинцовые метели Невской Дубровки, в промерзшие окопы Ораниенбаумского пятачка, в белое безмолвие ледовых полей вокруг острова Котлин.

Последний караван вышел с Ханко вечером 2 декабря. Мы оставили за кормой, в сгустившейся ледяной мгле, опустевший полуостров, на котором держали 164-дневную оборону. Мы уходили непобежденными — но не всем гангутцам удалось дойти до Кронштадта...

О той трагической ночи не раз писалось. Турбоэлектроход напоролся на густую минную банку, взрывы мин сильно разрушили его, лишили хода. Попытки кораблей охранения взять транспорт на буксир не удались. Минное заграждение словно бы не отпускало свою жертву. К тонущему транспорту подходили сопровождающие его тральщики, снимали людей на свои узкие переполненные палубы.

Штормило. Последним к накренившемуся борту турбоэлектрохода подошел базовый тральщик БТЩ-217. До этого он уже принял сотни две гангутцев, его верхняя палуба была черным-черна от шинелей, но сверху, с транспорта, еще и еще прыгали люди. Прыгнул и я. Внизу подхватывали чьи-то руки. Вскоре тральщик резко отвалил от борта обреченного транспорта и пошел, перегруженный людьми, тяжко переваливаясь с борта на борт. Волны доставали нас, сгрудившихся на юте, окатывали то и дело, оставляя на шинелях белые горошины льда. Мы жестоко мерзли. Рассветало трудно, медленно — тяжелая ночь не хотела кончаться.

Тут-то он и появился на юте — рослый чернобровый моряк в полушубке, с командирским «крабом» на шапке. Пробираясь сквозь плотную черношинельную массу, пробасил:

---

[1] ВМБ — военно-морская база.— *Ред.*

— Шо, гангутцы, замерзли? — И, обернувшись к главстаршине, шедшему следом за ним: — Организуй, боцман, чтобы хлопцы погрелись в машинном отделении. Человек по десять — пятнадцать пускай, а которые согреются — их обратно наверх.

— Механик не пустит в машинное, товарищ комиссар,— возразил боцман.

— А ты ему скажи, что я просил.

Так я впервые увидел комиссара БТЩ-217. Это еще не было знакомством, я даже не знал его фамилии, да и не до знакомства было тогда. Зуб на зуб не попадал, душа будто сжалась и оцепенела. Согреться бы... Дождавшись очереди, нырнул в люк машинного отделения, притулился в теплом уголке за работающим дизелем — отошел немного. Спасибо комиссару!

Познакомились мы позже, в Кронштадте, когда «двести семнадцатый» стоял в сухом доке на Морзаводе. Я был тогда сотрудником «Огневого щита» — газеты Кронштадтской крепости, — и меня не просто тянуло на этот корабль-спаситель, но и служба обязывала: я писал заметки о ходе ремонта. Политрук Таранушенко встречал меня добродушной улыбкой:

— Шо, матросик, опять про нас писать хочешь? Зачем? Мы ж подвигов не делаем, стоим себе в доке.— У него была такая, чуть насмешливая манера говорить.— Ну ладно, иди в бэ-чэ пять, там тебе Кирейцев все, как есть, распишет.

И я шел в электромеханическую боевую часть, в машинное, к мотористу Евгению Кирейцеву — он же был и комсоргом корабля. С его слов записывал в блокнот — как идет притирка клапанов, кто и на сколько выполняет норму. Набрав материал для газеты, я покидал тральщик. Промерзшая сходня звенела под башмаками. Где-то на фортах ухала артиллерия. Из зашитых досками окон заводских корпусов торчали, как стволы пулеметов, трубы печек-времянок. Ледяной ветер выл в проломах, оставшихся после сентябрьских бомбежек. Если не задерживал в пути очередной артобстрел, я вскоре добирался до редакции и садился писать репортаж: «На Н-ском корабле судоремонт в разгаре. Мотористы начали притирку клапанов...»

То была повседневность блокады. Никто из нас не осознавал тогда суровую эпопею зимнего судоремонта, с его голодом и холодом, частыми артобстрелами, нехваткой материалов и топлива. Понимание пришло гораздо позже.

Еще несколько раз мы встречались с Лукой Алексеевичем летом 1942 года. А поздней осенью он уехал из Кронштадта на учебу, и больше я его не видел — целых сорок лет. В конце 1981 года он разыскал меня после публикации одной из статей в «Красной звезде». Он, капитан 2-го ранга в отставке, живет в Киеве. Началась переписка, Лука Алексеевич прислал мне свои

автобиографические заметки. А в мае восемьдесят третьего мы встретились в Киеве — по-весеннему прекрасном, как бы украшенном к Дню Победы бесчисленными свечками цветущих каштанов.

Таранушенко сызмальства мечтал разводить пчел. Однажды десятилетний Лука погнал корову пастись на дальний выгон, там было полно подсолнухов — наковырял мешок семечек и принес сельскому лавочнику Гарбаренко. Тот почесал бровь, раздумывая, и семечки взял, отсчитал хлопчику пятьдесят шесть копеек. С этим богатством заявился Лука к местному пчеловоду Кирилле Шкильному на пасеку. Был Кирилла длинногрив и сердит, с руками, вечно искусанными пчелами.

— Диду Кирилла,— предстал перед ним босоногий Лука,— у вас можно купити рий бджил?

— Ты чий? — повел на него дед хмурым оком.

— Олексы Таранушенки.

— В бога веруешь?

— Нам у школе казали, бога немае...

— Тикай отсюда! — прикрикнул Шкильный и топнул ногой.

Однако вскоре выглянул из загородки, окружавшей пасеку, и увидел пригорюнившегося хлопца.

— Не утик? Ну зайди. Бджил розвести хотишь?

У него в одном углу висела икона, а в другом — лошадиный череп, предохраняющий от сглазу. Вокруг ульев жужжали пчелы. Хлопец оробел. Но когда дед Кирилла сказал, что отдаст рой за рубль бумажкой, а если серебром, то за полтинник, Лука обрадованно кивнул: у него не только денег хватило, но и целых шесть копеек осталось. С опаской взял сито с семейством пчел, накрытое рядовиной, и побежал домой.

— Бджилы? — удивился отец. — Тю, на шо воны нам? Иди с-пид коровы лучше вычисти.

Но улей во дворе остался, семья пчел быстро размножилась, и, надо сказать, мед очень пригодился Таранушенкам в то тяжелое время. Лука тогда уже, закончив семилетку, учился в зоотехникуме, потом работал на МТС, потом — зоотехником в земотделе Новоархангельского района. Был он уже в комсомоле, ходил в активистах, и, наверное, его дорожка прямехонько вела через сельское хозяйство к комсомольской работе. Но осенью 1936 года Таранушенко призвали на военную службу.

В Уманском военкомате спросили, в какие войска он хочет. В какие войска? Лука вспомнил дядю Ефрема Григоренко, служившего когда-то на броненосце «Евстафий» котельным машинистом, его рассказы о восстании на «Потемкине». Грозный призрак

мятежного броненосца витал над тихим Камянечим, где белели в садах хаты и подсолнухи желтыми глазами провожали солнце, садившееся на краю степи за Синюху, медленно текущую среди зеленых берегов...

— Хочу во флот,— твердо сказал Лука.

«Моя флотская одиссея довольно простая,— писал мне Таранушенко.— Крестьянского сына с Киевщины осенью тридцать шестого года в Севастопольском флотском экипаже, по принципу «сила есть», определили в водолазы. Учеба в Балаклавском военно-водолазном отряде, начальником которого был сам Феликс Шпакович, подымавший в Копорском заливе «L-55». Спуск на остов затонувшего в 1855 году английского «Черного принца». Чтение запоем Станюковича, Новикова-Прибоя...»

Сквозь даль лет вижу его этаким рослым морячиной, чернобровым красавцем в белой форменке и широченных брюках с зашитым в нижний передний рубчик пятаком, в бескозырке «блином». Правда, на крейсере «Червона Украина», куда направили Таранушенко водолазом, пришлось выпороть из брюк клинья и в корабельной мастерской перешить бескозырку, чтобы придать ей уставный вид. Дисциплина на крейсере была строгая. А Таранушенко был, что называется, сознательным человеком, с опытом комсомольской работы — недаром же избирался в Подвысоцкий райком комсомола. Его приметило начальство: назначили руководителем группы политзанятий, а осенью 1938 года Таранушенко направили на курсы младших политруков при Политуправлении Черноморского флота. Он к тому времени уже был кандидатом в члены партии. Началось для него время учебы, серьезное знакомство с первоисточниками марксизма-ленинизма. Он обнаружил в себе вкус к учению, к познанию, к теории. Но жизнь торопила к практике. Время шло неспокойное, погромыхивали у границ военные грозы: в тридцать восьмом — Хасан, а теперь, летом тридцать девятого,— Халхин-Гол...

Курсы окончены, на новеньких кителях выпускников — нашивки младшего политрука. Отныне Лука Таранушенко член партии, политработник флота — это уже не только факт биографии, но и судьба.

С Черноморским флотом приходится расстаться. Через всю страну едет Таранушенко на Дальний Восток с предписанием прибыть в распоряжение Военного совета Тихоокеанского флота. Его и в дальнейшем, как и других командиров, много раз перебрасывала с места на место служебная необходимость, выраженная в сухих предписаниях. Переезды быстро становятся привычны военному человеку и уже не требуют серьезной психологи-

ческой перестройки, хотя, конечно, это всегда немного тревожно — сниматься с насиженного места.

Бухта, где стоял отдельный дивизион торпедных катеров, была красива первозданной красотой: сопки, круто обрывающиеся в темное зеркало залива, таежная глухомань. На склоне сопки несколько строений — жилые дома, склады. У пирса покачивались катера. Здесь начал свою самостоятельную политработу Таранушенко, назначенный комиссаром береговой базы дивизиона.

С первой зарплаты (да плюс подъемные плюс дальневосточные) он послал отцу триста рублей. Для деревни это были тогда огромные деньги. Вскоре из Камянечего этот перевод пришел обратно с сердитой отцовой припиской: «Если тебя допустили до казны, то отнеси эти деньги туда, откуда их забрал». Отец, Олекса Юхтимович, был не только грамотный крестьянин — он прошел гражданскую войну бойцом Первой Конной. Принципы крестьянской и конармейской чести не позволяли ему принять от сына деньги, которые, по его представлению, могли возникнуть только путем казнокрадства. Пришлось Таранушенко отписать отцу подробно о переменах в службе, успокоить старика.

Первые уроки политработы ему преподал на тихоокеанском берегу батальонный комиссар Александр Семенович Фатигаров, комиссар отдельного дивизиона. Он был прям в суждениях и не боялся ответственности. Он учил молодого комиссара береговой базы искусству воспитательной работы. «Не замазывай острые углы,— говорил в доверительных беседах.— Поменьше распекай людей, побольше вникай в их характеры, они все — разные. Властью, даже небольшой, надо пользоваться очень осмотрительно». По его заданиям — «нечего на берегу отсиживаться» — Таранушенко выходил в море на катерах, учился обеспечению боевой подготовки партполитработой, изучал тактику данного вида боевой техники. Военное образование приходилось пополнять самостоятельно — сидел по вечерам за книгами.

Однажды январской ночью прибежали за ним: в караульной роте беда! Трое бойцов натопили печку в землянке, да, видно, дымоход раньше времени закрыли — угорели. Когда Таранушенко примчался к землянке, тех троих уже вынесли на мороз.

Искусственное дыхание делали до ломоты в руках, пот заливал глаза. Насилу откачали тех ребят. Сильнейшая была душевная встряска для Таранушенко. Конечно же, не в том дело, чтобы следить, как печки топят. Эти молодые, неопытные парни, призванные на воинскую службу,— они твои подчиненные, и ты, тоже не слишком опытный, за них о т в е ч а е ш ь. Перед их роди-

телями, перед государством. За их здоровье, за боеспособность, за моральное состояние несешь всю полноту ответственности. Вот он, самый главный вывод, сделанный Лукой Алексеевичем для себя из этого ЧП.

Городок на берегу бухты рос, благоустраивался. Некоторые командиры увлекались охотой, рыбной ловлей. Кто-то, семейный, даже птицей домашней обзавелся. А Таранушенко некогда было. Он учился.

В ноябре 1940 года — новый поворот судьбы: приказано отбыть, как говорили на Тихоокеанском флоте, в Европу. На Балтику. А Таранушенко Дальний Восток не только не надоел, но и нравился все больше. Он Фатигарову пожаловался: не хочу уезжать. «Да и мне жаль, что ты уезжаешь,— сказал вдруг суровый комиссар.— Ну, может, свидимся еще». И, проводив Таранушенко до пристани, подтолкнул его на катер.

На Неве, на одной из станций, заканчивалось строительство нового быстроходного тральщика. Новый корабль — новый экипаж, собранный кадровиками по принципу: нужно столько-то краснофлотцев, старшин и командиров таких-то специальностей. Еще не обжили, не «обдышали» корабль, не испытали его мореходных свойств и надежности механизмов, еще не домом, а стальной коробкой, спущенной на воду, был для них новый тральщик,— команда жила пока на плавбазе «Красная звезда».

Еще не была испытана техника, а уже началось испытание экипажа на психологическую совместимость. Тогда, правда, не был в ходу этот термин, родившийся позже, в эпоху НТР. Тогда говорили: сжился или не сжился с коллективом. Таранушенко, назначенный комиссаром, примечал: тон на корабле задает БЧ-5. Волевой старшина группы мотористов Виноградов, начитанный, располагающий к себе открытостью характера моторист Кирейцев, основательный Балонин, пылкий Ронис... Они-то и стали опорой комиссара в нелегком деле сплочения пестрого, как это бывает на новых кораблях, экипажа в единый организм, готовый к походу и бою. Все они входили в бюро комсомольской организации, а комсоргом был Женя Кирейцев, и, надо сказать, неуютно себя чувствовали на собраниях те, кто попадали на его острый язык. Провинившихся «драили» с юморком — это Таранушенко, и сам не чуждый юмору, особенно ценил.

Однако не допускал «перехлеста». Прорабатывали однажды на собрании моториста Чемериса за то, что заведование у него грязновато. Чемерис вскинулся: да что это, корабль еще не вступил в строй, идут работы, а вы хотите, чтоб все блестело... Но под градом критических замечаний умолк, нахохлился. Ру-

левой Костик, языкастый малый, знаток и любитель художественной литературы, вспомнил басню Крылова о некоем животном, которое не пожелало посмотреть, на чем растут желуди. Смех, конечно. Чемерис разозлился, бросил Костику: «Ты за собой приглядывай!» Таранушенко встал, потребовал тишины.

— Вот что, товарищи комсомольцы. Тут правильно сказано: то, что корабль еще не принят от судостроителей, не оправдание беспорядка. Да, товарищ Чемерис, все должно блестеть. А как иначе на флоте? Если завтра на корабле будет поднят Военно-морской флаг, то сегодня корабль должен быть этого флага достоин. Так или не так? Значит, товарищ Чемерис, критику вы должны принять. Теперь насчет желудей. Иван Андреевич не для того басню писал, товарищ Костик, чтобы вы человека обижали. Ясно? Не каждый желудь годится для желудка...

Уже шел июнь сорок первого. На тральщике начались ходовые испытания, самое горячее время — сдача-приемка.

И тут — война. Испытания корабельной техники как бы переливаются в долговременное, нарастающее испытание душ человеческих. Июньской ночью БТЩ-217 отваливает от заводской стенки и идет вниз по течению. Нева плавно несет его к заливу. Белые ночи на исходе, но все-таки «ясны спящие громады», видны силуэты проплывающих мимо Петропавловской крепости, ростральных колонн, Исаакия. Разведенные мосты будто салютуют задранными кверху пролетами новенькому балтийскому кораблю, уходящему на войну.

О чем думал Таранушенко, стоя в ту ночь на мостике? Теперь уже не вспомнить. Но скорее всего — не о войне думал, а о молодой жене. Он ведь успел жениться в отпуске, в родных краях. Молодая жена ожидала ребенка. Вот о чем думал, наверное, Лука Алексеевич, глядя на уплывающий в ночную дымку город, на тихую воду залива, на приближающуюся седую громаду Морского собора. Ему, разумеется, и в голову не могло прийти, что скоро, очень скоро вот на этом коротеньком пути по Морскому каналу между Кронштадтом и Ленинградом встанет стена огня...

Конец августа сорок первого года. На Таллинском рейде полно кораблей, тут и БТЩ-217. Он уже много миль, как говорится, намотал на винты. Ставил мины в Ирбенском проливе, ставил у Гогланда, перевозил грузы и тралил, пробивал проходы в немецких минных полях. На его бортах и надстройках вмятины от ударов осколков — уже не раз его бомбили. Этот кораблик теперь не выглядит новеньким, франтоватым, он теперь — чернорабочий войны.

На тральщике с июля новый командир — старший лейтенант Шевелев. Отношения с ним у Таранушенко поначалу сдержанные. Присматриваются друг к другу. Таранушенко видит: Шевелев в трудной обстановке не теряется, решения принимает быстро, уверенно.

Но главное-то заключалось в том, что они стояли рядом на мостике, под огнем и судьба у них была одна на двоих. Незаметно перешли на «ты». Тон их разговоров становится все более доверительным. Но они не потакают друг друга.

— Ты бы поменьше стоял на мостике, Лука Алексеич,— говорит Шевелев.

Таранушенко понимает: Шевелев самолюбив, ему кажется, что комиссар контролирует его действия в море. А он не контролирует, у него другие заботы. Главная забота комиссара перед каждым выходом в море — объяснить экипажу предстоящую задачу, побеседовать с коммунистами, дать им задания, чтоб не только личным примером (это само собой), но и словом подымали боевой дух экипажа в трудных ситуациях; по возможности провести комсомольское собрание. Каждый, как говорится, должен понимать свой маневр...

— С мостика лучше видишь обстановку,— отвечает Таранушенко.— А командовать я тебе не мешаю.

Они засиделись поздним вечером в кают-компании. Тихо на корабле. Только сдержанно рокочет внизу, в машинном, движок. Да с берега доносится неровный гул — канонада сражения под Таллином.

Это, конечно, верно: в управление кораблем комиссар не вмешивается, отнюдь. Но — наблюдает, чисто морского опыту набирается. Учится чувствовать корабль по-командирски.

— А тебя, Александр Клавдиевич,— говорит он Шевелеву,— прошу поменьше на людей покрикивать.

— На кого? Конкретно?

— На штурмана, к примеру. Отчитываешь его в присутствии сигнальщиков. Если б кто-нибудь так вот — тебя. А?

Шевелев щурит светлые глаза, морщится. Что ж, бывает, что он потребует: «Штурман, место!», а тот не сразу дает местонахождение, корпит над прокладкой, ну и не сдержишься, гаркнешь на весь мостик: «Вы что там, штурман, спите на ходу?» Он, конечно, понимает упрек комиссара: сам-то ох как самолюбив, что же не щадишь самолюбие подчиненного?

— Еще какие будут замечания? — отрывисто спрашивает командир.

— Да не замечание это, Александр Клавдиевич. Я же по-товарищески, объективно...

Помолчали, покурили. Надо бы — по каютам, поспать после

трудного дня, перед новым трудным днем. Но оба медлят: разговор идет серьезный.

— Ладно. Учту твое объективное пожелание. Но и ты учти, комиссар: в боевой обстановке не до воспитательной работы.

— Воспитательная работа никогда не прекращается.

— Даже в бою?

— В бою виден ее результат. Хорошо обучили, хорошо воспитали — выстояли в бою.

— А ты всегда объективен, Лука Алексеевич?

— Стараюсь. А что?

— По-моему, у тебя в команде есть любимчики. Кирейцев, например. Костик. Носков.

Комиссар озадачен. Это, положим, верно, что он душевно расположен к серьезному, надежному Кирейцеву, к насмешливому, острому на язык Костику, к старшине группы минеров Носкову. Лихой морячина этот Носков... Когда штормит, он подначивает тех, кого укачивает, и норовит воспользоваться их харчем... Ну да, эти трое очень по душе ему, Таранушенко, но неприятно, что его пристрастность заметна...

— Учту твое объективное пожелание, командир,— говорит он.

Шевелев, усмехаясь, гасит папиросу в пепельнице.

Гремит не умолкая сражение под Таллином. Обстановка ухудшается с каждым часом. Рейд — под огнем немецких батарей. Не прекращаются налеты авиации, «юнкерсы» рвутся к флагману — крейсеру «Киров», к другим кораблям. Те беспрерывно маневрируют, ставят заградительный огонь, не подпускают бомбовозы к крейсеру.

И вот — с берега сняты последние заслоны. Флот, в том числе и транспорты с войсками на борту, покидает Таллин, главную базу КБФ, направляется в Кронштадт.

Времени для собраний и митингов нет: корабль занимает свое место в ордере. Командир Шевелев обращается к экипажу по корабельной трансляции — объясняет предстоящую задачу. Таранушенко обходит посты, беседует с людьми. Вглядывается в знакомые лица — серьезные, улыбчивые, взволнованные, спокойные... Что это говорил командир о его пристрастности? Да нет же... Каждый член экипажа ему дорог — не только бойкий рулевой Костик, но и, скажем, молчаливый, незаметный комендор Мязнев... К каждому пристрастен! Переход будет тяжелый, товарищи... Держитесь стойко, как подобает балтийским морякам...

Очень скоро, за маяком Кери, начинаются воздушные налеты. Теперь до темноты почти не умолкают орудия и крупно-

калиберные пулеметы ДШК на «двести семнадцатом». Срывает голос, управляя огнем, командир БЧ-2-3 лейтенант Петросян. Достается комендорам... Со шлюпочных ростров ведет огонь из ДШК старшина группы минеров Носков. Этот азартен. Увидел, как «юнкерс», войдя в пике, сбросил бомбу, и кричит: «Это не наша!» «И это не наша!» — орет Носков, посылая очередь за очередью навстречу пикировщику.

Но уже начинались минные поля у мыса Юминда. Всплывали черные рогатые шары, подсеченные резаками тралов. Все больше, больше плавучих мин. В тралах пятерки базовых тральщиков, идущих в голове отряда главных сил, то и дело рвутся мины. Теперь Носков со своими минерами орудует у кормового среза: несколько раз приходится ставить новые параван-тралы вместо взорванных. Быстро действует тральный расчет — Носков здорово натренировал своих минеров.

Главные силы флота пробились в Кронштадт. «Двести семнадцатому» не дают, однако, «отдышаться» у причала.

Ночь мягко опускает на металл его палубы колышущийся полог предутреннего тумана, будто хочет укрыть корабль от беды. Кажется, можно наконец повалиться на койку, расслабиться, заснуть. Но нет: звонки колоколов громкого боя поднимают экипаж на ноги. В динамиках трансляции голос командира: «По местам стоять! Корабль к бою и походу изготовить!»

И снова комиссар обходит боевые посты. Объясняет обстановку. Приказано срочно идти к банке Вигрунд. Да, мы прошли, флот прорвался в Кронштадт, но — есть потери. Можем ли мы, балтийские моряки, отсыпаться, когда гибнут люди, наши товарищи? Ну вот, хоть и сложна обстановка, а, в сущности, все просто: надо идти на помощь... Верно Костик строчку из Маяковского вспомнил: «В раю ужо отоспимся лишек». И вообще, рассвет на носу, а днем спать вредно, доктор не велит...

Тральщик выходит из гавани, полным ходом спешит к банке Вигрунд, где разыгралась трагедия: подорвались несколько транспортов. Туда стягиваются и другие корабли.

Боцман Константин Виноградов, химик Челдышев, сигнальщик Зубрилкин и другие моряки верхней команды, стоя на привальном брусе, вытягивают из воды обессилевших моряков — на борт тральщика поднято около трехсот человек.

Пока БТЩ-217, хоть он и участвовал во многих операциях флота, везло: никаких потерь. Но, конечно, нужно было быть готовыми к ним. Это понимал, само собой, политрук Таранушенко. Понимать-то понимал, что потери неизбежны (уже яростно раскрутился в августе — сентябре гигантский маховик войны), но — не принимала душа этой мысли. Давно уже Та-

ранушенко военный человек, а нутро-то оставалось крестьянское... возделывать землю, хлеб растить, разводить пчел... Но эти мысли сейчас были и вовсе лишние, несвоевременные. Сейчас одно требовалось — выстоять под тяжелыми ударами фашистской военной машины, спасти Ленинград, закалить для дальнейшей борьбы души корабельного экипажа — и свою душу тоже...

В те дни содрогалась кронштадтская земля от бомбовых ударов. В оглохшем от зенитной пальбы небе волнами шли «юнкерсы». Особенно тяжким был день 23 сентября.

Под утро «двести семнадцатый» пришел после очередной ночной минной постановки и стал на Большом Кронштадтском рейде. А утром начались массированные налеты. «Юнкерсы», завывая сиренами, пикировали на корабли, на гавани, на Морской завод. Шевелев бросал корабль влево, вправо, уклоняясь от бомб, вокруг вставали столбы воды и огня. Тральщик — небольшой корабль, на него и одной бомбы хватит, однако искусное маневрирование уберегло БТЩ-217 от попаданий. Но один раз рвануло очень близко за кормой, град осколков обрушился на ют и побил весь расчет 45-миллиметрового орудия. Только комендор Мязнев остался жив, ему перебило руку, но сгоряча он не почувствовал, пытался наводить одной рукой, пока не подбежали санитары.

Весь день продолжались налеты. Лица моряков были покрыты серыми пятнами ила, выброшенного взрывами с грунта. Черным дымом окутался Кронштадт. Когда схлынули наконец, потеряв с десяток машин, стаи бомбардировщиков, «двести семнадцатый» ошвартовался у стенки Средней гавани. Убитых отправили в морг, раненых — в госпиталь. То были первые потери. Еще, казалось, звучали в кубриках голоса этих ребят, их смех. Еще вчера комиссар разговаривал с ними, одному что-то объяснял, другого подбадривал, с третьего взыскивал. Невозможно было поверить, что их нет в живых.

Экипаж выстроился на юте. Таранушенко оглядел усталые лица. Было что-то новое в глазах моряков — потрясение минувшего дня погасило в них обычные веселые огоньки.

— Такого тяжелого дня еще не было,— начал комиссар негромко.— Мы выдержали. Но понесли потери. Почтим память наших погибших товарищей. Они сражались храбро и умерли как герои. Наша память о них,— повышает он голос,— будет не просто памятью, она должна стать местью!

В октябре начались походы на Ханко. Конвои ходили как бы в два прыжка: в первую ночь — до Гогланда, там отстаива-

лись день, а во вторую ночь — до Ханко. Этот второй «прыжок» был смертельно опасен: после прорыва Балтфлота из Таллина в Кронштадт противник уплотнил минные заграждения в западной части залива, намереваясь наглухо запереть флот в восточном углу. Но балтийские конвои, форсируя минные поля, прорывались на Ханко.

Эти штормовые ночи, посвист осеннего ветра, внезапные желтые столбы огня — кто видел, кто испытал это, тот никогда не забудет.

В одном из походов «двести семнадцатый» с гангутцами на борту возвращался с Ханко. Трижды были перебиты взрывами мин параван-тралы. Корабль отстал от каравана, идущего прямиком в Кронштадт, — преследуемый финскими сторожевыми катерами, он был вынужден зайти на Гогландский рейд. Из-за непредвиденной задержки в Кронштадт пришли под утро, уже начинался рассвет, а еще предстоял переход в Ленинград.

Обычный переход по Морскому каналу — десятки раз хожено — теперь был и необычен и непрост. На южном берегу, в Петергофе, сидели немцы, они видели любое движение по каналу, и движение поэтому было ночное. А тут — занимался медленный осенний рассвет, сползал со стылой воды туман, и тральщик, идущий по прорытому еще в старые времена на мелководье каналу, обозначился в дальномерах противника.

Через минуту началось. Замигало пламя на правом траверзе, где смутно темнела полоска петергофского парка, донеслись хлопки выстрелов, и сразу — приближающийся свист снарядов. Рвануло с перелетом, рвануло с недолетом. Шевелев дал полный вперед, надеясь проскочить опасное место и укрыться за огражденной частью Морского канала. Не удалось.

Снаряды, летевшие с южного берега, накрыли корабль. В кормовой части в нескольких местах попало в правый борт, в рваные пробоины хлынула вода. Аварийная тревога! Таранушенко сбежал с мостика, кинулся на ют. Там уже распоряжался помощник командира лейтенант Вздыхалин, началась борьба за живучесть корабля. В затопленном ахтерпике и кормовом кубрике, по колено в студеной прибывающей воде, в дыму и тротиловой гари, старшина группы трюмных Кириченко с матросами заделывали пробоины парусиной, ставили распорки, забивали клинья. Работали яростно — понимали, что от них сейчас зависит жизнь корабля, жизнь экипажа,— но слишком много воды принял корабль, насосы не успевали откачивать, захлебывались...

Услышав чей-то выкрик «Ранен командир!», Таранушенко бегом возвратился на мостик. Лекпом старшина 1-й статьи Грачев, стоя на коленях, стягивал жгутом ногу Шевелева, лежавшего у

переговорных труб. От потери крови командир был смертельно бледен. Когда Грачев с помощью санитара понес его с мостика вниз, Шевелев с трудом проговорил: «Комиссар... доведи корабль до Кронштадта...»

Ну вот, комиссар, настала твоя минута... Все, чему тебя учили и чему ты сам учил, и вся твоя жизнь на земле и на море, и жизнь нескольких десятков людей, населяющих стальной корабль, с их прошлым и будущим, с их стойкостью, и гневом, и надеждой, — все сошлось на этой минуте... Слышишь, как ревут немецкие пушки, нацеленные на тебя, на твой корабль...

Укрыть корабль!

Встав на командирское место у переговорных труб, Таранушенко крикнул в жестяной рупор:

— На корме! Шашки с правого борта!

Носков, старшина минеров, расторопен. Одна за другой летят за борт дымовые шашки, выбрасывая кудрявый белесый дым, и ветер подхватывает, несет завесу вперед, прикрывая тральщик от глаз противника.

«Доведи до Кронштадта...» Командир прав: до Питера не дойти, надо поворачивать обратно в Кронштадт... Таранушенко приказывает радировать в штаб ОВР [1]: «Имею повреждения, дальше идти невозможно, возвращаюсь в Кронштадт». И, приняв решение, командует рулевому:

— Лево на борт!

Одновременно переводит ручки машинного телеграфа на «малый». А сквозь рваные полосы дыма видно, как взметываются гремящие столбы воды по курсу — по прежнему курсу, с которого тральщик сошел. Штурман Фадеев выскочил на мостик, бледный, кричит что-то, не сразу услышал Таранушенко в грохоте обстрела:

— Здесь мелко, товарищ комиссар!

Да-да, штурман, разворачиваться в Морском канале опасно, можно выскочить на мель — вон какую муть поднимают винты за кормой...

— Круче перекладывать! — кричит комиссар рулевому.

Костик и без того старается, чтобы циркуляция была короче. Застрять тут на мели — погубить корабль. Сотрясаясь стальным телом, тральщик круто разворачивается в воде, избитой разрывами снарядов, взбаламученной винтами, на обратный курс. И снова летят за борт шашки, извергая клубы спасительного дыма. С притопленной кормой, под надсадный вой насосов, медленно полз «двести семнадцатый» обратно в Кронштадт. Шли часа

---

[1] ОВР — охрана водного района.— *Ред.*

три. С помощью Вздыхалина комиссар ошвартовал тральщик у стенки гавани. А на стенке уже поджидала санитарная летучка, вызванная штабом.

Таранушенко, Вздыхалин, Фадеев и мичман Желенков понесли на носилках израненного в ноги Шевелева. Несли по правому шкафуту сквозь живой коридор, экипаж молча прощался с командиром. Его и еще двоих раненых — химика Челдышева и сигнальщика Зубрилкина — увезли в госпиталь.

А вскоре на корабль прибыл начальник штаба КБФ контр-адмирал Ралль. Выслушал доклад Таранушенко, крепко пожал ему руку, сказал:

— Благодарю, политрук, за службу, за храбрость.

Начштаба осмотрел повреждения и дал представителю Морзавода указание срочно проделать ремонтные работы. Он обратился к личному составу с короткой речью, которую закончил словами:

— Никакой враг не победит таких моряков, как экипаж БТЩ-217!

Люди были изрядно измотаны бессонными ночами, артобстрелами, напряженной борьбой за живучесть корабля. Они часто слышали слова о долге, но такие слова, такую похвалу, да еще из адмиральских уст, слышали впервые. Это очень подняло настроение экипажа.

На следующее утро тральщик поставили под портальный кран, завели под корму стальные стропы, приподняли. Стоя на плотиках, судоремонтники принялись латать пробоины, вспыхнули голубые огни электросварки. Еще через день боевые раны корабля затянулись металлом. Если б с такой же быстротой заживали раны людей!

А во флотской газете появилась заметка, вписавшая в великую хронику войны и этот боевой эпизод. Там было хорошо сказано о комиссаре Таранушенко, в критическую минуту боя заменившем раненого командира корабля.

Об этом корабле, с которым связала меня судьба, можно писать еще и еще. В первую блокадную зиму, когда он стоял на кильблоках в одном из доков, я бывал на нем довольно часто.

— Шо, матросик, опять про нас писать наметился? — с чуть насмешливой улыбочкой спрашивал комиссар Таранушенко.— Иди в бэ-чэ пять к Кирейцеву...

Я видел, как им тяжело своими силами выполнять заводские работы. Слышал, как рулевой Костик читал по корабельной трансляции хлесткие эпиграммы, которые сам же и сочинял:

Таранушенко поручил ему еженедельный выпуск радиогазеты. На Костика, бывало, обижались. Боцман, задетый за живое, пришел однажды к Таранушенко с жалобой, просил унять Костика.

— Ничего, ничего, боцман,— усмехнулся комиссар.— К сатире и юмору надо относиться терпеливо. Все правильно.

Можно написать о летней кампании 1942 года, когда «двести семнадцатый» выводил подводные лодки и встречал их, возвращающихся из славных походов, ходил в дозоры, перевозил людей и грузы на остров Лавенсари, ставил мины на коммуникациях противника... Это был превосходный, спаянный боевой дружбой экипаж, и не будет преувеличением сказать, что его душой был комиссар. Его любили за простоту, справедливость и юмор.

В конце сорок второго Таранушенко направили на учебу, а по окончании курсов назначили замполитом на эсминец. Потом, уже в послевоенные годы, служил на гвардейском дивизионе больших охотников за подводными лодками. В 1956 году он ушел в отставку.

В мае 1983 года Лука Алексеевич встречал меня в Киеве на перроне вокзала, и я — спустя сорок лет — узнал его сразу. Время, конечно, потрудилось над ним, как и над всеми ветеранами,— посеребрило былую смоляную шевелюру, избороздило морщинами лицо. Но по-прежнему Таранушенко статен, и карие глаза, как когда-то в Кронштадте, смотрят чуть насмешливо.

Наша встреча в весеннем Киеве, празднично украшенном свечками цветущих каштанов, была сердечной. На столе среди прочей снеди стояла вазочка с густым пчелиным медом.

— Откуда мед? — спросил я.— Из магазина?

— Зачем? Свой, собственный...

От родителей осталась Таранушенко изба в Камянечем с подворьем, и там он, как мечтал когда-то, поставил-таки ульи. Город отпускает его не часто: в свои шестьдесят семь он все еще работает — инженером по технике безопасности. Но когда Таранушенко вырывается из каменных городских теснин в деревню, он с удовольствием возится в огороде, на пасеке, и руки его искусаны пчелами. И он счастлив.

— Значит, ты все-таки стал пчеловодом? — спросил я, удивленный и обрадованный такой прочностью человеческой натуры.

Таранушенко только усмехнулся.

ФАРВАТЕРЫ МУЖЕСТВА

На Севастопольском участке
фронта противник,
не считаясь с потерями,
продолжает атаки против
героического города...
Самоотверженно боролись
с врагом краснофлотцы...
Немецко-фашистские войска
только на отдельных участках
под Севастополем в течение
дня потеряли свыше 2500
человек убитыми.
Уничтожено 14,и подбито
10 немецких танков.

Вечернее сообщение
Совинформбюро от 9 июня
1942 г.

Вячеслав
РУСИНОВ

НА РУБЕЖЕ ПОЛИТРУКА ФИЛЬЧЕНКОВА

В сентябре 1941 года Крымский полуостров был отрезан врагами, гитлеровские полчища рвались дальше — к побережью Азовского моря, откуда им уже виделись снежные вершины Кавказа. Было ясно, что целью командования вермахта в Крыму является захват главной базы Черноморского флота — Севастополя.

На первых порах все, вроде бы, шло по плану командующего 11-й германской армией — генерала Манштейна. 29 октября его батальоны смяли нашу оборону в районе Ишуни и вышли в степную часть Крымского полуострова. Последовал приказ Гитлера через семьдесят два часа, то есть к 1 ноября, овладеть Севастополем.

Тут-то и произошел у них первый сбой. Манштейн не смог ни в этот, ни в другие «крайние» и «самые последние» сроки захватить черноморскую твердыню.

Их сорвали воины Красной Армии, моряки-черноморцы и мирные советские люди, грудью вставшие на защиту города русской морской славы. Чем яростнее рвался враг к стенам Севастополя, тем напряженнее трудились рабочие, ожесточеннее сражались защитники города на подступах к нему.

Чтобы подбодрить свое воинство, Гитлер пообещал наиболее отличившимся в боях подарить виллы на Черноморском побережье, и фашисты с остервенением кидались в одну атаку за другой. Но севастопольцы стояли насмерть. Кипела вода в кожухах пулеметов, обугливались накладки винтовок, накалялись стволы орудий. Но чем больше напирал враг, тем отважнее сражались защитники города. Их стойкость можно было сравнить в эти дни со стойкостью воинов, преградивших захватчикам путь к сердцу Родины — Москве и героически оборонявших подступы к городу Ленина.

«Враг не пройдет!» — поклялись севастопольцы. Их единство цементировали комиссары и политруки, коммунисты и комсомольцы частей и подразделений, кораблей флота. Вдохновляющим словом, личным примером увлекали они людей на правый бой

с врагом, вселяли в сердца уверенность в победе. Среди этих пламенных патриотов был и политрук роты 18-го батальона морской пехоты Николай Дмитриевич Фильченков.

Шел бой. Батальон морских пехотинцев четыре дня отражал яростные атаки врага, пытавшегося пробиться в Бельбекскую долину, на Симферопольское шоссе, ведущее к северным окраинам Севастополя. Высоту 103,4, контролирующую дорогу в долину в районе села Дуванкой, удерживала сильно поредевшая рота, командование которой после тяжелого ранения командира принял политрук Фильченков. Ни у комбата, ни у комиссара Мельника не было никаких сомнений, что Фильченков справится со своим новым заданием.

Уже в первых боях Мельник отметил высокое чувство ответственности и твердый характер политрука, его необычайную чуткость к бойцам, внимательность и такт. Фильченков обладал умением уловить малейшие колебания в настроениях человека, «разговорить» и успокоить его. При этом он не любил длинных и нудных наставлений, слегка по-волжски окая, он говорил коротко и весомо. Комиссар батальона давно заметил и то, что морские пехотинцы тянутся к политруку, уважают его, верят ему.

...Замаскировавшись ветками дубняка, Фильченков внимательно осматривал местность. Перед ним расстилалось широкое полынное поле. Кое-где темнели купы вереска. Левее высоты виднелась высокая насыпь. Она тянулась вдоль дороги, идущей меж скалистых круч к шоссе. Около насыпи — полуразрушенный блиндаж и пустые окопы. Там несколько дней назад находилась позиция боевого охранения батальона. По приказу командования бойцы оставили этот рубеж.

«Если пойдут фашистские танки, то обязательно по этой дороге,— думал Фильченков.— Вот бы засесть там, да взять побольше гранат и бутылок с зажигательной смесью...» Его размышления прервал поднявшийся на гребень высоты комиссар батальона. Фильченков, доложив обстановку, поделился с ним своими соображениями. Мельник внимательно выслушал его, осмотрел в бинокль насыпь, окопы и после небольшой паузы сказал:

— Идея хорошая, тем более что, по данным разведки, из Бахчисарая уже движутся сюда колонны танков. Не исключено, что они попытаются выйти на Симферопольское шоссе именно по этой дороге. Надо закрыть лазейку. Сегодня же вечером займите этот рубеж. Подбери, Николай Дмитриевич, несколько человек понадежнее. Такие найдутся?

— Есть. Из нашей роты можно посылать любого. Возьму четырех человек. Группу возглавлю сам. Справимся.

Мельник испытующе посмотрел на Фильченкова. Нравился ему этот человек. Широк в груди, плечист и темноволос. Мягкий взгляд блестящих карих глаз сочетается с твердым, волевым подбородком. «Хорошая внешность для политработы тоже немало значит»,— припомнил Мельник свое первое впечатление о Фильченкове, когда тот прибыл в батальон. Теперь комиссар твердо знал, что личные качества Фильченкова помогут ему не только как политработнику, но и как командиру, уже зарекомендовавшему себя в боях. «А ведь дело ему предстоит в высшей степени опасное,— думал он.— Живым оттуда вряд ли выберешься, и Фильченков это прекрасно понимает...»

— Добро, действуй как задумал, — сказал комиссар вслух. — Расчет верен. Остальных с пулеметом оставь на высоте для прикрытия с фланга. Помни, Николай, резервы могут подойти не скоро, так что танки надо задержать во что бы то ни стало.

— Задержим,— уверенно сказал Фильченков и спросил: — Как там ротный?

— Ослаб совсем — крови много потерял. А в тыловой госпиталь эвакуироваться отказался наотрез... Ну, готовь людей. Удачи тебе...— Мельник тепло, по-братски обнял политрука.

В роте осталось чуть больше десятка морских пехотинцев. Сейчас они стояли перед своим командиром-политруком. Фильченков верил в каждого из них, знал, что любой вызовется пойти с ним. Кого же взять? Ему было трудно выбирать — все были лучшие, все были готовы выполнить поставленную задачу. Подумав, взвесив все «за» и «против», он сказал:

— Те, кого вызову, три шага вперед... Красносельский!

— Есть!

— Одинцов!

— Есть!

— Паршин!

— Есть!

— Цибулько!

— Есть!

Услышав свою фамилию и отчеканив: «Есть!» — Василий Цибулько сделал было шаг вперед, но тут же остановился в замешательстве: «Как же я без пулемета?» Но, не желая отстать, шагнул дальше и встал рядом с товарищами.

Это, длившееся всего мгновение, замешательство краснофлотца приметил зоркий глаз политрука. «Неужели колеблется, трусит? Не может этого быть. Цибулько — стойкий боец, лучший ротный пулеметчик...»

— Вы чем-то обеспокоены, товарищ Цибулько?

— Так точно, товарищ политрук. Как же мой пулемет? Выходит, его надо оставить?

«Вот оно что, пулемет! А я о человеке плохое подумал», — облегченно вздохнул Фильченков и пояснил:

— Пулемет, Цибулько, возьмете с собой. Там, на насыпи, он пригодится. Второй пулемет оставляем здесь, на высоте. Все ясно?

— Так точно! — радостно выдохнул Цибулько. Любил Василий свое оружие и не мыслил, как он может воевать без друга-пулемета.

— Готовьтесь, товарищи. Полчаса на сборы, и выходим к дороге. Берите как можно больше бутылок с зажигательной смесью, гранат, патронов,— приказал политрук.

Собрались морские пехотинцы быстро. Оставшиеся на высоте товарищи крепко пожали им руки.

Перебравшись через бруствер, Фильченков и четыре краснофлотца двинулись на выбранную политруком позицию.

— Ладно, что недалеко идти, а то бы хребет сломал,— сгибаясь под тяжестью гранат и бутылок, шутил никогда не унывающий Паршин.

Вот и маленький полуразрушенный блиндаж. Едва возвышается над дорогой цепочка засыпанных стрелковых ячеек. Политрук указал, где установить пулемет, какие ячейки необходимо углубить. Принялись за работу. Первым делом начали оборудовать окопы. Фильченков тоже взял лопату. Бойцы, поглядывая на командира и стараясь не отставать от него, принялись с ожесточением выдалбливать в ракушечнике выемки для боеприпасов.

Разгоряченный политрук выбрался из окопчика наверх и, отерев лицо рукавом тельняшки, огляделся. Для противотанковой засады их позиция была исключительно удобной: скат, на котором стоял Николай, полого спускался к дороге, у самой ее обочины белели куски разбросанного свежими взрывами известняка. Дальше до самого горизонта лежало ровное пространство, пересеченное прямой, глубокой канавой, до краев наполненной желтоватой водой. Она начиналась у самой дороги. Там танки не пройдут. «Да, место удачное, теперь очередь за нами. Только бы не сплоховать! Надо хорошенько подготовиться к предстоящему бою»,— думал политрук.

Дооборудование блиндажа моряки заканчивали, когда солнце уже спряталось за горами. Выставив наблюдателя, Фильченков разрешил остальным отдыхать, а сам присел к небольшому снарядному ящику, стоявшему в центре блиндажа, достал из полевой сумки бланк Боевого листка и, положив его перед собой, на некоторое время задумался: о чем написать в листке, посвященном празднику Великого Октября? Конечно, о людях, о своих морских пехотинцах. Отличившихся в предыдущих боях

среди них было много, и о каждом политруку было что рассказать.

Трудно им приходилось, отбивали по нескольку атак в день — фашистские бомбардировщики, кажется, постоянно висят над окопами. Люди вымотались, посерели от усталости, но не выпускают оружия из рук. Фильченкову и самому хочется прилечь, хоть на час забыться глубоким сном, чтобы не слышать осиного посвиста пуль, визгливого завывания авиамоторов, сбросить с плеч свинцовую усталость. Но он знает: пока в Боевом листке или листке-молнии рассказывается о мужестве и отваге, пока приходят в окопы, блиндажи и на огневые позиции вести о том, как идут бои за Севастополь, как сражается Красная Армия по всему фронту, а стало быть, пока политрук пишет о своем участке обороны, стряхивая с бумаги кусочки известняка, которыми обдал близкий разрыв, люди верят: значит, все в порядке, значит, боевая жизнь идет своим чередом, с каждым днем приближая победу.

Прикрепив свеженаписанный Боевой листок на опорном брусе и спрятав остаток химического карандаша в сумку, Фильченков вышел из блиндажа. Впереди их позиции было тихо. Разрывы снарядов грохотали где-то сзади. Но и они вскоре стихли.

— Тишина. Как будто и войны никакой нет,— мечтательно протянул наблюдатель Одинцов.

— Обманчива она, Даня. Надо в оба смотреть. Вдруг немцы попытаются пойти в атаку под покровом темноты,— сказал политрук и встал рядом с краснофлотцем в окопе.— Иди отдохни. Я за тебя вахту постою. Устал, поди?

— Не без того. Только вам больше моего поспать бы надо.

— Ничего, Одинцов, мне по должности положено столько отдыхать,— улыбнулся Фильченков.— Иди, я постою.

Краснофлотец ушел, а политрук, весь обратившись во внимание, стал напряженно прислушиваться к шорохам вокруг.

Около полуночи заморосил мелкий, по-крымски жгучий дождик. Все вокруг наполнилось легким шумом. Под обыкновенной пехотной плащ-палаткой было тепло и уютно. Фильченкову показалось, будто он на жаркой русской печи вслушивается в разговор отца и его товарищей, которые часто собирались вечерами в домишке рабочего-литейщика и просиживали почти до утра — читали, о чем-то подолгу горячо спорили. О чем шла речь, Кольша тогда не понимал, но уже знал, что говорить об этих «сходках» нельзя — это тайна. И не своя, ребячья, а отцовская, которую хранить надо еще тверже.

Летом шестнадцатого года отца арестовали. Долго и тщательно обшаривали домик жандармы, отыскивая запрещенные книги, «те, что против царя». Мать не плакала, но видел Коль-

ша, что лицо ее как-то изменилось, будто вмиг состарилось. А отец, когда его уводили, подошел к сыну, положил руку ему на плечо и сказал:

— Ну вот, теперь ты хозяин в доме. Смотри не подкачай. Держи линию матери, не пропадешь...— А потом добавил: — Ничего, скоро увидимся.

И точно, уже осенью Дмитрия Георгиевича выпустили на волю, но с первыми рождественскими морозами взяли снова, на этот раз солдатом на войну. Вернулся отец домой только в девятнадцатом. Израненный, после тифа, он еще долго не мог работать, зато много времени уделял сыну. От него Николай узнал о Ленине, о том, почему идет гражданская война, что будет, когда народ разгромит беляков.

Когда Николай заканчивал семилетку, его приняли в комсомол. Радость того дня — неизгладима в памяти. Гордый пришел он домой и попросил мать пришить карман с внутренней стороны рубашки.

— Это для чего тебе, Коля? — удивленно спросила Ксения Федоровна.

— Комсомольский документ хранить,— ответил сын.

Мать даже всплакнула: вспомнила, как такой же карман, только для партийного билета, пришивала к рубашке мужа...

Николая с детских лет влекло в мастерские. С интересом и трепетом смотрел он на громады заводских корпусов, когда ему удавалось бывать в цехах, любовался умной и сложной работой людей и машин. О своем желании пойти на завод поведал отцу. Тот сказал:

— Что ж, кость в тебе рабочая. Семилетнее образование имеешь — иди в рабочий коллектив, на производстве из тебя толк выйдет.

И стал Фильченков-младший трудиться в механическом цехе Сормовского завода. Вечерами занимался на рабфаке. В 1929 году в жизни молодого рабочего произошел крутой поворот. Комсомол, шеф Советского Флота, посылал тогда на Балтику, на Черноморье и на Тихий океан лучших из лучших. В их числе оказался и Николай Фильченков. Успешно окончил он учебный отряд, и молодого краснофлотца направили для дальнейшего прохождения службы на подводную лодку «Металлист». Здесь, в дружной семье подводников, его приняли в Коммунистическую партию.

— Помните, Николай Дмитриевич,— говорил военный комиссар подлодки,— с этого часа на ваши плечи ложится особая ответственность: в традициях ленинской партии спрашивать с каждого коммуниста по высшему жизненному счету. Для вас, моряка-подводника, это означает словом и делом показывать то-

варищам, как надо сейчас учиться, как любить Родину, а если придется, до последнего вздоха защищать ее.

Именно тогда понял Фильченков, что звание коммуниста надо всегда и везде утверждать активным делом и отличной службой. Этого правила он придерживался всю свою жизнь — и когда потом служил на Тихом океане, и когда после увольнения в запас работал в Горьком начальником городской спасательной станции ОСВОДа.

Там произошла у него одна необычная встреча.

Солнце уже садилось за железнодорожным мостом, золотя верхушки башен городского кремля, когда ступени деревянной лестницы заскрипели под чьими-то уверенными шагами. Чуть касаясь пальцами правой руки перил, к спасательной станции спускался прославленный летчик Чкалов.

— Здравствуй, начальник,— протянул он руку Фильченкову.— Много наслышан о твоих добрых делах. Спасибо за молодежь. Хорошую смену нам растишь. Может, прокатишь на катере? Страсть как по Волге соскучился!

— Отчего же не проехать, конечно, можно. Заодно и обход сделаем, — стушевавшись, ответил Николай и сам сел за руль полуглиссера.

Катер, взревев мотором, задрал нос и, раздувая буруны, вырвался на волны. Валерий Павлович сидел рядом с Фильченковым. Глубоко вдыхая бодрящий речной воздух и улыбаясь, он смотрел на город, в беспорядке взобравшийся на прибрежные высоты.

— Нет лучше нашей сторонки,— тихо проговорил он.

— Точно, Валерий Павлович, нет,— отозвался Фильченков и прибавил газ.

Нос катера еще больше выдвинулся из воды, вдоль бортов под ним протянулись белые усы. Рев мощного двигателя стал оглушающим.

— Легче, легче, Николай Дмитриевич,— улыбнулся Чкалов,— мы ведь не в воздухе. Вот там с твоим характером можно было бы почудить.

Возвращались уже в темноте, когда на набережной зажглись огни, и на темную воду легли их золотистые отблески. Фильченкову показалось тогда, что весь город стоит на высоких золотых сваях...

Струйка дождя, скатившись по козырьку флотской фуражки, резанула холодом щеку, вернула политрука к суровой действительности ноября сорок первого. Потерев лоб, чтобы сбросить с себя минутное оцепенение, он осторожно, стараясь не шуметь, вошел в блиндаж, где, прижавшись друг к другу, спали четверо краснофлотцев. Фильченков хорошо знал своих подчинен-

ных и по недавней учебе, и по первым боям, где все они сражались геройски.

Еще на занятиях Иван Красносельский своей могучей ручищей швырял связки гранат дальше всех и почти всегда в цель. Василий Цибулько на стрельбах стрелял так метко, что, бывало, ровная строчка пулеметной очереди перерезала фанерную мишень. Одинцов и Паршин — тоже отличные стрелки. Тогда же, в дни учебы, они овладели несколькими специальностями — любой из них может при случае заменить и пулеметчика, и связиста, а если надо, и артиллериста. Все это им пригодилось в боях, все они смелые, мужественные патриоты: Красносельский — коммунист, остальные — комсомольцы. С такими не страшны и бронированные чудовища, ведь недаром с первых дней войны политрук внушал краснофлотцам: умелому да храброму и танк под силу. В роте Фильченкова не страдали «танкобоязнью». Бойцы еще до начала боев, на занятиях, тренировались в метании связок гранат, в стрельбе по смотровым щелям. «Вот только надо правильно распределить силы, — говорил Фильченков. — И чтобы в бою каждый ощущал поддержку товарища...» «А гранат много потребуется,— думал он сейчас.— С рассветом нужно все, еще не связанные, собрать в связки».

Посмотрев на спящих молодых парней, политрук улыбнулся, набросил капюшон и снова поднялся наверх.

На востоке прорезалась бледная полоска рассвета. Развиднелось. Начиналось утро 7 ноября 1941 года. Фильченков спустился в блиндаж, чтобы разбудить людей, поздравить с праздником, подготовить их к бою. Цибулько, Паршин и Красносельский еще спали. У Боевого листка, свертывая цигарку, стоял уже проснувшийся Одинцов.

— Все еще тихо, товарищ политрук? — спросил он.

— Пока спокойно...

— Нет ничего хуже, как тишина на войне,— задумчиво сказал краснофлотец.— Когда видишь врага, то, по крайней мере, знаешь, что делать, а тут — неведение какое-то.

— Это верно,— согласился политрук и кивнул на спящих: — Буди товарищей.

Когда краснофлотцы, отдохнувшие и бодрые, вышли из блиндажа и Паршин по приказанию командира занял место наблюдателя, Фильченков обвел их взглядом и торжественно сказал:

— С праздником вас, дорогие товарищи!

— Вас также, товарищ политрук, — за всех ответил Одинцов и поправился: — Товарищ командир роты.

— В семнадцатом году в этот день мой отец в Петрограде был, Зимний брал... Матрос он, красный балтиец...— задумчиво произнес Красносельский.

— Отец, балтиец, революцию совершал, Советскую власть устанавливал, а ты, черноморец, ее защищаешь. Выходит, ты, Иван, потомственный военный моряк, защитник Родины,— сказал Фильченков.

— Выходит так,— Красносельский, приосаниваясь, поправил на голове бескозырку.

— Я в этот день любил на демонстрацию ходить,— с мягкой грустью проговорил Цибулько.— Встану, бывало, чуть свет, выгляну на улицу, а она — вся алая от флагов. На каждом доме в нашем селе — флаг. Позавтракаю — и к школе, всегда на демонстрацию возле нее собирались. А там музыка, песни. Хорошо!..

— Товарищ политрук, вопрос есть, — обратился Красносельский к Фильченкову.

— Пожалуйста.

— Как вы думаете, будет сегодня парад в Москве? Ведь немцы под самой нашей столицей...

В словах краснофлотца послышалась искренняя тревога. Фильченкову подумалось: «На всем фронте, в каждом окопе, в каждом отсеке боевых кораблей сейчас, наверное, интересуются, как Москва, будет ли парад?» И, отвечая Красносельскому, самому себе и всем, кто был рядом, он уверенно произнес:

— Я думаю, должен быть парад!

— Праздничный бы завтрак устроить,— мечтательно сказал Одинцов.

— Это можно,— улыбнулся Фильченков.— Вы с Цибулько готовьте стол, а мы с Красносельским займемся связками гранат.

Позавтракать не удалось. Паршин доложил, что слышит шум моторов.

— Обыкновенное дело, опять налет на город,— махнул рукой Цибулько и начал пристраиваться к разложенной на плащпалатке еде.

Но Фильченков, поднявшийся на насыпь, смотрел не вверх, а в направлении дороги, идущей от Бахчисарая на Севастополь. И точно, в бинокль видны были танки, они длинной серой вереницей ползли по дороге, приближались все ближе, становясь с каждой минутой все больше, явственней. Фильченков слышал, как зоркий Паршин считал:

— Раз, два... пять... двенадцать... семнадцать.

«Неужели все сюда?» — с тревогой подумал политрук.

Танки дошли до перекрестка дорог и разделились на две колонны — одна, большая, пошла вправо, на Камышлы, меньшая повернула по узкой дороге, прямо на их позицию. Фильченков оторвался от бинокля и взглянул на краснофлотцев. Они готовились к схватке с врагом, закованным в броню. С таким им еще не доводилось встречаться. «Выдержат ли они?» — подумал политрук.

Фильченков понимал, какой неравный бой предстоит ему и его подчиненным. Он обернулся к краснофлотцам:

— Товарищи! Похоже, гитлеровцы попытаются сегодня взять Севастополь штурмом. Но мы не отдадим врагу город нашей славы и гордости! Поклянемся же не пропустить фашистов, стоять до последнего.

И пятеро будущих Героев Советского Союза дружно повторили:

— Клянемся!

Танковые моторы гудели надрывней, все ближе и ближе.

— По местам! — скомандовал политрук.— Семь машин, товарищи. За танками — пехота. Цибулько, бить по смотровым щелям! Красносельский, Паршин, готовьте гранаты! Одинцов, ко мне, будем отсекать пехоту огнем! — Он отложил в сторону ненужный теперь бинокль.

Головной танк, лязгая траками гусениц, вышел из-за поворота дороги. Цибулько встретил его длинной внезапной очередью. Пули скользнули по броне. Водитель танка прибавил скорость, чтобы рывком выскочить на насыпь.

— Спокойнее, Вася, короткими! — крикнул Фильченков пулеметчику.

Танк был совсем близко. Еще десяток метров, и он раздавит своей тяжестью и Цибулько, и его пулемет. Но краснофлотец упредил врага. Он дал меткую очередь по смотровой щели машины, и она, рванувшись в сторону, застыла на месте. Мгновенно поднялся Красносельский. Он одну за другой метнул две бутылки с горючей жидкостью на моторный отсек танка. Заклубился черный дым, огонь змеей пополз по броне, и машина вспыхнула огромным факелом.

Откинулась крышка люка, показалась голова в черном шлеме. Фашист сноровисто соскочил на землю, побежал. Вслед за ним выпрыгнул второй. Фильченков поймал на мушку мечущегося фашиста и выстрелил. Почти одновременно с ним выстрелил Одинцов. Оба танкиста упали.

Бой ожесточался. Двигавшаяся за танками вражеская пехота стала перебежками обходить насыпь, видимо, надеясь, что за ней не встретит большого сопротивления. Но как только фашисты приблизились, в них полетели гранаты. Это вызвало панику

в рядах нападавших, они как горох посыпались с песчаного ската насыпи. Вслед им ударил пулемет, оставленный на каменной высоте. Рота поддерживала пятерых смельчаков.

— Отбили ведь, а, товарищ политрук? — возбужденно закричал Одинцов, едва переведя дыхание.

— Отбили, Даня, отбили.— Фильченков приподнялся, чтобы посмотреть, что делается левее, там, где бились Паршин, Красносельский и Цибулько.

Он увидел, что уже над двумя танками клубится черный дым. Но на позицию трех моряков уступом лезли еще пять машин. Красносельский, высокий и сильный, черный от копоти, выбежал из-за насыпи на дорогу, размахнулся и богатырским броском метнул связку гранат под самые гусеницы одного из танков. Раздался взрыв, машина закрутилась на месте.

Политрук сразу оценил сложившуюся обстановку. Он понял, что пехота врага больше не пойдет в обход, не подставит себя под губительный фланговый огонь пулемета, бьющего с высоты, и, прыгнув вниз с насыпи, скомандовал Одинцову:

— За мной!

Они подоспели в ту минуту, когда уцелевшие танки подошли уже почти вплотную к насыпи. Цибулько посылал очередь за очередью по их смотровым щелям, не давая возможности водителям и башенным стрелкам уверенно маневрировать и вести прицельный огонь. Фильченков с Одинцовым поддержали Цибулько, и гитлеровские танкисты не выдержали: они круто развернулись и повели машины назад. Солдаты, лишившись броневой поддержки, тоже показали спины. Им вдогонку ударил пулемет Цибулько. Только немногим фашистам удалось спастись.

Над полынным полем залегла тишина, только где-то вдали, за поворотом дороги, урчали моторы танков, да на дальних флангах, куда ушла первая колонна, раздавалась пулеметная дробь. Там еще шел бой.

Фильченков, Одинцов, Красносельский и Паршин возвратились на свою позицию за насыпью. Они радовались одержанной победе, тому, что остались живы. Но Фильченков понимал: затишье будет недолгим. И хотя люди смертельно устали — надо было готовиться к новой атаке врага. «Как им сказать, что это лишь первый бой,— думал он, направляясь в блиндаж,— по сути, разведка боем? Битва еще впереди».

В блиндаже, еще возбужденные схваткой с врагом, краснофлотцы оживленно разговаривали. Бой распалил их, у всех было ощущение, что они малость «недодрались». Еще бы парочку танков поджечь — вот тогда бы все было в ажуре!

— Вряд ли они снова сунутся,— сказал Красносельский.

— Нет, Ваня, ты не прав,— вмешался в разговор Фильчен-

ков.— Без этой высотки и дороги к шоссе фашистам не обойтись. Перегруппируются, подтянут свежие силы и вновь полезут. Нам же надо стоять. Назад ни шагу. Помните, товарищи, какой сегодня день. Седьмое ноября! Наш главный праздник! И отметить его мы должны по-партийному, по-комсомольски. Не пропустить врага к Севастополю — вот наша задача.

Краснофлотцы внимательно слушали своего политрука. Они верили ему, как самим себе. Он вдруг замолчал, посмотрел на внезапно побледневшего Красносельского.

— Да царапнуло вот,— ответил тот, скользнув взглядом по окровавленной брючине.

— Почему перевязку сразу не сделал?

— Сейчас замотаю, и все будет в норме. В тыл меня отправлять не надо. Братва, дайте бинт, свой я где-то посеял.

Паршин сделал другу перевязку: рана была далеко не пустяковой, как пытался им внушить Красносельский. К тому же он потерял много крови. «Следовало бы отлежаться парню, — подумал политрук. — Но вряд ли это удастся. Немцы долго мешкать не будут...»

Он подробно разобрал действия каждого в предстоящем бою и добавил:

— Патронов не жалеть, их у нас много, а вот гранаты и бутылки с горючей смесью экономьте. Не торопитесь, действуйте наверняка. Окопы у нас надежные. Если не сумеете встретить машину броском, пропускайте над собой и бросайте бутылку вслед. И последнее: не теряйте друг друга из виду. Помните, только поддерживая один другого, мы выстоим. А пока — отдыхать...

Фильченков не успел выйти из блиндажа, чтобы самому понаблюдать за обстановкой, как в траншею свалился запыхавшийся ротный кок — Гладышев. На спине у него громоздился термос, а в руках он держал тяжелый вещевой мешок, как выяснилось, набитый гранатами.

— Явился накормить бойцов, прошу «добро», товарищ политрук! — обратился кок к Фильченкову и мягко положил на землю вещмешок.

— Корми, корми! Молодец, что добрался. Как ты нас нашел?

— Комиссар мне все объяснил. Передал вот записку для вас и газету. Пожалуйста.

В записке Мельник благодарил бойцов Фильченкова за храбрость, проявленную в бою, за то, что они не пропустили танки врага. Он сообщал, что вчера в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, обещал при первой возможности прислать текст

доклада Верховного Главнокомандующего. В конце записки было сказано: «Держитесь так и дальше. Помощь может до вечера не подойти, а вражеские атаки возобновятся наверняка. Главное — стерегите дорогу, она должна быть неприступной для фашистских танков. Помните, что вы защищаете единственный на данном участке выход к Севастополю. Пусть это придаст вам силу и смелость. Еще раз благодарю всех».

Вместе с Гладышевым Фильченков вернулся в блиндаж. Он прочел вслух записку, достал спички и сжег ее: мало ли что может случиться. Потом развернул номер «Правды», быстро пробежал глазами газетные страницы. Взгляд его остановился на крупном заголовке статьи Алексея Толстого: «Москве угрожает враг».

— Вот послушайте, товарищи! — обратился политрук к краснофлотцам и стал читать. Сильные, полные тревоги за судьбу Родины слова западали в души бойцов: — «Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины — нашей Москвы, гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле... Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»

Сжимая оружие в руках, слушали краснофлотцы политрука, и, когда он кончил читать, никто не нарушил взволнованной тишины. Лишь позже Одинцов задумчиво повторил:

— Только победа... Даже если смерть — все равно с победой!

— Верно говоришь, Даниил! — сверкнул глазами живой, быстро загорающийся Цибулько.— Наши товарищи под Москвой стоят, а мы здесь стоять будем. Не пройти фашистам к Севастополю!

Надрывный, раздирающий душу свист падающих бомб смешался с ревом моторов, и в кромешном аду разрывов, в тротиловом дыму и черной копоти сгинула временная тишина. Со стенок окопа посыпался известняк. Минут через двадцать какофония взрывов бомб сменилась хлесткими выстрелами танковых пушек.

— Идут, товарищ политрук! — доложил наблюдатель Одинцов.— Восемь, девять... пятнадцать!

— По местам! — скомандовал Фильченков.

Он приподнялся над бруствером. Обходя высоту полукругом, из пелены зачастившего дождя зелено-черными жуками выползали фашистские танки, вслед за ними на большаке и по его обочинам показалась вражеская пехота. Солдаты в касках, в сапогах с короткими голенищами двигались то трусцой, то шагом, прячась за броней машины. Было видно, как они жмутся к танкам и беспорядочно, не целясь, стреляют из автоматов, палят куда попало, лишь бы отогнать страх.

Не дойдя до насыпи, танки вдруг остановились, скучились, видно, гитлеровских танкистов пугали подбитые, до сих пор дымящиеся машины их предшественников.

Фильченков подосадовал, что нельзя вызвать сюда огонь артиллерии — поредевшая батарея прикрывала другое танкоопасное направление. Да и нельзя было связаться со своими: на КП роты валялась уже давно разбитая рация.

— Одинцов! Просемафорь Цибулько, пусть бьет по смотровым щелям. Пехоту мы берем на себя.

Головной танк рванулся вперед. За ним пошли остальные. Морские пехотинцы застыли в напряженном ожидании.

Заработал пулемет Цибулько. Метров с трехсот он метко попал в смотровую щель одного из танков, и тот вышел из повиновения — завертелся на месте, дернулся и остановился. Подобравшийся к нему Красносельский швырнул бутылку с горючей жидкостью. Смесь занялась, внутри танка что-то глухо ухнуло, он окутался черным дымом, сквозь который жадно пробивались багровые языки пламени.

— Молодцы, ребята. Почин сделан,— сказал Одинцов политруку.

Второй танк проскочил дальше первого, но через насыпь перевалить не успел: Цибулько, оставив пулемет, пополз ему наперерез. В воздухе мелькнула связка гранат. Машина лязгнула перебитой гусеницей, а затем запылала после точного броска бутылки, разбившейся прямо на решетке двигателя.

Третий танк, шедший на окоп Фильченкова, взял чуть влево, норовя по кривой зайти во фланг оборонявшихся. Тот же маневр, только справа, предприняли два других танка. «Утюжить окоп собираются,— догадался Фильченков и с тревогой подумал: — Неужто свои не успеют на помощь? Нас же всего пятеро! Не станет нас, и немцы двинут по шоссе. Ну уж, черта с два!..»

Политрук решительно сжал ручку противотанковой гранаты и пополз навстречу «своему» танку, рассчитывая так, чтобы тот прошел от него метрах в десяти, не больше. Все пока выходило по его замыслу. Машина медленно приближалась, выбрасывая из-под гусениц землю, перемолотую с чахлой травой. Фильченков посмотрел на ее бронированный борт и, точно прицелившись, осторожно отвел руку с гранатой для броска. Не думая больше об опасности, он приподнялся и расчетливо метнул гранату. Он еще падал в небольшую выемку, когда дрогнула, провалилась перед его лицом земля и в грудь ударила горячая тугая волна. «Точно в парной жару наддали...» — мелькнуло в голове. Тут же очнувшись, политрук скатился обратно в окоп. Лязгнула откинутая крышка люка «его» танка, один за другим

наружу выскочили трое в черных комбинезонах, с автоматами в руках.

Захлебнулся застрочивший было пулемет. Фильченков подбежал к Цибулько.

— Вася?!

— Я ничего... В тыл не надо... Я сейчас встану... Еще повоюет Василь Цибулько...

Но Фильченков видел, что не сумеет вновь взяться за рукоятку пулемета этот веселый, жизнерадостный парень, тракторист из села Новый Буг, что под Николаевом. Рана его была смертельной. Политрук бережно уложил боевого товарища на дно окопа, смочил ему губы водой, укрыл бушлатом и поднял свою винтовку. Боковым зрением он видел, как, трижды раненный, медленно поднялся из хода сообщения Красносельский, как он из последних сил, глубоко припадая на правую ногу, бежал навстречу головной машине. Танковый пулемет сыпал очередями, но, видимо, Иван оказался уже в «мертвой зоне». Окровавленный, страшный для врага, стоя во весь свой богатырский рост, он бросил связку гранат прямо под накатывающийся танк. И еще одна машина замерла на поле боя.

Так геройски погиб коммунист Иван Красносельский, рабочий с Архангельщины, человек высокого долга. «На флот пришел добровольно, отказавшись от брони»,— вспомнил Фильченков слова секретаря партийного бюро батальона политрука Шипаева, сказанные о Красносельском.

— Прощай, друг...

Но бой продолжался, и политрук ни на минуту не оставлял без внимания главное — дорогу, куда стремились прорваться фашисты. К ней, пройдя мимо насыпи, как раз свернул следующий танк. Несколько отчаянных прыжков, и Николай выскочил наперерез стальному чудовищу, одну за другой бросил две связки гранат. Машину накренило на борт, она тяжело осела.

Подбитый Паршиным, загорелся новый танк, но к дороге, полосуя пулеметным огнем, полным ходом мчалась еще одна вражеская машина.

— Стой, гад! — крикнул Фильченков и, вложив всю силу в бросок, швырнул связку гранат под гусеницу. Машина встала поперек дороги. «Еще одну-две машины подбить на этом узком участке, и остальные вражеские танки не смогут пройти к дороге», — удовлетворенно подумал Николай.

Теперь у него, Паршина и Одинцова оставалось всего по связке гранат и была еще одна свободная граната.

— Помните, промахиваться нельзя. Каждый бросок должен быть точным!

Политруку хотелось сказать краснофлотцам еще что-нибудь

хорошее, теплое, ободряющее, но он не успел. Вновь нарастал, слышался все ближе и ближе тяжелый грохот. Решение созрело мгновенно. Политрук обнял и крепко поцеловал Одинцова. На миг привлек к себе Паршина и, не сказав ни слова, побежал по окопу туда, где насыпь подходила вплотную к дороге. Здесь он притаился и стал ждать.

Танк вползал на бугор, готовясь одним броском достичь дороги. Двигатель надрывался, выбрасывая из выхлопного патрубка снопы огня,— подъем давал себя знать. Но вот гусеницы подмяли россыпь щебенки на обочине, и машина вывалилась на дорогу. Фильченков понял, что настала его пора. Сердце учащенно забилось. Он понимал, что удар должен быть неотразимым и точным, а потому выпрямился и в полный рост пошел навстречу бронированному чудищу. Черное, глубокое жерло орудия медленно опускалось до уровня его груди.

— Врешь, не пройдешь! — Фильченков в несколько прыжков достиг танка...

Паршин и Одинцов увидели, как вместе со взрывом гранат тяжелая машина вдруг резко накренилась вправо, встала на дыбы, словно строптивая лошадь перед препятствием, и ухнула оземь так, что гусеницы рассыпались на траки. Из всех щелей в броне потянулись сизые шлейфы дыма. Героическая смерть командира-политрука потрясла краснофлотцев. Они молча обнялись и, прижав к разгоряченным, израненным телам по последней связке гранат, бросились на двигавшиеся танки. Каждый из них выбрал «своего»...

В паническом ужасе уцелевшие фашистские машины повернули навстречу уже поднявшейся было в атаку своей пехоте. Они прошли через ее порядки и скрылись за бугром. Оставшись без прикрытия, пехотинцы врассыпную повернули назад.

А к насыпи уже подходило подкрепление. Моряки-черноморцы готовили к новым схваткам рубеж, который так удачно выбрал политрук Фильченков и который сумели удержать пятеро героев.

Цибулько был еще жив. Очнувшись на миг, он услышал разговор склонившихся над ним людей, узнал голос комиссара батальона и, собрав последние силы, поведал, как стойко держались его товарищи, как геройски вел себя политрук.

— Танки не прошли? — были его последние слова, но он еще услышал ответ:

— Не прошли, Вася, нет. Вы их не пустили! — Старший политрук Мельник склонился над умирающим краснофлотцем и, поцеловав его, сказал: — Спасибо вам, друзья, всенародное спасибо. Родина ваш подвиг никогда не забудет!..

Александр
ИШИМОВ
Петр
МЕЛЬНИКОВ

«КОМИССАР ЛЕДОВОГО ФРОНТА»

В сгущавшихся сумерках свирепый северный ветер гнал по льду Финского залива снежные вихри, швырял в лицо пригоршни колючих игл.

«Ну и погодка выдалась, как по заказу чертовой канцелярии»,— думал батальонный комиссар Полярный. Вместе с подразделением бойцов он шел на ледяную позицию сменить морских пехотинцев, несколько суток уже мерзнувших на переднем рубеже обороны Кронштадта.

Временно исполняющему обязанности начальника политотдела бригады морской пехоты по штату можно было бы и не идти в ночь на передовую, но плох тот комиссар, которого не видят в самых трудных и опасных местах.

Одет он так же, как и все остальные: в белом овчинном полушубке, на голове мерлушковая шапка с опущенными и завязанными под подбородком наушными клапанами, на руках меховые рукавицы. Нет только автомата за спиной, вместо него — пистолетная кобура на заиндевевшем ремне.

Рядом противно скрежещут об лед самодельные сани-волокуши, на них везут боеприпасы, скудные харчи да охапку колотых дров для камелька.

Полярный на звук подошел к «тройке», молча взялся за веревочную постромку.

— Сами справимся, товарищ батальонный комиссар, — подал голос узнавший его краснофлотец, но Полярный не отпустил постромку, знал: отощали люди на блокадном пайке, каждый килограмм пудом кажется.

Из белого мрака вынырнул командир подразделения, старший лейтенант, с похожими на две сосульки усами.

— Зря вы нынче с нами собрались, Александр Николаевич, — сказал с укором. — Холодище лютый заворачивает.

— А я стужи не боюсь, — усмехнулся батальонный комиссар. — Не зря же ношу морозостойкую фамилию!

Ветер усиливался, в раскрученной им белесой круговерти не видно было ни льда под ногами, ни неба над головой; поземка

слепила глаза, набивала снежную пыль в рукава, под шапку, за воротник.

Некоторые уже выбивались из сил, когда впереди послышался сиплый окрик:

— Стой, кто идет?

— Кремль! — назвали пароль прибывшие.

— Исаакий! — последовал отзыв.

На ледяной позиции произошла обычная картина приема-передачи. Узнав, что прибыло большое начальство, сменяющиеся командир и политрук подбежали с докладом.

— Трудно было? — взглянув на них, сразу перешел на неофициальный тон Полярный.

— Досталось, товарищ батальонный комиссар. Целыми днями палит, головы поднять не дает. Двое раненых, трое поморозились...

— Волокуш для них хватает? Если нет, возьмите наши.

Вскоре скрип саней и шорох шагов уходивших поглотила ветреная мгла. Командование группы начало расставлять дозоры, и Александр Николаевич остался один в ледяном блиндаже-будке, посреди которой стояла остывшая уже крохотная «буржуйка».

Тревожные думы не давали успокоиться. Вот опять пятеро бойцов вышли из строя, может быть надолго. А сколько еще будет обмороженных в снежных ячейках и ледяных дзотах? Вьюга словно сказилась, все забирает и забирает... Невольно подумалось, что трое суток назад ушла во вражеский тыл разведгруппа из подразделения майора Романцева. Где она сейчас? Что с ней? Живы ли хлопцы?

Только сегодня просмотрел комиссар свежий оттиск бригадной многотиражки «За Советскую Родину» с очерком о недавнем рейде за линию фронта старшины 2-й статьи Владимира Федорова с краснофлотцем Александром Логиновым.

Разведчики пошли новым, не изученным пока путем, уверенные в том, что там их не ждут. В прибрежном лесу наткнулись на рогатки проволочного заграждения. Залегли неподалеку в сугробе, слившись с ним маскхалатами, стали терпеливо наблюдать. Тихо, пустынно вокруг.

Федоров бесшумно перелез через рогатки. За ним последовал Логинов. Он уже на другой стороне, но в последний момент что-то задело за штанину, и в звонкой тишине разнесся металлический лязг. Не доглядел разведчик подвешенных к проволоке консервных банок.

«Ложись!» — скомандовал старшина. Оба вмялись в снег. И тут же чуть в стороне вспорола наст длинная пулеметная очередь.

Переждав стрельбу, разведчики поднялись и, пригнувшись, стремительно побежали в гущу леса. Юркнув под развесившиеся шалашом ветви старой ели, отдышались.

«Пронесло?» — спросил Логинов.

«Поглядим»,— неопределенно ответил Федоров.

Над берегом взмыли несколько осветительных ракет. На ближнем мысу вспыхнул и метнулся к деревьям яркий луч прожектора.

На всякий случай приготовили к бою автоматы, сняли с пояса гранаты.

Но постепенно все угомонилось. Стрелять немцы перестали, погасили прожектор. Разведчики выбрались из своего укрытия, осторожно, след в след, двинулись по едва приметной просеке.

Задание у них было непосредственно от командования фронтом: разыскать огневую позицию вражеской батареи осадных орудий, которая варварски обстреливала жилые кварталы Ленинграда. Известно было только примерное направление, откуда фашисты вели огонь.

С рассветом в большой куче валежника вырыли нору, прижались друг к другу, чтобы стало потеплее, и стали дожидаться темноты.

Помолчали, стараясь заснуть. Но сон не приходил.

«А ведь послезавтра 23 февраля — День Красной Армии и Флота! Как думаешь, Володя, вернемся к тому времени? Комиссар речь скажет, а потом будет праздничный обед! Как ты думаешь, чем накормят?»

«Ладно, не мешай дремать...»

«Ну спи, спи...»

Затемно снова двинулись в путь. Шли по компасу. И вдруг...

«Чего копошишься, Саша?»

«Ногой за что-то зацепился... Иди сюда... Гляди, провод телефонный. Куда он ведет?»

«Хорошо, что не порвал. Значит, поблизости что-нибудь есть».

Километра через полтора на лесной поляне обнаружили две орудийные позиции. Они были укрыты маскировочной сетью с наброcанными поверх охапками заснеженной хвои.

«Ловко запрятались, гады. С воздуха не разглядеть»,— шепнул Федоров.

«Теперь раскурочат их наши летчики!»

«Прикрой, Саша, полой, я координаты на карте помечу».

Старшина засветил фонарик и химическим карандашом выдавил крестик в условленном квадрате. Отойдя подальше от поляны, включили рацию, настроились на знакомую волну...

Сутки спустя фашистская дальнобойная батарея перестала существовать...

Полярный улыбнулся, вспомнив, как уплетали оба удальца праздничный обед, раскрывая ему подробности поиска. 23 февраля 1942 года морским пехотинцам выдали по миске перловой каши с крохотным кусочком колбасы и по сто «наркомовских» граммов.

А потом батальонный комиссар подписывал представления на обоих разведчиков к ордену Красной Звезды.

Да, не случайно неравнодушен был Полярный к разведчикам, старался бывать у них почаще. Встречались здесь личности ну просто легендарные. Степан Будко, к примеру. Рост под два метра, силища небывалая. Подковы ломает будто черствые калачи. Его даже враги знают и страшатся.

Однажды уже здесь, под Кронштадтом, пошел Будко в составе группы захвата за «языком».

Решили попытать счастья на дамбе, где был вражеский сторожевой пост. Подходили со стороны чужого берега, чтобы перехитрить часовых.

И вдруг хруст снега под чьими-то ногами. Догадались: разводящий идет со сменой. Залегли у основания дамбы.

— Одного берем обязательно живым, — шепнул старший.

Не подвели интуиция и опыт. Да и удача на этот раз не отвернулась. В нескольких шагах от залегших советских разведчиков последний немец поскользнулся и шлепнулся навзничь, выронив из рук автомат. Передний повернулся лицом к упавшему, спиной к разведчикам.

В считанные секунды все было кончено. Раззява часовой затих навсегда, а разводящий лежал связанный, с кляпом во рту.

Пленного встряхнули, поставив на ноги, но он опять кулем свалился на снег, видно придавили сильно.

— Ну что ж, придется тащить его на горбу,— сказал Степан Будко.— Спеленайте покрепче, чтобы не брыкался.

И нес «языка» без передышки несколько километров.

Захваченный унтер-офицер дал ценные сведения нашему командованию.

А недавно, когда Полярный опять был в подразделении майора Романцева, к нему обратился Будко.

— Товарищ батальонный комиссар, вот какой вопрос,— нерешительно заговорил великан.— В партию хочу заявление подавать. Как вы думаете, примут?

— Кто вас рекомендует? — спросил богатыря начальник политотдела.

— Командир наш да еще старшина Федоров...

— Настоящие коммунисты. Раз такие люди за вас ручаются, значит, достойны.

— Спасибо, товарищ батальонный комиссар! — посветлел лицом Степан.

Потеплело на душе и у Александра Николаевича, хорошее пополнение идет в партийные ряды...

Ледяной блиндаж хоть и закрывал от ветра, но холод в нем стоял нестерпимый. Мерзли ноги в валенках, стылым тянуло от покрытых сосульками стен, звенела от мороза даже железная бочка-буржуйка. Полярный невольно вспомнил свой первый приход сюда, на ледовую позицию. Залив только что встал. Молодой, едва окрепший лед прогибался и постанывал под тяжестью людей, потому шли рассыпанной цепью. Кто-то придумал делать блиндажи из снега и обливать их водой, получались прочные сооружения. Приспособили в них печурки — теперь можно было погреться по очереди.

Однажды один из бойцов растопил буржуйку почти докрасна. Вдруг из-под нее повалил пар, раздался шип, как от паровозного цилиндра, и на глазах изумленных краснофлотцев она провалилась вместе с целым коленом трубы под лед, оставив после себя круглую оплавленную дыру.

После начали ставить печурки «на курьих ножках», да и топить поаккуратнее, тем более что дрова вскоре стали на вес золота.

Несладко было людям на кронштадтском льду, однако надо держать оборону, и не только для отражения возможного вражеского наступления, но и охранять фарватер, по которому даже зимой нередко ледоколы проводили в Ленинград суда и баржи.

Вернулся в блиндаж командир подразделения.

— Может, затопить камелек, товарищ батальонный комиссар? — спросил он Полярного.

— Потерпим пока. Дровишек-то у вас кот наплакал, пригодятся еще. А я немного погодя пройдусь по позициям. Заодно и погреюсь.

Почти двое суток провел с морскими пехотинцами в этот раз батальонный комиссар Полярный, деля с ними все тяготы. Переходя из блиндажа в блиндаж, из окопа в окоп, беседовал с краснофлотцами о героической обороне Ленинграда, вселял в них уверенность в неизбежной победе. Обсудили и последнюю многотиражку, рассказывающую о подвиге однополчан-разведчиков. Не спасла Полярного «морозостойкая» фамилия в этот раз, прихватило до черноты большой палец ноги, долго еще потом он чуток прихрамывал.

После вскрытия залива весной необходимость в «ледовой» обороне Кронштадта сама собой отпала, но в бригаде, с чьей-то легкой руки, Полярного продолжали уважительно называть «комиссаром ледового фронта».

А чаша весов на фронтах войны резко пошла в нашу сторону. Отгремели залпы Сталинградского сражения, немцев гнали с Дона и Северного Кавказа, начинало трещать и кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Морские пехотинцы стали активно готовиться к наступлению, десантам. С катеров, барж и шлюпок тренировались прыгать прямо в холодную воду, держа над головами оружие и боеприпасы. С прибойной волной они выплескивались на берег, штурмуя учебные заслоны и заграждения среди имитационных разрывов снарядов и мин. Командир 260-й отдельной бригады генерал-майор Иван Николаевич Кузьмичев любил повторять одну из суворовских заповедей: «Больше пота на ученьях — меньше крови в бою».

Главные события настали для бригады в начале 1944 года. Развивая наступление с Ораниенбаумского плацдарма, войска форсировали в феврале реку Нарву и закрепились на ее западном берегу. Отсюда до железнодорожной линии Таллин — Нарва было всего три-четыре километра, а до берега Нарвского залива оставалось чуть больше десяти.

В целях развития успеха, командование Ленинградского фронта приняло решение высадить западнее Нарвы в районе Мерекюла тактический десант морской пехоты с задачей внезапным ударом с моря оседлать шоссе Таллин — Нарва возле Репнику и железную дорогу около станции Аувере и удерживать этот район до прихода основных сил 2-й Ударной армии.

В десант был выделен батальон майора Маслова численностью пятьсот семнадцать человек. Полярный, ставший недавно подполковником, готовился пойти с ними сам, но командование отклонило его просьбу и послало с десантниками его заместителя майора Семена Павловича Анисимова.

Начальник политотдела составил листовку-обращение для десанта. В ней говорилось:

«Старшина, сержант морской пехоты!

Родина тебе приказывает вступить в смертельный бой с лютым врагом — немецко-фашистскими захватчиками. Настал час твоей священной мести за нашу родную Балтику, за наш советский народ. Иди смело и решительно в бой и веди свое отделение только вперед, как идут твои братья по оружию — бойцы Ленинградского, Волховского и других фронтов...

Балтийцы! Помните, что вас с великим нетерпением ждут советские люди, изнывающие в жестокой неволе. Спешите к ним и освободите их. На это благословляет вас наша Родина.

Вперед, морские пехотинцы!

Родина смотрит на вас с восхищением и любовью. Подвиги ваши не забудут, народ вечно будет помнить и славить вас!»

На плацу перед казармами в Кронштадте была выстроена по торжественному сбору вся бригада. На правом ее фланге стоял в белых полушубках и теплых стеганых бушлатах, с полной боевой выкладкой уходящий в десант батальон.

Подполковник Полярный, открывая митинг, сказал коротко:

— Товарищи морские пехотинцы! Давайте поклянемся именем своих отцов и матерей, жен и детей, именем дорогих и любимых, что любой ценой выполним священный долг перед Родиной! Фашисты смертным страхом боятся нас, называют черной тучей, черной погибелью, они в панике бегут под нашим лихим натиском. Будьте же, как и прежде, смелыми и отважными в бою! Мстите фашистским извергам за страдания и кровь советских людей, за сожженные города и села!

На причале Кронштадтской гавани простились.

— Желаю тебе успеха, Семен,— сказал начальник политотдела своему заместителю.— Жаль, что перешел ты мне, как говорится, дорогу, но верю, справишься не хуже...

Не мог он знать, что видит Анисимова в последний раз.

В 16 часов 13 февраля 1944 года десантный отряд взял курс на юг. Море штормило. Было еще темно, когда утром следующего дня катера с приглушенными моторами двумя эшелонами в два километра по фронту подошли к побережью. В первом эшелоне двигалось восемь, во втором — пять катеров.

Замерли расчеты возле заряженных орудий и пулеметов, на палубах матросы готовили сходни. Берег настороженно молчал. На фоне державшегося еще кое-где берегового припая темнел он широкой хмурой полосой.

Корабли ткнулись форштевнями в песок. Стукнули оземь широкие трапы, по ним заспешили на берег десантники.

Все было, как на учении: четко, быстро, сноровисто. До тех пор, пока не взметнулись в небо ракеты, вспыхнули и скрестились на прибрежном плесе лучи мощных прожекторов.

Стало светло как днем. Вспороли полог тишины автоматные очереди, ударили с разных сторон вражеские пушки, минометы и пулеметы.

Врагу ответили огневые средства наших кораблей, стрелковое оружие десантников. Огневые всполохи расплескались по всему Мерекюлскому берегу.

К этому времени подоспел второй эшелон десанта. Мор-

ские пехотинцы под огнем врага уже не думали о сходнях и трапах. Они с палуб прыгали прямо в волны. Ледяная, обжигающая вода по плечи никого не останавливала.

Бойцы первого эшелона стремительно достигли прибрежного шоссе, ворвались в небольшую деревню Мерекюла. Из домов выскакивали и бежали, отстреливаясь, фашисты, большинство в офицерской форме. Тогда еще никто не знал, что здесь располагался штаб гитлеровской дивизии.

Наступление развивалось в трех направлениях — на Лаагне, Репнику и Аувере, где десантники должны были встретиться с пробивающимися к ним частями 2-й Ударной армии. Но армейцы так и не смогли прорвать сильно укрепленную оборону противника, не удалось им также установить связь с морским десантом.

Несмотря на большие потери, отражая непрерывные атаки целой пехотной дивизии и подразделений береговой охраны, советские морские пехотинцы не теряли боевого духа.

Особенно тяжелой стала третья ночь. Внезапно ударил мороз. Одежда десантников превратилась в жесткий ледяной панцирь. Кончились боеприпасы и продовольствие. Но не истощилось мужество: пехотинцы бросались в рукопашные схватки, добывали вражеское оружие и сумели продержаться еще более двух суток.

Жители окрестных сел рассказывали потом, что слышали в последние часы боя русскую матросскую песню: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!»

Весь батальон полег смертью героев в неравных схватках. Пробились через фронт к своим всего лишь семеро... Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Леонид Александрович Говоров в своем приказе так оценил действия масловцев: «Высаженный в районе деревни Мерекюла десант выполнил свою задачу тем, что отвлек значительные силы врага от обороны западного берега реки Нарвы и тем самым значительно облегчил выполнение боевой задачи дивизиям Ленинградского фронта по захвату и расширению плацдарма».

Нелегко пережил трагедию мерекюлского десанта подполковник Полярный. Но верил, что подвиг отважных бойцов не будет забыт. И словно в подтверждение слов из составленной им листовки-обращения спустя тридцать с лишним лет, в канун 9 мая 1972 года, на обрывистом берегу Нарвского залива у деревни Мерекюла под звуки Гимнов Советского Союза и Эстонской ССР, под оружейные залпы воинского салюта вдова погибшего комбата Мария Александровна Маслова и уцелевший участник десанта Александр Васильевич Засосов открыли памятник бессмертным героям.

На полированном мраморе надпись золотыми буквами на русском и эстонском языках:

«Здесь, в Мерекюла, в феврале 1944 года героически сражались моряки-десантники за освобождение Советской Эстонии от немецких фашистов. Вечная слава героям!»

Но до этого события было еще очень далеко. Продолжалась война.

В июне войска Ленинградского фронта прорвали оборону противника на Карельском перешейке, освободили приморские города Койвисто, Выборг и другие населенные пункты. Однако противник еще удерживал оказавшиеся в тылу наших войск сильно укрепленные острова Бьеркского архипелага с гарнизонами, насчитывавшими около трех тысяч человек.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал Трибуц получил приказание захватить их морскими десантами. Он возложил эту задачу на 260-ю отдельную бригаду морской пехоты.

С получением боевого приказа Полярный разослал работников политического отдела в батальоны, роты, взводы. Листовку об особенностях боев в шхерном районе он написал сам.

Бригада сосредоточилась на северном берегу Финского залива в районе Хумалиоки. Командный пункт развернулся в деревне Путуч на полуострове Койвисто.

Комбриг генерал-майор Кузьмичев принял решение начать высадку утром 21 июня и в первую группу назначил двадцать шесть разведчиков под командованием майора Андрея Павловича Романцева. Они должны были выявить состояние обороны, силы и средства противника, а при благоприятных условиях захватить плацдарм на берегу и удерживать его до подхода основных сил десанта.

Командир бригады и начальник политотдела проводили три тендера, на которых вышла разведгруппа, взяв курс на остров Пийсари. С ними шло охранение сторожевых катеров, задачей которых было затмить дымовой завесой белую июньскую ночь, не дать вести прицельный огонь артиллерии врага.

Отразив налет фашистской авиации, маневрируя за дымзавесой под обстрелом береговых батарей, тендеры подошли к острову.

Одним из первых прыгнул с палубы в кипящую от разрывов воду инструктор политотдела по комсомольской работе лейтенант Михаил Курчевский...

Вскоре на командном пункте бригады получили радиограмму майора Романцева: «Закрепились на берегу. Веду бой».

Полярный понимал, сколько напряжения заключено в короткую фразу: «Веду бой». И в самом деле, там, на огненном берегу, вершились чудеса мужества и отваги. Уже геройски погиб командир отделения старшина 2-й статьи Резаев, подорвали себя гранатами окруженные вражескими солдатами коммунисты Яков Бочкарев и Михаил Малахов, до последнего патрона сражался пулеметчик комсомолец Костя Жигайло. После боя в партбилете Василия Резаева нашли записку: «Буду биться с немецко-фашистскими захватчиками до последней капли крови, пока глаза видят и руки держат оружие. Если откажут руки, буду грызть врага зубами».

22 июня начальник политотдела высадился на остров Пийсари с двумя батальонами. Они с ходу вступили в бой, и через сутки Пийсари был полностью очищен от врага, а вечером того же дня десантники выбили фашистов и с островов Тиурнсари и Бьерке.

Командование флота высоко оценило боевые действия морских пехотинцев, многие из них были награждены орденами и медалями.

«Последний бой — он трудный самый»,— поется в популярной песне. 260-я бригада приняла его за две недели до великого и долгожданного Дня Победы.

В ходе Восточно-Прусской операции в апреле 1945 года пали сначала крепость Кенигсберг, затем Пиллау. Но большой группе немецко-фашистских войск, численностью до тридцати шести тысяч, удалось переправиться через пролив Зеетиф на косу Фрише-Нерунг. Гитлеровское командование планировало эвакуировать их морем в Германию. Необходимо было не допустить этого, разгромить пять вражеских дивизий либо вынудить их капитулировать.

Для этого решено было высадить на фланги косы два морских десанта в составе сводного полка морской пехоты и армейского стрелкового гвардейского полка.

Командиром сводного полка стал начальник штаба 260-й бригады полковник Добротин, заместителем по политчасти подполковник Полярный.

Вечером 25 апреля в поселке Пайзе (ныне город Светлый) началась посадка десанта на катера и рыбачьи боты. Проходила она организованно и быстро. К 23 часам 30 минутам десант был готов к выходу.

Подполковник Полярный находился на головном бронекатере вместе с командиром батальона морской пехоты Александром Оскаровичем Лейбовичем. Его бойцы высаживались в первом эшелоне.

Матросы и старшины уважительно поглядывали на «комиссара ледового фронта», многие из них помнили суровые дни и ночи на стылом кронштадтском льду.

Когда на рассвете 26 апреля катера и суда под жестоким огнем противника подошли к берегу, первыми бросились в ледяную воду коммунисты: младший сержант Иван Никулин, старшина Копыльцов, парторг роты Лондарь.

С продвижением десантников в глубь косы сопротивление обороняющихся нарастало. Особенно жестокий бой завязался в поселке Нойтиф, который трижды переходил из рук в руки. Полярный постоянно находился в цепи наступающих, поднимая бойцов в атаку.

Наконец последнее сопротивление врага было сломлено. Группировка капитулировала. За личную храбрость, проявленную в этом бою, Александру Николаевичу Полярному был вручен орден Красного Знамени.

Ранним утром 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади и на прилегающих к ней улицах выстраивались сводные полки фронтов, слушатели военных академий и училищ, части войск Московского гарнизона.

За ровным строем представителей 3-го Украинского фронта — квадрат белоснежных фуражек и бескозырок — сводный полк Военно-Морского Флота. В его рядах участники обороны Ленинграда, Севастополя и Малой земли, освобождения Керчи, Новороссийска, Констанцы, штурма Берлина. На груди у многих из них звезды Героев, ордена Славы, сверкающая россыпь других наград.

Во взводе морских пехотинцев Краснознаменной Балтики подполковник Полярный. Его тоже удостоили высокой чести — быть участником исторического Парада Победы. Что-то трудновато дышать: то ли тесен ворот специально пошитого к торжеству мундира, то ли захватывает дух от волнения... И вот. «Парад, смир-р-но-о! К торжественному маршу-у-у...» — раздается зычная команда Маршала Константина Константиновича Рокоссовского. И сердце вдруг сдавила, сжала радость. Вот он, апофеоз Победы. Праздник на нашей улице.

Гавриил
ПОЛЯКОВ

КОМАНДИРОВКА НА СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ

Впервые судьба свела меня с Николаем Васильевичем Матковским за границей. Как и я, весной 1944 года он приехал в Англию в составе большой группы советских моряков принимать от союзников боевые корабли: линкор, восемь эсминцев и четыре подводные лодки. Все вместе эти суда составили временное соединение — «отряд кораблей Военно-Морского Флота». Прибывшие принимать их моряки были заранее определены на должности, при этом Матковский направлялся в политотдел отряда, я — в экипаж одного из эсминцев.

Мы сразу разместились на кораблях. И по правде говоря, при первом же их осмотре у нас опустились руки — все они были старой постройки, а к тому же изрядно покрыты ржавчиной. Глядя на них, наши острословы тут же припомнили пароход «Севрюга» из кинокомедии «Волга-Волга». Но обстановка вынуждала брать и это: на Севере активизировалась деятельность вражеских подводных лодок, военный флот необходимо было пополнить. К тому же англичане обещали установить на судах новую радиолокационную технику, просто необходимую в боевых условиях Заполярья.

Командующий отрядом вице-адмирал Левченко утвердил жесткий график приема кораблей. Было приказано с «расслабленностью», с «шутками-прибаутками» покончить и довести это до каждого члена экипажей. Но как довести? Эсминцы еще стояли под флагом «Его Королевского Величества» и на них действовал прежний устав: митинги и собрания проводить запрещалось. Нарушать это требование мы не могли.

Выход, однако, был найден: работники политотдела стали разъяснять морякам поставленную командованием задачу прямо у механизмов, орудий и бомбометов. На наш эсминец — после спуска британского флага ему присваивалось название «Живучий» — прибыл среднего роста, плечистый, ладно сбитый капитан 3-го ранга.

— Начальник агитпропчасти политотдела отряда Матковский,— представился он вахтенному офицеру.

Открытое, приветливое лицо, широкий круглый лоб, внимательный взгляд добрых и зорких глаз, не упускающих даже самой малости,— таким запомнился мне Николай Васильевич.

Беседу он вел живо, интересно, пересыпал ее примерами из жизни, литературы, истории. Помню, один из краснофлотцев посетовал на отсутствие описаний и схем принимаемых механизмов. Матковский ответил ему:

— Неграмотный Левша и то подковал английскую блоху. Вы же прослужили на советских кораблях по пять — семь лет, все с образованием, должны уметь с закрытыми глазами собирать и разбирать любые механизмы.

Говорил он не спеша, с легким украинским акцентом, очень убедительно и всегда с неизменной улыбкой на лице. Добрый, общительный человек. Таким он остался и спустя годы, когда мы встретились с ним в Москве, уже после войны. Многое он тогда рассказал о себе, дал почитать автобиографические «фрагменты», как Николай Васильевич называл наброски незаконченной рукописи своих воспоминаний.

...В наш отряд Николай Васильевич прибыл из Москвы по распоряжению Главного политуправления ВМФ, где он служил старшим инструктором. По его словам, назначение в Заполярье явилось для него неожиданностью.

Вот как это было: в начале марта 1944 года Матковского вызвал начальник ГлавПУ.

— Вы направляетесь на Северный флот,— сказал он.— Там вам объяснят ваши задачи. Они очень важные, и мы считаем, что вы полностью подходите для их выполнения.

«И так,— размышлял Николай Васильевич,— снова прощай берег...»

Северный флот был единственным участком фронта, где он еще не был: за два года службы в ГлавПУ ему приходилось «по срочному предписанию» много раз отбывать из военной Москвы в «горячие точки» Великой Отечественной. Вспоминая об этом периоде, он писал:

«Я не раз думал, насколько проще быть постоянно в действующей части или на корабле: знаешь повадки врага, знаешь людей, приспосабливаешься к местным условиям, включая бомбежки и артобстрелы. Мне казалось, что в таком качестве переносишь их легче. А тут давило сознание того, что на тебя, представителя высокоавторитетного органа, все смотрят как на образец мужества, решительности, собранности, выдержки и компетенции. Главное политуправление ВМФ действовало на правах военно-морского отдела ЦК ВКП(б), и получалось, что в одно и то же время ты выступаешь как представитель высшего политического органа флота и как представитель нашей партии.

Находиться в таком положении, особенно в сложной ситуации, как, например, на Азовской флотилии летом 1942 года или на Волжской флотилии осенью того же года, было не так-то просто...»

Тогда, в середине августа 1942 года, немцы рвались к Темрюку — военно-морской базе на Азовском море, важному узлу обороны. Наши войска стойко оборонялись, отбивая атаку за атакой. Армейцам помогала артиллерия кораблей Азовской флотилии. Особенно досаждала гитлеровцам канонерская лодка «Днестр». Стараясь подавить огонь флота, фашистская авиация непрерывно бомбила Темрюкский рейд, и, казалось, «юнкерсы» специально выискивают стоявшую там канонерку — она имела уже 280 пробоин. На «Днестре» в качестве представителя ГлавПУ находился старший политрук Матковский.

«Я подумал — 280 пробоин! Значит, бомбы рвутся уже рядом, совсем рядом,— вспоминал Николай Васильевич.— Что я должен сказать матросам и офицерам? Какие найти слова, чтобы дать доходчивую оценку их подвигам?...— И продолжал: — Мои размышления прервал доклад сигнальщика:

— Самолеты, правый борт 150, идут на корабль!..»

Вбежав на мостик, Матковский увидел семь «юнкерсов», приближающихся со стороны солнца. Первые бомбы упали с обоих бортов. Сорвало шлюпки. Канонерка ответила огнем, но зенитное обеспечение было невелико, и враг, после разворота, снова сбросил бомбы. В корпусе «Днестра» появились новые пробоины. Водоотливные средства не справлялись с откачкой. Продолжая вести огонь из зенитных пушек и пулеметов, канонерка начала тонуть. Росло число убитых и раненых. Люди падали за борт с накренившегося корабля, фашистские летчики расстреливали плавающих в воде из пулеметов. Очередная бомба попала в носовую часть. Раздался оглушительный взрыв. Матковского отбросило на ходовую рубку. Когда он очнулся, носовая часть корабля уже уходила под воду. Погиб командир, почти все артрасчеты были выведены из строя, на рулевом управлении повис истекающий кровью матрос. В этот момент на мостик вбежал инженер-механик. «Товарищ комиссар, имеем ход!» — доложил он. Матковский не сразу сообразил, что это к нему, да и как ответить — в голове гудело. Попросил помочь унести раненого рулевого. Надо было спасать экипаж и продолжавший погружаться корабль. Сам стал за руль и подумал: «Необходимо выброситься на мель». Это решение подсказало чутье речника: Николай Васильевич в молодости плавал штурманом на Днепре.

Гитлеровские самолеты не оставили в покое уткнувшийся в грунт «Днестр». Катера снимали оставшихся в живых моряков

под непрерывной бомбежкой. Старший политрук покинул корабль последним.

Это лишь один из боевых эпизодов тех дней. Позднее, вернувшись в Москву, Николай Васильевич узнал о присвоении ему очередного воинского звания батальонного комиссара, а вскоре в Кремле сам Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Отечественной войны 1-й степени.

Через месяц Матковский с новым предписанием прибыл на Волжскую военную флотилию — в Сталинград. Это было трудное время: враг уже занял часть города и продолжал теснить к реке его героических защитников. Рейдовый катер представителя ГлавПУ, лавируя между разрывами мин и снарядов, шел от корабля к кораблю. И, несмотря на тяжелую обстановку, на каждом из них с надеждой и радостью встречали батальонного комиссара. Он нес им вести с Большой земли, рассказывал о значении Сталинграда в общем сражении, находил слова, вселявшие в моряков веру в победу, столь необходимую в эти переломные дни войны.

...Когда Матковский ехал из Москвы с назначением на Север, ему не давала покоя мысль: «Что же это за сложные задачи, о чем говорил начальник ГлавПУ?»

Все прояснилось на месте, где размещалось командование Северным флотом: Матковский получил задание с пятью матросами отправиться на английском эсминце «Уайтхолл» в Великобританию, куда с очередным конвоем прибудут советские команды для приема британских кораблей. Необходимо было все подготовить для встречи и успешной работы.

— Вы человек знающий, кандидат исторических наук, вам ли мне рассказывать в подробностях, как вести дело. Уверен, у вас найдется достаточно дипломатического такта, чтобы сориентироваться в «английской» обстановке,— напутствовал его член Военного совета флота вице-адмирал Николаев.— Да и не предусмотришь всего.

Действительно, всего не предусмотришь, и «дипломатический такт» Николаю Васильевичу весьма пригодился...

Первое задание на новом месте капитан 3-го ранга выполнил успешно: когда 7 мая в Глазго прибыло три тысячи советских моряков — членов экипажей будущего отряда кораблей, на железнодорожной станции уже стояли «зафрахтованные» Матковским пассажирские составы для отправки людей в порты назначения.

Принимая от англичан корабли, советские моряки работали по 12—14 часов в сутки. Особенно трудными были первые дни — они соскребали ржавчину с обшивки, очищали от грязи трюмы и за неимением технической документации «с натуры» вычерчивали схемы, делали зарисовки и описания механизмов. Англичане наблюдали за всем этим с нескрываемым интересом, прошел даже

слух, что «русские привезли инженеров, переодетых в матросскую форму». На самом же деле Матковский был прав, напоминая о Левше, — он верил в способности краснофлотцев, в их умение разобраться в технике.

Первыми были приняты четыре подводные лодки, и на них подняли советский Военно-морской флаг. Английское адмиралтейство в строго секретном порядке, как это предусматривалось военной обстановкой, дало нашим командирам курсы для следования в Полярный, предупредив при этом, что подводные лодки, обнаруженные самолетами и кораблями вне указанных курсов, могут быть приняты за вражеские и уничтожены. Что ж, требование вполне справедливое — немецкие субмарины шныряли у берегов Англии, а отличить в море свою лодку от лодки противника — практически невозможно. Однако у командиров лодок — а это были боевые, заслуженные офицеры, Герои Советского Союза: комдив Трипольский, Фисанович и Иоселиани — зародились сомнения: надо ли следовать курсами, указанными адмиралтейством, не лучше ли проложить свои? Ведь страна наводнена вражескими шпионами. Выданные английским командованием курсы могли попасть в руки противника. Радость скорого возвращения на Родину омрачилась, поэтому, когда на проводы лодок в шотландский порт Данди, где они стояли, прибыл эсминец «Живучий» с вице-адмиралом Левченко и начальником агитпропчасти Матковским на борту, им обо всем было доложено.

Тут было над чем задуматься. Левченко и Матковский двое суток разбирали курсы лодок, беседовали с офицерами, старшинами и краснофлотцами. Наконец было решено: союзникам своих сомнений не показывать, в походе, сохраняя особое внимание, действовать по обстановке. Напутствуя подводников, Матковский сказал: «Голова дана не только для того, чтобы носить фуражку. Вам, боевым офицерам, не привыкать к неожиданностям войны. Уверен, вы с честью выполните задание. Партия на вас надеется. Товарищи командиры, лодки нужны нашему Северному флоту целыми и невредимыми».

Англичане устроили нашим подводникам прощальный прием, на нем царила корректная, дружелюбная атмосфера, как и положено между союзниками. Было произнесено много добрых слов в адрес нашей Родины, Красной Армии и Военно-Морского Флота. А вскоре стало известно, что три из четырех подводных лодок вошли в бухту Полярного.

Наше пребывание в Англии подходило к концу. Мы считали уже не дни, а часы, остававшиеся до выхода в море. Все наши мысли были о далекой Родине. Каждому хотелось послать туда весточку, но такой возможности не было. И вот двое краснофлотцев с «Живучего» придумали направить через океан симво-

лический привет своим «голубиной почтой». За неимением голубей решили использовать чаек — здесь эти птицы были приучены брать еду прямо с рук и поймать их ничего не стоило. Задумано — сделано. Нарисовав нескольким чайкам красные звезды на крыльях, матросы отпустили их: пусть, как в песне, летят на Родину с нашим приветом. А чайки не полетели. Расправив крылья, они кружились над рейдом Скапа-Флоу, с кораблей были хорошо видны краснозвездные птицы. И тут поднялся шум: «Русские используют чаек для большевистской пропаганды».

Уладить инцидент, а главное, договориться по ряду вопросов передачи кораблей, было поручено начальнику агитпропчасти Матковскому. Он отбыл на катере на английский авианосец, стоявший под флагом старшего на рейде. Здесь он, по английскому обычаю, был встречен прерывистой трелью боцманской дудки — так на британских кораблях вахта приветствует старших офицеров.

В сопровождении дежурного Матковский вошел в каюту флагмана. Немолодой, сухопарый адмирал слегка привстал в кожаном кресле и поклонился. Николай Васильевич представился. Он прибыл без переводчика: за четыре месяца общения с англичанами хорошо изучил их язык.

— Кофе, виски, сигару? — спросил хозяин каюты и предложил сесть.

Тут-то и пошла дипломатия...

Поговорили о полярных конвоях, об авианосцах, о совместной борьбе союзников против фашистов. И как бы между прочим Николай Васильевич упомянул инцидент с чайками.

— Над головами советских моряков два месяца развевался флаг флота Его Королевского Величества, и ни один из них не стал монархистом,— сказал он, улыбаясь.— Так неужели звезды на крыльях чаек способны изменить мировоззрение английских матросов?

Адмирал шутливо погрозил ему пальцем:

— Вы, наверное, комиссар? — и уже без иронии добавил: — О'кэй!

С «чаечным» вопросом было покончено. Труднее оказалось договориться по важным вопросам передачи кораблей. Они поступали к нам без запасных частей, без чего ни один корабль воевать не может. Если, к примеру, лопнет спусковая тяга зенитного автомата — стрелять нельзя, сработается клапан эжектора — не откачаешь воду из трюма. Да мало ли что может поломаться на старых кораблях.

Адмирал подумал и кивнул:

— Вы правы. Как и обещали, мы вам дадим на запасные части девятый эсминец, берите его.

Хорошенькое дело — берите! Его же надо своим ходом переводить в Мурманск — через бурные Северное, Норвежское и Баренцево моря.

К тому же на «девятке», как окрестили дополнительный эсминец, часть оборудования, включая радиолокацию, была уже демонтирована, это значит, что ночью или в тумане он будет идти «вслепую» и, чего доброго, из-за уменьшения остойчивости может опрокинуться на крутой волне. Задача будущего командира и экипажа корабля представлялась чрезвычайно трудной и была связана с большим риском. Но нет таких задач, которые были бы не под силу советским морякам...

Чтобы не оголять идущие в опасный поход корабли, личный состав девятого эсминца было решено укомплектовать только наполовину. Труднее оказалось подобрать офицеров — добровольцев идти на «запасных частях» не было.

— Мы хотим скорее бить фашистов, а не тащиться неизвестно сколько на старом корыте,— протестовали вызванные офицеры.

Тогда начальник политотдела отряда капитан 1-го ранга Зарембо предложил:

— Давайте сначала назначим комиссара. У меня есть хорошая кандидатура — Матковский. Он, как секретарь партбюро, знает всех коммунистов отряда, сможет не только подобрать экипаж и офицеров, но и убедить каждого, что это важное и необходимое дело.

Предложение о назначении замполитом командира «девятки» Николай Васильевич принял без колебаний.

— Раз надо — значит, надо,— ответил он.

— Молодец, спасибо. Другого ответа мы от вас и не ожидали,— пожал ему руку вице-адмирал Левченко.

«Почетное понижение»,— как всегда с юмором, подумал Николай Васильевич.

А Левченко, закидывая следующую удочку, продолжал:

— Вот только командира мы еще не подобрали. Перевести с одного из эсминцев, сами понимаете, нельзя, а офицер нужен весьма опытный. Может, у вас есть подходящая кандидатура?

— Наш флагштурман капитан второго ранга Пастухов,— уверенно предложил Матковский.— Я хорошо его знаю, Александр Евгеньевич — опытный моряк, ни в сложной обстановке, ни в бою не растеряется.

Так был утвержден командир, с комплектацией остальных должностей теперь управились быстро.

«Девятка» стояла на «корабельном кладбище» в предместье Ньюкасла. Английские моряки откровенно выражали сомнения и покачивали головами: добраться на «ржавой галоше» до Мурманска? По их мнению, на это не было почти никаких шансов.

Но Матковский уже познакомился с краснофлотцами, старшинами и офицерами своего экипажа и хорошо знал возможности каждого. Командиры подразделений распределили специалистов, сделали наброски корабельных расписаний. Были созданы партийные и комсомольские организации: в экипаже оказалась половина коммунистов, остальные — комсомольцы. Предстояло сделать уже знакомую работу: очистить трюмы, отбить ржавчину, отремонтировать механизмы и оборудование, провести ходовые испытания — все это за три недели, оставшиеся до выхода очередного арктического конвоя, при недокомплекте личного состава. Подумав, замполит высказал мысль организовать «движение» за овладение каждым членом экипажа второй специальностью. Предложение было с энтузиазмом подхвачено личным составом и обсуждено на партийном и комсомольском собраниях. Решено было результаты «движения» освещать в Боевых листках.

На следующий же день приступили к делу: артиллеристы постигали специальность минеров, сигнальщики овладевали радиоделом, котельные машинисты готовились заменить турбинистов. Все это пригодилось в походе. Учиться надо было и командирам подразделений. Николай Васильевич не раз напоминал об этом штурману Присяжнюку и инженер-механику Хайну, другим командирам боевых частей.

— Не стесняйтесь расспрашивать краснофлотцев и корабельных специалистов,— говорил им Матковский и сам показывал в этом пример.

Обходя трюмные отделения и наружные боевые посты, он интересовался их задачами. Старшины и краснофлотцы объясняли ему устройство механизмов, вооружения, технических средств корабля. И никакого подрыва своего авторитета он в этом не видел.

— Нельзя завоевать авторитет у подчиненных, скрывая свое незнание или демонстрируя безразличное отношение к тем сложным манипуляциям, которые выполняет матрос на своем боевом посту,— говорил он офицерам.— Главное, расспрашивая о чем-нибудь младших по званию, делайте это так, чтобы у человека не создалось впечатление экзамена, покажите ему, что вас это действительно интересует, что вам необходимо узнать об этом подробнее.

«Матковский верил в людей, в их духовные и физические возможности. Не преуменьшая опасности, он воспринимал действительность такой, какая она есть. Это был настоящий комиссар»,— вспоминал потом командир «девятки» Пастухов.

По настоянию замполита каждый день на «запасных частях» начинался и кончался чтением сводки Совинформбюро, принятой

радистами. Агитаторы сообщали вести с Родины в кубриках, кают-компании, на боевых постах. Моряки внимательно слушали их. Сводки шли ободряющие: на фронтах был уже не просто перелом, а настоящий разгром и преследование врага. В первых числах сентября Совинформбюро сообщило о вступлении советских войск в Болгарию, взрывом энтузиазма встретил экипаж информацию об этом. Другая точка зрения, видимо, была у союзников: как-то при обсуждении этого события в кают-компании, где присутствовали английские офицеры, один из них выразительно сказал: «Гудбай, Болгария!»

Матковский на это заметил:

— Уважаемые королевские офицеры должны были прощаться с Болгарией, когда ее захватил Гитлер. А сегодня это радостное событие: еще одна страна избавляется от фашистского гнета...

Осваивая корабль, моряки не считались с личным временем и усталостью. Приказания подхватывались на лету, выполнялись быстро и четко. У всех было одно стремление — скорее выполнить поставленную задачу. Было видно, что за короткий срок командованию удалось добиться дисциплины и сплоченности экипажа.

Наступил радостный день: 14 сентября «девятка» вышла из Ньюкасла в бухту Лонг-Ив, где формировался арктический караван в Мурманск. И хотя в нем, кроме «девятки», не было ни одного советского корабля и в море все предстояло решать самим, настроение у экипажа было отличное: они шли домой.

Путь предстоял нелегкий. В Норвежском море караван попал в шторм. Ураганный ветер обрушивал на «девятку» волны, крен доходил до сорока пяти градусов, корабль временами не слушался руля. Командир и замполит бессменно находились на мостике, лишь на пять—десять минут отлучались в штурманскую согреться и подкрепиться чашкой черного кофе.

В один из таких моментов Пастухов с опаской сказал:

— Выдержит ли наша посудина?

— При таком командире и экипаже должна выдержать,— полушутя-полусерьезно ответил Матковский.

Но дела шли не блестяще: сильной волной срезало вентиляционные грибки в носовой части — вода стала поступать в расположенный там кубрик. Только аварийная группа ликвидировала опасность, как течь обнаружили во втором кубрике. Старый корабль трещал и стонал под напором стихии. Вибрировали пиллерсы, поддерживающие верхнюю палубу, от тяжести

воды прогибался стальной настил. Матковский, осмотрев повреждения, отдал распоряжение морякам разобрать сложенные вдоль бортов аварийные брусья и установить их в промежутках между пиллерсами. Течь была заделана паклей.

Уже сутки экипаж боролся со стихией. Людям стало трудно выстаивать вахту. Тогда замполит обратился к тем, кто сохранял еще силы, с просьбой подменять уставших в течение смены. И хотя ни одним уставом это не предусматривалось, краснофлотцы охотно помогали друг другу.

Еще перед отправкой один из кубриков, для повышения остойчивости судна, был загружен глубинными бомбами. Командир беспокоился, не начнет ли смещаться при такой качке опасный груз. Необходимо было установить за ним постоянное наблюдение. Старпом Ойцев предложил отобрать добровольцев из тех, кто покрепче, и пусть они, взяв с собой продовольствие, задраются в кубрике на время шторма. Командир одобрил эту мысль, но приказал согласовать список людей с Матковским.

Через несколько минут замполит поднялся на мостик.

— Вот список. Большинство добровольцев — коммунисты. Разрешите и мне находиться с ними.

Командир и замполит посмотрели в глаза друг другу, и Пастухов молча кивнул головой: ответственность задания заставила его дать согласие.

На следующий день вибрация корпуса усилилась, а ход уменьшать было нельзя: отстать от конвоя значило стать добычей вражеской подлодки. «Как там в трюме?» — думал каждый на судне.

А там от сильной тряски ослабло натяжение стальных тросов, удерживающих 165-килограммовые глубинные бомбы. Если раскатятся по кубрику — с ними во время качки не совладать. Взрыва, может, и не будет, но, скатившись к одному борту, они могут вызвать опасный крен — первой же волной корабль опрокинет. И тогда верная гибель... Пятеро добровольцев это хорошо понимали и потому не смыкая глаз, стойко несли свою вахту. Вооружившись ломами, они подтянули стропы, подложили под бомбы деревянные клинья и пеньковые кранцы. Но, даже после того как опасность была устранена, инструмент из рук никто не выпускал.

Не спали уже двое суток. В минуты отдыха заводили беседы, вспоминали о доме, о службе. Замполит успел многое узнать о своей пятерке: кто где воевал, откуда призывался, где родные, есть ли жена, невеста... И сам рассказал им о себе, о том, что раньше, до службы, плавал штурманом на Днепре, помощником капитана на Иссык-Куле. Окончил Институт народного хозяйства в Ташкенте. Срочную проходил на Амурской флоти-

лии. Позже окончил адъюнктуру при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Кандидатскую диссертацию защитил в начале войны...

Так трое суток горстка людей в задраенном отсеке, без свежего воздуха и дневного света, боролась за живучесть корабля. И выстояла.

Годы спустя, при встрече в Москве, я спросил у Николая Васильевича, была ли необходимость замполиту забираться с матросами в этот кубрик? Он ответил:

— Для того чтобы воспитывать, закалять дух других, надо прежде всего самому быть сильным и закаленным духом, а эту силу я получал и от матросов. Всматриваясь в их молодые, полные оптимизма лица, я сам становился как будто моложе, бодрее. В открытом море особенно остро познаешь себя, людей, чувство товарищества и дружбы. И теперь хочется сказать: хорошо, что жизнь не прошла мимо бурь, мимо борьбы... Каждому бывает страшно, когда рядом опасность, смерть. Но главное — это преодолеть страх. И там, в кубрике, мы преодолевали его все вместе.

Только когда шторм начал утихать и командир разрешил отважной пятерке покинуть кубрик с глубинными бомбами, все на корабле поняли, через что прошли эти пятеро и весь экипаж, как помогла им в часы опасности морская дружба, спаянность, дисциплина. Проходя по боевым постам, Матковский видел улыбки на почерневших от холода и ветра лицах моряков — никто не умеет так ценить мужество, как матросы.

Многодневный переход «девятки» близился к концу, когда на меридиане острова Медвежий корабли конвоя начали сбрасывать глубинные бомбы — они вошли в зону действия вражеских подводных лодок.

— Торпеда! Право на борт! — неожиданно скомандовал Пастухов, первым обнаруживший пузырчатый след.

Резкая перекладка руля, корабль сильно кренится и... вздох облегчения: торпеда прошла слева по борту. Теперь, во второй половине перехода, ветер стих. Караван вошел в полосу тумана, зачастили снежные заряды — «запахло» родными северными краями. Миновали траверз Нордкапа, и Матковский объявил по трансляции:

— Товарищи моряки! Мы входим в Баренцево море — в зону нашего Северного флота. Скоро будем дома!

— Ура! — прогремело ему в ответ.

Несмотря на усталость и бессонные ночи, близость родных берегов подняла настроение экипажа, придала людям сил и бодрости. Но особенно обрадовало всех то, что о них помнили и думали дома. Когда «девятка» вошла в Кольский залив, с сигналь-

ного поста передали: «Молодцы! Поздравляем с успешным завершением трудного боевого перехода».

Несколькими днями позже мужество и выдержку моряков «девятки» отметил командующий эскадрой контр-адмирал Фокин.

— Сложнейшую задачу в такой короткий срок и с таким успехом мог выполнить только сплоченный и дружный коллектив,— сказал он.— Командующий флотом решил присвоить вашему кораблю наименование «Дружный» и не разбирать его на запасные части, а оставить в боевом строю!

«Дружный» поставили к заводской стенке, чтобы как следует вооружить и дооборудовать. Назначили штатных командира и замполита, а Пастухова и Матковского вернули на прежние должности. Оба они с грустью покидали корабль и прощались с ним словно с живым существом, оставляя на нем частицу своего сердца.

Теперь Матковскому предстояло с «высокого мостика» политотдела эскадры руководить идейно-воспитательной работой сразу на многих кораблях соединения. За умелое политическое обеспечение боевых действий кораблей отряда, приведение в боевую готовность эсминца «Дружный» и организацию успешного перехода, за проявленное при этом мужество капитан 3-го ранга Николай Васильевич Матковский был награжден орденом Нахимова 2-й степени.

В январе 1945 года он был откомандирован в Москву, на работу в аппарат Центрального Комитета партии.

...Снова встретиться с Николаем Васильевичем мне довелось лишь через тридцать лет. Он жил в Москве, стал профессором, известным ученым, автором многих книг и статей по международному рабочему движению.

Конечно, время коснулось его. Но на лице была все та же улыбка — спокойная, дружелюбная, чуточку лукавая. Он радовался встречам с ветеранами эскадры, даже с теми, кого прежде не знал. Кто бы они ни были — матросы или адмиралы,— со всеми он был прост и сердечен.

Матковский гордился своей принадлежностью к флоту и скучал о нем. Здороваясь, он слегка наклонялся вперед, смотрел вам в глаза и, приветливо улыбаясь, представлялся:

— Матковский, капитан первого ранга, извините, в отставке.

В этом шутливом «извините» сквозила грусть, чувство ностальгии по морю.

На рабочем столе у Матковского стоял макет крейсера «Аврора» и стилизованный под рынду термометр. Рядом с застежкой на черном портфеле был привинчен миниатюрный якорь. Его дом вообще был полон морской символики, но особенно дорожил он моделью эсминца «Дружный».

В мирное время за успехи в научной и общественной деятельности Николай Васильевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета».

В ноябре 1973-го Николаю Васильевичу довелось в составе делегации советских ученых вновь посетить Англию. На приеме в городе Лидсе между мэром и профессором Матковским завязалась политическая дискуссия.

— Да вы не ученый, вы комиссар! — попытался отшутиться положенный на лопатки англичанин.

Сохраняя вежливость и дипломатический пиетет, Николай Васильевич в душе порадовался тому, что жив в нем большевистский пропагандистский жар. На обеде, данном в честь делегации, он поднял тост за бывших союзников и за советских моряков, за счастье миллионов людей, в том числе подданных Великобритании...

Владимир
КАШИЦ

АТАКУЕТ ПОДЛОДКА

Сентябрьское ночное небо затянуто низкими облаками, скупо льется в прогалины между ними матовый свет луны, подсвечивая зыбкую равнину моря. За кормой «С-31», идущей полным ходом, все дальше уплывает в ночную мглу черная громада кавказского побережья. Подлодка, торопясь, в пене бурунов, уходит в открытое море. На мостике, где стоят командир, комиссар, вахтенный начальник и рулевой, напряженное молчание. Каждый думает об одном: как-то сложится этот не совсем обычный поход?

Быстро растворился в ночной хмари берег. Командир капитан-лейтенант Белоруков оторвал взгляд от поверхности моря и, щурясь, глянул на скуластое, словно литое из бронзы лицо комиссара Замятина.

— Ну что, обсудим? — бросил коротко.

За время совместных походов они привыкли понимать друг друга, как говорится, с полуслова. Встречаясь по утрам в базе, спрашивали друг друга: «Сводку сегодня слушал?». И горестно качали головами, думая об оставленном Севастополе, ставшем чужим Азовском море, о рвавшихся к перевалам Кавказа моторизованных полчищах фашистов, которых ценой огромных усилий сдерживали уже возле Новороссийска и Туапсе. Совсем еще недавно на добрую половину советское, Черное море также стало враждебно-чужим, оставив для базирования кораблей флота небольшую полоску побережья и несколько не самых лучших и удобных бухт.

— Обсудим, командир,— кивнул Замятин и первым пошел к колодцу открытого рубочного люка.

Для длительного похода вблизи занятого врагом берега подводную лодку готовили почти неделю — проверяли материальную часть, тренировали людей. Но о сути задания они узнали лишь сегодня, всего несколько часов тому назад, в Туапсе, куда «С-31» зашла согласно распоряжению комбрига. Здесь, на одном из пирсов, к которому лодка ошвартовалась, их уже поджидал офицер, представитель штаба флота с боевым приказом.

— Читайте внимательно,— сказал он.— Если будут вопросы, я уполномочен ответить на них...

В приказе ставилась сложная задача, вернее, несколько задач: находясь в автономном плавании, лодке предстояло выйти в район Феодосии и произвести разведку Двуякорной бухты — места базирования вражеских легких надводных кораблей, данные передать в штаб флота и встретить в определенной точке группу катеров под командованием капитана 1-го ранга Филиппова — командира отряда, наносящего торпедный удар по скоплению вражеских судов в Двуякорной. Затем, разведав район Алушты, нести позиционную разведку в районе Алушта — Ялта.

И последнее... Пожалуй, наиболее сложное: произвести артиллерийский обстрел порта Ялты, где, по данным, было скопление вражеских торпедных катеров и сторожевых кораблей.

Задание не на день-два, а недели на три...

Комиссар и командир спустились в центральный пост, нырнули в круглый лаз и прошли во второй отсек, служивший и офицерской кают-компанией. Уединились в крохотной каюте командира: диван, умывальник, маленький стол и стул-трехножка.

— Что думаешь, комиссар, о задании? — спросил Белоруков, усаживаясь на диван и доставая из стола морскую карту. По тону и по взгляду чувствовалось, что он, командир, спрашивает Замятина не только потому, что они в равной степени отвечают за выполнение задания командования и, следовательно, решения принимают вместе. Нет. Белоруков обращался к Замятину скорее как к старшему.

Объяснялось это многим...

Белоруков знал — в бригаде многие завидовали ему, молодому командиру, что комиссаром у него Замятин. Павел Николаевич Замятин был известной личностью на флоте. Еще в тридцатые годы, служа краснофлотцем, штурманским электриком, он стал инициатором овладения вторыми специальностями на смежных боевых постах и первым показал замечательный пример. Родина отметила его воинский труд орденом Ленина. В тридцать седьмом году его избирают «матросским делегатом» — депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. Потом... Вступление в партию. Учеба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и назначение комиссаром на подлодку «С-31», где Белоруков служил старпомом.

В дни труднейших походов в осажденный Севастополь капитан-лейтенант Белоруков в свои двадцать семь лет по настоятельной рекомендации политрука Замятина назначается командиром «С-31» — одной из лучших на флоте.

На всю жизнь памятен Белорукову тот день, когда он сту-

пил на лодку в качестве командира. В его каюте вот на этом самом столике лежал букет роз... От команды. А ведь он несколько лет был здесь старпомом, на должности сложной, ведь именно старпому «по штату» положено быть повышенно требовательным, даже придирчивым... И вот экипаж встретил его букетом роз. Значит, был справедлив при всей строгости... И еще... Белоруков понимал — за этим жестом чувствовалась рука комиссара. И за год командования лодкой убедился — рука комиссара тверда, надежна, опытна.

— Так что думаешь, комиссар, о задании?..

Обсуждали долго. Пришли к мнению, что первая и вторая части задания в общем-то обычные, а вот третья — обстрел порта Ялты из орудия — и необычна, и не свойственна характеру действий подводной лодки. И не только потому, что она не из легких, а потому, что вряд ли будет эффективной.

Но понимали, что сейчас, когда враг вышел к предгорьям Главного Кавказского хребта, нужно держать его в постоянном напряжении и любыми средствами не давать перебросить силы на Кавказ.

Долго они сидели в тесной каютке, склонившись над морской картой, сообща наметили план выполнения боевого задания, поставленного командованием флота перед «С-31».

К бухте Двуякорной лодка подошла на исходе дня. Подняли перископ. Красный «зайчик» живого солнца, выскочив из окуляра, скользнул по щеке командира. Белоруков ткнулся в мягкий резиновый наглазник и чертыхнулся с досады. Не отрываясь от перископа, пояснил стоявшему рядом комиссару:

— Закатное солнце светит прямо в перископ! Посмотри, если что увидишь.

Решили дождаться утра.

Лодка отошла мористее. С наступлением ночи — всплыли. Началась подзарядка аккумуляторов, активная вентиляция всех отсеков. Находившиеся на мостике внимательно следили за морем и воздухом.

Утром, опять под перископом, подошли к Двуякорной.

Солнце было с моря, хорошо высвечивая берег, небольшую бухту, знакомую и командиру, и комиссару еще с довоенного времени. Подошли близко, мили на четыре. В перископ отчетливо виднелась над синей гладью моря белесая стенка брекватера. Она закрывала корпуса стоявших в бухте судов, но по возвышавшимся над стенкой надстройкам и мачтам можно было определить и количество их, и класс. Разумеется, нельзя было делать выводы на основании только таких наблюдений. Поэто-

му еще в течение суток следили за судами, входившими и выходившими из Двуякорной. А это были и торпедные катера, и сторожевые корабли, и даже БДБ — быстроходная десантная баржа. Велико было искушение торпедировать ее, но перед лодкой была поставлена другая задача — разведка.

Следующей ночью командир и комиссар, проанализировав характер разведданных, изложили их в коротком донесении — шифрограмме. В ответной шифровке лодке предписывалось следующей ночью, подавая сигналы прожектором, встретить в точке рандеву — на траверзе Двуякорной — отряд из пяти торпедных катеров и передать им последнюю, уточненную, обстановку в Двуякорной.

И эта ночь была по-осеннему облачной, темной. Порой лишь в размывах туч проглядывала луна, освещая белесым светом зыбкую равнину моря.

Тихо плескались волны в стальной, масляно-черный борт лодки. Темные тени и легкие лунные блики плыли по необъятной водной равнине.

— Емельяненко, видишь что-нибудь? — несколько раз нетерпеливо спрашивал командир мичмана.

— Н-нет...— вздыхал сокрушенно боцман.

Назначенное время уже прошло. А катера не появлялись.

— Что делать будем, комиссар? — Белоруков глянул на молчаливого комиссара.

— Ждать.— Ответил коротко, даже резко. Замятин не терпел излишней суетливости, а командир, судя по всему, начинал нервничать.

— Ждать надо, Николай,— повторил он мягче.— Время еще есть. С полчаса можно ждать...

Стоявшие на мостике понимали, что если отряд катеров еще немного задержится, то им придется подходить к Двуякорной уже на рассвете. И в таком случае они могут быть заранее обнаружены противником с берега.

— Вижу!..— воскликнул сигнальщик.— Слева по борту тридцать градусов! На горизонте темные силуэты судов...

— Сколько?

— Один, два... пять! Нет! Шесть!

— Ошибаешься, сигнальщик! — прикрикнул Белоруков. — Должно быть пять.

— Никак нет, товарищ командир, — вижу шесть!

— Лучше смотри!

Замятин положил руку на плечо Белорукова, призывая к спокойствию, а другой рукой указал в море:

— Смотри... Уже отчетливо видно. Считай. Шесть их...

— Д-да... Шесть. Прекратить сигналить!

— Погружаться нужно, Николай.

— Да.— И уже тоном приказа: — Срочное погружение!

Погрузились. Ушли на глубину. Замерли все. Прислушивались, невольно глядя вверх.

— Гидроакустик! Докладывайте!

— Слышу шум винтов быстроходных катеров!

— Расстояние?

— Пятнадцать кабельтов! Курсом на лодку!

Теперь уже и так был слышен шум винтов: бум-бум-бум! Звук все нарастал, усиливался.

— Расстояние десять кабельтов!.. Пять кабельтов...

На лодке ни звука. Все замерли на своих постах, тревожно прислушиваясь.

— Катер над нами!..

Шум, казалось, усилившийся до предела, стал ослабевать.

— Катер уходит!

А бомбы? Сбросил он бомбы или нет? Наших катеров должно было быть пять. Этих шесть. Значит, не наши? Тогда... Но взрывов не последовало.

— Катера удаляются!

— Продуть среднюю! — приказал Белоруков.

Лодка всплыла под перископ и командир увидел покачивающиеся на волнах темными утками торпедные катера. Катера были наши — «Г-5».

Всплыли. Передали на флагманский катер уточненные данные. Спросили, почему катеров шесть, а не пять, как было условлено. С катера просигналили, что шестой — морской охотник; он буксировал катера, чтобы они могли сэкономить горючее. Решение было принято в последний час, поэтому не смогли известить лодку.

— Ну дают славяне!..— с сердцем произнес Белоруков, когда сигнальщик передал ему этот ответ.— Просигналь им: «Счастливо» и «Конец связи».

На торпедных катерах глухо зарокотали моторы, и, волоча пенные буруны по зыбкой морской равнине, они крадучись пошли к Двуякорной.

«С-31» легла на курс для выполнения задания в районе Ялты.

Командир и комиссар стояли на мостике. Напряженно всматривались в темневший на самом горизонте, с правого борта, крымский берег. Вскоре там слабо полыхнуло, подсветив низкие облака. Еще и еще...

— Наша авиация начала бомбежку порта,— произнес Белоруков.

Эта бомбежка должна была отвлечь внимание врага и тем облегчить катерам выполнение задания.

Замятин вынул из нагрудного кармана кителя часы на цепочке, уточнил время нахождения катеров в пути к Двуякорной, сказал:

— Катера успевают. Порядок. Я пройду по отсекам.

И шагнул к люку.

Лодка полным ходом шла в район Ялты.

Замятин, нагнувшись, вошел в моторное отделение. Здесь надсадно завывали вентиляторы, оглушительно грохотали, лязгали железом два мощных дизеля, над одним из которых был подвешен на проволоке медный чайник с водой, к нему периодически прикладывался вахтенный. Разговаривать было невозможно, и, подойдя к командиру отделения мотористов Индерякину, Замятин лишь взглядом и кивком спросил его: «Как дела?» На перемазанном соляркой, с каплями маслянистого тяжелого пота худощавом лице краснофлотца весело блеснули глаза и он выставил сжатую руку с поднятым вверх большим пальцем: «Отлично».

Замятин прошел дальше...

Индерякин великолепный специалист, но с характером!.. Астраханский рыбак, он отлично знает двигатель. Но горяч, вспыльчив. Видимо, всякого он натерпелся еще с мальчишеских лет. И поэтому так особенно любит уважительное к нему отношение. «Петр Яковлевич, надо бы с переборкой дизеля поторопиться... Не подведи». С началом войны почти все ремонтные работы, даже те, которые в мирное время проводили только в заводских условиях, экипаж делал своими силами. «Петр Яковлевич, время такое...» И Индерякин сам недоспит и другим не даст — сделает работу досрочно и хорошо. Седьмой год на флоте — перед войной должен был демобилизоваться, а тут... Да, весь экипаж из таких старослужащих. Некоторые по возрасту старше командира лодки...

Во время труднейших походов в осажденный Севастополь, которых только в мае — июне сорок второго лодка совершила пять, доставляя боеприпасы, продовольствие, топливо и вывозя раненых, женщин, детей, когда за один поход вражеские самолеты обрушивали порой на лодку до двухсот бомб, ни разу материальная часть не подводила. А повреждения, нанесенные врагом, быстро устранялись. И в этом, конечно же, сказывалась высокая выучка экипажа, высокая идейно-политическая сознательность каждого.

Несколько суток позиционного поиска в районе Алушты — Ялты не дали ничего интересного. За эти дни даже ни одного катера не зашло в Алушту. Катера — торпедные, сторожевые

и БДБ проходили значительно мористее, чуть видные на горизонте.

И «С-31» направилась в район Ялты.

Даже в перископ видно, как красива Ялта и ее окрестности.

На синей выпуклой глади моря, под солнечным высоким небом лежат Крымские горы. Склоны их чем ниже, тем темнее от зелени. В зелени этой, амфитеатром спускаясь к кромке синего моря, ярко белеют домики. Они стекают к набережной, тянущейся над пенной линией прибоя, к тихой бухточке за каменным молом, оканчивающимся крохотным отсюда белым маячком.

Но на набережной с гранитным парапетом и зелеными, в два ряда, пальмами и кипарисами виднелись рогатки с колючей проволокой, и гуляли там, под пальмами, не довоенные отдыхающие, а гитлеровцы... В порту, над каменной стеной мола, виднелось множество мачт судов. Крошечными белыми платочками носились над бухтой чайки.

Часто из бухты на полном ходу выходили торпедные катера, сторожевые суда и бомбили акваторию, примыкающую к порту. Делали они это, как было ясно, с предупредительной целью. Но лодке приходилось быстро отходить мористее, отлеживаться на грунте.

Сейчас «С-31», периодически поднимая перископ, шла к порту. Мерно гудели гребные электродвигатели, и даже в центральном отсеке чувствовался запах озона.

Вахтенный офицер, лейтенант Шипотковский, склонившийся у перископа, широко, «циркулем» расставив длиннущие ноги, вдруг произнес резко:

— Прошу командира в боевую рубку!

Тотчас в центральном посту появились Белоруков, Замятин.

— Корабль противника! — доложил кратко Шипотковский.

Командир прильнул к перископу: слева от высокого гористого мыса, сливаясь с берегом, быстро двигалось транспортное судно. Низкий длинный корпус был камуфлирован, невысокая надстройка смещена на корму... Водоизмещением, определил на глаз Белоруков, тысячи на две.

— Полный вперед! — скомандовал командир.

Судно быстро шло к Ялтинскому порту, а лодке надо было успеть перехватить его до входа в бухту! Транспорт противника имел явное преимущество в ходе перед подлодкой, шедшей под водой на предельной скорости — около девяти узлов.

— Уходит! — Видя, что противник переместился значительно вправо, а лодка еще не вышла на дистанцию атаки, Белоруков командует: — Лево сорок!.. Носовые аппараты — «Товсь!»

Транспорт противника прибавил ход. Уже два-три кабельтова отделяли его от белого маячка спасительного мола.

— Пли!

Напряженно тянулись секунды ожидания...

Но транспорт противника скрылся за молом...

— Промазал!..— с сердцем произнес Белоруков.— Эх!.. Немного не успели мы...

— Слышу шум винтов! — доложил гидроакустик.— Прямо по курсу!

Командир опять прильнул к перископу — на полной скорости из порта неслись два торпедных катера. Они шли в сторону лодки...

Командир убрал перископ, и лодка резко пошла на глубину, меняя курс. Раздались взрывы...

Лодка сменила позицию, но катера все вертелись рядом, и от близких разрывов глубинных бомб лопнуло несколько лампочек. Бомбили уже не два катера, а с полдесятка. Некоторые из них ушли мористее, стараясь отрезать лодке отход в море.

Командир и комиссар приняли рискованное решение... Выход в море ограничивали минные поля, поставленные нами еще в дни обороны Крыма. Немцы, судя по поведению катеров, знали о них и не заходили в районы этих полей. И лодка «ползком», на брюхе по дну влезла в этот опасный район, где на тросах-минрепах держалась смерть. И это спасло. Лодка отлежалась на грунте до темноты, а потом, когда стихли взрывы бомб и шум винтов,— ушла в открытое море.

Уже после войны Замятин узнал из опубликованных у нас в стране воспоминаний итальянца В. Боргезе, бывшего в те годы морским офицером и служившего в эти самые дни в Ялте, что две торпеды, выпущенные лодкой, выскочили на городской пляж и здесь взорвались. Было убито несколько человек, в том числе пять немецких офицеров, загоравших там. Взрывы наделали переполох в порту и городе. И сразу же дежурное звено катеров тщательно пробомбило внешний рейд... Но, как пишет Боргезе, лодке удалось, видимо, скрыться... Однако все последующие дни, почти неделю, катера не переставая, систематически бомбили район Ялтинского рейда.

Все это время, день за днем, лодка пыталась подойти к Ялте, но каждый раз вынуждена была спешно отходить — здесь постоянно курсировали на малом ходу вражеские торпедные катера и сторожевые корабли. Ночью противник понавесил осветительные ракеты, и на рейде было светло, как днем.

Шла уже третья неделя, как лодка вышла из базы. На исходе

были питьевая вода, продукты, горючее. Было решено уйти на время в район Двуякорной и этим дать гитлеровцам успокоиться.

...На вторые сутки недалеко от Алушты обнаружили группу судов: в окружении кораблей охранения большетрубый буксир тащил тяжелогруженую баржу. По тому, как тщательно она охранялась, Белоруков и Замятин поняли, что на барже ценный груз, и решили ее торпедировать.

Крест нитей перископа медленно наползал на цель.

— Пли!

Легкие толчки. Две торпеды одна за другой вышли из аппаратов. Но Белоруков не убрал перископ и, прижавшись к окуляру, дождался, увидел, как взметнулись у борта баржи огромные фонтаны воды, огня и баржа быстро пошла ко дну. Только тогда он убрал перископ и отдал команду к погружению.

Комиссар поздравил экипаж с победой.

Четвертую неделю «эска» находилась в походе.

Уже несколько дней назад, проходя по отсекам, комиссар Замятин опытным взглядом отмечал усталость людей. Проявлялась она по-разному... Например, многие перестали бриться и отращивали бороды и усы. На смену шахматам — турнир недавно закончился — пришло общее увлечение игрой в домино. А перед этим, почти неделю, многие, даже некурящие, с непонятной страстью занимались поделкой наборных мундштуков — почти у всех зубные щетки остались без разноцветных ручек. Перечитаны по нескольку раз все книги библиотечки. Утихли и споры, вспыхнувшие в отсеках после бесед: «Флотоводец адмирал Нахимов» и «Истоки победы Красной Армии в гражданскую войну». Люди устали. Лица осунулись, побледнели. Сказывался скудный, уменьшенный рацион питания, нехватка питьевой воды и, конечно, свежего воздуха.

Потопление вражеского транспорта несколько оживило экипаж. Будто новые силы прибавились. Комиссар понимал — необходимо поддержать это настроение.

В первом отсеке, куда зашел Замятин, игравшие в домино матросы тоже говорили об этой победе...

— Да, братцы, залежались что-то торпеды,— матрос кивнул на огромные трубы носовых торпедных аппаратов.— Пора еще послать фашистам подарочки! — и с силой хлопнул по столу, ставя костяшку.

— А звездочку я нарисую на рубке,— произнес моторист, он обычно оформлял Боевые листки. — Красивую нарисую. А может быть, две, а? Как думаете, товарищ комиссар?

— Это будет зависеть от многого, — ответил Замятин, присаживаясь. — Помните случай с Н-ской лодкой?..

Домино было отложено.

Лодка та встретилась с противником на дистанции очень маленькой — два кабельтова. Времени на подготовку торпедных аппаратов к выстрелу оставалось всего несколько секунд. И все же торпедисты обеспечили залп с дистанции полтора кабельтова (около 300 метров) — потопили транспорт противника водоизмещением 8000 тонн.

— Как они, думаете, достигли такой быстроты? — спросил Замятин и сам ответил: — Только благодаря тому, что торпедные аппараты держали всегда готовыми к немедленному действию и в образцовом состоянии.

Сидевший в стороне старшина-торпедист, с русой, уже чуть курчавившейся бородкой, полировал зазелененной от пасты тряпочкой наборный мундштук.

— Будьте уверены, товарищ комиссар, — сказал он тихо, но твердо,— и мы не подведем... Мы ведь знаем положение на фронте. Нужно бить гадов.

— Да, товарищи, фашисты рвутся к Волге, к Сталинграду. Вот, видите на карте...— Замятин кивнул на прикрепленную к стойке-пиллерсу небольшую школьную карту, на которой флажками была отмечена линия фронта. Карта эта обычно вывешивалась во втором отсеке, там делались отметки, а потом она передавалась агитаторам в другие отсеки вместе со сводкой Информбюро, которую принимали по радио и размножали от руки.— Враг лютый. Он зверствует на нашей земле.— Комиссар помолчал, спросил: — Представляете ли вы, как выглядел наш Севастополь после взятия его врагом?

— Видели — сплошь развалины!

— Да... Наши разведчики рассказывали. Страшная картина...

Все притихли. Для каждого их них Севастополь был родным, дорогим городом. Там, на кораблях, на приморских зеленых бульварах еще в счастливое довоенное время проходила их молодость. В дни увольнений на берег улицы и площади Севастополя пестрели белыми форменками, бескозырками и голубыми «гюйсами», на танцплощадках — музыка и радостный девичий смех...

— Сейчас город напоминает огромное кладбище. В порту затопленные корабли. Мастерские, верфи — все разрушено. Трупы в воде, трупы на дорогах.

Наступило тягостное молчание.

— Бить их, гадов, надо. Бить! — произнес с сердцем кто-то.

Суровыми были осунувшиеся лица моряков. Руки, лежавшие на столе, сжаты в кулаки.

Замятин напомнил, что лодка еще не до конца выполнила

задание командования. А уже на исходе топливо, питьевая вода и продукты.

— Что делать будем? — спросил комиссар.

— Возвращаться нельзя...

— Надо уменьшить рацион воды и питания! — твердо сказал шифровальщик.

— Правильно!

— Но все ли так думают?

— Товарищ комиссар, разве кто-нибудь из экипажа может считать иначе? Никто!

— Хорошо. Значит, я и командир будем иметь в виду ваше мнение.

Комиссар обсудил предложение со всеми членами экипажа. И все до единого сказали — готовы на любые ограничения, лишь бы выполнить задание.

Эти часы все в лодке жили особо напряженной жизнью — ждали предстоящей операции. И хотя уже не раз с каждым членом экипажа все было обговорено и не раз было сказано об ответственности, о необходимости наиболее четко действовать на постах в решающие минуты, комиссар снова прошел по отсекам, где словом, а где взглядом ободряя, призывая к готовности. Похудевшие лица моряков сосредоточенны, возбужденно блестят в полумраке глаза.

Во втором отсеке у входа в центральный пост сидели тесной группой артиллеристы во главе со светловолосым, плечистым лейтенантом. Егоров был самым молодым офицером на лодке и поэтому повышенно требовательным, даже придирчивым — за глаза его называли «боцман». Замятин присел рядом, сказал негромко, спокойно:

— Напоминаю, времени у вас — секунды. Поэтому пусть каждый мысленно представит свои действия после команды: «Артиллерийская тревога!» Рассчитайте каждый свой шаг, каждое движение. Чтобы там,— он кивнул на верх,— вы действовали автоматически.

— Ясно, товарищ комиссар, — подчеркнуто сурово ответил за всех лейтенант. И, помолчав, добавил: — Мы уже десятки раз проигрывали действия расчета у орудия.

— Хорошо.

Замятин прошел в центральный пост.

Командир стоял у перископа, прильнув к окуляру, отдавая порой короткие команды рулевому. Краем глаза увидев вошедшего комиссара, он произнес громче:

— Порядок — спят фрицы. Ни единой ракеты...

— Расстояние?..

— До цели — шестьдесят кабельтов,— из-за спины отозвался лейтенант Шипотковский, склонившийся над ярко освещенной картой, до дыр истыканной иглами измерителя.

— Пора, Николай?

— Да.— И тоном команды: — Арттревога! Продуть...

...Первыми в люк, навстречу освежающей струе холодного морского воздуха, поднялись командир, комиссар, а за ними, громыхая ботинками по железному трапу, выскочили артиллеристы.

— Орудие к бою!..

Замятин напряженно, через квадратные глазницы рубочных иллюминаторов, всматривался в ялтинский рейд. Черная громада берега, казалось, надвигается, нависает над ними. И ни единого огонька. Лишь высоко мерцали звезды.

Огонь! — по-мальчишески звонко продублировал команду лейтенант Егоров. Орудие рявкнуло, расколов тишину над морем, отозвавшись стократным эхом в горах.

На первые шесть-семь выстрелов враг не отреагировал — столь неожиданным был артобстрел. Но потом все вокруг ожило: вспыхнули прожекторы, в небе повисли осветительные ракеты, ночь прорезали огненные нити пулеметных трасс, черную поверхность моря изъязвили пенные столбы взрывов.

Лодочная «сотка» слала в ночь снаряд за снарядом. И видно было, как вспыхивают в порту разрывы, окрашивая берег красными всполохами. Вдруг там взметнулся в небо огненный столб пламени — и до лодки докатился сильный взрыв. Над портом, высвеченным пожаром, кипели клубы черного дыма.

— Кажется, в склад горючего угодили...

— Из бухты выходят катера! — доложил сигнальщик.

— Продолжать огонь! — приказал командир.

Фонтаны взрывов все кучнее вставали вокруг.

В пене бурунов мчались катера противника, и красные трассы тянулись от них к лодке.

— Пора, командир,— Замятин положил руку на плечо Белорукова.

— Да,— и скомандовал: — Срочное погружение!

Артиллеристы ссыпались вниз по трапу почти на плечах друг у друга...

— Полный ход! Докладывать глубину под килем!

— Восемнадцать метров... Пятнадцать... Десять...

А взрывы все ближе. Громче шум винтов.

— Под килем пять метров! Три метра! Полтора!..

Раздался скрежет — лодка на брюхе ползла по песчано-галечному дну.

— Лодка входит в минное поле,— доложил штурман Шипотковский.

— Стоп!

Долго гремели над лодкой взрывы глубинных бомб. Но не причинили вреда, видимо, враг не мог предположить, что лодка заползла меж минрепов и отлеживается под минами. Уже раз испытанный способ не подвел...

На другой день после возвращения подводной лодки в Поти их обоих пригласили в просторную каюту комбрига. Здесь, за овальным, полированным столом, кроме командира и комиссара бригады сидели командующий и начальник штаба Черноморской эскадры.

Разбор похода был обстоятельным.

Итоги, как положено, подвел командир бригады. Выслушав его, вице-адмирал Владимирский сказал, что поход «С-31», полученные ею данные подтверждают правильность планируемых командованием широких операций по артобстрелу вражеских баз в Крыму. В них примут участие торпедные и сторожевые катера, вооруженные реактивными установками, эсминцы и крейсера.

...Вскоре подводная лодка «С-31», на рубке которой была старательно выведена красной краской новая звездочка, ушла в очередной поход.

Петр
КУЗНЕЦОВ

«БИЛ В ЛИЦО ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕТЕР»

Они стояли на славной высоте России, знаменитом Мамаевом кургане, справедливо поднятом поэтом выше всех Эверестов земли.

— А далеко видно отсюда. Как считаешь, Арсений Захарович?

— Дух захватывает, как далеко. Смотри, там, впереди, Днепр, Березина. За ними — Висла и Дунай... А ты, Иван Александрович, наверняка и Одер углядел?

— И Одер, и наш Военно-морской флаг над Берлином...

Встретившись в городе, дороже которого для них нет на всем свете, контр-адмирал в отставке Шилин и капитан 1-го ранга в отставке Кузнецов не могли не прийти сюда, на высоту, скромно помеченную когда-то на штабных картах цифрой 102,0. Но и со ста двух метров над уровнем моря многое увиделось им в эти минуты, и память властно повела их за собой только ей известными тропами в опаленную войной молодость.

— На Ахтубе, помнишь, нашел твою канонерскую лодку «Усыскин». «Где командир?» — спрашиваю. «Отдыхает».— «Будите».— «Надо бы повременить,— вступаются.— Которые сутки глаз не смыкал».

— Да. Еле растормошил меня тогда мой комиссар. Так, мол, и так, на борту представитель политотдела флотилии старший политрук Шилин. А мне никак не сообразить со сна. Но одно твое слово, Арсений Захарович, и его как рукой сняло: контрнаступление! Дай морякам тогда волю на митинге, вплавь бы через Волгу бросились фашистов бить.

Отчетливо припомнился Шилину тот митинг. Горячие, великой радости слова теснили грудь. Экипаж «Усыскина», казалось, плохо слушал его, переживая долгожданную весть, но после каждой произнесенной им фразы шум восторга становился гуще. Припомнились и раскаленные стрельбой стволы орудий канонерки. На миг почудилось даже, будто содрогнулась, встала на дыбы земля, и вновь рвал перепонки, несся над нею надрывный гул бомбежки и артиллерийской канонады.

...Практически Волжская флотилия только начала формироваться, когда два закадычных друга старшие политруки Арсений Шилин и Александр Петров прибыли в распоряжение начальника ее политотдела. За плечами у каждого всего один курс Военно-политической академии имени В. И. Ленина, война не позволила доучиться.

— «Академики» нам крайне нужны, — вполне серьезно, безо всякой подковырки сказал дивизионный комиссар Бельский, и его осунувшееся лицо с резко выступающими скулами на миг осветилось доброй улыбкой.— В самый раз вы прибыли. Обстановка — сложнее не придумать. Фашисты рвутся к Волге, бомб и снарядов не жалеют. Не сегодня завтра Сталинград станет фронтовым городом. Подробности услышите на совещании у командующего флотилией.

Сталинград горел. Тучи пыли и черного дыма вставали над рушившимися от вражеских бомб и снарядов домами. Горела даже Волга. Рыжие языки пламени змеились по воде, образуя сотни новых, пыхающих огненными брызгами коржавин из бензина и нефти. Но именно здесь, на ее огненных плесах, рождались легенды о моряках Волжской флотилии.

Контр-адмирал Рогачев начал с жестких, но, видимо, необходимых и важных для него слов:

— Взрывать корабли больше не будем. Волга не примет их. Даже вместе с нами.

В прошлом балтийский матрос, участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, Рогачев успешно руководил боевыми действиями Пинской флотилии летом и осенью 1941 года. Находившиеся под его началом моряки бились с фашистами до последнего снаряда и патрона, и только неумолимая сила приказа заставила их подорвать корабли и сойти на берег. Раненного, в тяжелом состоянии, Рогачева переправили на самолете в тыл. И вот теперь партия доверила ему новое, огромной важности дело. Пароходы спешно переоборудовались в канонерки, буксиры — в тральщики, заводы наладили выпуск бронекатеров.

— Думаю,— продолжал командующий,— собравшимся не надо объяснять значение Волги как водной магистрали. Она уже сейчас заменяет по грузообороту десять железнодорожных линий. Ее государственное и стратегическое значение не переоценить.

Много позже, когда война уже отгремела, когда ее историки провели глубокие исследования всего, что работало на нашу победу, Шилин прочитал в одном из научных трудов: проблема защиты перевозок на Волге от Астрахани до Куйбышева возникла задолго до прорыва гитлеровских войск к Сталинграду

и оставалась весьма острой до начала Курской битвы. От непрерывности потока нефти и нефтепродуктов по реке в значительной мере зависели боевые действия войск воронежского, сталинградского и кавказского направлений, работа поволжских заводов.

Но в те дни они знали одно: судьба сражения на Волге и в их руках — моряков флотилии. Об этом и говорил командующий. Слушая его, Арсений Шилин думал, а что может и должен сделать для победы лично он, как старший инструктор политотдела флотилии. И утвердился в мысли: в работе с людьми необходимы такие же простые, понятные и в то же время жесткие слова, какими пользуются Рогачев и Бельский. Великую силу обретают эти слова, если наполнить их большевистской страстностью, подкрепить личным примером.

Все двести дней и ночей величайшей битвы выпали на его долю, как и на долю тысяч других отважных защитников Сталинграда.

«С вашей армией,— напыщенно сказал Гитлер генералу Паулюсу,— вы можете штурмовать небо!» И назначил срок взятия Сталинграда — 15 сентября 1942 года. А за день до этого противник нанес удар в сердце города, захватил Мамаев курган, центральный вокзал; фашистам казалось — срок реален...

Смрадная мгла повисла над мрачно-свинцовой Волгой. Темный небосклон вспарывали каленые трассы снарядов и пулеметных очередей. По громовым раскатам, доносившимся из города, вспышкам ракет и зареву пожарищ моряки догадывались, какого накала достигли уличные бои. Даже здесь, более чем на километровом удалении от них, забивал горло удушливый запах пороха, взрывчатки, горелого железа и чадящей нефти.

— Товарищ старший политрук, сколько можно нам перекуры устраивать? — остановил Шилина высоченного роста краснофлотец, спускавший трап с катера-тральщика на берег.

Его поддержали голоса один другого сердитее:

— И чего собрали.

— Стоим, стоим...

— Подсказать бы кому: собрать десант, да браткам пехотинцам подсобить.

— Подсобим, не сомневайтесь. А пока не махру смолите, а все лишнее с катеров — на берег! Проверю.

Что он мог еще сказать морякам, сердца которых истекали кровью при виде пылающего, терзаемого врагом города. На совещании в политотделе только и понял — тральщики максимально облегчить, людям объяснить сложность и ответственность предстоящей работы. На вопрос, что за работа, ответ давать пока уклончивый. Всех охватило напряженное ожидание.

И вот в ночь на 15 сентября к левому лесистому берегу Волги начали подходить передовые части 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева. Катера-тральщики флотилии и малые суда Сталинградского порта, принимая десант, оседали в воду по привальный брус.

— Повнимательнее, товарищи,— осипшим голосом распоряжался Шилин.— Не перевернуться бы.

— Обойдется,— уверяли моряки.— В случай чего на руках тральщик к берегу подтянем. Давай сюда еще пять человек!

Тогда и понял Арсений, что такое крещение огнем. «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед. И снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?» Когда прочтет он после войны эти слова, высеченные на стене мемориального ансамбля на Мамаевом кургане, явственно увидится та переправа к волжскому крутояру сквозь губительный смерч из пуль, осколков мин и снарядов, под которыми вскипали людская кровь и вода широченной, насквозь простреливаемой врагом реки.

По убеждению фашистского командования сталинградцы не должны были выстоять ни в ту суровую ночь, ни позже. Но, оказывается, есть сила, не поддающаяся даже самым скрупулезным математическим выкладкам, самым тщательным военным расчетам,— сила духа советского человека. Вместе с другими командирами и политработниками Волжской флотилии пробуждал эту могучую силу в моряках и старший политрук Шилин.

Науку зажигать сердца людей партийным словом Арсений постигал еще в годы коллективизации. Выполняя свое первое комсомольское поручение, многие крестьянские дворы окрестных деревень сагитировал он к вступлению в колхоз. Как боевого агитатора знали Арсения Шилина и молодые рабочие 1-го Государственного подшипникового завода в Москве, давшего ему путевку на флот. Фронтовая обстановка лишь укрепила его убеждение в том, что, чем острее положение, чем сильнее и ожесточеннее борьба, тем активнее должна вестись партийно-политическая работа — пламя, под воздействием которого закаляются воля людей и их вера в победу.

На двоих с Александром Петровым у них была одна землянка. Обживали ее долго, поскольку то на бронекатерах пропадали, проводя беседы с личным составом, то стоящие на скрытых огневых позициях канонерские лодки обходили, отсчитывая за день пешком десятки километров. Поэт Александр Яшин, тоже старший политрук и работник их политотдела, пожаловался как-то:

— Ни строчки не написал сегодня. Негде присесть, не на чем карандаш очинить.

— Иди к нам в землянку, какой разговор,— пригласил Шилин,— создадим условия.

Дня через два, встретив Шилина, Яшин ворчливо, будто речь шла не о передовой, куда его не взяли, а о легкой прогулке, выговаривал ему:

— Меня в землянке запер, а сам на катер и на тот берег. Товарищ называется. Не мог с собой позвать. Все равно в ваших хоромах не писалось. Жилым духом не пахнет...

С Яшиным они любили бывать всюду. Однажды на рейдовом тральщике отправились вниз по реке во вторую бригаду канонерок. Шли вечером, хорошо осознавая, какую опасность таит в себе глубокая и тихая вода Волги, укрывшая вражеские мины. Глядя на дымное зарево за кормой, Яшин тихо, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал, что заканчивает новую поэму и другого названия, как «Город гнева», дать ей не может.

Сталинград действительно стал городом гнева. Все больше и больше гитлеровских вояк находили свои могилы под его развалинами. Неутихающие, яростные бои шли за каждую улицу, за каждый дом, этаж, камень. Яшин писал:

В полночь вышел боезапас.
Снова в штыки: «Ура!»
Да подоспели к утру как раз
Волжские катера...

Узкая полоска правого берега была до неузнаваемости истерзана металлом — страшным посевом войны. Оставаясь в руках наших воинов, она держалась их отвагой и мужеством. Небывалую стойкость обороны постоянно питала единственная связь осажденного города с Большой землей — волжские переправы.

Причалы левого и правого берегов разделяли 1300 метров. Подсчитано, что чуть ли не на каждый сантиметр того водного пути за месяцы битвы пришлось по снаряду или минометной мине. С началом ледостава обстановка еще более осложнилась. Даже бронекатера едва справлялись с коварной шугой и набирающими с каждым днем крепость льдинами. Часто, не успев обернуться к утру, катера оказывались зажатыми льдинами на виду у противника, испытывая на себе нещадность его огня. Но что бы там ни было, а поток войск, боеприпасов, продовольствия, других грузов в осажденный город не ослабевал. Не прекращалась и эвакуация раненых и жителей города — детей, женщин, стариков.

После каждого такого рейса Шилин садился за политдонесение, листовку. Если рядом оказывался Петров, не уставал восторгаться:

— Какие люди у нас, Саша, какие люди! Сутками не спят, с ног валятся, а в работе — богатыри. Возьми Маршаленко —

пулеметчика с бронекатера лейтенанта Златоустовского. Сбежал от медиков. Командир ему: «Ты ж ранен. Вон еле ногу волочишь». «А мне за пулеметом не танцевать»,— отвечает.

Немного погодя опять тормошит друга, прикорнувшего было по ту сторону колченогого, но довольно сносно освещенного лампой-семилинейкой стола.

— Нет, ты послушай. Вот Решетняк, радист с 34-го. Только на вторые сутки сняли его с подбитого бронекатера. Сколько боеприпасов извели фашисты, даже пикировщиков посылали. А Решетняк сидит себе в радиорубке и обстановку начальству поясняет. Видно, зря я так сказал: «подвиг». Только в краску вогнал парня. Два слова вытянул, и на том спасибо.

С Иваном Кузьмичом Решетняком Шилин встретился в дни 40-летия Сталинградской битвы. Пригласили в редакцию одного из столичных журналов ветеранов Волжской флотилии. За «круглым столом» зашел разговор, казалось бы, уже о таких далеких, но таких близких днях беспримерной битвы на Волге. И вновь узнал Арсений Захарович в своем боевом товарище Ваню Решетняка — скромного, простого и очень отзывчивого на чужую боль человека. Вот таких, как он, каждого катерника, целовал под Латошанкой, что севернее Сталинграда, полковник Горохов, командовавший частями оперативной группы. Целовал и приговаривал:

— Милые катерочки... Пришли... Спасибо! От всей матушки-пехоты спасибо!

Там же, под Латошанкой, близко узнал старший политрук Шилин капитан-лейтенанта Аржавкина, командира отряда бронекатеров. Полюбился ему этот расчетливо-дерзкий в бою офицер. И когда до политотдела дошло, будто Аржавкин не заладил с военкомом, не считается с ним, своевольничает,— не поверил.

— Уверяете, что тут недоразумение какое-то, — пытливо глянул на Шилина начальник политотдела. — Что ж, отправляйтесь в Дубовку, разберитесь. Потом доложите, что у них там.

Отряд бронекатеров Аржавкина днем вел огонь с закрытых позиций, а ночью, прорываясь на приречные фланги частей противника, еще с большим напором обрушивался на скопление его войск и боевой техники.

— Долго так не протянем,— заявил тогда Аржавкину недавно назначенный из пополнения военком отряда.— Угробим только людей. А их надо беречь. Война только начинается.

— Так, ясно, ясно было и вдруг громыхнуло,— осерчал капитан-лейтенант, человек на слово резкий, но и на редкость отходчивый.— Что это на тебя наехало: «Беречь да беречь!» Давай все начнем за свою шкуру дрожать. А кому фашиста бить?

Впрочем, размолвка их была настолько же мимолетной, насколько и случайной. Рядом с опасностью характеры и отношения людей проясняются быстро. Но кому-то показалось, будто между командиром и военкомом отряда нет-нет да и вспыхнет размолвка, а то и ссора. Шилин хоть и не верил в эту, как он выразился, дребедень, но, получив задание «разобраться», еще до зари собрался в дорогу.

Катера Аржавкина были замаскированы в ивняке столь тщательно, что и вблизи не разглядеть. Но полуглиссер привычно свернул в нужную протоку, слегка подернутую парком утреннего тумана, и ткнулся в низкий берег ровно в том месте, где обрывалась в воду узкая тропинка, ведущая к землянке командира отряда.

Шилин не сразу приступил к выполнению своей деликатной миссии. Решил пока присмотреться к командиру и комиссару, чтобы получше понять того и другого.

Солнце уже выпило росу, когда они втроем направились к бронекатерам. Пахло арбузами, сгоревшим хлебным полем и близкой полноводной рекой. В раскаляющемся от жары небе противно гудела «рама» — фашистский самолет-разведчик. Вдруг послышалось нарастающее, цепенящее душу завывание. Еще не поняв, что произошло, все трое скатились в ближайший овражек.

— То ж колесо от трактора,— пригляделся Шилин к летящему сверху странному предмету.

— От, гад, что удумал! — взорвался Аржавкин и погрозил «раме» кулаком.— Железяками пугает.

Первым не выдержал Шилин — начал похохатывать, показывая пальцем то на капитан-лейтенанта, то на зудящую над головой «раму». К Шилину присоединился батальонный комиссар. И вот уже втроем надрываются от смеха. Как быстро забывает человек опасность. Едва минует, и готов подшучивать над своими страхами.

И сразу же заговорили о серьезном.

— Сердце от гнева захватывает — так фашист лютует,— голос Аржавкина отвердел, в нем появилась непримиримая жесткость.— Покуда живы, бить его без пощады надо.

— Ну, Александр Федорович, сделал нас зрячими,— остро блеснули затененные козырьком фуражки глаза Шилина.— Разве надо кому пояснять, что из всех дел наиглавнейшим теперь стала война. Только воевать тоже с умом требуется, чтобы не зазря голову сложить.

— Вот и я говорю — не зазря,— вставил словечко выразительно глянувший на Аржавкина батальонный комиссар.

— Это мы уже наблюдали,— добродушно усмехнулся Шилин.— В канаву первым сиганул.

И опять не смогли удержаться от смеха. Вспомнили и дурацкое колесо, летящее сверху с устрашающим воем, и собственную прыть, вовсе не лишнюю на войне, и по-мальчишечьи бурную реакцию Аржавкина. Нет, подумал Шилин, отнюдь не безумные головы и не трусы кругом. Один, правда, горяч и резок, зато второй сдержан и рассудительно-спокоен. Но люди-то не одним аршином отмеряны. Вот и Аржавкин с военкомом разные. А упрекнуть их не в чем. Они хорошо дополняют друг друга и потянут общую ношу на войне вполне дружно.

Замечено было: после того как Шилин побывал в отряде бронекатеров, все непонимание между капитан-лейтенантом и батальонным комиссаром как отрезало.

Уезжая от Аржавкина, припомнил сказанное им: «Фашист лютует». Вспомнил почему-то родную Макаровку на берегу Сейма, места, воспетые Тургеневым. Как там отец с матерью, как сестры? Тревога за близких давно не давала ему покоя. Уже потом, дойдя до Вислы, получил он первое за годы войны письмо от сестер: сердце не обмануло́сь в недобром предчувствии. Фашисты расстреляли отца прямо в доме. Заупрямился Захар Николаевич, отказался снять со стены фотографию сына в морской форме.

— Чем вы тут жили, мама? — спросил возвратившийся с войны Арсений.

— Крапивкой, сынок, щавельком... И еще надеждой, что побьете фашиста того окаянного...

Шилин сразу понравился морякам канонерки «Усыскин» своей напористостью, эрудицией и обаянием. Невысокого роста, кряжистый, он появлялся то в одной, то другой БЧ, беседовал с краснофлотцами. Принесенная им весть осчастливила людей. Но, рассказав о контрнаступлении войск Сталинградского и других фронтов, старший политрук не преминул заметить, что заря победы только занимается над израненной советской землей. Сталинградцам еще предстояло окончательно разгромить пять гитлеровских армий — 1,5 миллиона солдат и офицеров противник потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести. Вот тогда не только над нашей Родиной, а и над всеми порабощенными фашизмом странами засияла заря победы.

— Теперь мы его до самого Берлина погоним, — сказал выступивший на митинге в день Сталинградской победы капитан-лейтенант Кузнецов. — И наш Военно-морской флаг по Шпрее пронесем.

Он как в воду глядел, командир канлодки «Усыскин», ставшей впоследствии Краснознаменной. Многие моряки Волжской флотилии, с боями пройдя по Днепру, Березине, Висле, Одеру и Шпрее, завершили войну в Берлине. Шилин встретил победу на

Дунае, под Веной. Но то великое и грозное половодье возмездия коварному врагу готовилось еще в дни Сталинградской эпопеи.

О роли моряков Волжской флотилии в этом небывалом в истории войн сражении Маршал Советского Союза Чуйков сказал кратко, но, по мнению многих, кто на себе испытал всю тяжесть тех дней, очень емко и точно: «...если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и без продовольствия и не выполнила бы своей задачи». Кому, как не бессменному командующему этой армии, оценивать значение событий на Волге, часто принимавших драматический характер.

...Величавая, могучая, как сама советская держава, Волга, богатый своей историей и боевой славой, ставший краше прежнего город открываются каждому поднявшемуся на Мамаев курган. Любо оглядеть с этой вершины созданную природой и людским трудом красоту. Но неостывшая память тех, кто дрался здесь с врагом, непременно позовет в грозовое прошлое. Так повела она за собой Арсения Захаровича Шилина. Как прежде, вскипел за кормой бронекатера белопенный бурун. И услышался адмиралу глухой, вечно простуженный голос Александра Яшина:

Всему на свете вопреки,
Сквозь лед, свинец, в огне орудий
Шел катер,
Шел в изгиб реки.
Держались твердо моряки,
Но моряки ведь тоже люди...

Сколько знакомых имен находят ветераны Волжской флотилии среди тысяч фамилий, озаряемых вечным огнем в зале воинской славы на Мамаевом кургане. Приказ партии «Ни шагу назад!» они выполнили до конца.

В благородной памяти народа каждому, кто отдал жизнь за Родину, нашлось место. Об этом думал контр-адмирал в отставке Шилин, глядя с Мамаева кургана на любимый и удивительно молодой город. Как члену президиума Советского комитета ветеранов войны, председателю комиссии по увековечению памяти погибших героев, ему радостно было сознавать, что подвиг фронтовиков стал нравственным ориентиром в жизни каждого нового поколения советских людей.

— Тысячу раз прав ты, Иван Александрович: отсюда, с Мамаева кургана, далеко видно,— обернулся Шилин к своему давнему боевому товарищу Кузнецову.— Считай, вся минувшая война как на ладони. Так будем всегда помнить ее страшную жатву. И сделаем все, чтобы она никогда не повторилась.

КУРС НА ПОБЕДУ!

За 37 месяцев Отечественной войны Военно-Морской Флот СССР потопил у немцев и их сателлитов: крейсеров вспомогательных – 1, броненосцев береговой обороны – 2, миноносцев – 37, подводных лодок – 50, минных заградителей – 3, тральщиков – 129, сторожевых кораблей – 137, мониторов – 2, канонерских лодок – 12, торпедных катеров – 79, сторожевых катеров – 288, транспортов – 850, вспомогательных кораблей – 89, барж самоходных – 392, мелких судов – 766.

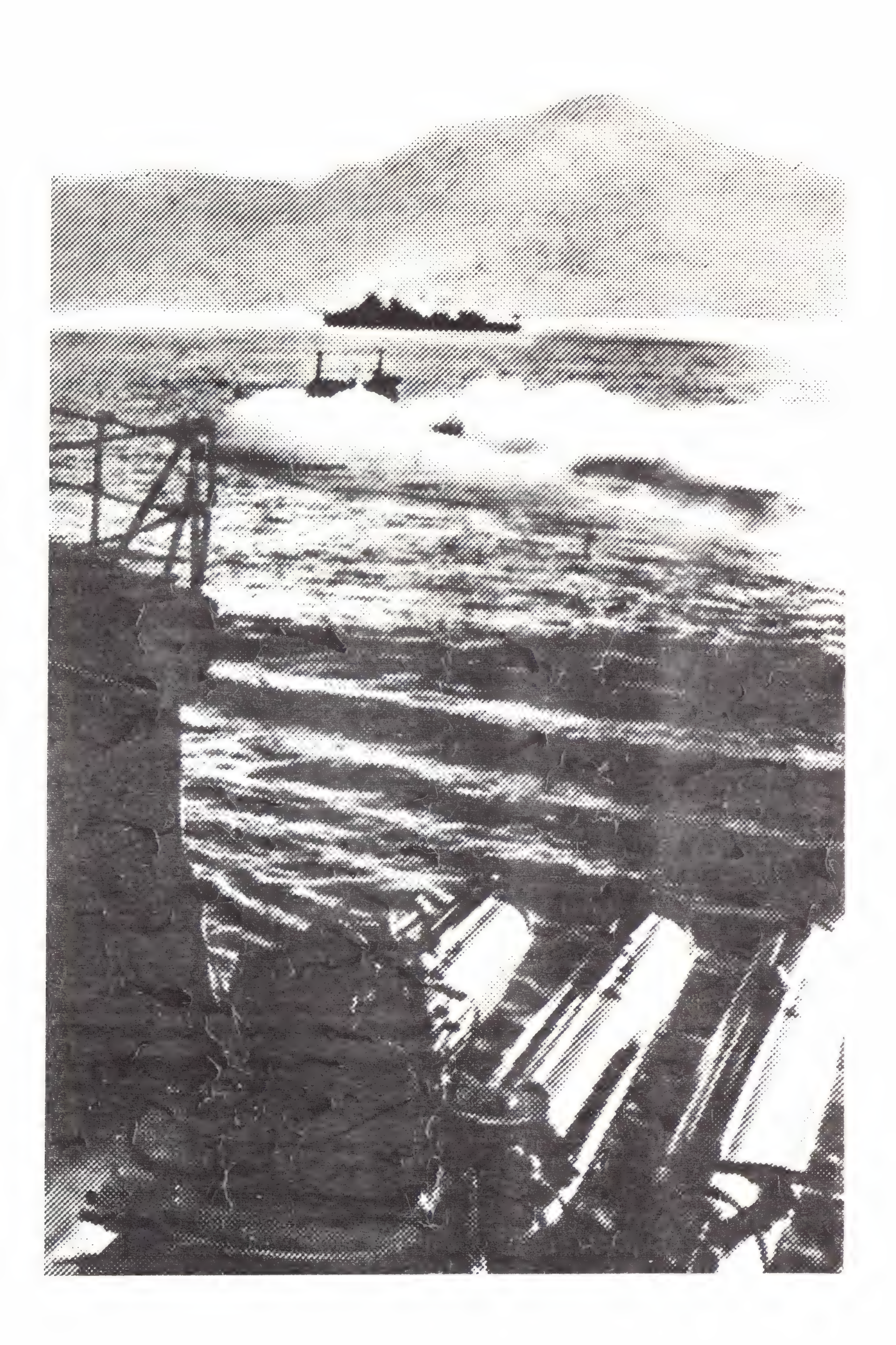
Кроме того, много боевых и вспомогательных кораблей противника получило серьезные повреждения и надолго выбыло из строя.

В результате действий корабельной и береговой артиллерии, морской авиации и отрядов моряков Военно-Морского Флота уничтожено на суше большое число артиллерийских и минометных батарей противника, много танков, бронемашин, автомашин, складов с боеприпасами, вооружением и военным имуществом.

Наши корабли, зенитная артиллерия и морская авиация уничтожили 6829 вражеских самолетов.

Таковы итоги действий Военно-Морского Флота СССР за истекшие месяцы войны.

Сообщение Совинформбюро от 22 июля 1944 г.

Александр
ЕРЕМЕНКО

НА БОРТУ ДЕСАНТ

Ночь с 3 на 4 февраля 1943 года на левом фланге Закавказского фронта. Восемь часов — это четыреста восемьдесят минут...

В бой шли семь катеров. Не могучие линкоры, не закованные в броню крейсеры, а всего лишь пятидесятишеститонные «морские охотники», на которых даже малокалиберные пушки во флотском варианте — без щитов. На борту этих деревянных корабликов десантный отряд особого назначения под командованием майора Цезаря Львовича Куникова — двести семьдесят три человека в полном боевом снаряжении...

Сигнальная ракета: «Полный вперед!»

Берег щетинился огнедышащими стволами вражеских батарей. Но бесстрашные катерники под командованием Николая Ивановича Сипягина, прославленного комдива, решительно и смело подлетели к берегу и начали высадку десанта.

Быть первым всегда трудно. Вдвойне труднее на войне.

Боязно прыгать с борта в бурлящую ночную холодную воду.

Страшно бежать к зловещему берегу, где поджидают тебя пули, снаряды и мины. Нелегко ворваться в траншею и сразиться с врагом врукопашную.

С борта «СКА-0134» раздался громкий голос майора Куникова:

— Вперед, краснофлотцы!

Словно пушкинские богатыри, вырывались из волн на прибрежный песок советские десантники, яростной атакой отбрасывая ошеломленного врага.

Так начиналась большая слава Малой земли под Новороссийском...

К утру фашисты опомнились. Чтобы преградить путь второму эшелону десанта, они подтянули новые батареи, усилили плотность заградительного огня.

Командир «СКА-0134» старший лейтенант Петр Крутень, сходивший в Геленджик за подкреплением куниковцам, вынужден был уклоняться от вражеских снарядов, постоянно меняя курс. На одном из галсов катер плотно сел на мель, превратясь в неподвижную мишень. Попытки снять его не удавались.

— Экипажу покинуть катер! — поступил приказ командира дивизиона.

Но лейтенант Крутень решил прежде расстрелять по врагу оставшийся боезапас.

— По фашистам огонь! — скомандовал он и упал, сраженный осколком мины.

Его место на мостике занял секретарь партийной организации дивизиона лейтенант Алексей Коваленко. По команде парторга моряки стреляли из пулеметов и пушек до последнего патрона, выполнив приказ своего погибшего командира.

Первым отважный экипаж «стотридцатьчетвертого» встретил замполит дивизиона сторожевых катеров капитан-лейтенант Николай Кузьмич Щекочихин.

«Наш отец комиссар!» — уважительно называли его катерники. И хотя еще года не пробыл он на своем посту, но авторитет завоевал прочный, настоящий комиссарский. Завоевал его и тем, что сходил в море почти на каждом корабле дивизиона, приглядываясь к каждому из членов экипажей.

«Что загрустил, Иван Васильевич?» — обращался он к кому-нибудь из краснофлотцев. Тот, от неожиданного величанья не зная, что ответить, смущенно улыбался и говорил потом товарищам:

— Ну и ну! Откуда замполит узнал, как меня зовут?

— А ты не один такой, он многих знает...

Николай Кузьмич Щекочихин понимал, что ему выпала большая честь быть замполитом в прославленном дивизионе, который отличился в Керченско-Феодосийской операции, обеспечивая переправу наших войск через Керченский пролив.

Это про одного из моряков дивизиона писала газета «Правда» в номере от 15 июня 1942 года: «История навсегда сохранит для потомства бессмертный подвиг краснофлотца катеров Ивана Голубец, который ценой своей жизни спас от гибели стоящие рядом катера и их экипажи».

Рулевой Иван Голубец во время вражеского воздушного налета сбросил с кормы корабля загоревшиеся глубинные бомбы. Последняя взорвалась у него в руках...

В то время дивизион готовился перебазироваться в Геленджикскую бухту. Неравными были пока силы на сухопутных фронтах. Но до последних часов краснофлотцы не теряли уверенности, что остановят фашистов. Их убежденность в окончательной победе согревала душу комиссара Щекочихина.

Почти накануне перехода в дивизион прибыл вновь назначенный командир — старший лейтенант Сипягин. Человек деятельный и прямодушный, он быстро сошелся характером со своим комиссаром, который с октября 1942 года стал именоваться заместителем командира по политической части.

Сипягину шел тридцать второй год. Из комсомола он давненько выбыл, а в партию вступить в свое время не отважился, считая себя еще не совсем подготовленным к высокому званию коммуниста. Щекочихин осторожно внушал ему ошибочность этой мысли.

— Вы, Николай Иванович, повоевали уже немало и неплохо. Люди это хорошо знают. Вот и подайте пример другим беспартийным, напишите заявление. Рекомендатели найдутся...

И комдив решился. Весной 1943 года его приняли кандидатом в члены ленинской партии.

— Ну берегись теперь, фашист! — сказал он в ответ на поздравление замполита. — Драться буду за троих!

К тому времени моряки-катерники крепко подружились с десантниками из особого отряда майора Цезаря Куникова, отчаянного командира, отличившегося еще в боях на Азовских берегах. И ночью и днем тренировались они в высадке десанта на побережье.

Куников с первого взгляда понравился Щекочихину своей особой выправкой, а главное, уверенностью в своих бойцах.

— У меня никто не пищит, проливая ручьи пота,— сказал при встрече майор.— Потому что знают, что лишней капли крови пролиться я не позволю. Мы пойдем в бой не умирать, а побеждать...

Видимо, и эти его мысли нашли отражение в знаменитой клятве десантников и катерников, принятой перед Новороссийским боем:

«Мы получили приказ командования: нанести удар по тылам врага, опрокинуть и разгромить его.

Идя в бой, мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою, капля за каплей, мы отдадим за жизнь и счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина».

Одним из авторов этого текста был заместитель командира 4-го дивизиона сторожевых катеров по политической части Николай Кузьмич Щекочихин.

Куликово поле, Бородино, Севастополь издавна почитаются как священные места нашей страны. Новороссийску было суждено, наряду с Москвой и Ленинградом, Киевом и Брестом и другими городами-героями, встать в сорок третьем навечно в этот легендарный список.

Символом мужества и стойкости новороссийцев стала Малая земля. Перед их подвигами преклоняются все новые поколения советских людей, а они сами тогда, в яростном 1943 году, преклонялись перед мужеством моряков-катерников, которые,

ежечасно рискуя жизнью, водили свои катера, мотоботы «дорогой смерти» между Большой и Малой землей. Они не только доставляли на плацдарм пополнение и боезапас, но почти каждую ночь вступали в схватки с торпедными катерами и береговой артиллерией противника, выдерживали смертельные поединки с фашистскими самолетами.

19 февраля 1943 года по материалам, подготовленным капитан-лейтенантом Щекочихиным, политуправление Черноморского флота выпустило бюллетень «Катера флота с честью выполняют свой долг перед Родиной». В нем рассказывалось о боевых действиях экипажа «СКА-084», которым командовал старший лейтенант Школа.

Этот офицер прибыл в 4-й дивизион осенью 1941 года прямо из военно-морского училища. За короткий срок он стал одним из лучших командиров части. Высоко отзывался о его боевых качествах Щекочихин, а комдив писал в наградном листе:

«4.02 с. г., участвуя в высадке десантных групп в районе рыбозавода г. Новороссийска, умело и отважно маневрируя под обстрелом противника, принимая на себя его огонь, своими огневыми средствами подавлял огневые точки противника, чем обеспечил высадку десанта с других катеров без потерь...»

Когда читаешь этот документ, кажется, что язычки пламени пробиваются сквозь пожелтевшую бумагу, столько раз упоминается в тексте слово «огонь». В ту пору это было страшное слово, страшнее не придумаешь.

В городском историческом музее города Новороссийска хранится рукописная тетрадь командира 4-го дивизиона морских охотников капитан-лейтенанта Сипягина, озаглавленная: «Наставление по противокатерной обороне и взаимодействию катеров-охотников с торпедными катерами». Как пример в ней подробно описан бой с фашистскими торпедными катерами вблизи Малой земли, который в феврале 1943 года принял и выиграл старший лейтенант Школа. Пример заканчивается следующими словами: «Позже было немало случаев, когда одному нашему охотнику приходилось действовать против групп вражеских катеров, и всегда наши охотники первыми нападали на врага, атаковывали его, навязывали бой».

Боевые дела воспитанников Сипягина и Щекочихина привлекли внимание писателя-мариниста Леонида Соболева. Он приехал в Геленджик и «прописался» на катерах дивизиона. Именно здесь он узнал о присуждении ему Государственной премии за сборник «Морская душа». Впоследствии по просьбе писателя на эти деньги был построен новый катер «МО», названный «Морская душа». Он был передан именно 4-му дивизиону и участвовал в Новороссийской десантной операции.

В сентябрьские дни 1943 года до командиров был доведен дерзкий план освобождения Новороссийска с суши и десантом с моря. Началась его скрупулезная проработка, с задачей не упустить ни малейшей детали высадки и огневого взаимодействия. Главным было — скрытность подготовки и внезапность действий.

Вечером 9 сентября в расположение дивизиона прибыл командир высадки контр-адмирал Холостяков. Он придирчиво осмотрел готовые к выходу катера, побывал на митинге личного состава.

— Вы правильно говорили, товарищ замполит,— похвалил он Щекочихина.— Настроили своих людей как следует.

Контр-адмирал дождался, когда на причал стали прибывать подразделения 255-й отдельной бригады морской пехоты, и уехал к другим, пожелав боевого успеха.

Перед 4-м дивизионом стояла задача ворваться в Новороссийский порт и высадить десантников на западные причалы возле Холодильника и у Каботажной пристани. Как образно сказал Сипягин, прыгнуть нахально прямо в пасть гитлеровской акулы и обломать ей зубы. Оба мола и все причалы порта были утыканы дотами противника.

Катера с десантом на борту уже подходили к цели, когда берег озарился от мощного залпа «катюш». Началась артподготовка. Под прикрытием могучего гула и грохота дальнобойной морской артиллерии катера незамеченными прибыли в точку боевого развертывания. Полыхающие на берегу пожары помогли командирам катеров сориентироваться и точно выбрать курс. Ждали сигнала о взрыве боновых заграждений.

Вот он, сигнал! Вход открыт! Вперед! Даешь Новороссийск!

Следом за флагманом катера один за другим врывались в порт и круто клали рули «лево на борт!». Фашисты не успели опомниться, как «морские охотники» подлетели к причалам и высадили на них первый эшелон десантников.

Успешное начало операции подогревало боевой азарт. Катера стремительно покидали порт, чтобы вновь вернуться со вторым эшелоном. Но противника не удалось сбить с ходу. Быстро перегруппировав свои силы, подтянув резервы, немецкий гарнизон стал встречать катера сильным пулеметным и минометным огнем. Активизировалась и вражеская артиллерия. Стальной занавес из пуль, снарядов и мин плотно перекрыл узкий проход между молами. С рассветом в городе развернулись ожесточенные уличные бои. В порту враг пытался сбросить десант в море.

Однако катерники не собирались оставлять своих друзей-десантников без поддержки. Под прикрытием ночи они готовились вновь прорваться в порт, туда, где гремел последний и решительный бой за Новороссийск. С беззаветным мужеством они шли на прорыв. Прорывались далеко не все...

Вот и пришла горькая минута расставания боевых друзей! У Сипягина болела старая рана, полученная еще под Одессой, он как чувствовал, что больше ему не придется выходить в море со своим комиссаром. Хотел он удержать Щекочихина в штабе, но тот твердо решил возглавить новый, наиболее трудный прорыв в порт на борту «СКА-064», которым командовал опытный моряк Харченко.

Во вторую ночь уже не было стройных колонн десантных отрядов. Уцелевшие катера прорывались к порту небольшими группами, звеньями, а подчас и в одиночку.

«СКА-064» возглавлял звено катеров, и рядом с Щекочихиным на мостике находился его командир капитан-лейтенант Тарасов, а также командир 142-го отдельного батальона морской пехоты майор Григорьев.

Рослый Степан Харченко, голова которого возвышалась над защитным козырьком рубки, в проходе между молами жестом предложил, чтобы командиры пригнулись. Они выполнили его указание, будто и впрямь парусиновые обвесы мостика могли уберечь их от пуль и снарядов. Катер удачно миновал опасную зону и сделал разворот вправо, к Импортному причалу.

Щекочихин и Тарасов, стоя на банкетках, оценивали картину боя, выбирали место для высадки, когда прямой наводкой фашисты всадили в борт катера снаряд. От взрыва заглохли моторы. Еще два снаряда прочесали осколками катер с кормы до носа. Обливаясь кровью, упали в рубку комиссар Щекочихин и командир звена Тарасов. Старший лейтенант Харченко получил тяжелейшее ранение в горло. Мужественный командир зажал рану рукой и все-таки подвел катер к причалу. По его жесту майор Григорьев понял, что пора двигать десантников на причал. Черной волной устремились с катеров краснофлотцы на немцев, пытавшихся удержать в своих руках Импортный причал.

Мотористы «СКА-064» устранили повреждения и запустили моторы. Откуда у Степана Демьяновича Харченко хватило сил, чтобы вывести катер из порта, он впоследствии и сам не мог объяснить. Сознание потерял, когда катер был уже в безопасной зоне. Командир упал рядом с тяжелораненым комиссаром дивизиона...

Для Николая Кузьмича Щекочихина начались тягостные госпитальные дни. Скрашивали их вести с фронта, из родного дивизиона, которому за участие в десантной операции было присвоено почетное наименование — Новороссийский. Комдив Сипягин стал Героем Советского Союза, капитаном 3-го ранга. Он уже вел катера дальше, на запад. После освобождения Тамани их дивизион отличился при высадке десанта на крымскую землю, в районе Эльтигена. Но сам Николай Иванович Сипягин погиб. Тяжело

пережил смерть командира и друга замполит, лишь победные сводки и успехи дивизиона помогали ему стать на ноги.

Возвращение из госпиталя в родную часть — всегда праздник. С орденом Красного Знамени на груди за Новороссийскую десантную операцию вернулся к своим капитан 3-го ранга Щекочихин и был назначен заместителем по политической части командира бригады ОВРа главной базы Черноморского флота. А с мая 1944 года Николай Кузьмич принял обязанности заместителя начальника политотдела бригады сторожевых кораблей.

Боевому замполиту, заядлому катернику не сиделось в штабе, на берегу. Большую часть времени Щекочихин проводил в боевых походах, на кораблях бригады, в родном дивизионе, который стал называться Краснознаменным после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 года. С болью отметил замполит, как мало в 4-м Новороссийском Краснознаменном дивизионе осталось в строю знакомых катеров. Именно они — участники почти всех славных десантных операций Черноморского флота — согревали душу политработника воспоминаниями о боевых друзьях-товарищах, сложивших голову в беспримерных морских десантах.

В конце августа 1944 года победные курсы привели катера 4-го дивизиона и корабли всей бригады на рейд румынского порта Констанца. Враг, теряющий на Черноморье последние силы, уже был не в состоянии сдерживать наступательный порыв советских моряков. К вечеру 29 августа два батальона морской пехоты, высаженные с катеров дивизиона и других кораблей бригады, с ходу овладели Констанцей.

Следом начался освободительный поход в Болгарию. И вот там, когда дни войны на черноморском театре были уже сочтены, 3 сентября 1944 года вражеская мина подстерегла тральщик, на борту которого находился заместитель начальника политотдела бригады капитан 3-го ранга Николай Кузьмич Щекочихин. Он геройски погиб вместе с боевым кораблем...

Уроженец села Гололобовка, что в Тамбовской области, Николай Щекочихин впервые увидел море в 1931 году, на Севере, где началась его срочная служба матроса-комендора. В 23 года молодой моряк стал членом ВКП(б). Партия и флот — два неразрывных понятия в его жизни. Он отдал им все, что мог, оставив после себя не только светлую память, но и славную плеяду моряков-катерников, пронесших победный Военно-морской флаг от Новороссийска до Бургаса.

Анатолий
МАРЕТА

ТАМ, ЗА ПРОЛИВОМ, КРЫМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Ранним сентябрьским утром 1943 года тяжеловесный состав, громыхая колесами на стыках рельсов, подъезжал к освобожденному в феврале от врага Ейску. На открытых платформах был размещен необычный для железной дороги груз, укрытый брезентом: восемь красавцев бронекатеров с полным вооружением перемещались от берегов Волги, где они участвовали в Сталинградском сражении, на новый театр войны.

Несмотря на ранний час, старший лейтенант Федор Сурядов уже давно стоял на платформе. Он пристально всматривался в очертания приближающегося города. Тягучее однообразие многодневного переезда подходило к концу.

О чем думал Сурядов, подъезжая к главной базе Азовской флотилии? Освобождение Таманского полуострова уже приближалось к завершению, и бронекатера дивизиона вряд ли сыграют существенную роль на этом участке. Но ведь за Таманью — Керченский пролив, а там, за проливом, — Крым. «Вот куда в ближайшее время двинутся войска, вот где в полную меру понадобятся наши вездесущие броники!»

Вспомнилось, как на перегоне к нему подошел старший краснофлотец Иван Сморовоз:

— Почему так медленно двигаемся, товарищ старший лейтенант?

— Идем по расписанию,— уклончиво ответил он, хотя знал, что не раз и не два эшелон слишком подолгу простаивал на станциях.

— Такими темпами разве что к шапочному разбору прибудем,— продолжал Сморовоз.— Слышали, как там наши фашистов бьют? Этак к нашему приезду ни одного не останется...

— Не волнуйтесь,— успокоил Сурядов.— Нечисти фашистской хватает с избытком, достанется и на нашу долю. Ведь впереди еще Крым, Одесса, Дунай...

— Дунай? — удивился моряк.— Вы думаете, и там будем воевать?

— Непременно! До самого Берлина дойдем!..

Поезд медленно сбавлял ход. Застучали, заскрежетали буферные сцепления. На платформах выстроились экипажи бронекатеров. У всех возбужденное, приподнятое настроение.

Миновав почти весь город, эшелон приблизился к порту. Здесь гвардейцев уже ждали офицеры штаба флотилии. Командир дивизиона капитан-лейтенант Потапов доложил о благополучном прибытии и тут же получил указание: в самые сжатые сроки спустить катера на воду и быть готовыми к боевым действиям.

По всему было видно, что командование возлагало на дивизион бронекатеров большие надежды. Ведь он уже имеет немалый боевой опыт. За период Сталинградской битвы бронекатера переправили через Волгу на правый берег свыше ста тысяч бойцов и офицеров, более тысячи тонн боеприпасов и других военных грузов. Огнем своих орудий они активно поддерживали наши войска, уничтожив за это время несколько тысяч гитлеровских солдат и офицеров. В марте 1943 года дивизиону в числе других кораблей и частей Военно-Морского Флота было присвоено звание 1-го гвардейского.

Быстро, по-деловому командир дивизиона провел совещание с офицерами. Установка одна: работать с полным напряжением сил, во всем должны задавать тон коммунисты.

Последнее указание было обращено непосредственно к старшему лейтенанту Сурядову. Вот уже несколько месяцев он возглавляет партийную организацию дивизиона. Семья коммунистов-катерников подобралась дружная, сплоченная, боевая. Каждый третий-четвертый член экипажа состоит в рядах партии, почти все прошли закалку в боях.

Вместе с комсоргом дивизиона Петром Лушпаем старший лейтенант обошел экипажи. Моряки трудились сосредоточенно, не отвлекаясь ни на что постороннее. В короткие минуты перекуров агитаторы проводили беседы, призывая их как можно скорее завершить работы и быть готовыми к боям. На всех катерах выпущены Боевые листки с призывными заголовками: «Нас ждет Крым!»

Из политотдела флотилии вернулся заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Александр Мотохнюк.

— Всю партийно-политическую работу сейчас надо направить на подготовку успешного выполнения предстоящих задач,— вызвав Сурядова, сказал он.— Речь идет не только о завершающих боях за Таманский полуостров, но и о броске через пролив. По всей видимости, начало боев за освобождение Крыма — дело ближайших дней... Сегодня вечером проведем беседы о боевой деятельности Азовской флотилии. Надо ознакомить людей с подвигами азовцев, традициями флотилии, воспитать у

них уважение к людям, с которыми будем воевать плечом к плечу. Вот краткая справка, подготовленная политотделом. Изучите ее внимательно. Видимо, придется выступить с беседами вам. Что-то я опять занемог, боюсь, как бы в решающий час не свалиться.

Александр Иванович воевал с первых дней войны, четырежды ранен. Последний раз пуля попала в грудь, повредила легкие.

— Вы уж, пожалуйста, не проговоритесь доктору, а то он постарается списать на берег,— попросил замполит...

Днем и ночью трудились моряки. Один за другим бронекатера занимали места у причальных стенок. Теперь предстояло совершить контрольный выход в море. Погода, как назло, ухудшалась, все больше усиливалась качка. Что ж, гвардейцам предстояло почувствовать, что значит море, ведь большинство из них до сих пор воевали на реках.

В походе выяснилось, что замполиту Мотохнюку на катерах плавать больше нельзя: от сильной качки у него возобновилось кровотечение. Пришлось отправить его в госпиталь.

— Что ж, товарищ парторг,— сказал командир дивизиона, обращаясь к Сурядову,— берите обязанности заместителя на себя.

Нет, не трудностей боялся старший лейтенант: их он за два с лишним года войны научился преодолевать. Опасался другого: справится ли, хватит ли опыта, умения работать с людьми. Впрочем, выбирать не приходится. Надо лишь четко определить задачи. Что главное? Быть все время с людьми. Знать их настроения, характеры, сильные и слабые стороны. И конечно, личный пример во всем: в работе, поведении. Ну а если бой... Если бой, то тут личный пример — прежде всего.

— Доверие постараюсь оправдать,— привычно коротко ответил Сурядов комдиву. Тот только улыбнулся и крепко пожал руку старшему лейтенанту.

На раскачку времени не было. В тот же вечер в дивизионе предстояло провести партийное собрание. Вопрос стоял очень важный: как обеспечить ведущую роль коммунистов в подготовке к совместным действиям личного состава катеров и десантных войск.

Парторг слушал выступления коммунистов, их предложения и невольно думал: каких же замечательных бойцов воспитала партия. Вот они, рядовые партийцы: рулевые, комендоры, мотористы, пулеметчики, краснофлотцы и командиры. Каждый думает масштабно, чувствует ответственность не только за свой маленький участок, но и за успех всего экипажа, дивизиона, отряда. Как же с такими людьми не победить!

— ...Мы, комендоры «семьдесят третьего» бронекатера,—

говорил коммунист Иван Сморовоз,— полностью подготовили технику и оружие к бою. Экипаж готов хоть сегодня вступить в бой.

— ...Комсомольцы дивизиона показывают пример выполнения воинского долга,— докладывает комсорг старшина 1-й статьи Петр Лушпай.— Последние дни многие просят рекомендацию в партию, хотят идти в бой коммунистами.

— ...После Сталинградской битвы у нас была передышка,— говорил командир 81-го бронекатера старший лейтенант Вячеслав Денисов.— Но мы просили командование скорее направить нас в бой. Сейчас мы близки к этому. Заверяю партийную организацию: боевое задание выполним с честью, по-сталинградски!

Решение собрания немногословно: коммунисты должны обеспечить бесперебойное действие механизмов и оружия, показывать всем краснофлотцам и старшинам пример стойкости и мужества в бою.

На бронекатера пришли свежие газеты. Надо позаботиться, чтобы каждый смог ознакомиться с новостями. В первую очередь обеспечить агитаторов, активистов. Это тоже комиссарская обязанность.

С жадностью набрасываются моряки на вести с фронтов. Сводки Совинформбюро читают вслух, громко комментируя события, радуясь тому, что наше наступление на Украине продолжает успешно развиваться.

Все чаще моряки обращаются к парторгу с вопросом: когда же начнем? Приготовления им кажутся слишком долгими.

Наконец в штабе флотилии стало известно: Ставка Верховного Главнокомандования предписала Северо-Кавказскому фронту во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией осуществить десант в Крым с последующей задачей полностью освободить от гитлеровских захватчиков полуостров. Дивизион бронекатеров будет высаживать штурмовые группы.

Сурядов собрал коммунистов: речь уже не о подготовке — о непосредственном обеспечении десантной операции.

После короткого совещания парторг спустился в кубрик 71-го бронекатера. Только что закончился обед, обычно в это время моряки, находясь в добром расположении духа, рассказывают смешные истории, разыгрывают друг друга. Но сейчас шел серьезный разговор вокруг предстоящего десанта. В центре, как всегда, старшина 1-й статьи Федор Шабарин — общительный, никогда не унывающий моряк. То и дело вставляя острое словцо, он говорит о знаменитом десанте под Григорьевкой, затем о Керченско-Феодосийском в 1941 году. И когда только успел узнать все подробности? Рассказывает обстоятельно, будто своими глазами все видел.

— И вот представьте себе: с берега непрерывно несутся снаряды, мины, строчат крупнокалиберные пулеметы, вокруг вздымаются водяные столбы, а крейсер знай себе идет на виду у фашистов, будто на блины к теще. И швартуется под сплошным огнем. А десантники тем временем сходят на берег и сразу — в бой. Здрасьте, мол, не ждали небось?

— Так то ж крейсер,— тянет кто-то неуверенно.— Такая махина...

— Вот именно, махина,— еще больше оживляется Федор.— Представляешь, ему же еще и развернуться надо как следует, как попало не подойдешь к причалу. А для противника мишень какая! Уразумел? А наши броники? Налетели, как ветер, ни тебе причалов не надо, никаких швартовок, с ходу высадили десантников, и только нас видели, мчимся на свой берег за новой группой. Скорость, маневренность, скрытность... Понимать надо!

Разговор переходит к международным событиям. Одна из популярных тем — открытие второго фронта. Однако даже такой вопрос Шабарин как-то исподволь переводит на наши непосредственные дела.

— Наши верные союзники вот уже второй год все готовятся преодолеть Ла-Манш, и никак не могут решиться на это. А вот мы пример с них брать не будем. Для нас пролив — не преграда, он станет мостом в Крым.

В разговор вступает Сурядов. Заметил: почему это некоторые краснофлотцы, готовясь к предстоящей операции, порой пренебрегают тренировками?

— Товарищ старший лейтенант,— попытался объяснить пулеметчик Петр Козенков.— Зачем зазря маяться? Ведь все это мы освоили на практике под Сталинградом... Надо скорее в бой идти, а не играть в войну...

Пришлось напомнить ему, да и не только ему, старое, но не утратившее своего мудрого смысла суворовское изречение: тяжело в учении — легко в бою.

Днем и ночью, в условиях штормовой погоды проводились учения: отрабатывались посадка десантников на катера и высадка, погрузка и выгрузка боевой техники. И везде, во всем тон задавали коммунисты.

В самый канун десантной операции на бронекатера пришли письма из только что освобожденных от захватчиков районов Украины. Получил весточку из дома и старшина 2-й статьи Петр Грищенко. Товарищи увидели, как побледнел моряк, прочитав первые строки, как сжались у него кулаки, и догадались, что таит в себе письмо, которого он ждал долгие два года.

Письмо он дал почитать товарищам, те показали его парторгу. «Братик, родненький мой, где ты? Жив ли? Ты писал нам

последний раз, что служишь на Волжской флотилии, и я пишу по этому адресу. Найдет ли тебя письмо? Вчера мне исполнилось 16 лет, и в тот же день Красная Армия пришла и освободила нас. Сколько было у всех радости, а у меня радость перемешалась с горькими слезами. В день прихода наших, когда немцы убегали из села, они убили нашу маму. Она набирала воду из колодца, подошел офицер немец и выстрелил ей прямо в голову.

Дорогой братик, теперь я осталась одна-одинешенька, и вся надежда только на тебя, на то, что ты жив. Отомсти гадам за смерть нашей любимой мамочки, за гибель отца на фронте и возвращайся скорее домой...»

Письмо глубоко потрясло не только Грищенко: многие моряки были взволнованы тяжелой вестью. Сурядов понимал, что надо дать людям выговориться, высказать свои чувства.

Собирать их на митинг специально и не пришлось. Письмо Грищенко переходило из рук в руки, моряки собственными глазами читали строки, заключавшие в себе глубокое человеческое горе.

— Товарищи,— обратился к собравшимся парторг.— Вы уже знаете о том, что сделали фашисты с семьей нашего моряка. Что тут можно сказать? Кровь в жилах закипает. Оккупанты продолжают творить зверства на нашей земле. Сегодня мы узнали, что еще у трех наших моряков они убили родителей, у двух угнали невест на каторгу, у четверых сожгли дома. Пусть же растет наша ненависть к фашистским разбойникам. Беспощадно будем истреблять захватчиков — до полной победы! Пусть не ослабевает ни на минуту наша священная ненависть к врагу. Пусть воплотится она в меткий, разящий огонь, от которого примут погибель фашистские изверги!

Слова попросил главстаршина Виктор Васильев:

— От имени всего экипажа «семьдесят первого» заявляю: никакой пощады гитлеровским палачам и убийцам, смерть и только смерть заклятому врагу!

Сурядов достал из кармана кителя листок бумаги и, набросав несколько слов, зачитал их краснофлотцам:

— «Советские люди на оккупированной территории верят в нас и ждут с нетерпением своего освобождения. Мы, гвардейцы бронекатеров, заявляем: в предстоящих боях будем решительны и беспощадны, отомстим фашистским извергам за все их преступления на нашей земле! Не будем себя чувствовать спокойно до тех пор, пока окончательно не разгромим всех захватчиков!»

Одобрительный гул матросских голосов как бы подтвердил принятие всеми импровизированной резолюции.

Накануне высадки десанта в партийную организацию дивизиона поступили десятки заявлений о приеме в партию. «Если не вернусь из боя живым, прошу считать меня коммунистом»,— читал парторг во многих из них.

В ночь на 1 ноября операция началась. А на следующий день вступили в боевые действия гвардейцы бронекатеров.

Погрузка боеприпасов в Таманском порту для бойцов Эльтигенского плацдарма была в самом разгаре, когда на пирс въехала машина командира высадки контр-адмирала Холостякова. Представившись, старший лейтенант Сурядов доложил ему о подготовке к десанту.

— Соберите экипажи минут на десять,— распорядился адмирал.— Хочу поговорить с гвардейцами.

Через минуту моряки построились на пирсе. Адмирал пристально вглядывался в их лица, потом заговорил:

— Задача, которую я ставлю сегодня перед вами, очень сложна и ответственна. Наши боевые товарищи — армейцы и морские пехотинцы в эти минуты героически сражаются на плацдарме. Отвоеванный у врага кусочек крымской земли нужно удержать любой ценой, чтобы затем, расширив его, накопив там силы, перейти в наступление...

Вслушиваясь в слова адмирала, Сурядов отметил про себя, что говорил тот совсем не командирским голосом — негромко, спокойно, по-отечески тепло — и оттого сказанное им приобретало доверительность и еще большую весомость.

Адмирал сделал паузу, словно решаясь сообщить что-то самое важное, сокровенное, и продолжал:

— Хочу сказать вам со всей откровенностью: положение десантников очень тяжелое, им нужна немедленная помощь. Во что бы то ни стало вы должны дойти до крымского берега!

— Дойдем, товарищ адмирал! — вырвалось у комендора Михаила Ермошкина.— Обязательно дойдем!

Строй моряков оживился, загудел. Каждому хотелось заверить адмирала, что все будет хорошо, подтвердить, о чем за всех сказал опытный моряк.

— Верю вам, гвардейцы! — голос адмирала чуть дрогнул.— Потому и посылаю, что верю!..

К выходу все готово. Первым отчаливает 71-й, за ним в кильватер следует 73-й. Парторг — на ведущем.

Над проливом все больше сгущаются сумерки. Шторм, начавшийся еще вчера, продолжает свирепствовать. Накатная волна бьет в правые борта, пытаясь перевернуть катера. Но, нагруженные до предела, они лишь тяжело кренятся и упрямо продолжают двигаться по курсу.

Взоры всех, кто находится на верхней палубе, устремлены вперед, к Эльтигену, туда, где небольшой участок крымской земли пылает огненным заревом.

С таманского берега ударили орудия: это наши артиллеристы открыли огонь по Камыш-Буруну. Хорошая поддержка кораблям, прорывающимся к плацдарму! Еще большая радость охватывает моряков, когда над их головами в сторону врага с ревом проносятся ночные бомбардировщики и истребители. Через минуту-другую слышатся разрывы бомб.

Под днищем зашуршал песок, и катер, вздрогнув, остановился. Парторг — на верхней палубе, среди моряков и десантников. Люди немедленно приступают к разгрузке. Левее в прибрежную мель уткнулся носом 73-й. Разгрузка идет быстро: промедление смерти подобно!

Тем временем к катерам потянулись тяжелораненые. Кто опирается на винтовку, кто на плечо товарища. Некоторых санитары переносят на носилках.

Быстро приняв их на борт, катера отрываются от берега и, преследуемые огнем фашистских орудий, ложатся на обратный курс. Через час они швартуются на пристани в Кротково.

И снова погрузка. Моряки стремятся принять как можно больше людей, боезапаса, оружия. Своими глазами они видели, как нужны подкрепления там, на маленьком пятачке, где ни на час не утихает ожесточенный бой.

Второй рейс через пролив оказался труднее. Фашисты встретили бронекатера плотным огнем. Но гвардейцы опять прорвались. Едва катер пристал к берегу, старший лейтенант Сурядов выстроил моряков в живой конвейер, и началась разгрузка.

Противник продолжал обстрел катеров. Снаряды ложились совсем рядом. На 73-м прямым попаданием разрушило палубу на корме, два краснофлотца получили ранения. Над головами людей со свистом проносились осколки, в рубку и борта то и дело ударяли пули. А моряки стояли в лучах прожекторов во весь рост и, будто заговоренные, работали, не обращая внимания на то, что творится вокруг.

Сурядов был на самом носу в паре с краснофлотцем Николаем Соколовым. Принимая у товарищей ящики, они тут же подавали их за борт, а там, стоя по пояс в воде, их бережно принимали другие моряки и десантники. Никаких слов не произносил парторг, знал: в это время самый лучший агитатор — это его личный пример — политработника, партийного вожака. И он работал истово, ни на минуту не останавливаясь, чтобы передохнуть. Лишь когда последний ящик с боеприпасами был перенесен на берег, старший лейтенант ощутил смертельную усталость.

Теперь — в обратный рейс. Позади остались взрывы снарядов,

впереди — черная мгла. Где-то далеко мерцал заветный красный огонек. Там ждал таманский берег. Ждал, чтобы снова, загрузив катера до предела, отправить их к пылающей крымской земле.

Днем моряки приводили в порядок катера, оружие. Парторг, получив в политотделе подробную информацию о ходе десантной операции, тут же довел до экипажей примеры героизма и самоотверженности участников боев.

А чуть стемнело — снова в рейс. Туда, где непрерывно полыхал огонь и огромные щупальца прожекторов рыскали в поисках цели.

В очередном рейсе по курсу бронекатеров неожиданно возникали силуэты вражеских быстроходных десантных барж (БДБ). Тактика фашистов ясна: с помощью БДБ они пытаются заслонить путь бронекатерам к месту высадки, лишить их возможности доставить на плацдарм пополнение. Но наши моряки смело вступают с ними в бой. Получив серьезное повреждение, одна из десантных барж поспешно отходит в сторону Камыш-Буруна, за ней потянулись другие. Путь открыт!

Эльтиген встретил бронекатера молчаливой настороженностью. Десантники, не мешкая, быстро сходят на берег. Катера начинают разворачиваться для отчаливания, но вдруг на мысе Камыш-Бурун вспыхивают прожектора. И тут же фашисты открывают минометный огонь. Мины рвутся вокруг, россыпями разлетаются осколки. Полный ход, скорее уйти из опасной зоны. Все дальше остается берег. И вдруг — доклад:

— Прямо по носу — три десантных баржи!

Они расположились полукругом, полностью закрыв катерам путь, дистанция между ними примерно полкабельтова. Гитлеровцы открывают стрельбу из всех орудий и пулеметов. Почти одновременно ударили и береговые батареи. Командир отряда старший лейтенант Василий Бирюк быстро оценивает обстановку.

— Что будем делать, парторг? — спрашивает у Сурядова. По всему видно, решение он уже принял, однако хочет услышать мнение политработника.

— Решение может быть только одно: прорываться! — отвечает Сурядов.

Мотористы выжимают из двигателей все, что можно. Катер весь дрожит. Силуэты барж, изрыгающих огонь, все ближе. Петр Козенков направляет огненные струи из спаренного пулемета то в одну, то в другую баржу. От его меткого огня умолкла кормовая пушка одной из них.

Катер, словно торпеда, летит, держа направление между двумя баржами. Вдруг он вздрогнул, словно споткнулся: вражеский снаряд попал в носовое орудие. Еще один взорвался у кормы.

Лицо командира катера старшего лейтенанта Ивана Карпенюка залито кровью, он, будто подкошенный, валится на палубу. Командира отряда Василия Бирюка ранило сразу в голову, грудь и ногу. Но он находит в себе силы стать к телеграфу. Осколком снаряда ранен командир отделения рулевых Иван Харьков, он потерял сознание. За руль становится боцман Григоренко.

Бронекатер входит в пространство между баржами. Те, боясь поразить друг друга, прекращают огонь. Петр Кузенков в упор стреляет то по левой, то, быстро развернув пулемет, по правой барже. На их палубах мечутся гитлеровцы.

— Вася! — кричит парторг Бирюку.— Проскочили!

Гитлеровцы вновь открывают огонь. Но поздно! Имея двойное преимущество в скорости, катер быстро отрывается от врага.

Сурядов окидывает взглядом рубку. Кругом пробоины, вмятины, следы крови. Санитары перевязывают раненых. На палубе та же картина. Осколками снарядов исковеркана мачта, болтается оснастка. Но наверху, простреленный в нескольких местах, по-прежнему развевается гвардейский Военно-морской флаг.

Какие чувства испытывал в эти минуты старший лейтенант Федор Сурядов, парторг дивизиона, принявший на себя волею случая обязанности замполита? Словно забыв о том, что каких-нибудь десять — пятнадцать минут назад вместе со всем экипажем находился на волоске от гибели, он теперь невольно восхищался этими замечательными людьми, гвардейцами, проявившими в бою высокое мужество, отвагу, бесстрашие, верность воинскому долгу.

Да, именно эти высокие морально-боевые качества помогли экипажу выстоять в этом трудном, неравном поединке и победить. Прорываясь сквозь огненный коридор, ни один из членов экипажа не дрогнул, не растерялся.

Когда бронекатер подходил к причалу, над таманским берегом уже поднимался рассвет. Начинался новый день. Позади была труднейшая, полная мужества и смертельной опасности ночь. А впереди — новые бои, новые испытания.

Времени для передышки нет: плацдарм ждет пополнения! Несмотря на огромную опасность, командир дивизиона принимает решение идти днем. Но, хорошо понимая, что моряки 71-го бронекатера смертельно устали, он распорядился заменить его экипаж командой со 115-го бронекатера, получившего накануне серьезное повреждение.

Парторг и сам понимал, что идти сразу в очередной рейс экипаж не может: командир катера Карпенюк тяжело ранен, люди вот уже двое суток без сна, без горячей пищи, в непрерывном напряжении боя.

И все же посылать в такой опасный рейс другой экипаж, не знающий особенностей катера, очень и очень рискованно: можно погубить и людей, и корабль.

Высказав эти соображения командиру дивизиона, он сказал:

— Я готов повести катер. Прошу также разрешить пойти в рейс старшине группы мотористов, боцману катера, комендору и радисту. Уверен, что выдержим, задание выполним.

В своих людях он был действительно уверен, как в самом себе. Каждый из них был готов заменить товарища, если тот выйдет из строя.

Узнав о том, что катер посылают на задание с другой командой, члены экипажа 71-го все, как один, отказались от отдыха. Были заменены лишь те, кого отправили в госпиталь. И катер снова поспешил на помощь десантникам.

На мостике — старший лейтенант Федор Сурядов. Кто он сейчас? По штатному расписанию — парторг гвардейского дивизиона. Кроме того, еще и заместитель командира по политчасти. Хотя официально еще не назначен, но в политотделе прямо сказали: другого не ждите.

А теперь вот — и командир бронекатера. Однако новые обязанности не смущают его: сколько раз уже заменял командира во время боев на Волге...

И сейчас он уверенно ведет бронекатер к огненному плацдарму. Катер с ходу врезается в песчаную отмель. Началась разгрузка, и тут же невдалеке стали рваться снаряды. Скорее, скорее разгрузиться, принять раненых и уйти с опасного места.

Из огненного пекла и на этот раз удалось вырваться.

На причале их встречал контр-адмирал Холостяков.

— Спасибо, гвардейцы! Ваша помощь неоценима! — он пожал руку парторгу и тихо, не очень уверенно спросил: — А еще раз прорваться сможете?

— Попробуем,— ответил старший лейтенант.

И так рейс за рейсом. Прорыв за прорывом. Через кромешный ад, через огненный заслон. На помощь отважным десантникам. Им нужны снаряды, мины, патроны, медикаменты. Нужно пополнение. Раненые ждут эвакуации.

На командирском мостике 71-го — бессменно парторг и замполит — Федор Сурядов.

Катер весь изранен, искалечен. В базе мотористы, обследовав его, насчитали в бортах и на палубе около 70 пробоин и вмятин. Один снаряд прошил командирскую каюту и весь катер насквозь. Крупным осколком срезало мачту. Нужно было хотя бы несколько дней, чтобы устранить повреждения, привести в порядок механизмы. Но гвардейцы сделали все это в течение суток.

Из политотдела доставили пачку свежих газет. Новости радовали: освобождены Каховка, Цюрупинск, Скадовск, Голая Пристань. Для митинга нет времени. Но все же парторг находит несколько минут, чтобы провести беседы в кубриках. Тепло поздравил Якова Григоренко: ведь он родом из легендарной Каховки.

Есть в сводке Совинформбюро и сообщение о боевых действиях на Азовском море. Плацдарм на Эльтигене живет, действует, расширяется.

Из Анапы в Тамань прибыло несколько десантных судов, выделенных Черноморским флотом на помощь азовцам. На одном из них гвардейцы 71-го увидели младшего лейтенанта Георгия Прокуса — бывшего своего командира. Получив тяжелое ранение еще на Волге, он долго лечился в госпиталях. Сколько было радости от этой встречи, сколько непосредственного и искреннего проявления чувств любви к своему командиру!

— Может быть, вернетесь на бронекатер? — спросил Сурядов.— Ведь мы без командира воюем. А вас, вижу, любят моряки, уважают.

— Я бы с огромной радостью,— ответил тот.— Это же настоящие орлы, с ними и воевать легко. Но кто же примет такое решение?

— Это я беру на себя,— коротко ответил Сурядов.

Контр-адмирал Холостяков с пониманием отнесся к просьбе парторга. В тот же день Прокус после более чем годичного перерыва вновь вступил в командование 71-м бронекатером. И сразу же — в бой.

А старший лейтенант Сурядов на попутной машине проскочил на косу Чушка. Оттуда бронекатера второго отряда их гвардейского дивизиона отправлялись через пролив на Керченский полуостров.

В землянке политотдела он ознакомился с положением дел и сразу направился к причалу. Только что вернулся из рейса экипаж 81-го бронекатера. Его командир старший лейтенант Вячеслав Денисов очень обрадовался встрече с Сурядовым: друзья не виделись уже несколько дней.

— Краснофлотцы работают до изнеможения,— рассказывал он.— Сутками не спят, и никакого уныния, ни слова жалобы. С такими чудо-богатырями можно горы свернуть... Вот,— он взял пачку Боевых листков и подал парторгу. — Здесь все сказано: и кто как себя вел в первых боях, и что люди делают сейчас на переправе.

Боевые листки представляли собой своеобразную летопись боевой деятельности экипажа: что ни день — то выпуск.

— Редактор у нас Алексей Тарабаров, — продолжал Денисов.—

Умеет подметить самое важное и показать, у кого надо учиться, кому подражать, а кому и прибавить инициативы. Кстати, Тарабаров подал заявление в партию. Заслуживает парень вполне...

Вскоре прибыл с плацдарма еще один бронекатер — 33-й. Там тоже дела шли хорошо.

Во второй половине дня ветер усилился, синоптики передали штормовое предупреждение. Выход бронекатеров в такую погоду исключался, и парторг вместе с командиром отряда решили провести партийное собрание. На берегу натянули парусиновый тент, принесли с катеров раздвижные стулья, стол. Впервые после начала десантной операции собрались вместе коммунисты гвардейских бронекатеров.

На повестке дня — два вопроса: прием в партию и задачи коммунистов по дальнейшему обеспечению бесперебойной работы катерной переправы.

Громко, чуть торжественно парторг зачитывает заявление старшины 1-й статьи Тарабарова: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). С Программой и Уставом партии знаком, обязуюсь их выполнять. Клянусь звание коммуниста оправдывать в боях, воевать с достоинством и честью, не жалея ни сил, ни жизни ради победы над заклятым врагом».

Зачитываются боевые характеристики. Кратко высказываются коммунисты. Мнение у всех едино: достоин. Единогласно принимаются кандидатами в члены партии и другие моряки, отличившиеся при обеспечении десанта.

По второму вопросу выступает командир дивизиона капитан-лейтенант Сергей Барботько. Он подробно рассказывает о боевых действиях катерников, с гордостью говорит о мужественном поведении коммунистов.

Старший лейтенант внимательно всматривается в лица собравшихся, видит: люди полны решимости сделать все, чтобы с честью выполнить боевую задачу. Выступавшие коммунисты рассказывали, что делается на катерах по поддержанию боеспособности и высокого наступательного духа моряков, делились опытом обеспечения безаварийности техники и оружия, борьбы за живучесть в боевой обстановке.

Решение собрания было кратким, немногословным: «Переправа — это фронт, от которого зависит успех освобождения Крыма; коммунисты катеров и специалисты дивизиона должны обеспечить бесперебойную работу механизмов и вооружения, своим примером мобилизовывать личный состав на успешные действия; каждый выход из строя техники, каждый срыв рейса считать недопустимым и рассматривать как чрезвычайное происшествие».

На другой день экипажи бронекатеров облетела радостная весть: за мужество и героизм, проявленные при форсировании

Керченского пролива, большая группа моряков флотилии награждена орденами и медалями. В числе шестидесяти награжденных — десять гвардейцев дивизиона бронекатеров.

По этому случаю состоялся краткий митинг. Но не успели отзвучать торжественные слова, как сигнал боевой тревоги снова разметал людей по катерам. Боевая вахта на Керченской переправе продолжалась.

Двадцать пять рейсов к нашим десантникам совершил бронекатер № 81, не отставал от него и экипаж бронекатера № 33. Только за первые трое суток боев он побывал у десантников более двадцати раз.

...В апреле 1944 года операция по освобождению Керченского полуострова была успешно завершена. Свою причастность к этой победе ощущали и моряки гвардейского дивизиона бронекатеров, и в том числе — парторг, к тому времени уже официально назначенный заместителем командира дивизиона по политчасти старший лейтенант Федор Сурядов.

А когда в мае раздавались победные залпы в честь освободителей Севастополя и Крыма, 1-й гвардейский дивизион бронекатеров вместе с другими кораблями Азовской флотилии возвратился на свою базу в Ейск. Они снова поднимались на железнодорожные платформы. Теперь предстояло перебазироваться в Одессу, а оттуда идти дальше, на запад, в двухтысячекилометровый поход по Дунаю, чтобы принять участие в освобождении от гитлеровского фашизма шести придунайских государств.

Пройдет немногим более года, и шести гвардейцам дивизиона, в том числе заместителю командира по политчасти капитан-лейтенанту Федору Дмитриевичу Сурядову, будет оказана высокая честь — участвовать в историческом Параде Победы в Москве.

С чувством огромной гордости вступили они на Красную площадь, и с ними вместе незримо прошли все их боевые товарищи — и те, кому посчастливилось дожить до светлых дней Победы, и те, кто погиб смертью храбрых на долгом пути к ней.

Евгений
МАНЬКО

«У НАС ОДИН МАРШРУТ — К ПОБЕДЕ!»

Молодые матросы тесной группой идут к ставшей на вечный причал легендарной подводной лодке «К-21», превращенной в филиал музея боевой славы Северного флота... А робеют и смущаются они оттого, что не кто-нибудь — сам бывший комиссар этой «катюши» капитан 1-го ранга Сергей Александрович Лысов, приехавший на торжества по случаю 50-летия Краснознаменного Северного флота, поведет их по отсекам подводного корабля.

Фотографии на переборках, выписки из воинских приказов, отмечавших победы подводников, книги, написанные о них уже потом, в мирное время, боевые награды, личное оружие офицеров, сигнальные флажки, бинокль командира...

Моряки слушают негромкий, сдержанный голос комиссара, смотрят на запечатленные на снимках молодые лица его боевых друзей и мысленно представляют, как проходил по этим тесным стальным лабиринтам один из фронтовых рубежей, не на жизнь, а на смерть сражались здесь такие же парни в тельняшках и черных бушлатах.

...Вдруг ожили хриплые ревуны, раздалась команда «на погружение». Хлопнула крышка верхнего рубочного люка, с шумом ухнула вода в балластные цистерны. Ожила шкала глубиномера. Стоп! Лодка уже на заданной глубине зеленовато-синего Баренцева моря. Лишь головка перископа над водой зорко обшаривает горизонт. А к окулярам приник командир — капитан 2-го ранга Николай Александрович Лунин.

«Слышу шумы кораблей!» — докладывает гидроакустик.

«Боевая тревога!» — разносится по отсекам.

Идет к нашим водам крупнейший фашистский линкор «Тирпиц» в охранении целого десятка других кораблей. Нужны незаурядное боевое мастерство и мужество, чтобы рискнуть атаковать эту стальную армаду.

«Торпедная атака!» — командует Лунин.

Долгим-предолгим кажется боевой курс, но вдруг вражеский

отряд делает поворот, и все идет насмарку. Но не отчаиваются советские подводники. Снова маневрируют, рассчитывая данные для повторной атаки.

Наконец «Пли!» — и четыре торпеды устремляются к линкору. Глухо бухают вдали два подводных взрыва...

Это было в июле 1942 года, а кажется, что сейчас слышатся радостные голоса моряков сквозь толщу десятилетий.

Дальше зовет нас голос каперанга Лысова. Вот боевая рубка. Фиолетово-черный, блестящий зрачок командирского перископа. Приблизьте к нему свой глаз. Не просто выглянете из пучины на поверхность моря — волшебное стеклышко перископа откроет перед вами панораму героической жизни не ушедшей на покой подлодки, на чьем боевом счету множество потопленных в годы войны вражеских кораблей.

Смуглолицый воронежский парень — один из тех, что пришли сюда с комиссаром, — остановился возле пожелтевшего Боевого листка, задумался, рассматривая помещенную в нем фотографию: командир и комиссар осматривают море после всплытия. Волна гуляет в двух шагах, штормовки мокры от брызг. На лицах — тревога, видать, в нелегкий момент запечатлел офицеров корабельный фоторепортер. Повернулся смуглолицый к Лысову:

— Товарищ капитан первого ранга, а каким он был для вас лично, первый боевой поход?

Не по уставному положил старший молодому руку на плечо, улыбнулся:

— Ну, сам понимаешь, начинать любое дело трудно, тем более воевать. Но в общем все прошло нормально, без особых происшествий.

Спроси его матрос о ком-либо другом из членов экипажа, уверен: подробнейшим образом рассказал бы о героизме товарища Сергей Александрович. Только не о себе — это не в характере боевого офицера.

А ведь какой огромный ратный труд Лысова лично и каждого из его боевых друзей таят в себе те скупые слова!

Сделаем протокольно короткие выписки из документов, рассказывающих о первом рейде. Выходили в море 7 ноября 1941 года. Поэтому чувствовали особо высокую ответственность за результаты похода, считая его своим рапортом 24-й годовщине Октября. Двое суток спустя глубокой ночью выставили десять мин в районе возможного появления судов противника. С трудной работой, несмотря на ненастную погоду, минеры справились отлично. Комиссар Лысов тут же прошел по боевым постам, рассказал экипажу об их собранности и высоком мастерстве. Утром от него же краснофлотцы услышали радостную весть: на минах подорвался вражеский корабль. А час спустя он вместе с секретарем парторганизации мичманом

Гребенниковым уже выпустил свежую фотогазету: минеры за работой, акустики «засекают» взрыв фашистского судна, командир ловит в перископ его вздымающуюся над водой корму...

Следующую постановку мин обстоятельства заставили делать днем, на опасно близком от вражеской базы расстоянии. Подлодку обнаружили сторожевые катера. Долго отлеживались на глубине подводники «К-21», отсчитывали спичками количество бомб, взорвавшихся неподалеку от лодки, а то и совсем рядом: даже спички встряхивало на столике. О том, что делал в те непостижимо растянувшиеся полтора часа комиссар, в рапортах ни слова. Сохранились строки в письме одного из членов экипажа: «Казалось, даже воздух стал густым от напряжения: бах, бах, бах — одна за другой взрываются бомбы, и такое ощущение, что следующая-то уж точно прямо на палубе, возле твоего поста рванет. И вдруг комиссар говорит: «Хорошо! Уже семьдесят девять насчитал. Чем больше взорвалось, тем меньше их у фашистов осталось». И пошли гулять слова по отсекам... Полегче воздух стал в легкие входить...»

Утром 12 ноября сделали попытку атаковать конвой. Вначале все шло хорошо. Однако в небе внезапно появились вражеские самолеты. Осечка! Атака не состоялась. Зато среди дня «К-21» провела две торпедных атаки кряду, отправив на дно два тяжелогруженых транспорта общим водоизмещением 8 тысяч тонн. И опять, спасаясь от бомб, — под воду. На сей раз воздух в лодке «сгущался» уже совсем не так: моряков радовала только что достигнутая победа. Да и сказанные не так давно комиссаром слова не забылись. Однако бомбежка была чрезвычайно длительной и интенсивной. Командир приказал увеличить глубину... И противник ушел ни с чем.

Когда «К-21» всплыла под перископ, выяснилось: за кормой тянется длинный след дизельного топлива. Его, конечно, сразу же заметят с барражирующих над квадратом моря самолетов. Встревоженный командир собрал офицеров: что будем предпринимать? Остановились на предложении инженер-лейтенанта Липатова — поврежденную в ходе боя третью цистерну горючего превратить в балластную. Для этого надо всплыть. А погода? Баллов пять.

— Справимся, — твердо сказал Лысов командиру, — разрешите группу возглавить мне.

В штормовую ночь с комиссаром ушли семеро. Море неистовствовало, через надстройку то и дело перекатывались огромные валы. До самого рассвета подводники устраняли повреждения, переоборудовали цистерну. Ни пронизывающий до костей ледяной холод, ни смертельная усталость не остановили их. Никто не растерялся даже в минуту, когда волна, оборвав веревку, которой был привязан к надстройке краснофлотец Буряк, смыла его в море.

— Держись! — крикнул Лысов и, изловчившись, бросил ему конец...

К утру все было в порядке — след солярки исчез. В ту ночь отличились улыбчивый моторист Александр Камышанский, старшина Власов, другие краснофлотцы...

Потом был ремонт на базе. Краткосрочная передышка. Для всех членов экипажа, но только не для комиссара. Напротив, у него в те дни в стократ прибавилось забот. Что называется, в любой час суток был он среди моряков. Рассказывал о ходе боев на различных фронтах, вселяя в людей уверенность в нашей победе. От его сильной фигуры и ровного голоса веяло непоколебимым спокойствием. А еще щедр был на шутку, меткое слово. Именно тогда появился на «К-21» новичок — молодой, еще не обстрелянный матрос. Не очень-то радостные боевые сводки наводили его на грустные размышления. Как-то в беседе с Лысовым вырвалось у парня:

— Скоро в поход. В море — это ведь не на берегу, там спасения не ищи...

Комиссар окинул его быстрым взглядом. Потом улыбнулся:

— А еще говорят, в здоровом теле — здоровый дух... Вон ведь какого богатыря вологодская маманя вырастила. А дух-то где, парень?..

— Да я ведь ничего...

— Не теряйся, матрос. Начинать каждому нелегко: война, стреляют, бомбой в тебя фашист метит. Но мы-то, скажу тебе по секрету, из непотопляемых.

— Как это, товарищ комиссар? — удивленно захлопал матрос белесыми ресницами.

— А вот так...

И Лысов, усадив подчиненного рядом с собой на скамье, рассказал о любопытном эпизоде. Еще во время перехода «К-21» из Ленинграда на место базирования по Беломоро-Балтийскому каналу Лысов, находясь в радиорубке, вдруг услышал, как геббельсовские пропагандисты, настроившись на московскую радиоволну, передают всяческие небылицы. Среди них оказалось и такое сообщение: «Большевики, предвидя свой печальный исход, переводят боевые корабли с Балтийского моря на Север. Но это им не удастся. Сегодня у входа в Беломоро-Балтийский канал нашей доблестной авиацией потоплена крейсерская советская подводная лодка — «К-21». Тогда и позднее Лысов охотно использовал этот курьезный случай для разоблачения безудержного вранья геббельсовской пропаганды, «потопившей» в зловонных своих чернилах не один советский корабль. Вспомнил комиссар о не столь уж давнем эпизоде и в той беседе с новичком, который, к слову, стал впоследствии умелым, мужественным подводником, не раз отличавшимся в боевых походах, отмеченным наградами.

...Закончился ремонт — и снова в море. Со смертоносным для гитлеровцев грузом на борту.

В январе 1942 года экипаж «К-21» пустил на дно очередной транспорт противника и расстрелял из орудий хорошо вооруженный тральщик. Успешными для экипажа были и следующие месяцы. А вскоре лодка была награждена орденом Красного Знамени.

Нелегко, ценою огромного напряжения духовных и физических сил давались победы. Об этом тоже напоминают экспонаты субмарины, ставшей музеем боевой славы. Вот они перед нами — газетные страницы. Есть свежие, есть давние, пожелтевшие от времени, потертые на сгибах. Давнишний номер газеты «На страже Заполярья». Читаю набранные обычнейшим газетным петитом строки, и буквально мороз пробегает по коже. Не стану пересказывать. Слово военному репортеру, близко знавшему Лысова и его боевых товарищей в ту тяжелую годину.

«К-21», каждого члена экипажа которой по праву называли подводным асом, шла от победы к победе. Труден был путь. В архиве Лысова хранится текст одной неотправленной радиограммы командованию, скрепленной командирской подписью: «Веду артиллерийский бой. Погибаю, но не сдаюсь».

И далее репортер продолжает: «История этого документа такова.

Подводный крейсер был всего милях в двадцати от вражеского берега, когда в одном из отсеков вспыхнул пожар — следствие недавней затяжной атаки противника. Остановились дизели, грозили взорваться цистерны с топливом, пятый, шестой и седьмой отсеки оказались изолированными. Если появится самолет противника, а это могло произойти в любую минуту, горящая лодка неминуемо станет завидной мишенью, ведь погружение исключено.

— Что будем делать, комиссар? — скорее машинально, по привычке спросил Лунин стоящего рядом Лысова, поскольку исход был ясен, он был единственный: тушить пожар, при появлении врага сражаться до конца, а в последний момент подорвать корабль.

К торпедам прикрепили подрывные патроны. Лысов, проинструктировав парторга экипажа мичмана Гребенникова, приказал ему быть готовым по первому сигналу поджечь бикфордов шнур. Составлена была и та, уже известная нам радиограмма командованию. И сразу же после этого комиссар связался по телефону с изолированными отсеками. Говорил с наиболее опытным — коммунистом Николаем Сусловым, ничего от него не скрывая: где бушует пламя, какие жизненно важные центры и коммуникации вышли из строя или находятся под угрозой, что предпринимается для устранения смертельной опасности, поставил задачи перед теми, кто был отрезан от основной части команды. Голос у Суслова не дрогнул, когда он отвечал, что все будет сделано как надо, что командир и экипаж могут надеяться на них.

Находящийся на посту неподалеку от Лысова старшина 2-й статьи Куфаев слышал телефонный разговор. Когда наступила па-

уза, он четко, по-военному обратился к Лысову с просьбой: «Товарищ комиссар, прошу считать меня коммунистом...» И буквально через секунду эти же слова прозвучали в телефонной трубке, с ними обратились к Лысову матросы Мошников, Харитонов и Белик.

«Какие ребята!» — подумал комиссар и, скрывая волнение, ответил: просьба будет удовлетворена. Да и что мог он еще сказать?! Стойкость защитника Отечества перед лицом смерти — не лучшая ли это рекомендация человеку, вступающему в партию?

Шел уже шестой час как в отсеках велась борьба с огнем, за живучесть корабля. И скоро лодка обрела ход и способность маневрировать. Экипаж одержал победу. Некоторое время спустя тут же, в море, коммунисты обсудили просьбы тех, кто решил вступить в партию...»

«Прошу считать коммунистом...» Знакомые слова. Все мы слышали их в фильмах или спектаклях, читали в книгах, посвященных народному подвигу в Великой Отечественной. Осознаём величие скрывающегося за ними поступка человека, воина. Умом осознаём. А вот в такую минуту, когда ты знаешь, что рядом с тобой ведет экскурсантов по боевому музею старый партиец, флотский комиссар, который знаком со всем этим не понаслышке, который сам был свидетелем, непосредственным участником не одного такого военного круговертья, где речь шла о жизни и смерти, в такую минуту ты уже не просто умом, но и сердцем, всем своим существом осознаешь, какие могучие гранитные глыбы вложены партией в фундамент нашей победы над фашизмом. Пожар на подводной лодке, лишенной возможности уйти в спасительные глубины, вот-вот взрыв... Действительно, мороз пробегает по коже.

Тут можно, полагаю, сказать так: борьба с огнем внутри пороховой бочки. Борьба, длившаяся шесть часов! Даже невозможно себе представить, что испытали моряки за эти 21 600 секунд, на каждую из которых пришлось не по одному, а, наверное, по два-три удара их сердец. Пылала обшивка, электропроводка, матросские рундучки, всепожирающий огонь пытался подобраться к топливному баку, боролись с ним члены экипажа на подступах к отсекам, где, тускло поблескивая, обманчиво неподвижно покоились длинные тела начиненных смертью торпед, смертью уже нашей собственной, а не вражеской. В бешеном ритме колотились сердца, сводило от усталости мышцы рук, ядовитый дым разъедал глаза, и рты судорожно хватали глоток воздуха, но люди сражались, не отступали. И выстояли, победили.

Не думаю, что в часы, суть которых была в какой-то особенно напряженный момент спрессована в семи словах радиограммы, Лысов размышлял о героическом духе своих товарищей—матросов и офицеров, восхищался ими. Он, как и все, сражался за жизнь лодки. И все же не могла не биться в глубине комиссарской души го-

рячая жилка гордости за товарищей по партии, всех членов экипажа. На то она и комиссарская душа, чтоб в ней всегда, даже в самую трудную минуту, жила вера в свои силы, в силы тех, кто рядом, вера в победу, жило неприятие слов «безвыходное положение». Билась горячая жилка в душе. Ведь это и его, комиссара, заслуга, что ни один из них не дрогнул, не отступил перед страхом смерти.

...Лишь о трех походах «К-21» упомянуто здесь. А ведь их было много больше, боевых рейдов в грозное море Великой Отечественной. И каждый требовал высочайшего мастерства, беспредельного мужества. В любом воинском подразделении, будь то взвод пехоты, танковый батальон, саперная рота, боевой дух солдат во многом зависел от армейских партийцев-политработников. И пожалуй, особенно явственно это ощущалось на подводных кораблях, где воинский успех всех в полной мере обеспечивается умением, стойкостью, надежностью каждого из членов экипажа.

Что такое «К-21»? Стальной корабль длиной в какую-то сотню и шириной в семь метров. И начинен он кроме минного и торпедного оружия огромным количеством сложнейших механизмов, аппаратуры, многими километрами электро- и трубопроводов. И все это заключено в стальной корпус, способный выдержать погружение на глубину до ста метров. Малейший недосмотр, крохотнейшее отступление от жестких норм и правил, элементарная невнимательность — и лодка может оказаться на грани катастрофы. Гарантия тут одна — мастерство, предельно сознательное отношение к ратному своему делу, полное понимание ответственности перед товарищами, строжайшая дисциплина. Командиры боевых частей лодки, строевые офицеры во главе с командиром корабля постоянно воспитывают эти качества у подчиненных.

А комиссар? Он ведь должен еще найти путь и к сердцу краснофлотца. Добиться, чтобы действия каждого были по-настоящему сознательными, подчиненными главной цели экипажа, флота, Родины — разгромить ненавистного врага.

Человек рабочей закалки (трудовой путь начинал слесарем Ярославского моторного завода), Лысов пришел на флот по партпризыву. Полгода учебы на Кронштадтских курсах политсостава Военно-Морского Флота, почти год службы в ленинградском учебном отряде, близкое знакомство с партийцами-комиссарами, прошедшими огненную школу Октября и гражданской войны, сделали молодого флотского политработника и его товарищей верными наследниками славных традиций военморов революции. Таким знал Лысова экипаж «К-21» с самых первых дней своего становления. Именно с первых — ведь пришел комиссар на лодку, когда ее... еще не было, когда она только закладывалась на стапелях судостроительного завода. Так что, кроме командира, все, кто влился в экипаж, пришли уже после Лысова. Сам еще очень молодой человек

(25 лет всего-то), для матросов предвоенной поры он уже был «батей» — так называли комиссара за глаза первые матросы экипажа. Не возраст клался ими «на весы», а жизненная, партийная закалка. С таким не пропадешь. И автомобили уже успел научиться строить, и в танковых войсках («тоже боевая техника!») послужить, и председателем городского комитета физкультуры в Ярославле поработать («знает цену силы, закалки!»), и флотскую учебу проходил у комиссаров, о которых книги написаны, кинокартина «Мы из Кронштадта» снята...

Лысова ценили — ведь его комиссарское, товарищеское слово жило рядом, плечом к плечу с личным комиссарским примером. Экипаж хорошо почувствовал это, когда до июня 1941-го новенькая, еще ничем не знаменитая «К-21» проходила испытания на Балтике, и особенно в первые же дни грянувшей войны, когда был получен приказ: по системе Беломоро-Балтийского канала пройти на одну из баз Северного флота. Сколько испытаний выпало в те тревожные дни на долю этих людей, которым доверили провести боевой корабль (на понтонных «подушках») по длинному, мелководному для него, постоянно терзаемому обнаглевшей фашистской авиацией и дальнобойной артиллерией каналу!

— Даже в бою бывало легче, — улыбнулся Лысов, вспоминая те дни. — Там море, родная стихия: можно уйти на глубину, можно совершить неожиданный маневр. А тут?.. Узенькая ленточка воды и безоблачное ясное небо над головой, откуда два-три раза на день стервятники «сгружают» на тебя бомбы.

В самые трудные минуты комиссар был рядом с краснофлотцами. Показывал пример бесстрашия и осторожности, выдержки и дерзкой военной находчивости. И во время свирепых бомбовых налетов на канал, где притаилась лодка, и когда обсуждали сообща, каким еще неведомым фашистским летчикам способом замаскировать корабль в теснинах ли канала, на озерных ли плесах, через которые продвигались на Север, и в тех нескольких открытых пулеметных схватках с гитлеровскими самолетами, которые моряки были вынуждены принять.

Шел суровый сорок первый, гитлеровцы захватывали город за городом. Настроение у моряков было такое: «Скорее бы в открытое море, туда, где сражаются с врагом. Разве это дело, ползти по «лужам» со скоростью черепахи». Наиболее нетерпеливые осаждали командиров просьбами отправить их на действующий флот. И тут у комиссара нашлись доходчивые слова, умение убедить людей.

Поворотным моментом в настроении экипажа стало открытое партсобрание, где Лысов выступил с «бухгалтерским», как он его теперь с улыбкой называет, докладом. Длилось сообщение военкома минут пять, не больше, и состояло, можно сказать, из одних цифр. Знаете ли, сколько стоит постройка «К-21»? — спросил

он. И сам назвал цифру. Потом присовокупил к ней стоимость вооружения, еще какие-то имевшиеся в его распоряжении цифры. Вот какую ценность вручил нам народ. Затем ориентировочно назвал, сколько может подлодка потопить кораблей противника, если пройдет по каналу. «И вот представьте, командование удовлетворит просьбы отпустить вас на фронт, товарищи краснофлотцы (назвал фамилии). А мы без вас не доведем корабль до базы — желающих-то уйти на фронт у нас хватает. Имеем ли мы право так поступать?»

Собственно, на выступлении докладчика собрание и закончилось. Мнение коммунистов и беспартийных было единым: «Рапорты отставить!» Услышав как бы одним дыханием произнесенные слова, комиссар сказал просто: «Предлагаю прения не открывать, вместо этого ознакомимся с положением на фронтах, вот свежая сводка Совинформбюро». «Скорее бы и нам попасть в сводку!» — воскликнул кто-то, и Лысов отметил про себя: рождается коллектив, а вслух сказал: «Не волнуйся, попадем, но для этого надо справиться с первым боевым заданием — привести «К-21» в базу».

Жизнь показала: комиссар ошибся лишь в одной из цифр доклада — не 8—9 вражеских судов потопила их подлодка, а 17! А в своем утверждении насчет сводки ошибки военком не допустил. Прошло не так уж много времени, и вечером 8 июля 1942 года Совинформбюро сообщило стране и всему миру: «В Баренцевом море одна из наших подводных лодок атаковала новейший немецкий линкор «Тирпиц», попала в него двумя торпедами и нанесла линкору серьезные повреждения». Два дня спустя высокую оценку действиям подводной лодки «К-21» дала в передовой статье газета «Правда».

Во время боевых рейдов, когда каждую минуту можно было ожидать встречи с вражескими сторожевиками—катерами, охотящимися за советскими подводными лодками, нелегко приходилось всем, но особенно трудно командиру Лунину. Нередко обстановка требовала, чтобы он чуть ли не сутками находился в боевой рубке. И всегда в таких случаях, тоже не смыкая глаз, находился на своем посту комиссар. Вот он возле командира. Перекинулись несколькими лаконичными фразами — и Лысов уже в отсеках, там заняты своим трудом офицеры, старшины и матросы. Каждый должен знать, как идет поиск цели, какая обстановка там, наверху, где окидывает взглядом горизонт недремлющее око перископа, каждый должен в любую секунду быть готов без малейшего промедления и с максимальной точностью выполнить приказ командира: срочно ли уйти в пучину, чтобы лодку не заметили с самолета, или, наоборот, всплыть для артобстрела фашистского форпоста у входа в фиорд, совершить ли разворот на 90 градусов, спасаясь от выпущенной врагом торпеды, или мгновенно задраить переборки, чтобы изолировать отсек, где от взрыва глубинной бомбы обнаружилась течь...

К концу 1942-го на подлодке сложился надежный, устойчивый коллектив. Лысов хорошо узнал всех своих боевых товарищей. Знал, какой в той или иной обстановке требуется подход к любому из них. Кому достаточно одного, вскользь брошенного слова одобрения, с кем требуется более подробный разговор. Он умел уловить в настроении человека малейшую новую нотку, повлиять на него в нужном направлении. Ведь не из былинных же чудо-богатырей состоит корабельная команда, может кто-то и растеряться, если обстановка особенно сложна, запаниковать, а это — как искра в бочке с порохом... Внимательный, отзывчивый, по-товарищески чуткий, комиссар был жестким и непреклонным, если в таких случаях обнаруживалось малейшее отступление от дисциплины, боевого распорядка службы. А рядом с этим — умение пошутить, добродушно, если речь шла о бытовых, житейских мелочах, остро и язвительно, если в поле зрения находился тот, кто проявляет слабину в чем-то существенно важном.

В июне 1943 года североморцы отмечали десятилетие своего флота, с гордостью знакомились с приветственной телеграммой Верховного Главнокомандования, где отмечались успехи лучших кораблей. Многие были удостоены высоких правительственных наград. И это использовал Лысов в воспитательной работе, равнял матросов и старшин на наиболее отличившихся товарищей. Особое значение придавал он при этом всемерному упрочению авторитета командира, чью грудь к тому времени украсила Золотая Звезда Героя Советского Союза. Комиссар считал очень важным, чтобы команда хорошо знала основные моменты жизненного пути известного на флоте офицера. Ведь ему доверен корабль, судьбы членов экипажа. И успех миссии командира во многом зависит от сознательной дисциплины, доверия всех моряков. Без этого не может быть сплоченного воинского коллектива, нельзя чувствовать себя по-настоящему уверенным в бою. Лысов уделял много внимания разбору прошедших операций, разъяснял значение и смелость принимаемых Луниным решений. Если есть у подводника вера в командира, прочнее становится уверенность и в своих силах, в своих возможностях.

Брал комиссар на вооружение сообщения печати о той или иной операции «К-21». Таких было немало. Из различных городов, сел на корабль часто приходили письма, в которых люди сообщали о своем восхищении боевыми делами лунинцев. Письма тоже использовались комиссаром.

Особенно запомнилось одно — от полного тезки командира Героя Социалистического Труда паровозного машиниста Николая Александровича Лунина, который, сообщив, с каким вниманием новосибирские железнодорожники следят за славными боевыми делами экипажа «К-21», писал: «Мы поклялись работать неустанно, по-военному, чтобы обеспечивать фронт и нашу военную индустрию

всем необходимым. Беспрерывно мчатся из Сибири на запад эшелоны с углем, металлом, боеприпасами, сибирским лесом и хлебом. Мы поклялись водить эти составы на высоких скоростях, бесперебойно; в пургу и в бураны крепко держать реверсы наших локомотивов. Тут тоже нужны стойкость и мужество. И мы учимся им у вас, подводников, не знающих страха в борьбе».

Письмо получили как раз в день выхода в море. И в первые же часы текст его был прикреплен на планшете стенгазеты, а над ним портреты двух Н. А. Луниных и боевой лозунг: «У нас один маршрут — к победе!» Тому, что тот поход закончился с большим успехом, в немалой мере способствовало дружеское послание сибиряка, с полным основанием считал комиссар. И в час возвращения, едва успели прозвучать у родного причала два орудийных выстрела (означавшие, что потоплено два вражеских судна), как комиссар отправил заранее подготовленное письмо-рапорт в Новосибирск, послужившее началом боевому социалистическому соревнованию.

Во всех своих делах политический вожак экипажа опирался на его крепкую партийную организацию, объединявшую к последнему году войны уже более 60 коммунистов. Чувство товарищества, взаимовыручка вошли в кровь и в плоть моряков. Не зря же в дивизионе о лунинцах говорили: одна семья. И, говоря так, заметим, нередко добавляли: «Семья одна, а отцов — двое». Имелись в виду конечно же командир и комиссар.

Беседуя с бывшими североморцами — подчиненными этих двух офицеров и их руководителями, — я многим задавал вопрос, в чем сила экипажа знаменитой субмарины, что позволило ему слиться в большую и по-настоящему нерушимую единую боевую семью? Словесно ответы не похожи друг на друга, но суть их одна. И выразить ее я хотел бы несколькими строчками из пока неопубликованных записок Героя Советского Союза вице-адмирала Щедрина: «Когда команда подлодки по-настоящему грозна для врага? В том случае, если каждый подводник до конца верит каждому и уверен в каждом, надеется как на себя самого. И второе, вернее, первое — если дисциплина боевого подразделения вырастает из строжайшей, до конца осознанной самодисциплины всех — от командира до любого из матросов, если она становится, можно сказать, духовной потребностью всех... Вот когда появляется боевая семья на подводном корабле. И если командир тут мозг, воля, то комиссар — еще и душа, я бы сказал, точка опоры... Комиссар — это не должность и даже не звание, это — строй мыслей, склад личности».

Есть в этих записках заслуженного североморца и строки о сегодняшних делах С. А. Лысова — старшего инспектора управления военно-морской и радиоподготовки ЦК ДОСААФ СССР, о делах комиссара военных лет, по-прежнему остающегося в строю.

Иван
ЖИГАЛОВ

НАВЕЧНО РЯДОМ

Возвратясь из штаба, командир 384-го отдельного батальона морской пехоты майор Федор Евгеньевич Котанов собрал офицеров штаба. Обвел взглядом сидевших рядком начальника штаба батальона капитана Самарина, замполита майора Аряшева, парторга капитана Головлева, командира взвода разведки старшего лейтенанта Ольшанского, откашлялся и начал говорить:

— Не стану вам объяснять, что фашист откатывается под нашими ударами. Это вы и так знаете. Но, судя по всему, город Николаев гитлеровцы собираются защищать упорно. Понастроили укреплений, создали глубокоэшелонированные оборонительные полосы. Сгоняют на строительные работы почти все городское население... Вот эту-то оборону нам и приказано прощупать, высадив в порт небольшой десант. Отбирать в него будем добровольцев, самых опытных бойцов из коммунистов и комсомольцев. Желательно из тех, кто уже не раз участвовал в десантах...

Едва он замолчал, как порывисто поднялся со скамьи коротко стриженный худощавый Ольшанский.

— Разрешите, товарищ майор, мне возглавить десант. А костяк его подобрать из разведчиков.

— А как ваша рука?

— Рана пустяковая, уже перестала беспокоить.

— Тогда добро, — удовлетворенно улыбнулся Котанов. Такого командира десанта он и желал.

— Замполитом десанта прошу назначить меня, — встал следом капитан Головлев.

Комбат и здесь, не задумываясь, повторил:

— Добро. — Он знал, что лучшей кандидатуры, чем Головлев, не найти.

На должность начальника штаба десанта вызвался лейтенант Волошко, а командирами взводов — младшие лейтенанты Чумаченко и Корда.

Сложнее оказалось набрать старшин и рядовых. Почти весь личный состав батальона рвался в десант. Коммунисты, которым отказали, несли свою обиду к парторгу Головлеву.

— Всех зачислить в десант невозможно,— смущенно разводил руками тот.— Но и здесь боевых дел на всех остающихся хватит.

Вскоре десантный отряд укомплектовали. В него включили 55 моряков: офицеров, старшин и краснофлотцев.

Решился вопрос и о плавсредствах. От предложенных армейским командованием громоздких понтонов решительно отказались в пользу обычных рыбацких лодок, маневренных и бесшумных на ходу. Местные рыбаки не только охотно отдали свои посудины, но и помогли привести их в порядок, подготовить к дальнему и нелегкому переходу.

Старший краснофлотец Валентин Ходырев, рослый, чернявый здоровяк, пришел к Ольшанскому с предложением взять побольше боеприпасов за счет продпайка.

— Я считаю так, — сказал он, — коль у десантника есть патроны и гранаты, он грозен для врага. Ну, а допустим, имеется у него буханка хлеба, сухари и пара банок консервов, а в автомате пустой диск и ни одной гранаты? А фашисты наседают, орут: «Сдавайсь, русс матрозен!» Как я должен поступить? Ну подерусь кулаками, зубами в глотку фашисту вцеплюсь. А дальше что? Плен? Такой конец меня не устраивает. Вот я и предлагаю — брать больше боезапаса и меньше, а то и совсем отказаться от продуктов. Идем-то мы на одни сутки, не умрем с голоду, зато воевать будет сподручнее.

«А ведь Валентин прав», — подумал Головлев.

Ходырев пришел в морскую пехоту с эскадренного миноносца «Сообразительный». Во время бомбежки под обломками дома погибли его родные. Узнав горестную весть, матрос явился к командиру корабля и попросился в морскую пехоту. «Я буду душить гадов собственными руками». Вот и воюет черноморский матрос на суше. Отлично воюет, геройски, в бою назад не оглядывается.

— Я считаю, что Ходырев верно рассуждает, — заявил Очаленко. — Лично я отказываюсь от продуктов, а все карманы и вещевой мешок наполню боезапасом.

— А вот Суворов требовал: сначала солдата накорми, а уж потом и дело спрашивай, — произнес Головлев.

— Генералиссимус, как всегда, безусловно прав, — не моргнув глазом согласился Ходырев. — Но мы ведь не собираемся объявлять голодовку! Перед походом крепко похарчим, а потом потерпим, ремень будем подтягивать.

На складе послышался смех и голоса: «Правильно, Валентин!»

— Пожелания ваши, товарищи Ходырев и Очаленко, учтем, — ответил Ольшанский. — Наверное, поступим так, как вы предлагаете: меньше продуктов, больше гранат и патронов. А ваше мнение, капитан? — обратился он к замполиту.

— Я согласен. Ну а кто прихватит и сухарей, возражать не станем, — они полегче хлеба.

Выход десанта из села Богоявленского был запланирован на субботний вечер 25 марта 1944 года с таким расчетом, чтобы на рассвете следующего дня высадиться в Николаевском порту, занять круговую оборону и отвлечь на себя как можно более значительные силы противника, и тем самым внести панику в тылу фашистов и облегчить частям 28-й армии взятие города.

В 16.00 десантный отряд в полном составе был собран в доме, где расположился штаб батальона.

— Устраивайтесь, товарищи,— предложил майор Котанов.

Когда моряки расселись, комбат сразу перешел к делу.

— Вот схематический план Николаева, — указал Котанов на вычерченную батальонным художником схему, испещренную условными значками.

Головлев хорошо знал эту схему. Многократно вместе с Котановым изучали ее, просили художника дополнять поступавшими от армейских разведчиков данными.

Город корабелов раскинулся на полуострове: с юга его прикрывал полноводный Южный Буг, с севера — река Ингул. Узкую полоску земли сама природа приспособила к обороне; здесь возвышенности перемежались с глубокими балками. Немало потрудились и немецкие фортификаторы, по их планам были прорыты противотанковые рвы, окопы полного профиля, построены доты, дзоты, поставлены железобетонные колпаки; и все опутано проволочными заграждениями; земля и прибрежные полосы Южного Буга и Ингула напичканы минами самых различных систем и назначений.

Котанов не скрывал, не преуменьшал трудностей, с которыми придется столкнуться десантникам.

— Гитлеровские генералы считают Николаев неприступной крепостью. Генерал-полковник Холлидт, командующий шестой армией, поклялся Гитлеру, что если Красная Армия и попытается штурмом овладеть Николаевом, то получит одни руины, все будет превращено в пепел. Ни один житель не останется в живых. Чтобы этого не произошло, чтобы помочь нашим войскам малой кровью освободить город, вы и направляетесь десантом. Проникнув в тыл противника, создадите там панику, отвлечете на себя побольше живой силы и техники гитлеровцев. Вас мало, но вы советские моряки, и я уверен, каждый будет сражаться геройски.

Командир батальона показал на схеме примерное место высадки, напомнил, что утром 27 марта или следующей ночью войска 3-го Украинского фронта будут в городе.

— Держаться вам предстоит сутки, может, чуть больше.

От имени десантников Константин Ольшанский заверил командование, что боевая задача будет выполнена.

Затем выступил капитан Алексей Головлев.

— Завтра рано утром мы высадимся в Николаеве. За этот украинский город будут биться представители многих национальностей. — Головлев переводил взгляд с одного десантника на другого, называл их по имени и фамилии: русских — Михаила Коновалова и Павла Артемова, украинцев — Григория Ковтуна и Владимира Кипенко, белорусов — Александра Лютого и Павла Вансецкого, татар — Михаила Хакимова и Акрена Хайрутдинова, азербайджанца Али-Ага-оглы Мамедова и аварца Ахмеда Абдулмеждинова, адыгейца Абубагар Чутца и других...

— Вы, маленькая горстка людей, представляете всю нашу страну. У каждого из нас за спиной огромная сила — Родина! Да разве такую силу можно одолеть? Нет, нельзя!

Снова поднялся майор Котанов:

— Если у кого хоть малейшее сомнение, неуверенность, скажите. Лучше признаться в этом сейчас, чем там, в десанте, понять, что ты непригоден для такого рискованного дела. А там каждый из вас будет отвечать не только за себя. В бою, в таком бою, ты должен чувствовать локоть стоящего рядом, надежный и верный.

Некоторое время в избе было тихо-тихо.

— Идем все! — произнес Валентин Ходырев.

— Все идем!!! — громко, единодушно поддержали моряки.

Наступили сумерки, и Ольшанский строем привел десантников на берег Южной Бухты. Боеприпасы уже были погружены в лодки. Началась и посадка бойцов. Вскоре подошли двенадцать армейских саперов, связистов. Их тоже разместили. Появился невысокий плотный паренек в ватнике, таких же брюках и в шапке-ушанке с немецким автоматом на шее. Назвался Андреем Андреевым. Сказал, что он из местных, отец — партизан — погиб.

— Я хорошо знаю Николаевский порт и могу быть проводником. Прошу принять.

Котанов обратился к Ольшанскому и Головлеву: «Ваше мнение?» Решили парня взять.

Теперь в отряде насчитывалось 68 бойцов.

У всех десантников, как и у пришедшего Андрея Андреева, — шапки-ушанки, ватные куртки и брюки, кирзовые сапоги. У каждого карабин или автомат, гранаты, ножи, саперные лопатки.

Котанов и Аряшев тепло попрощались с бойцами, обняли командира и замполита.

— В добрый путь, друзья!

Головлев занял место в средней лодке, Ольшанский в головной, потом он поменяется местами с Волошко, и тот пойдет первым, а лодка командира станет замыкающей.

Неприветливо встретил Южный Буг десантников. Боковые волны раскачивали перегруженные лодки, все они подтекали. Воду вычерпывали «подручными средствами». Обмундирование намокло, отчего лодки еще больше осели, каждое движение было сопряжено с риском, того и гляди зачерпнешь бортом воду...

Пройти предстояло 15 километров: половина пути по территории врага. Немцы не беспокоили, видно, были уверены, по реке русские не рискнут идти... Только один раз яркий луч прожектора ударил в небо и быстро переместился на воду, пробежал по волнам и опять улетел вверх. «За воздушное пространство боятся, — подумал Головлев. — Потому и шарят по облачному небу, ищут наши самолеты».

— Пронесло, — шепотом произнес Ходырев, сидевший рядом с замполитом.

— Пронесло, — тихо ответил Головлев.

Лодки относило в сторону, грести было трудно, «флотилия» продвигалась медленно. Все с облегчением вздохнули, когда по цепочке передали: приближаемся к Николаеву.

Вот он, долгожданный берег. «Как встретят нас?» — тревожился Головлев.

Десантники выгрузились. Ольшанский отправил разведку под командованием старшины 1-й статьи Юрия Лисицына. Ушли восемь человек и в их числе Андрей Андреев. Вскоре появился связной, он доложил: «Сняли немецкого часового и продолжаем продвигаться в направлении элеватора». Ушла еще одна группа разведчиков во главе с Бачуриным. За ней двинулся весь отряд.

Разведчики докладывали: в районе элеватора осмотрели двухэтажный кирпичный дом и отличный цементный сарай. Место, выбранное Лисицыным и Бачуриным, всем понравилось. Здесь Ольшанский решил занять круговую оборону.

Десантники расположились в цементном сарае и в бывшей конторе порта, а также в близлежащих строениях.

Командный пункт оборудовали в угловой комнате на втором этаже конторы. Александр Лютый установил рацию.

Ольшанский и Головлев из окон осматривали местность, намечали ориентиры в предстоящем бою.

Утро было холодное, пасмурное; сеял мелкий дождик со снегом. С Южного Буга дул пронизывающий ветер. Оба — и командир и замполит — были убеждены, что немцы придут к элеватору со стороны реки, где сняли троих часовых, там же остались и лодки.

Ольшанский приказал собрать в конторе всех десантников, за исключением охранения. Выслушав короткие доклады командиров групп, он предоставил слово замполиту.

— Товарищи! Перед тем как начать этот бой, мы с командиром решили, что все дадим клятву верности своему воинскому долгу

Отчизне. — Головлев достал из бокового кармана листок, стал читать: — Перед лицом своих товарищей по оружию, перед народом клянемся бить немецко-фашистских захватчиков, беспощадно мстить за страдания, муки, кровь советских людей, за разрушенные города и села.

— Клянемся! — первым произнес Головлев.

Все дружно:

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

— А теперь разойтись по боевым постам, — приказал Ольшанский. — Мы с капитаном Головлевым побываем у вас. Учтите: немцы нас вот-вот обнаружат. Будьте готовы к бою.

Ольшанский и Головлев вышли на улицу. Уже совсем рассвело. Они осмотрели позиции Юрия Лисицына, а затем Георгия Дермановского. Ольшанский посоветовал им разобрать пол, а досками укрепить стены, вырыть глубокие ячейки для укрытия во время обстрела.

Несколько дольше задержались у Бочковича. Его отделение насчитывало восемь бойцов. Эта очень важная огневая точка была надежна: двое дверей, несколько продолговатых окон, обращенных в сторону элеватора, в противоположной стене, направленной к городу, моряки проделали бойницы. Теперь можно было вести круговой обстрел. Стены цементного сарая вполне надежные. Немцы в сарае хранили тару: ящики, мешки, ведра.

Командир и замполит остались довольны.

— Хороша «крепость», будто построена для круговой обороны, — сказал Ольшанский. — И более надежная, чем наша контора. Настоящий дот. А вот это барахло быстро вынесите на улицу, а то если при обстреле загорятся — вас запросто могут поджарить. Да сложите аккуратненько, немцы порядок любят...

Появившуюся со стороны города подводу в конторе увидели многие. Прильнув к окнам, за ней наблюдали Ольшанский и Головлев, было ясно — подвода направляется в сторону порта. На телеге, свесив ноги, сидели два солдата с автоматами и о чем-то оживленно беседовали, смеялись. Подъехав к сараю Бочковича, подвода развернулась, и солдаты стали грузить ящики, сложенные у стенки. Внезапно из распахнувшейся двери выбежали трое бойцов, чтобы взять немцев, те бросились удирать в разные стороны, а лошадь шальным галопом помчалась к городу. Раздались выстрелы. Но одному фашисту удалось скрыться.

— Ротозеи, — недовольно произнес Ольшанский, продолжая наблюдать. — Из рук упустили. Сейчас он поднимет шум.

— А может, это и неплохо, — отозвался Головлев. — Наша задача вызвать огонь на себя.

И началось.

По дороге от Николаева спешили семеро гитлеровцев. Впереди с автоматом, указывая на цементный сарай, шел, кажется, тот, которому удалось сбежать. Рассредоточившись в цепь и взяв автоматы на изготовку, они стали приближаться... И тут грянули выстрелы. Все фашисты были убиты.

— Молодцы! — похвалил Головлев. — Сработали по-флотски.

— Для начала хорошо, — согласился Ольшанский.

Но вскоре на выстрелы явилось уже до взвода фашистов. Метров за двести они залегли и стали переползать, потом поднялись и, поливая из автоматов, устремились к сараю. Встреченные прицельным огнем моряков, потеряв десяток убитыми и ранеными, фашисты решили обойти его с флангов и тут попали под обстрел из огневых точек Лисицына и Дермановского. Они расстреливали врага почти в упор. Не многим фашистам удалось спастись.

Во время четвертой атаки в бой вступил и гарнизон конторы. Снова, неся потери, гитлеровцы отступили.

Воспользовавшись затишьем, Ольшанский и Головлев отправились на позиции десантников. У моряков отделения Бочковича настроение было просто отличное.

— И дальше так действуйте, товарищи, — сказал командир. — Еще раз напоминаю: стреляйте только прицельно, берегите патроны. Немцы постараются нас отсюда выкурить, а потому главные бои — впереди. Пока что вы с задачей справились неплохо.

Похвалил бойцов и замполит:

— Всыпали гадам по первое число! Молодцы! В следующий приход принесу Боевой листок. Только что выпустили. Там и о вас сказано. Вы первыми вступили в бой и открыли неплохой счет уничтоженных гитлеровцев.

Командир и замполит благополучно вернулись в контору...

Начались атаки, одна свирепее другой. Казалось, гитлеровцы решили смешать с землей и контору, и цементный сарай. Два дощатых сарайчика уже были разрушены, однако из развалин бойцы продолжали вести огонь. Артиллерия, минометы ни на минуту не прекращали обстрел. Против горстки советских десантников были направлены танки. Сначала две машины устремились на «крепость» Бочковича. Хакимов и Медведев один подбили из ПТР, второй отступил. Дважды танки пытались атаковать контору. Там создалась критическая обстановка — вот тут-то и обратился к Ольшанскому Ходырев. Ему осколком оторвало кисть руки, и бинт, прикрывавший жгут, еще не успел загрязниться. Танки, разбрасывая гусеницами комья земли, приближались.

— Разрешите их встретить? — попросил Ходырев.

— Это с одной-то рукой? — командир удивленно смотрел на матроса.

— Очень прошу, — настаивал Валентин. — Встречу гадов по-севастопольски.

«Ведь на смерть идет, — с болью в сердце думал Головлев. — А другого выхода нет. Да и разве его остановишь?»

Ольшанский взглянул на замполита, все понял, приблизился к Ходыреву, обнял его:

— Давай, Валентин...

Стоявший рядом Головлев прижал к себе моряка, обнял, поцеловал, помог снять ватник и гимнастерку. Тот остался в одной полосатой тельняшке. Товарищи прикрепили к его ремню две связки гранат, а третью Валентин взял в руку. Крикнул уже от двери:

— Прощайте! Помните меня! — и выбежал на улицу.

Головлев не отрывая взгляда смотрел, как Ходырев кинулся навстречу танку, бросил под гусеницы связку гранат, затем вторую и третью. Прогремело три взрыва, но и сам моряк неподвижно распластался на земле. (Впоследствии за этот подвиг Валентин Ходырев был навечно зачислен в экипаж своего корабля.)

Когда чуть-чуть затихло, десантники подобрали тело смельчака, принесли и положили рядом с другими погибшими бойцами.

Потеряв танк, гитлеровцы на какое-то время прекратили свои атаки. Воспользовавшись передышкой, Ольшанский с Головлевым обошли боевые посты, подбодрили людей, которых оставалось все меньше и меньше. Головлев и сам с трудом передвигался после контузии.

Неожиданно дом потряс взрыв крупнокалиберного снаряда, за ним ударил второй. В маленькой комнатке конторы, где находились Ольшанский, Головлев и Волошко, рухнула переборка, засыпав обломками всех троих. Прибежавшие на помощь десантники откопали командиров.

— Спасибо, братишки! — сказал Ольшанский.

Грянул новый взрыв. Повалился Чумаченко — осколок пробил ему живот. Головлев с Волошко и санитаром Акреном Хайрутдиновым подняли и перенесли раненого в подвал. Придя в себя, Чумаченко поднялся.

— Пойду к ребятам, трудно им.

— Обопрись на меня, — предложил Головлев. — Держись крепче...

Чумаченко занял место у окна и начал бить из автомата по наседавшим фашистам...

Прошел тяжелый, кровавый день. Атаки гитлеровцев не утихли и с наступлением сумерек. Командира и замполита сильно беспокоила группа Бочковича.

— Пойду к ним, — сказал Головлев. — Сарай беспрерывно атакуют, трудно ребятам.

— Иди, Алексей, только аккуратней. Мы тебя прикроем, — сказал Ольшанский.

Ползком, короткими перебежками Головлев преодолел стометровое расстояние. Казалось, земля вокруг вздыбилась от воронок и рытвин, оставленных гусеницами танков.

«В сарае появился замполит, мы все обрадовались, — вспоминает участник боя Николай Медведев. — Как он пробрался? Лицо почернело, одни глаза блестели; фуфайка в грязи, местами прогорела, из дыр торчали клочья ваты».

— Живы, герои? — еле переводя дыхание, спросил Головлев.

— Лупим фашистов, — ответил Хакимов.

— Видел, видел. Валяются трупы у вашей крепости...

— И нам достается, — сказал Бочкович. — Убит пулеметчик Прокофьев, есть раненые, контуженные. Но мы стоим и будем стоять насмерть.

Головлев сообщил о боевых делах «конторской» группы, о подвиге Валентина Ходырева, сказал, что Юрий Лисицын отправлен с донесением в штаб армии, так как рация вышла из строя и связи с Большой землей нет. Узнав, что в группе Бочковича кончается боезапас, замполит обещал, что патроны и гранаты будут доставлены. Высыпав из карманов все, что имел, сказал:

— Каждая пуля должна лететь в цель. Вам не надо объяснять, как сложна обстановка. Деретесь вы отважно. Командир и все мы довольны вами. Спасибо, дорогие, от имени Родины. Наши приближаются к Николаеву. А пока — держитесь!..

Головлев выскочил из сарая. И тут его ранило в ногу. Посланный к Бочковичу с боезапасом солдат-сапер недалеко от конторы был убит. Что делать? Головлев переживал, что не выполнил своего обещания. Хотя и понимал, что нельзя посылать бойцов на верную смерть. «Может быть, позже сам проскочу», — думал замполит, бинтуя рану.

...Кончалась ночь, и наступил второй день этого неравного боя. Все ближе подползали фашисты к конторе и сараю, а в них летели гранаты, пули...

Десантники отражали атаки, стояли насмерть. Они выполняли приказ — отвлечь на себя силы противника, как можно больше уничтожить вражеских солдат и офицеров, держаться до прихода частей Красной Армии.

Руководить боем становилось все труднее, связи с отдельными позициями уже не было. Здания почти разрушены.

Едва стоял на ногах начальник штаба Волошко. Трижды раненный Головлев тем не менее, собрав последние силы, успевал побывать всюду. В конце дня замполита ранило в четвертый раз. «Неужели конец?» Придерживаясь за стенку, он передвигался от одного бойца к другому, повторяя:

— Надо держаться, друзья. Наши уже близко. Не ослабляйте огонь! Осталось недолго. Наступление началось. Слышите, ухает на-

ша артиллерия...— И, как бы наткнувшись на невидимую преграду, упал, успев позвать: — Ольшанский! Волошко!

Двух шагов не дошел до замполита Волошко, вражеская пуля сразила и его.

Из офицеров в живых остался один Ольшанский.

Утром 28 марта 1944 года в порт ворвались краснофлотцы и красноармейцы. Живыми они застали лишь двенадцать израненных десантников...

Что же произошло в конторе после гибели замполита Алексея Головлева?

Об этом рассказал — Кузьма Шпак:

— Гитлеровцы предложили нам сдаться, обещали сохранить жизнь. Мы ответили автоматными очередями. Тогда фашисты забросали нас дымовыми шашками, начиненными каким-то ядовитым веществом. Мы стали задыхаться, появилась сонливость...

Иван Удод:

— Не было сил бороться со сном. Задыхаясь от кашля, я отполз к краю пролома в стене, глотнул свежего воздуха и почувствовал себя лучше.

Николай Щербаков:

— Я слышал, как Ольшанский кричал: «Не засыпайте! Не засыпайте, ребята! К окнам ползите!» Но к окнам и проломам немцы не допускали, беспрерывно били из пулеметов и автоматов. Как только Ольшанский приблизился к окну, его сразила пуля. Я подполз к нему, но командир был уже мертв. Они лежали рядом — командир Ольшанский и замполит Головлев. Их и смерть не разлучила.

Кузьма Шпак:

— Началось самое страшное. Мы все были отравлены и не могли передвигаться. Фашисты стали бить из огнеметов. Раньше отравили, потом, чтобы замести следы, заживо жгли нас. Они мстили за нанесенный им урон...

А урон советские десантники нанесли фашистам немалый: отразив 18 атак, уничтожили семьсот солдат и офицеров, на каждого по десятку, вызвали настоящий переполох у врага. «Командование Николаевского гарнизона было весьма обеспокоено тем, что за короткий срок был разгромлен целый батальон, — говорил на допросе пленный обер-лейтенант Рудольф Шварц. — Нам было непонятно, каким образом крупные силы русских проникли на территорию порта».

Вначале немецкое командование предполагало, что в порту появилась группа партизан и с ней они покончат быстро, но когда узнали, что порт захватили моряки, основательно переполошились. Комендант Николаева Борман был вне себя: ему казалось, что русских десантников несметное количество. Командующий 6-й ар-

мией генерал-полковник Холлидт требовал от коменданта во что бы то ни стало очистить порт, если надо, вызвать с фронта войска, а также артиллерию. «Сожгите их из огнеметов!» — приказал Холлидт.

Этот варварский приказ Борман и пытался выполнить...

Родина высоко оценила бессмертный подвиг своих сыновей: всем шестидесяти семи участникам десанта присвоено звание Героя Советского Союза. Шестьдесят восьмому, самому молодому — Андрею Андрееву это звание было присвоено в день 20-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией.

Сейчас в живых осталось шесть десантников Героев Советского Союза. Трое из них — Юрий Егорович Лисицын, Николай Яковлевич Медведев, Ефим Митрофанович Павлов — живут в Москве и Подмосковье, Никита Андреевич Гребенюк — в Николаеве, Михаил Кабирович Хакимов — в Казани, Николай Митрофанович Щербаков — в Ростове-на-Дону. Все они почетные граждане города Николаева. Здесь они собираются ежегодно в день Победы — 9 мая и в день освобождения Николаева — 28 марта.

Благодарные николаевцы в 1947 году воздвигли героям-десантникам памятник (по проекту скульптора Измалкова, в годы войны моряка Черноморского флота). На высоком пьедестале среди группы моряков, отражающих очередную вражескую атаку, — рядом замполит капитан Алексей Федорович Головлев и старший лейтенант Константин Федорович Ольшанский. На мраморных плитах, где горит Вечный огонь, их имена тоже рядом. В музее Славы, на первом этаже конторы порта, где десантники бились насмерть, выставлены портреты 68 героев. Портреты Головлева и Ольшанского рядом и здесь.

Юний
ГОЛЬДМАН

ВИКТОР НИКИТИН, ДВАЖДЫ БОЕЦ

В начале нового года Никитиным пришло письмо. «Второй раз приношу»,— посетовала женщина-почтальон. «Бросили бы в ящик — куда оно денется?» — отозвался хозяин квартиры. «Ага... Бросила бы... Да мне без росписи его никак нельзя оставлять. Видите, что за конверт? Правительственное. Из Будапешта...» «Вот как,— со смутной догадкой сказал Виктор Никифорович.— Ну давайте распишусь...»

Письмо было от Яноша Кадара — ответ на новогодние поздравления, которые Никитин послал в Венгрию. Послал, впрочем, не очень-то и рассчитывая на ответ: просто хотелось на пороге Нового года высказать какие-то добрые слова людям этой страны, с которой много лет назад пересеклась его военная судьба. Да и уверенности не было: дойдет ли его письмо до адресата. Оказалось, дошло.

«Дорогой товарищ Никитин! — прочел старый солдат.— От всего сердца благодарю за добрые новогодние пожелания и искренне отвечаю взаимностью...

Я хотел бы выразить в связи с этим, что венгерский народ, строящий социализм, с непреходящей благодарностью думает о тех советских героях, которые ценою своей крови, своей жизни освободили Венгрию, открыли перед ней путь новой жизни.

Пользуясь представившейся возможностью, желаю Вам в Новом году здоровья, успехов, счастья.

С сердечным приветом — Янош Кадар».

Никитин перечитал: «...о тех советских героях». А они, вспомнил Виктор Никифорович, и не считали себя героями — были просто бойцами...

Впрочем, как-то его назвали: дважды боец.

Это случилось весной сорок второго. Он тогда оказался в городе Орджоникидзе: сюда из Ростова эвакуировался железнодорожный техникум, в котором Никитин учился. Здесь, уже по программе военного времени, Виктор закончил последний курс. Их, новоиспеченных путейцев, в армию не брали: бронь. А Никитина взяли.

Рослый парень со значками ГТО и «Ворошиловский стрелок» на широкой груди шагнул в кабинет военкома:

— Разрешите? Никитин...

— Где повестка?

— Я добровольно,— решительно сказал Виктор.

Военком, кряжистый капитан с красными от бессонницы глазами, наморщил лоб, переспросил:

— Никитин?

— Ага...

— Не из желдортехникума? Комсорг?

— Точно...

— Ну на ловца и зверь бежит. Я тебе повестку час назад послал. Политбойцов набираем...

— А это что за должность? — настороженно спросил Виктор. Когда-то отец ему рассказывал, как еще в двадцатые годы, в молодости, обучал он грамоте красноармейцев, читал им газеты. И теперь Виктор представил себя почему-то не с оружием в руках, а с пачкой газет под мышкой.

— Что за должность, интересуешься? Политбоец — это, считай, солдатский комиссар. Не по должности. По долгу. Понял? — спросил военком. Уловив, что Никитин полной ясности не имеет, разъяснил: — Политбойцы — это коммунисты и комсомольцы. Те же красноармейцы. Но ведущие за собой остальных. Получается: дважды бойцы. Уразумел?..

— Начинаю понимать,— улыбнулся Виктор.

— На вот, прочти «Правду»,— капитан протянул Никитину газету,— я там карандашом подчеркнул. Давай вслух...

Виктор прочел: «Политбоец — это цемент, скрепляющий воинов Красной Армии единой волей, единым устремлением победить врага... Политбоец ведет за собой беспартийных...»

— Вот и веди. Но для этого надо самому настоящим бойцом стать. Слово, оно силу имеет, когда за ним дело. А иначе один треп получается. Уразумел?..

Война учит быстро, у нее свой счет времени. Фронтовой год к трем приравнивается, из такого расчета выслугу лет начисляют. А тогда, в сорок втором, иная была арифметика: за минуты целую жизнь проживал — и прощался с нею, и воскресал для нового боя.

Тем летним днем солнце стояло высоко в небе, и двух «мессеров», зашедших как раз «от солнца», никто из колонны новобранцев не заметил, а когда самолеты провыли на бреющем, стуча в упор из пулеметов, лейтенант, старший колонны, только и успел крикнуть: «В кюветы — ложись!»

Никитин в два прыжка достиг кювета да еще успел силой дернуть за рукав оторопевшего от неожиданности бойца, ста-

щить его за собой в придорожную канаву. Через несколько минут самолеты зашли снова, и лейтенант, уже овладев обстановкой, скомандовал: «По самолетам, залпом — огонь!» Винтовочные выстрелы прогремели, однако, недружно, вразнобой, ущерба «мессерам» не причинив. Никитин подосадовал на себя: вроде бы целился с упреждением, а толку — чуть. Надо же — ворошиловский стрелок! Хотел было сделать замечание тому незадачливому солдатику — палил в белый свет как в копеечку, даже глаза закрыл,— но... промолчал: сам-то, политбоец, пока еще ничего заметного и не сделал. Верно военком говорил, тот, из Орджоникидзе,— слово немного стоит, когда за ним примера нет...

А пример все же красноармеец Никитин показал. Точнее, не красноармеец, а краснофлотец. Да, в то лето сорок второго года под Сталинградом стал он неожиданно... моряком. Правда, сухопутным, но в тельняшке, в бескозырке. Впрочем, ни брюк-клеш, ни бушлата, просоленного морскими брызгами, продутого муссонами да пассатами, на нем не было,— ходил в пехотной шинелишке (так и не подобрал ему одежду по росту ротный старшина, из настоящих флотских, главстаршина Бувалко). «Надо же, вымахал метр девяносто. Замучаешься окоп себе копать. То ли дело на палубе»,— ворчал морской волк.

Их немало было в роте, настоящих моряков, лихих ребят с боевых кораблей да с речфлота. «Бушлат я тебе со временем выдам. И даже клеш получишь. Но главное — в другом. Душа морская — главное. Что есть морская душа? — голосом наставника вопрошал Бувалко. — Первое — верность Военно-морскому флагу. Второе — храбрость. Третье — уменье». Потом неожиданно спросил: «Где служишь? Знаешь?» — «В сто пятьдесят четвертой морской стрелковой бригаде». «И все?» — в голосе Бувалко звучала досада. «И все»,— неуверенно ответил Виктор. «Нет, краснофлотец Никитин, не видать тебе бушлата как своих ушей. Исключительно. И бескозырку отберу. И тельняшку. Соответственно...» «Это почему же?» — с улыбкой поинтересовался Никитин, уже догадываясь, что угроза старшины — лишь повод для нового поворота в беседе. «Ну вот, салага, слушай сюда, как говорят у нас в Одессе. Сто пятьдесят четыре — это номер. Цифры. И все, как ты сказал. Не более. А есть у нас история. Боевая. Исключительно...»

И он рассказал, как в начале войны с флотов и флотилий тысячи наших ребят (он так и сказал: «наших ребят») были направлены на сухопутные фронты, а потом вышло постановление Государственного Комитета Обороны — сформировать морские бригады, и в том числе их родную, «непромокаемую, непросыхаемую», прошедшую строем 7 ноября 1941 года перед Мавзо-

леем, воевавшую под Москвой, понесшую большие потери. «Какие ребята были! — сказал Бувалко, умолк и снял на миг фуражку с «крабом». Никитин снял бескозырку.— Теперь вот пополнились такими, как ты, и здесь, под Сталинградом, держим оборону. Понял, что за бригада?» — «Понял».— «А что за люди в роте — знаешь?» — «Хорошие люди».— «Верно. Обрати внимание: коммунисты и комсомольцы. Исключительно... Значит, и надежда на нас у командиров особая. На меня. На тебя».

Никитин потом не раз ловил себя на мысли: «Чем же он берет за душу, этот старшина из довоенных сверхсрочников? Вроде бы и образования особого нет, до его, никитинского, среднетехнического, не дотягивает. А вот находит нужные слова, краснофлотцы льнут к нему, хоть по службе с них спрашивает строго».

Кто-то в роте рассказывал, будто Бувалко по партийной мобилизации колхозы организовывал, в раскулачивании участвовал, в него из обрезов палили, подстерегали у глухого овина. А он, не боясь, нес людям слова правды. И сейчас несет. Где ж берет он такие слова — порой жесткие, но всегда откровенные, вселяющие в человека веру?

На той неделе проходили через хутор (три хаты, и названия-то Никитин не упомнил), там дед, старый-престарый, спросил Виктора: «Долго, сынок, пятиться будете? Вон ты здоровый какой вымахал, а кишка, выходит, тонка...» Не нашелся Никитин, что ответить, промолчал, а Бувалко сказал: «Верно, батя. А слушать больно. Все — дальше ни шагу не шагнем. Тут, в сталинградских степях, будет фашисту карачун. Увидишь». «Ну дай-то бог дожить»,— отозвался дед с недоверием.

Вот и стоят они, морские пехотинцы, на степном рубеже. И Никитин вместе с ними. Еще недавно студент, комсорг курса. Ныне боец.

Вчера в контратаку ходили. Ротный и не командовал: «Каски снять». Только приметил Никитин: натягивают ребята бескозырки, ленточки у подбородка завязывают. Молодцы, подумал про себя. Прошлый раз один из молодых ленточки зажал зубами, а когда кричал: «Ура! Полундра!» — потерял бескозырку. Позорище... А Виктор высмотрел, как старослужащие поступают, завязал у подбородка, чтобы не уронить в бою.

Главное же — честь свою не уронил. Когда маханул через бруствер, впереди всех оказался. Потом Голышкин, невысокий пехотинец, сказал ему: «У тебя, Витя, один шаг — целая сажень. Разве поспеешь?» Ничего не ответил Никитин, лишь подумал: «Да будь я с тебя ростом,— все равно вперед вырвался бы. Что за политбоец — сзади топать?»

Не выдержали немцы удара моряков, отхлынули. Одного из

них достал Никитин в рукопашной, саданул прикладом автомата, а за мгновение до падения заорал фашист дурным голосом: «Шварце тодт!» — мол, черная смерть. Да поздно крикнул...

К вечеру в роту пришел старший лейтенант из штаба бригады. Собственно, пришел — не то слово: добирался ползком, перебежками. Оказалось, комсомольский работник. Поинтересовался: «Как тут моя комсомолия действует?» «Как и предписано присягой и Боевым уставом пехоты»,— ответил командир роты. «А пополнение — не того?..» «Пополнение, старлей, будь спокоен. Один особо отличился. Из политбойцов. Видишь, вон в траншее автомат чистит? Краснофлотец Никитин! — окликнул ротный.— Ко мне!» — «Есть!»

Подошел Никитин. Представился. Старший лейтенант из бригады — сразу же поручение: «Сейчас главная опасность — танки. Даже не танки — танкобоязнь. Вот и разъясняйте бойцам, что не так он страшен, как его малюют. Бутылка с горючкой в моторную группу, и конец фашисту. Уяснили задачу? Действуйте».— «Есть!»

Как в воду глядел комсомольский начальник: наутро пошли танки. Камуфлированная в тусклый серо-желтый фон, бронированная машина катилась прямо на окоп Никитина. Еще накануне Виктор забросал свежую землю сухой травой и сейчас не мог понять: прет ли на него потому, что не замечает, либо, наоборот, видит и хочет раздавить?

Никитин скосил глаза: его напарник по окопу шарил дрожащей рукой в подбрустверной нише, не мог нащупать противотанковую гранату. «Спокойно, Коля»,— сказал Никитин, успокаивая и себя. Тут же решил: «Еще пяток метров, и можно бросать бутылку»...

Она о металл у основания башни разбилась, маслянистая жидкость растеклась по броне, в тот же момент на гусеницу закапали огненные капли, вспыхнуло пламя, зачадило, и тогда напарник Никитина, уняв дрожь в руках, швырнул гранату прямо под траки...

Когда бой утих и перед линией обороны догорел танк, в траншее снова появился вчерашний старлей. «Ну как? — спросил у Никитина.— Поручение выполнил? Беседу провел?» «Не успел, товарищ старший лейтенант»,— хотел оправдаться Виктор. «А я считаю, что поручение выполнено. Подбитый танк — это и есть твоя солдатская политработа, товарищ Никитин»...

Через два дня на рассвете добрался до роты командир бригады полковник Смирнов. Сперва полагал построить роту в балке, оставив на местах сокращенный боевой расчет, потом передумал и сам прошел по траншее, вручая отличившимся награды. Никитину приколол на грудь медаль «За отвагу». Пожал

руку и спросил: «Первая?» — «Первая, товарищ полковник».— «Поздравляю. Уверен, что не последняя. Долгая еще война впереди...»

Верно предугадал под Сталинградом комбриг морской пехоты полковник Смирнов, говоря, что та медаль — не последняя. Ныне, когда надевает Виктор Никифорович пиджак с боевыми регалиями, юная поросль смотрит на них сияющими глазами. Шутка ли: «За отвагу» — две, да «За боевые заслуги», да орденов пять — Красного Знамени, два Отечественной войны, 1-й и 2-й степени, два Красной Звезды. А по другим медалям — хоть историю войны изучай, сразу ясно, где воевал политбоец: Сталинград, Кавказ, Будапешт...

А вот когда спрашивают, какой бой самый памятный, какое воспоминание самое дорогое,— не может ответить коммунист Никитин. Хочет сказать: сталинградские бои, это же их, 64-я армия, впоследствии 7-я гвардейская, участвовала в окружении группировки немецко-фашистских войск...

А может, бой на Украине — тот самый, о котором написал фронтовой поэт: «А кто сказал: в Правобережье шлях был отдыхом в салютах и наградах? Мы пушки протащили на руках, и каждый нес еще по два снаряда...» Верно заметил поэт! И салюты были, и награды, но больше запомнился кровью и потом политый солдатский путь: огнем обжигало Виктора Никитина, осколками метило, землей засыпало — шесть раз ранило да контузило. А в тот день...

В каком-то селе пришло распоряжение — батальону отдых. Ровно сутки. Пополнить личный состав, дополучить боеприпасы, помыться в бане, посмотреть концерт армейского ансамбля песни и пляски. Ах, что это был за концерт! Никитин поглядывал на своих бойцов (тогда он уже был помощником командира взвода) и думал: какая же сила содержится в песне, если так преображает бойца, будит в его душе родное, сокровенное! В том селе, на Украине, еще не полностью освобожденной, лучшей была «Песня о Днепре». Текст ее напечатала солдатская газета. Единственный экземпляр Никитин сохранил, не дал на раскурку, более того, разучил в своем взводе. В редкие минуты привалов бросал: «Федоренко! Ну-ка, для поднятия духа. О Днепре. А мы поддержим...»

Там, на Украине, пришлось сержанту Никитину заменить в бою взводного. Было так. Их взвод атаковал противника. Виктор выскочил из траншеи вслед за лейтенантом. Догнал его, когда неподалеку рванула мина. Горячая волна ударила в лицо, заложило уши. Однако понял: жив! И тут же увидел: валится лейтенант наземь. Остановились бойцы, подбежала к лейтенанту девчонка — санинструктор. Упал еще один боец. Виктору

вспомнилось усвоенное еще под Сталинградом: из-под огня выходить броском вперед. Крикнул, не слыша своего голоса: «За мной!» Так и не понял: крикнул или прошептал? Но увидел: бегут за ним солдаты. Значит, услышали. Значит, и оглушенный, он в строю — глаза видят, в руках автомат подрагивает от частых очередей.

Столько лет прошло, а не померкло в памяти, не забылось...

А может, самое памятное, когда к государственной границе вышли? Исторический момент! Вроде бы ты тот же, что и был раньше, но в чем-то .уже не такой: в другую страну входишь. Европу от Гитлера идешь освобождать...

Виктор Никифорович вспоминает: много тогда солдатских разговоров было. С одним бойцом, помнится, сложное собеседование вышло. Перед форсированием Прута сидели в овраге, перекуривали, судачили о том о сем. А больше — о границе. Тогда и сказал тот солдатик, Васек, растирая окурок каблуком:

— Вот приду заграницу,— всем отомщу, за все рассчитаюсь...

— С кем? — спросил Никитин.

— Ну, с кем... С немцами. С румынами...— Уловил вопросительный взгляд сержанта, уточнил: — А чего с ними чикаться? Они у нас не церемонились.

— Значит, я тебя понял так: приходишь «заграницу» и начинаешь рассчитываться?

— Ага,— чуть сбавил тон оппонент Никитина.

— Неужто со всеми подряд? И как это будет выглядеть? Объясни-ка.

— Ну, сперва с фашистами. Потом с ихними богатеями. Как они там называются?

— Допустим, бояре.

— Вот-вот...

— С фашистами — здесь ясно. Ждать недолго: форсирование начнется — тут и действуй. Решительно и смело. Автомат почистил?

— Почистил.

— Ну-ка, покажи. Так. Годится. Запасные диски есть?

— Есть. Два.

— Молодец. А как с богатеями будешь поступать? — Никитин вернулся к теме.— Да и как ты узнаешь: богатей или нет?

— Расспрошу у населения...

— Ты и по-румынски шпрехаешь? Надо же... Ну а если серьезно, то запомни: враг для нас только тот, кто с оружием. С мирным населением не воюем. С безоружными тоже. Границу перейдем — какая наша задача? Разгромить фашистов. Мы

не завоеватели, а освободители, защитники трудового народа. Так прямо и сказано в Заявлении Советского правительства. И в постановлении Государственного Комитета Обороны все подробно расписано. Отсюда и линия нашего с тобой поведения за рубежом. Что же касается богатеев да прихлебателей фашистских, — тамошний народ сам разберется. Вопросы есть?

— Нет.

— Ну тогда запомни два слова по-румынски: буна зива. Пригодится.

— А это что?

— Добрый день. Одним словом, здравствуйте!

...Теперь вспоминает эти беседы Виктор Никифорович, коммунист с сорокалетним стажем, думает: азы разъяснял. А куда без тех азов? Пополнение пришло — считай, каждый третий в оккупации больше двух лет пробыл. Насмотрелись на фашистские зверства, к тому же военного опыта никакого. Значит, и внимания таким солдатам больше — научи, объясни, убеди... Никитин и учил, и объяснял, и убеждал. И по долгу: так и оставался политбойцом. И по должности: выбыл из строя его лейтенант, Никитина поставили на взвод, присвоили звание старшины, теперь он за все в ответе.

Перед вступлением в Венгрию собрало командование парторгов, комсоргов, политбойцов, агитаторов — из рядового и сержантского состава. Представили капитана, венгра по национальности, оказалось, из политэмигрантов, до войны жил в Москве, дружил с Матэ Залкой, знал Михаила Кольцова, знал известных советских летчиков, сказал: «Приходилось вместе работать». Уточнять не стал, но Никитин догадался: наверно, в Испании воевал. Тогда еще подумалось: «Человек за свободу другого народа сражался. Бок о бок с испанцами, русскими, французами. А теперь мы идем освобождать венгерский народ...»

Тот черноволосый капитан-венгр даже стихи прочел, Шандора Петефи. Многие впервые услышали это имя, но капитан объяснил: «У нас Петефи, как у вас Пушкин. Даже имя одинаковое — Александр. По-венгерски — Шандор». Стихи Никитин запомнил, всего строчку: «Венгерец жив! Жива еще Отчизна...», но смысл глубоко в душу запал: получается, пока жив человек,— жива в нем его Родина. А еще капитан сказал: «Советский Союз — родина всех угнетенных в мире». И, наверно по привычке, поднял у плеча руку, сжатую в кулак...

Когда вернулся Никитин во взвод, рассказал солдатам, что за страна Венгрия, про Венгерскую Советскую республику, которая просуществовала всего 133 дня: «Это в девятнадцатом году случилось, не могли мы им тогда помочь: сил было мало, нас интервенты да белогвардейцы одолевали, хотели за-

душить молодую Советскую власть. Теперь мы поможем венграм новую жизнь устроить — без капиталистов, без угнетателей!»

Ефрейтор Черных, из сибиряков, вступил в беседу, сказал, что у них в Омске в гражданскую войну оказалось немало венгров, их называли «красные мадьяры», они в нашей армии с беляками воевали. «Точно,— подтвердил старшина и добавил: — Владимир Ильич Ленин всегда поддерживал венгерских интернационалистов, со многими был знаком лично. А ты, Черных, может, и земляков за Дунаем отыщешь»...

Здесь, в Венгрии, Никитин поневоле сравнивал увиденное с тем, что помнил, что знал дома, и не мог привыкнуть к чересполосице, к лоскутикам земли, к тому, что даже на командирской карте, которую доставал из планшетки, значилось: «господский двор». Что еще за господа?..

В одном таком дворе от старика толмача, говорившего на какой-то смеси из русских, немецких, венгерских и словацких слов, узнал, что хозяин тут сроду и не бывал — жил то в Будапеште, то в Вене; в добротном же доме обитал управляющий, а они, батраки с семьями,— в жалких халупах. «Вот и переселяйтесь в этот дом»,— предложил Никитин, но мадьяр испуганно замотал головой: нэм лэгэт — нельзя, мол. «Товарищ старшина, а вы им прикажите»,— посоветовал рядовой Морозов. «Ох, и быстрый же ты. Прикажите... Переселиться бы мы им помогли в полчаса. А вот как психологию рабскую сломать? Как убедить их, что никаких господ быть не должно, что ныне времена настают, когда...» — Никитин задумался, а солдат неожиданно продолжил: — «Когда владыкой мира будет труд...» — «Ну, Морозов! — обрадовался старшина.— Правильно мыслишь. Соображаешь, что к чему. А то — прикажите»...

Бои за Будапешт шли долгие, изнурительные. Это спустя годы узнает Никитин подробности Будапештской операции: каков был стратегический замысел, да какая армия где действовала... А тогда, во взводе, о многом ли ведал? Зато усвоил другое: главное, чтобы солдат знал свой маневр, чтобы настрой у бойцов был боевой, чтобы помнили они свою задачу, свою освободительную миссию.

Огромный город был окружен, но фашисты не сдавались. Взвод старшины Никитина оказался на ближних подступах к венгерской столице. В те последние дни сорок четвертого года похолодало, в окопах было зябко, слякотно. Как и обычно, старшина познакомил свой взвод с обстановкой. Спросил: «Вопросы есть?» «Есть, — отозвался тот самый Васек: — Что же получается, товарищ старшина? Будапешт окружен, а фашисты не сдаются? Как нас писатель товарищ Горький учил? Если враг не сдается, его уничтожают! Вот я и думаю: надо шарахнуть

из орудий да самолетов штук триста послать — сверху по немцам врезать...» — «О, я вижу ты, Васек, не только политик, но и стратег великий! А знаешь ли, что Будапешт — один из красивейших городов мира, что в нем выдающиеся памятники истории и культуры? А мирное население — забыл? Шарахнуть недолго. Уберечь надо город. Людей спасти»...

Оказалось, верно рассуждал старшина. Всю ночь и утром 29 декабря громкоговорители, установленные на переднем крае, почти у самых стен Будапешта, передавали на немецком и венгерском языках ультиматум, подписанный командующими 2-м и 3-м Украинскими фронтами и обращенный к командованию окруженной группировки, в котором говорилось о ненужности дальнейшего кровопролития в целях сохранения Будапешта, его населения, исторических ценностей, памятников культуры и искусства.

О том, как с двух сторон в расположение противника вошли два наших парламентера, как фашисты их подло убили, старшина Никитин в те дни не знал. 29 декабря он поднял свой взвод в атаку...

Это был последний бой коммуниста Виктора Никитина. Солдаты-санитары, подбиравшие раненых, не заметили в глубокой воронке запорошенное декабрьским снежком тело старшины. А на следующий день, обмороженного, с разбитой осколками головой, с искромсанными кистями рук, чудом еще живого, случайно подобрал его крестьянин-венгр. Отогрел в своем доме, обмыл раны, перевязал. Потом отвез в ближайший санбат, сдал старшину докторам. Назвался Яношем, но сколько впоследствии ни искал Виктор Никифорович своего спасителя — не нашел. Но Никитина, солдата-освободителя, в Венгрии помнят.

— ...Ну, давайте, распишусь,— и сжимая карандаш (не пальцами — нет их!) кистями обеих рук, будто вырисовывая, расписывается в получении письма из Венгрии: «Никитин». Политбоец. Коммунист. Воин-интернационалист.

Георгий
МИРОНОВ

Леонид
МИРОНОВ

МОСТ КРАСНОЙ АРМИИ

Командир бронекатера «БКА-243» лейтенант Валентин Николаев прошел, как говорится, огни и воды. С первых дней Великой Отечественной воевал в морской пехоте, в сорок третьем вернулся на флотилию. Своим маленьким бронекатером гордился по праву: что вооружение, что маневренность — и огневой бой может успешно вести и десанты высаживать. Обязанности свои лейтенант исполнял истово, самозабвенно, за что его любили и командиры и подчиненные. Поэтому никто не удивился, когда коммунисты отряда катеров выбрали Николаева членом партийного бюро.

До сих пор одной политработой заниматься ему не приходилось. Правда, лютой зимой сорок первого, под Москвой и Ржевом, еще командиром огневого взвода в батарее «сорокапяток» был молодой кандидат ВКП(б) агитатором в подразделении. Позднее в Сталинграде, когда убило политрука, Валентин, уже комбат, нес кроме командирских и обязанности политработника, пока не прислали нового. Поэтому, хотя и явилось неожиданностью назначение его замполитом, или, как было сказано, «комиссаром десанта» по захвату Имперского места через Дунай в самом центре Вены, принял сообщение спокойно. Все же за плечами была целая война, которую прошел коммунистом; был и определенный опыт политработы.

Утром 11 апреля в штаб 2-й Сулинской бригады речных кораблей прибыла группа офицеров — общевойсковиков и моряков — из штабов 3-го Украинского фронта и Дунайской флотилии для согласования совместных действий. Было решено срочно высадить десант, и сделать это предстояло их отряду.

Поставленную десанту задачу командир отряда бронекатеров старший лейтенант Семен Клоповский излагал четко: требуется не только вырвать из рук врага прекрасную переправу, но и сохранить Рейхсбрюкке — Имперский мост, единственный уцелевший из пяти соединявших Вену с левобережным Хинтерландом. Нет сомнения, фашисты подготовили его к взрыву.

После командира говорил Николаев, он закончил свою краткую речь так:

— Боевая задача, ее военное значение всем ясны. Скажу о высокой идейной и культурной миссии советских солдат в Европе, освобождаемой нами от фашизма. Кому как не нам, воинам страны социализма, спасать и этот красавец мост. Спасать так же самоотверженно и бескорыстно, как и многие другие уникальные памятники зодчества в Бухаресте, Софии, Белграде, Вене... Необходимо довести до людей как значение предстоящей операции для освобождения Вены, так и ответственность каждого экипажа, понимание каждым бойцом высокого доверия, оказанного нашему отряду командованием. Курс на Вену, на этот мост — это курс всей Дунайской флотилии на Победу, к которой мы шли долгих почти четыре года!

Главным козырем в плане десанта была внезапность. Было учтено, что впереди не понтонный мост, как, например, в Комарно, а широченный капитальный переход на могучих опорах: высокий гигант из гранита, металла, железобетона! И все же успешно осуществленный комарнинский замысел лег в основу решения теперешней задачи. Что в обоих планах общего? Стремление высадить десант одновременно на оба берега реки. Два бронекатера с десантом на борту должны на полной скорости прорваться к Рейхсбрюкке. По бокам и сзади идут три других катера, которые, маневрируя, артиллерийским и пулеметным огнем прикроют оба судна с десантом, вызовут огонь противника на себя. Молниеносный удар по неожидающему противнику. Захват моста, предупреждение его подрыва и удержание при попытках контратак. И все это днем, на глазах у врага...

Да, задача крайне трудная, но выполнимая. Залог успеха операции комиссар видел в высоком боевом настрое каждого моряка. Николаев верил в этот смелый план, верил в то, что моряки с трудной задачей справятся. Ведь подавляющее большинство личного состава всех пяти «БКА» — коммунисты и комсомольцы. Это люди отваги и опыта. С такими любая боевая задача по плечу. Так и сказал он командиру десанта. Хоть и уверенный в себе офицер Семен Клоповский, но какому командиру в ответственную минуту окажется лишним такое заверение, помощь комиссара?!

Без проволочек начали посадку. На палубы бронекатеров поднялась усиленная стрелковая рота капитана Пилосяна из 80-й гвардейской дивизии. Солдаты вооружены отлично: у всех автоматы, с десяток ручных пулеметов, здесь же расчеты противотанковых ружей (ПТР) и даже две 45-миллиметровые пушки. Воевать можно!

Вот и желанная радиограмма: «Командующий флотилией разрешает выход бронекатеров для выполнения боевого задания».

Мысли всех — и моряков и пехотинцев — устремлены туда, где окутанная пеленой дыма и огня простиралась лишь из книг и довоенных кинофильмов известная всем Вена. В городе шли тяжелые уличные бои. Десант должен облегчить штурм австрийской столицы, приблизить ее освобождение.

Николаев вышел на палубу и с одобрительной улыбкой наблюдал за энергичными действиями командира роты Пилосяна, размещавшего по местам своих бойцов.

— Товарищ капитан, можно вас на минутку? — обратился он к командиру роты.

— Гвардии капитан,— усмехнулся в усы пехотинец.— Слушаю вас внимательно.

— Вы коммунист?

— Да, а что?! — отвечал слегка удивленный подобным вопросом ротный. — Член большевистской партии еще с Курской дуги. А в чем дело, товарищ лейтенант?

— Я командир этого катера, а сейчас, волею судьбы, исполняю обязанности замполита десанта, — продолжал Николаев. — Так вот, у меня такое предложение: а не провести ли нам совместное открытое партийное собрание? Задание у нас очень ответственное, повестка дня общая... Как считаете?

— А что, верная мысль! — отозвался капитан.— Два вопроса: первый, где собираемся? Второй, как тебя зовут, друг?

— Зовут Валентином.

— Я — Армен. С какого ты года, Валя?

— С двадцать первого, родился осенью, в сентябре. Соберемся вон там, возле снарядных ящиков. Я приведу своих.

— Надо же! Так и я с двадцать первого! И тоже осенний — ноябрьский! Мои бойцы мигом будут на месте. Сообщение как замполит сделаешь ты?

— Хорошо. А ты от имени своих подготовь боевое обещание. Долго говорить не будем. Надо коротко и ясно.

— Точно, лейтенант. Взять мост, отрезать немцев от другого берега Дуная, чтоб наши могли потом разгромить каждую группировку по отдельности.

— Широко мыслишь, Армен, это уже забота высшего командования.

— Но мы с тобой тоже не пешки! В общем, держи руку.

— Договорились, друг!

Кто воевал — знает: каким дорогим, каким обязывающим, сплачивающим было в Великую Отечественную слово «друг».

Подошли деловито-строгие, сосредоточенные моряки — матросы, старшины, офицеры; гремя сапогами, шурша плащ-палатками, решительно прошли за своим ротным пехотинцы, схожие в одежде, повадках, не вдруг отличишь, кто рядовой, кто командир.

Замполит десанта даже слегка оробел: все же непривычно выступать не только перед своими. Откашлялся, произнес напряженным голосом:

— Товарищи коммунисты, комсомольцы и беспартийные — пехотинцы, моряки! Мы должны совместно решить трудную, но почетную задачу...

Говорил кратко, держался собранно, строго, но не сурово: все же огромная война была за плечами этих парней с Волги, из Сибири, Армении, с Украины. И вот теперь предстояло драться на ее завершающем этапе и не где-нибудь, а в центре Европы, за когда-то далекую, сказочную Вену — и все понимали комиссара: желанная Победа уже рядом, еще один рывок, может, последний бой...

— Решение нашего собрания, думаю, будет единым: мост взять, сохранить и удержать, так, пехота?! — сверкнув веселыми карими глазами, спросил ротный. — А моряки нам помогут! Так что вперед, пехота!

— По кораблям,— точно эхо, откликнулся замполит Николаев.— Вперед, моряки!

Когда отошли, взяв курс на мост, Клоповский доложил комбригу: «Корабли вышли на боевой курс. Командир отряда». Но что это? Через три-четыре минуты получена радиограмма, данная открытым текстом: «Выход задержать. Ждать указаний». И побледневший командир повернулся в тесной рубке к Николаеву: «Что будем делать, комиссар?» Катера полным ходом неслись к цели...

— Самое простое,— уже вслух высказал тяжелые мысли Клоповский,— дать командирам катеров сигнал: «Операция отменяется, кораблям вернуться на базу». Но правильно ли это будет? Как отнесется к возвращению полковник из штаба фронта, ведь только что на набережной он категорически настаивал на скорейшем выполнении задания. Отряд сейчас в двойном подчинении — у командования бригады и оперативной группы фронта, возглавляемой этим полковником. Как поступили бы сами командир дивизиона, командир бригады, окажись они на нашем месте?

Все эти вопросы перед ними — командиром и замполитом, на них надо дать ответ, и немедленно. Катера-то несутся к мосту, кипит за кормой вода...

Николаев не растерялся, не ушел от ответа. Он понимал: командир отряда не колеблясь подал бы сигнал к возвращению, если бы в радиограмме из бригады стояли два четких, определенных по смыслу слова: «Операция отменяется». То же бы сделали, если б находились далеко от линии фронта, а не на подходе к позициям противника, ведь не исключено, что он уже наблюдает за бронекатерами и готовится к встрече их. Мыслит Николаев

уже не только как командир катера, но и как замполит ответственного десанта. Пусть будет атака теперь, а не позднее. Все-таки преимущества неожиданной атаки на нашей стороне, и оттого потери окажутся меньше, чем потом, когда противник будет ждать их. Теперь представим, что происходит на КП бригады? Наверняка командование, отдавая такое распоряжение, собирается усилить группу бронекатеров, ведь совсем операцию-то не отменят! Но как бы она ни была усилена, инициативу боя может перехватить неприятель, и тогда любое усиление приведет лишь к увеличению потерь с нашей стороны. Главный козырь в любом, тем паче в дневном бою — внезапность и дерзость. Лишаться их мы не имеем права. Так учили всю жизнь — в училище, на войне. Так велит долг командиров и коммунистов.

— Вперед, комиссар? — спрашивает Клоповский.

— Только вперед, командир! — так же решительно отвечает Николаев. Он думает, что возвращаться уже поздно, а если и готовится усиление десанта, то их передовой отряд должен сыграть роль упреждающего удара и малой кровью обеспечить успех всей операции.

Да, они мыслят одинаково: их задерживают, чтобы усилить, другой причины нет. Значит, вперед!

Старший лейтенант Клоповский приказал послать радиограмму: «Выполняем задачу. Возвратиться не можем. Командир и замполит высадки».

И едва бронекатера прошли какую-нибудь сотню метров, как с разбитого моста Штадлаубрюкке и с насыпи понеслись в их сторону пулеметные и автоматные очереди. Да, командир и замполит были правы. Вторая радиограмма, посланная тоже открытым текстом, сообщала: «Бронекатера вступили в бой. Возвратиться не можем».

Клоповский и Николаев твердо знали: движение вперед приведет к победе, промедление с высадкой десанта чревато срывом операции. Сухопутные войска уже изготовились к штурму и ждут лишь высадки десанта. Значит, только вперед!

Радиограмм от комбрига больше не было.

Несутся бронекатера под мостом Штадлаубрюкке, а ружейно-пулеметный огонь все усиливается. Но катера не отвечают. Надо беречь боеприпасы и силы людей — то и другое через несколько минут ох как пригодится. Ведь настоящий бой впереди. А сейчас скорость, и только скорость.

Так и оказалось: едва катера прошли под одним из уцелевших пролетов Штадлаубрюкке, по ним был открыт ураганный артиллерийский огонь. Казалось, нет сантиметра пространства, не пронизанного свистящим и воющим свинцом. Вода в Дунае вздымалась от разрывов. Стена их надвинулась на бронекатера, и за

ней временами не было видно ближайшего корабля, хотя расстояние между ними не превышало 100—150 метров.

Огонь велся из всех видов оружия. Били артиллерия и минометы, танки и самоходные орудия, скорострельные зенитки и крупнокалиберные пулеметы. Трассы неслись отовсюду — с мостов Штадлаубрюкке и Рейхсбрюкке, из окон портовых сооружений и с судов, из железнодорожного эшелона, стоявшего в порту, из домов, расположенных на набережной, из-за дамбы Кайзермюлле. Вся мощь огня сконцентрировалась на небольшом пространстве, и неизвестно, что спасало моряков — скорость бронекатеров или нервозная торопливость врага, застигнутого врасплох, мешавшая ему точно прицелиться.

Товарищи расскажут потом, как реагировали наши солдаты, наблюдавшие с берега за прорывом бронекатеров.

— Куда ломятся эти отчаянные головы, — возбужденно обсуждали бойцы действия катерников, — побьют ведь всех до единого. Пехота остановилась, танки не идут, а морячки летят к черту на рога.

Откуда было знать тем солдатам, что стрелковые части задержаны как раз для того, чтобы раньше их решительного штурма был высажен в самое уязвимое для врага место десант. Да и само выражение «пехота остановилась» оказалось неточным. На двух катерах поместилась усиленная рота гвардейцев. Не знали солдаты, что вся артиллерия Берегового отряда сопровождения флотилии поддерживает те пять бронекатеров, а на помощь им командующий адмирал Холостяков спешно направил из Братиславы с десяток других катеров и, значит, они составляли только острие того клина, которому предстояло вспороть оборону врага в столице Австрии. Солдаты были правы в одном: все, что предназначалось противником пехоте и танкам, сейчас приняли на себя бронекатера.

Они летели мимо стреляющих орудий и танков, сотен гитлеровцев, которые метались по берегам, пытаясь остановить огнем прорыв катеров. Справа отчетливо виднелась Вена в дыму и огне, слева, за дамбой, пылали пригороды. Катера неслись, менялись отдельные кадры сражения, охватившего всю австрийскую столицу.

Командир и замполит в рубке: суровые и решительные, стоят плечо к плечу, словно спаянные воедино одной волей, одной боевой задачей. По их командам катера били из всего оружия: из пушек и крупнокалиберных пулеметов; гулко ухали противотанковые ружья, частили пулеметы и ППШ бойцов Пилосяна. Каждый бронекатер уподобился ощетинившемуся ежу. Только иглами были трассы огня. Пушки и пулеметы вели такой интенсивный огонь, что брызги воды, попадавшие на раскаленные стволы, тут же с шипением испарялись.

Наиболее сильный огонь противник вел с левого берега, из района Кайзермюлле. Клоповский хотел по радио передать приказание командирам катеров перенести туда артогонь, но этого не потребовалось. Едва ударил по левому берегу их корабль, как оба «БКА» сразу перенесли свой огонь туда же. Все бронекатера действовали как единый слаженный боевой организм. Их строй напоминал несущуюся ракету — построение, соответствующее задаче прикрытия катеров с десантом остальными кораблями.

Вдруг командир почувствовал в ритме боя что-то неладное, какой-то сбой. Оказалось, замолчала артбашня. Не ответила она и на запрос через переговорную трубу. Клоповский взглянул на замполита: «Валентин, выясни!»

Молча кивнув, Николаев выбрался на открытую палубу у башни, открыл люк. Оба сиденья комендоров пусты. Внизу, в орудийном отсеке, уткнувшись головой в переборку, лежал Лебедянцев. В углу пытался встать, опираясь на орудие, заряжающий Брунер.

— Что случилось?

— Лебедянцев без сознания. Угорел от пороховых газов,— прохрипел Брунер.

— Двигаться можешь?

Тот кивнул.

— Давай на место командира орудия, сейчас пришлю моториста Сажнева — заряжающим. Не прекращайте огонь! — лейтенант метнулся назад в рубку.

— Машинное! — прокричал Николаев в переговорную трубу, сказав Клоповскому о положении в башне.— Сажнева к носовому!

Командир отделения мотористов не раз выполнял обязанности едва ли не каждого члена экипажа, заменял выбывших в бою товарищей. Так вышло и сейчас: орудие ожило.

До цели оставались последние сотни метров. Рейхсбрюкке виден уже в деталях. Верхнее, висячее крепление, издали напоминавшее нитки мишуры на новогодней елке, вблизи оказалось мощными стальными фермами, укрепленными на высоких опорах и свисавшими полудугой к середине пролетов. На мосту царила паника. Фашисты метались точно обитатели развороченного муравейника. Целей было предостаточно — через мост двигались танки, броневики, тягачи, перебегали группы солдат.

— Напомни, командир, комендорам, чтоб мост берегли, — сказал замполит.

— Из орудий по мосту не стрелять, — предупредил Клоповский командиров катеров открытым текстом по радио; задача — спасти мост, а разрывы снарядов могут вызвать детонацию заложенных фашистами фугасов.

Пулеметы бронекатеров неистовствовали, каждая пуля нахо-

дила свою жертву. Порой то один, то другой из них ненадолго замолкали — выходили из строя от бешеной стрельбы. Вот замолчал пулемет на рубке.

— Полупанов, огонь по фашистам! — крикнул Николаев, обернувшись к пулемету.

— Все, полетела чека,— отозвался тот.

Николаев хватает запасной ДТ[1], выбирается на рубку, и пулеметный пост снова в строю.

После боя Клоповский и Николаев узнают, что еще на одном катере вышел из строя пулемет. Второй номер, шестнадцатилетний юнга комсомолец Игорь Пахомов, выскочил из башни и под градом пуль и осколков, рискуя жизнью, быстро, ловко устранил неисправность.

Головные бронекатера приближались к цели. Их командиры лейтенанты Третьяченко и Синявский подойдут к берегу у моста для высадки десанта, не дожидаясь особого сигнала. Им предстоит действовать на свое усмотрение — они идут впереди и лучше видят, где удобнее ошвартоваться.

Вот Третьяченко повернул вправо и, расстреливая огневые точки у моста, смело пошел к набережной. Катер прикрытия подворачивает к городскому берегу и усиливает огонь по месту высадки.

Корабль Синявского еще двигался вперед. Высаживать десант он был вынужден у самого Рейхсбрюкке, так как ниже стенки были затоплены баржи. Но вот и его «БКА-233» пошел влево к набережной.

Борьбу с огневыми средствами приняли на себя три бронекатера группы прикрытия. Чтобы отряд не оказался в западне, Клоповский принимает решение: катерам за мост не переходить. Но поворачивать преждевременно на обратный курс тоже нельзя — сразу уменьшается сектор обстрела: вести огонь на отходе из пушки, расположенной в носовой части бронекатера, очень трудно. Но теперь мост, достичь которого так желали несколько минут назад, неумолимо надвигался всей своей громадой. Николаев предлагает, чтобы все три прикрывающих катера шли на малом ходу. Опасно в бою иметь этот ход, который сильно уменьшает маневренность кораблей, но положение вынуждало. Командир отдает приказание; преодолевая сильное течение реки, три корабля почти замирают на месте.

А артиллерийский огонь противника становился все более прицельным. Снаряды рвались в непосредственной близости, у бортов бронекатеров, но Клоповский и Николаев были даже рады этому. Свое внимание неприятель сосредоточил на них, значит, на какое-то время ослабил огонь по кораблям десанта.

---

[1] ДТ — пулемет Дегтярева, танковый.— *Ред.*

Совершалось самое важное — гвардейцы «седлали» Имперский мост. Задача у десанта была не то что сверхтрудная — может быть, почти невыполнимая для любой другой пехоты, кроме нашей, прошедшей через такую войну. И оттого никто из моряков не сомневался, что задачу она выполнит.

И вот удалось — оба «БКА» высадили сотню закаленных солдат сорок пятого года на Рейхсбрюкке. Десантники Пилосяна уже начали действовать на мосту: часто рвались гранаты, гулко тукали противотанковые ружья, внушительно гремела со стенки «сорокапятка». Поддерживая атаку, три катера продолжали «висеть» у самого моста, ведя непрерывный артиллерийский огонь по левому берегу Дуная, где было скопление огневых средств, и уничтожая живую силу врага на самом мосту пулеметным огнем. Но вот Третьяченко, закончив высадку десанта, отошел от берега и, в соответствии с планом операции, ведя огонь из всего оружия, идет вниз по течению, в базу.

Половина дела была сделана. Но напряжение не покидало комиссара. Почему-то Синявский продолжал стоять у набережной на «луговой» стороне Дуная. На верх трехметровой стены предстояло силами экипажа выгрузить боеприпасы десанта и помочь ему втащить тяжелое оружие — пулеметы, ПТР и особенно противотанковую пушку. Морякам мало просто разгрузить катер и уйти. Десантников на берегу уже нет. Они в стремительном броске заняли близлежащее здание, и для них начался тяжелый бой. Поэтому моряки с катера Синявского не только выгрузили, но и доставили боеприпасы и оружие к месту боя. Теперь под огнем возвращаются по набережной к кораблю. Дело свое они выполнили на все сто, как и обещали перед выходом.

Партийное собрание перед боем сплотило моряков и пехотинцев, облегчило понимание ими общих задач, обострило необходимое чувство взаимовыручки.

— Усилить огонь по берегу! — последняя команда как салют бойцам-пехотинцам; кораблям прикрытия оставаться у моста больше было нельзя — это могло обойтись дорого отряду. Поэтому, как только последний ящик с боеприпасами был подан на стенку, последовал сигнал группе прикрытия на отход.

С катером Глазунова разошлись левыми бортами. Вот развернулся бронекатер Додонова, шедший последним. С какой-то легкостью на душе возвращались моряки в базу после успешного завершения высадки. Катер Николаева шел замыкающим. Комиссар вздохнул облегченно — задание выполнено. Предстояло еще раз пробиваться через пекло, но теперь это, как ни странно, меньше заботило замполита. Главное — успешно прошло десантирование, гвардейская пехота мост захватила.

А на берегах реки противник уже опомнился. Подтянутые танки

и самоходки теперь стали выползать из-за дамбы Кайзермюлле для стрельбы по катерам прямой наводкой. Комендоры сразу же взяли вражеские машины на прицел и две подбили. Однако фашисты все же пробрались в прибрежные посадки и принялись бить по кораблям в упор. Один из снарядов ударил в рубку «БКА-3». Через пару минут оттуда сообщили: тяжело ранен лейтенант Глазунов, есть потери в экипаже, среди них лоцман-чех, который, несмотря на советы, не покинул катер, а пошел на нем в бой.

«БКА-3», отстреливаясь, отходил с боем, подавляя огнем живую силу и огневые средства противника.

В тяжелом положении оказался бронекатер Синявского. Снаряд угодил в машинное отделение. Вышел из строя главный двигатель; из перебитого бензопровода хлестнуло горючее, и тут же начался пожар. Огонь мог перекинуться на баки, тогда взрыв и гибель корабля неминуемы. На пути огня встали командир отделения коммунист Александр Беляев и моторист Николай Стешенко. Беляев буквально бросился в гущу пламени и мгновенно скрутил в узел бензопровод; течь прекратилась. В это время Стешенко сбивал огонь бушлатом. Задыхаясь от жары и дыма, моряки сдерживали пламя всем, что попадалось под руку,— даже своими телами гасили огонь. И победили стихию.

Когда отряд вышел из-под обстрела, Клоповский отправил радиограмму в базу: «Операция завершена удачно. Возвращаемся все. Командир, замполит высадки».

А в Вене все еще шли бои. Штурмующие советские войска имели одно направление — Рейхсбрюкке.

Николаев обходил БЧ катера, моряки все еще не могли успокоиться после прошедшего боя, всех тревожила судьба десанта, сотни тех отважных бойцов, что высадили они в самое логово врага, в огненное пекло — на Имперский мост.

Осматривая после прихода на базу разрушения на катерах, командир и замполит поражались не столько живучести этих маленьких, но надежных речных кораблей, сколько выносливости, исключительной стойкости и мужеству моряков. Металл не выдерживал, лопался, корежился от огня и свинца, а люди, раненные, обожженные, контуженные, отравленные орудийными газами, сумели довести бой до победного конца. Думая об этом, Валентин Николаев гордился тем, что ему доверили стать комиссаром у геройских моряков в, может быть, их последнем бою этой страшной и великой войны...

В отряд приехал комбриг капитан 2-го ранга Аржавкин. Он рассказал, что действия моряков-дунайцев в боях за Вену высоко оценил командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Толбухин. Командир бригады поблагодарил всех присутствующих офицеров за высокое боевое мастерство и героизм, проявленный моряками.

Сообщил, что все участники боя за Рейхсбрюкке представлены к наградам. Действия командира и замполита высадки командование одобрило: да, на самом деле десант хотели задержать затем, чтобы усилить. И они в тот момент поступили правильно, сообразуясь с боевой обстановкой, потому что задержка, возможно, и осложнила бы проведение операции. Командиру и замполиту десанта на месте было виднее, когда атаковать... Так решило командование.

— Если бы вы, ребята,— добавил замполит дивизиона капитан-лейтенант Опаленов, обнимая героев,— от боя уклонились... А вы ведь в атаку рвались. И победили — это главное. А победителей не судят. Так что выше голову, освободители!

Через несколько дней корабли Дунайской флотилии входили в Вену. Шли торжественно, как на параде. Взволнованный Николаев стоял в рубке своего «БКА-243». Здесь дрались катерники, здесь победили. Здесь пролилась кровь моряков и их боевых побратимов — солдат пехоты. Здесь навсегда останутся дорогие могилы.

В Вене непривычная тишина. Только над некоторыми домами запоздало поднимались черные клубы дыма. Валентин не подозревал, что они плывут мимо своего прошлого, о котором будут помнить до конца дней. Вот заливные луга, вот городская набережная. На обоих берегах разбитые фашистские танки, самоходки, пушки, уничтоженные в бою 11 апреля. А вот и Рейхсбрюкке! Мост цел. Теперь его ажурные арки кажутся такими мирными, даже приветливыми. Больше никто с Имперского моста не выстрелит по советским кораблям, по солдатам на набережной Кайзермюлле... Моряки и пехотинцы выполнили приказ. И ушли, на другие боевые дела.

Вечером у Рейхсбрюкке состоялся никем не запланированный «летучий митинг». Обожженный огнем, исклеванный свинцом, однако целый, мост ожил и преобразился. На нем оказались люди с флагами — пестрыми австрийскими и красными советскими... Слышалась разноязыкая речь — ее не заглушала уже стрельба. Город был освобожден от фашистов.

На короткие минуты вернулись к мосту моряки. Враг еще сопротивляется в агонии, бои еще не закончены, а сейчас тот редкий на войне момент, когда можно посмотреть места, где ты и твои боевые товарищи недавно дрались, которые освободили ценою своей крови от бесчеловечного врага.

К морякам подошли несколько одинаково изможденных мужчин, на вид стариков; на них болталась одежда с чужого плеча, а у одного под плащом была видна полосатая лагерная одежда с красным треугольником политического заключенного. Узники фашистского концлагеря — догадались моряки. Один из мужчин,

очень высокий, в очках с треснувшими стеклами, отсалютовал им с детства знакомым жестом ротфронтовцев. Этот сжатый кулак правой руки у плеча — кто из моряков-дунайцев позабудет из своей комсомольской юности снимки колонн тельмановцев, шуцбундовцев, сообщения о боях в Испании...

— Дравствуй, камарад, — говорит тот, что в разбитых очках. И так он обращается к каждому. Но руку не решается протянуть. Первым это делает комиссар Николаев.

— Этот мост, как я поняль, спасли русские. Спасибо, камарад. Австрийский народ никогда не забудет русский освободитель.

Австрийцев собралось уже довольно много, они говорили посвоему, и лейтенанту Николаеву слышались знакомые слова: «Роте Армее», «маринен», «ангрифф»... Красная Армия, моряки, стремительная атака... Но чаще всего повторялось слово «Рейхсбрюкке». Николаев понял, что говорят об их десанте на мост. Значит, Вена знает о подвиге советских воинов.

Но оказалось, что венцам мало этого знания.

— Камараден, геноссен, — говорит мужчина в очках. — Мы хотим... Мы будем требовайт, чтобы Рейхсбрюкке был переименован... в Роте Армее, Красной Армии.

Ближе всех к австрийцу стоял Валентин, и тот обратился к комиссару десанта:

— Нихт вар, геноссе? — и сам перевел: — Так будет правильно, русский товарич?..

— Да, это будет очень правильно, товарищ,— волнуясь, проговорил Валентин.

— Я всегда верил, геноссен, что свобода к нам придет из страны Ленина. Я биль там. Ленин уже лежал Мавзолеум. Но идеи Ленина перешагнули границы!

Морякам надо идти на корабли. Как будто все уже сказано на этом своеобразном интернациональном митинге. Но австрийцам явно не хочется отпускать русских. Они переговариваются, переглядываются, откашливаются. И вдруг кто-то из них запевает:

Унд вайль дер менш айн менш ист...

Очень знакомая песня — мотивом, словами из комсомольской поры. Пели ее на собраниях, слушали по радио. Это песня единого рабочего фронта; и чуть слышно подпевают советские моряки:

Марш левой, два-три,
Марш левой, два-три,
Встань в ряды, товарищ, к нам.
Ты войдешь в наш единый рабочий фронт,
Потому что рабочий ты сам.

Уходит строй моряков, а вслед на чужом языке, но такие знакомые, близкие сердцу слова:

Мы идем боевыми рядами,
Дело славы нас ждет впереди,
Солнце Ленина светит над нами,
Имя Ленина помогает в пути...

Утром 9 мая моряки Дунайской флотилии, как и вся освобожденная Европа, встречали Победу!

Жаркий день сменился короткими сумерками. К спуску кормового флага экипаж был выстроен на палубе. Солнце скрывалось за горами, продолжая освещать своими лучами горные вершины. Потом тень легла и на них. Прозвучала команда вахтенного офицера:

— На флаг смирно! Флаг спустить!.. Вольно!

— Смотрите, смотрите — лебеди, — показал в небо кто-то.

Это было как чудо. В подступающей темноте все отчетливо увидели, как в вышине парила стая величавых, красивых птиц. Там, на большой высоте, они еще купались в лучах солнца. Их белое оперение, подобно снегу на вершине гор, отражало закатный свет и помогало наблюдать с земли, погруженной в сумерки, эту изумительную, идиллически-мирную картину.

А мирные птицы-лебеди все кружили и кружили. Медленно, торжественно. Словно чувствовали, что за ними наблюдают, восхищаются их полетом. Словно понимали, что кружат над миром, уже освобожденным от войны. Над городами, которые больше не должны гореть и содрогаться от взрывов. Над полями, которые ждут своих пахарей. Над мостами, которые предназначены не разделять, а сближать людей. Над реками, которые непременно должны быть голубыми,— как Дунай, которому люди Страны Советов принесли мир и свободу. Именно поэтому мост Рейхсбрюкке изменил название — стал мостом Красной Армии.

На нем, видная издалека, была укреплена мемориальная доска с высеченными на немецком и русском языках словами: «Доблестным советским гвардейцам, морякам-десантникам благодарные жители Вены».

Да, этот мост и не может зваться по-иному. Они его отвоевали у фашистов — матросы, старшины, офицеры, командиры, политработники, — жизни своей не жалея. Невозможно поэтому придумать названия лучше для этого моста.

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ!

Войска 2-го Дальневосточного фронта под командованием Генерала Армии Пуркаева, юго-западнее и южнее Хабаровска, в результате стремительного наступления, с боем овладели городом и речным портом Фугдин (Фуцзинь) на реке Сунгари. Корабли и авиация Тихоокеанского флота, под командованием Адмирала Юмашева, в течение 9 и 10 августа наносили удары по транспортам противника в портах Сейсин, Расин и Юки. В результате этих ударов потоплено одиннадцать японских транспортов.

Оперативная сводка Совинформбюро за 11 августа 1945 года

Юрий
ТАРСКИЙ

КОМСОРГ РАЗВЕДОТРЯДА

Поразительный инструмент наша память! Диву даешься ее причудам, вместимости ее кладовых, бездонности тайников. Она способна хранить многие годы и давние события — те, что некогда потрясли, и мозаичную россыпь фактов, обрывки разговоров.

Амур. Река величава, широка и спокойна, как и в дни моей юности. В прозрачном рассветном небе плывут розовые облака, чуть подкрашенные прячущимся еще за горизонтом солнцем. Их тени споро бегут по глади воды, обгоняя друг друга. Слева за рекой, на противоположной стороне, протянулась неразрывными зубцами цепочка синих сопок, справа — спит, а быть может, уже просыпается чужой город. Он затянут дымкой, и мне кажется, что город ничуть не изменился с тех дней, когда я был здесь в последний раз. Разве что прибавилось в разных его концах несколько двухэтажных домов, высящихся над крышами почерневших от старости глинобитных фанз.

С этими местами — с рекой, сопками, с маленьким чужим городком по названию Тунцзян — связано многое в моей жизни. Как хотелось бы мне переплыть реку и хоть ненадолго оказаться в этом городе, пройти не спеша по его кривым узким улочкам, поклониться местам, где сражались и проливали кровь мои боевые товарищи. Многие из них не вернулись к своим матерям, женам, невестам. Вольнолюбивые, сильные духом, отважные, они пришли на эту землю с мечом, но не как завоеватели. Бесстрашно сражаясь, они освободили из неволи эту страну и ее народ — дедов и отцов тех людей, которые живут сегодня в этом городе и в других больших и малых городах огромного Китая.

Я мысленно прокладываю путь к друзьям, к военной юности через пограничные кордоны, и память ведет меня по своим лабиринтам.

Ночь перевалила уже свой пик, а все вокруг: и земля, и строения, и, кажется, само небо, накаленные за день июльским

солнцем,— продолжает источать сухой душный жар. Прохлады не приносят и порывы ветра с Амура — короткие и не́мощные, они не в силах даже расшевелить ветки поникших деревьев, а только легонько, будто пальцами, перебирают их кроны.

Час поздний, но в штабе Краснознаменной Амурской флотилии многие бодрствуют. Через открытые окна кабинета начальника разведки с улицы доносятся деловитое ворчанье автомобильных моторов, приглушенные голоса людей, торопливый цокот шагов по асфальту.

Хозяин кабинета — Борис Назарович Бобков, высокий, подтянутый капитан 2-го ранга, с кудрявой шевелюрой, посеребренной на висках,— снимает трубку проснувшегося вдруг телефона. Сухощавое лицо его спокойно, даже бесстрастно, говорит он негромким, с хриплинкой, голосом, а точнее, изредка бросает собеседнику на другом конце провода: «Да», «Нет», «С этим повремените», «Действуйте». Реплики коротки и не содержат «металла», но за ними — характер и стиль деятельности нашего начальника: концентрированная воля и самодисциплина, помноженные на уважение к подчиненным и доскональное знание не только профессиональной подготовки и возможностей каждого, но самих их характеров, со всеми «плюсами» и «минусами».

Пока Бобков говорит по телефону, мы — командир разведотряда капитан Степан Кузнецов и я, его заместитель, — продолжаем «колдовать» над картой. На ней пестрядь условных значков, нанесенных цветными карандашами. Карта и приколотый к ней скрепкой листок бумаги со столбцами цифр и лаконичным текстом — план предстоящих полевых занятий нашего разведотряда. Мы принесли его на доклад и утверждение начальнику разведки.

Всем, что касается отряда, капитан 2-го ранга Бобков занимается лично, хотя у него и без нас дел по горло. Это «шефство» прибавляет нам с командиром нервотрепки, и крутиться обоим приходится, как заведенным волчкам. Но с другой стороны, есть в этом и большой плюс — Борис Назарович щедро делится с нами своим огромным командирским и комиссарским опытом, знанием жизни, сложных людских характеров, удивительным умением использовать свой опыт для пользы дела.

Кстати, я не оговорился, сказав о его большом комиссарском опыте. Сын комиссара бронепоезда гражданской войны, он стал одним из первых комсомольцев в своем уезде, поднимал первый в нем колхоз, потом учительствовал, прошел суровую школу комсомольской и партийной работы. На флот ушел добровольцем по комсомольской путевке. Окончив Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, ходил на подводных лодках штурманом, потом на них же комиссарил. Участвовал в боях с

белофиннами в сороковом и бился с фашистами на Балтике с первых дней Великой Отечественной. Его товарищами по боевым походам были прославленные герои-подводники: Трипольский, Лисин, Травкин, Маринеско. Горел и подрывался на минах, сам пускал торпедами на балтийское дно вражеские корабли. Сотни раз мог сложить голову, но смерть обошла комиссара, отступила перед его жизнелюбием и мужеством.

Но, если признаться честно, «шефство» начальника разведки было благом для нас еще и потому, что интендантские начальники, побаиваясь его, снабжали разведотряд всеми видами довольствия по самым высоким нормам, а то и сверх них. Попервоначалу было не так. Однажды начальник боепитания «подзажал» нас с холостыми патронами для автоматов и ручными гранатами «Ф-1», да еще прочитал нам с командиром целую лекцию об экономии учебного боезапаса, который, дескать, наши бойцы «безбожно пуляют в белый свет, как в копейку». Не знаю уж как тот наш разговор дошел до начальника разведки (мы не жаловались), но на следующий день он пригласил к себе интендантов и командира отряда. Беседа была недолгой.

«Вдумайтесь только в само название этого подразделения! — призвал интендантов капитан 2-го ранга.— Разведывательный отряд особого назначения Краснознаменной Амурской флотилии. Впечатляет?.. Название в полкилометра, а действовать отряду короткими и стремительными ударами, как выпад клинка. Одной отваги разведчиков для этого мало — нужны еще хорошая подготовка и вооружение, не говоря уже о том, что люди должны быть добротно одеты и сыты. И вот это зависит от вас. Все ясно?.. Тогда не смею задерживать».

План занятий был уже доложен. В принципе начальник разведки его одобрил. Мы оба поднимаемся, но Борис Назарович знаком руки велит нам задержаться.

— Кого собираетесь рекомендовать в комсорги отряда? — спрашивает он и внимательно смотрит на нас.

— Разрешите позвать нашего парторга старшину 1-й статьи Дмитриева, он в коридоре нас дожидается? — просит командир и добавляет: — У него есть свое мнение на этот счет.

Борис Назарович утвердительно кивает, а когда в кабинете появляется Андрей Дмитриев, повторяет свой вопрос.

— По-моему, Александр Меньшов подходит по всем параметрам,— неторопливо отвечает парторг.— К тому же готовим его к вступлению в кандидаты партии. Заявление уже подал, на днях будем рассматривать на собрании.

По лицу Бобкова не понять, одобряет ли он этот выбор или нет. Я с Дмитриевым не согласен, у меня на примете другой.

— Ваше мнение, лейтенант? — вопросительно смотрит на ме-

ня начальник разведки. В его глазах лукавые искорки. — В чем-то разногласие?

Отвечаю:

— Меньшов боец хороший... Даже отличный. Но молод, без боевого опыта. Примут ли его леоновские удальцы-североморцы?

Начальник разведки задумывается. Мой аргумент насчет североморцев, кажется, подействовал. Тут, пожалуй, следует пояснить, что в наш отряд, сформированный в основном из моряков-дальневосточников, не прошедших суровую школу войны и не нюхавших пороха, влилась для усиления группа разведчиков с Северного и Черноморского флотов. Североморцы из прославленного разведотряда Героя Советского Союза Виктора Николаевича Леонова сразу стали задавать тон. Да у них и были на то основания. За спиной у каждого боевой опыт, полученный в труднейших условиях Заполярья, десятки десантных высадок, рейдов по тылам врага, походов за «языком», боевых стычек. Грудь у каждого сверкает орденами и медалями, что твой иконостас. От хозяйственных работ или теоретических занятий они, что правда, то правда, были не прочь и увильнуть, зато на учениях в поле — орлы, великие мастера своего дела и уж выкладываются без упрека. Мой кандидат в комсорги, конечно, был из этих ребят.

— Резон в ваших словах есть, лейтенант,— задумчиво говорит Бобков. Отстучав короткую дробь пальцами по краю стола, бросает: — Напомните биографические данные Меньшова... Да нет, я не командира и не парторга, а вас прошу,— улыбается он, видно, заметив, что я ожидаю ответа Кузнецова или Дмитриева.

— Меньшов Александр Петрович, двадцать шестого года рождения, русский, холост, из колхозников, член ВЛКСМ с сорок второго года, в разведотряде с...

— К этому приплюсуйте, что Меньшов один из наших лучших стрелков, да и по другим показателям боевой и политической подготовки в числе передовых,— добавляет Дмитриев после меня и заканчивает: — Что же касается удальцов-североморцев, то у Меньшова с большинством из них дружба не-разлей-вода.

— А вы кого предлагаете? — смотрит на меня Бобков.

— Валерий Коротких,— называю я кандидатуру и мысленно вижу этого невысокого, но крепко сбитого старшину 1-й статьи, всегда улыбчивого, доброжелательного, немного озорного, по всему видать, отважного и ловкого разведчика; у него боевых наград даже побольше, чем у других леоновцев.

— Молодо не значит — зелено, — замечает Бобков и улыбается. — Я согласен с парторгом, но предлагаю компромисс:

Меньшова рекомендуем секретарем бюро, а Коротких — его замом...

Капитан Кузнецов и я поднимаемся на второй этаж в кубрик разведотряда. Вахтенный, медленно вышагивающий по узкому проходу между тесно сдвинутыми двухъярусными койками, оборачивается на негромкий стук двери. Лицо его — еще секунду назад мечтательное, грустное (наверное, думал о доме) — преображается, становится чуть встревоженным, строгим. Он бросается к нам и, вытянувшись в струнку, чеканит скороговоркой:

— Товарищ капитан, личный состав разведывательного отряда...

Командир отменяюще машет рукой, и вахтенный обрывает доклад. Медленно идем по проходу. Справа и слева спят наши разведчики. На табуретах возле каждого аккуратно сложенное обмундирование, под ними приставленные друг к дружке голенищами кирзовые сапоги. Я гляжу на кирзачи и не могу удержаться от невольной улыбки. Командир вопросительно смотрит на меня: очевидно, решил, что я узрел какой-то непорядок.

Но дело вовсе не в сапогах. Мне вспомнилось, как сегодня утром мы переодевали наших матросов в армейское обмундирование. Жалобам и стенаниям не было конца. Главное — ныли больше всех не те, кто пришел в отряд с кораблей, а те, чья нога не ступала на палубу, кто служил в береговых частях. Командир отряда, я, старшины разъясняли необходимость переобмундирования на всех «регистрах», до «басового» включительно. Были у нас и добровольные помощники. Нечаянно подслушиваю такой разговор.

«И чего сопли распустил, тебя же не лишают матросского звания,— подначивает Саша Меньшов Андрея Лопаткина, рослого, франтоватого парня, который пришел к нам в отряд из автобата.— Разве главное в форме? Главное, паря, в том, как будешь воевать,— убеждает Меньшов.— То, что тельник, бушлат и бескозырка — форма героев, это ты верно усек, однако дело видишь только с одного бока. Ты не здесь, не на танцплощадке доказывай, что герой, а там...» — и Саша тычет большим пальцем себе за плечо, что, по-видимому, должно означать сопредельную сторону.

На подмогу Меньшову приходит парторг Дмитриев. Он кладет руку на плечо Лопаткина и с затаенной улыбкой много испытавшего человека мягко говорит: «Сам знаешь, матросы зовут тельняшку «морской душой». Так вот, когда пойдем в бой, разрешаю: расстегни на груди гимнастерку и открой самураям свою «морскую душу», покажи им, кто ты есть!.. Припоминаю, был у нас на Севере перед десантом такой случай...» Разговоры вокруг

сразу смолкают. Молодежь придвигается ближе и с горящими глазами слушает рассказ бывалого разведчика.

Нытье по поводу переобмундирования закончилось, как только леоновцы первыми переоделись в хаки. Уж они-то знали, что в этом обмундировании воевать на суше куда сподручней, нежели в приметной флотской форме.

В кубрике слышно ровное, спокойное дыхание почти сотни молодых здоровых парней. Они умаялись за день напряженного солдатского труда и спят, как младенцы. Нам жалко их будить, но... ровно в три ноль-ноль капитан Кузнецов хмурит выгоревшие почти добела русые брови и бросает вахтенному:

— Боевая тревога!..

...ЧП — чрезвычайное происшествие — случилось в самом конце полевых занятий, а точнее, даже после того, как был дан отбой.

Разведчики собрались возле машин и ожидали команду на посадку. Но тут командир разведгруппы старшина 1-й статьи Коротких доложил, что в его отделении недостает двух бойцов — Меньшова и Лопаткина. К этому добавил, что оба действовали старательно, грамотно, были все время с группой, но он потерял их из виду во время отхода после учебного захвата «языка». Доклад Коротких закончил словами:

— Разрешите организовать их поиск? Может, случилось что-нибудь с ними?

— И в тылу противника обратились бы с эдакой просьбой? — спросил капитан Кузнецов.

— Там это зависело бы от конкретной обстановки,— упорствовал старшина.

— Считайте, что и сейчас не та обстановка,— отрезал командир отряда.— У нас не кружок любителей хорового пения. Мы с вами, старшина, готовим этих парней к весьма опасному делу, но не к смерти. Не будем подстилать им соломку, чтобы бо-бо не было...— Тут он повернулся ко мне и приказал собрать отряд на поляне возле дороги.

Капитан уже заканчивал детальный разбор действий отряда, когда кто-то из разведчиков негромко воскликнул:

— А вон и Меньшов собственной персоной!.. Идет голубь!..

Все головы, как по команде, повернулись в сторону, куда тянул руку глазастый разведчик.

Из распадка между ближних сопок, поросших багульником, показалась одинокая фигура согбенного по-стариковски человека. Разведчик не ошибся — это действительно был Меньшов. «Но где же Лопаткин?» — с тревогой подумал я. Только когда Меньшов совсем вышел из кустов и начал спускаться к дороге по голому склону сопки, мы увидели и Лопаткина. Саша Меньшов

нес его на себе, на закорках, поддерживая обеими руками под коленками.

Склон сопки крутой, с галечными осыпями и спуститься по нему даже налегке совсем не простое дело. Меньшов шел, согнувшись под тяжестью ноши, через шаг, другой останавливался и, не разгибая спины, щупал ногой безопасный путь. Когда оскальзывался, его водило из стороны в сторону, но равновесия не терял — для устойчивости сгибался еще ниже и расставлял ноги пошире. В такт шагам болтались, стукались прикладами два автомата, висящие на его шее. Нас Меньшов, вероятно, не видел, потому что не поднимал глаз от земли.

Капитан отдал команду, и навстречу Меньшову бросились два бойца из его отделения.

— Ногу Лопаткин сломал. Ступил, однако, ненароком в барсучью нору... Вот принес его, — доложил командиру отряда подошедший к нам Меньшов. По его лицу, распаренному, как после бани, стекали ручейки пота.

Мелово-бледный Лопаткин лежал, скорчившись, кусая губы, на расстеленной по траве плащ-палатке. Над ним склонился наш лекпом Звягин. Он трогал поврежденную ногу и строго, по-докторски, спрашивал: «Тут больно?.. А здесь?» Громадный Лопаткин, не умещающийся на плащ-палатке, корчился и стонал: «Больно... Да больно же!» Звягин наконец закончил осмотр и, не поднимаясь с колен, доложил командиру:

— Сложный перелом голени со смещением. В госпиталь его нужно везти.

Лопаткин охнул и выругался сквозь зубы, крепко, по-боцмански.

— Вы что это себе позволяете?! — напустился на него лекпом.

— Не ко времени... Вы — в бой, а я — на госпитальную перинку, — зло, со слезами на глазах ответил матрос.

Пока Лопаткина укладывали на плащ-палатки в кузове грузовика, разведчики обступили Сашу Меньшова. Оглядывая, будто впервые, его тоненькую, юношескую еще стать, один удивленно протянул:

— Ну, ты даешь, земеля! В самом чуть поболе метра с кепкой, а вон какого амбала на себе приволок! Он, почитай, вдвое тебя тяжельше?

— С автоматом, полным «сидором» и снаряжением больше чем вдвое потянет,— уточнил другой боец.

— И как же далеко ты его пер на плечах? Небось, километров пять, не меньше? — спросил с уважением третий.

Саша Меньшов сделал несколько жадных глотков из протянутой кем-то фляги, утерся рукавом пропотевшей гимнастерки,

размазав еще больше пот по лицу, и с застенчивой улыбкой ответил:

— Доведется тебе, и ты допрешь. А километры не считал, не до них было...

В тот вечер в матросском кубрике состоялось общее комсомольское собрание. Секретарем бюро разведотряда избрали Александра Меньшова. Его кандидатуру предложили североморцы Братухин и Залевский. С добрыми словами о нем выступил и парторг Андрей Дмитриев. Комсомольцы-разведчики проголосовали единогласно. Заместителем секретаря комсомольского бюро стал Валерий Коротких...

В первых числах августа 1945 года разведывательный отряд на приданном ему катере «Смелый» был спешно переброшен из главной базы флотилии на границу.

Мы, военные люди, понимали, что стоим на самом пороге значительных и грозных событий. В мае капитулировала разгромленная фашистская Германия. В Москве уже состоялся Парад Победы и на мокрую от дождя брусчатку Красной площади у Мавзолея были свалены в кучу гитлеровские штандарты. На нашу израненную, исстрадавшуюся землю пришел мир, и мы вправе были безоглядно воспользоваться им, взяться засучив рукава за восстановление разрушенных и сожженных фашистами наших городов и деревень, за налаживание подорванного войной народного хозяйства. Но мир не пришел еще на всю землю. Японские милитаристы продолжали войну на Дальнем Востоке. Она полыхала вблизи наших границ, и мы каждодневно ощущали ее смертоносный жар на своих лицах.

Мы твердо знали — с войной надо кончать! Пора надеть смирительную рубашку и на ее дальневосточного поджигателя. Этого требовали от нас и обязательства, данные союзникам на Ялтинской конференции Большой тройки, а мы, советские люди, как известно, всегда были верны данному слову. К тому же у нас есть и свой счет к спесивым японским генералам за бессчетные их провокации, стоившие нам тысяч и тысяч жизней...

В первый же вечер на границе, после очередного полевого занятия, мы провели партийное собрание. Коммунисты, а нас в отряде было семеро, собрались в крошечной кают-компании «Смелого». На повестке дня стояли два вопроса: о подготовке отряда к предстоящим боевым действиям и прием в кандидаты партии разведчика Александра Меньшова. После доклада командира и коротких выступлений коммунистов председатель собрания парторг Андрей Дмитриев зачитал заявление Меньшова, его анкету, рекомендации и предложил:

— Пусть сам Меньшов скажет нам, почему он решил вступить в партию именно сейчас.

Меньшов поднялся. Щеки его горели. Комкая в руках пилотку, взволнованно заговорил:

— Я не сегодня решил вступить в партию, давно мечтаю об этом... Мой дед и мой отец — коммунисты. Оба партизанили и били колчаковцев в гражданскую. Старший брат — минометчик, погиб под Сталинградом... Прошу доверить мне. Не подведу. Хочу идти в бой коммунистом.

Мы единогласно проголосовали за прием Александра Меньшова в кандидаты ленинской партии. На следующий день перед выходом отряда на ночные занятия к нам прибыл председатель партийной комиссии флотилии и торжественно, перед строем всех разведчиков вручил Саше Меньшову кандидатскую карточку. Саша подрагивающими от волнения руками спрятал ее в кармашек, пришитый заранее к тельняшке. Как он был горд, как радостно пожимал он нам руки, когда мы его поздравляли!.. Я украдкой наблюдал за ним в тот вечер и улыбался, когда Саша озабоченно щупал то место, где был пришит кармашек...

В начале августа группа разведчиков отряда была выдвинута на линию государственной границы для проведения рекогносцировочного наблюдения. «Быть может, оно последнее перед началом боевых действий»,— сказал мне капитан Кузнецов, когда после обстоятельного инструктажа мы отправляли парные наряды. Приказ еще не поступал, и нам не дано было знать, когда он будет, но боевым своим опытом, сердцами чувствовали — ожидать приказа недолго.

Наблюдение разведчики вели на участке, охватывающем более трех десятков километров. Прямо перед их глазами привольно несет свои воды Амур. За ним уже чужая сторона — марионеточное государство Маньчжоу-Го. На его троне — посаженный японцами опереточный император Генри Пу И, о котором наши флотские острословы говорили, как в гражданскую: «Имя — аглийское, фамилия — китайская, потроха — японские». Этим императором и его министрами вертят, как хотят, генералы Квантунской армии. С этой армией нам предстоит сражаться, и мы знаем ей цену.

Она насчитывает около 800 тысяч солдат и офицеров, хорошо вооружена, опирается на широкую сеть мощных укрепленных районов, оборудованных по последнему слову военной техники дотами и дзотами, системами подземных ходов сообщений, хранилищ боезапаса, горючего, продовольствия. Солдаты и офицеры Квантунской армии, среди которых много фанатиков-самураев, хорошо обучены, имеют боевой опыт, десятилетиями воспитывались в лютой ненависти ко всему советскому, русскому. Нелегко будет справиться с сильным, опытным и коварным врагом...

Разведчики тщательно замаскировались в густом кустарнике на холме неподалеку от уреза воды. Они внимательно ощупывают в бинокли чужой берег — метр за метром, не пропуская ни единой мелочи. На памяти у каждого приказ командира отряда: «Особое внимание — Тунцзяну, Могонхо и Татарскому!»

Тунцзян — небольшой городок в устье реки Сунгари, которая здесь впадает в Амур, Могонхо — погранполицейский пост, вроде заставы, Татарский — плоский, как блин, островок, заросший камышом, кустарником и травой в человеческий рост. Все три объекта контролируют вход в Сунгари. Не нужно быть стратегом, чтобы понять — главной задачей флотилии с началом боевых действий наверняка станет захват этих ключевых пунктов и прорыв наших кораблей в устье для обеспечения наступления советских войск в глубину Маньчжурии вдоль берегов Сунгари и по самой реке.

Александр Меньшов ведет наблюдение в паре с Василием Сидоркиным — коренастым, очень подвижным крепышом. В отряде Сидоркин недавно, но уже всем друг-приятель. Он непоседа, держать рот на замке для него мука, а тут — в позиционной разведке — лежи, затаясь, часами. Японцы небось тоже не дремлют. Правда, разговаривать в таком наряде вроде бы можно — до сопредельного берега километра два, если не больше, да только на задании с Меньшовым особо не разговоришься. Он — старший наряда и в первые же минуты, едва Василий разинул рот, оборвал по-командирски строго: «Помолчим, однако, паря!»

День ненастный. Северный шквалистый ветер несет обрывки туч над самой водой. Дождь, зарядивший с ночи, к утру перестает, но тут же появляются комары и мошка. Их мириады. С назойливым жужжанием они вьются над разведчиками и жалят, жалят, не давая ни минуты покоя. Шеи, лица, руки покрываются волдырями и непрерывно зудят от комариных укусов. Спасения от мошки и гнуса вообще нет. Они набиваются в ноздри, в уши, в рот, лезут за ворот гимнастерки, забиваются в сапоги.

Сидоркин сопит, покряхтывает, клянет про себя распоследними словами весь мошкариный род, а когда становится совсем уж невмоготу, яростно шепчет ругательства вслух и оглаживает ладонями лицо и шею, размазывая по ним кровь. Изредка он посматривает на напарника и диву дается. Тот лежит, приставив бинокль к глазам, не шелохнется, словно бы их вовсе нет, комаров и мошки. Но вот они! Вьются жужжащим облаком и над Меньшовым. И как только он терпит эдакую муку?! Может, привык на своем Алтае?..

А Саша Меньшов, как и Сидоркин, в душе костерит настырное комарье, которое кажется злее фашистов, и мысленно видит, будто отмахивается веткой и сотнями сшибает наземь про-

клятых. Но вот внимание Меньшова привлекает легкий дымок над двугорбой сопкой. Он уверен: еще минуту назад там дыма не было. Что бы он значил? Меньшов прилаживает бинокль поудобней и замирает, позабыв о комариной пытке. Дым то струится почти прозрачной кисеей, то густеет и расплывается по серому, как брезент, небу смоляно-черными пятнами. И что любопытно — не стоит на месте... Меньшов подталкивает напарника локтем и, не отнимая от глаз бинокля, спрашивает:

— Дым видишь?.. Вон над той сопочкой, что на верблюда похожа?

— Ну и что?.. Дым как дым,— откликается Сидоркин.

— Не пароход ли?

— Не похоже. Может, у них там, за этим верблюдом, лесопилка или костры палят смолокуры?

— Ты приглядись,— настаивает Меньшов.— Однако дым не стоит на месте, передвигается. Пароход это, паря!

— Какой еще пароход! — упрямится Сидоркин.

Но Сашу уже не сбить. Отвечает:

— Рейсовый пароход, вот какой. Тот, который выходит из Сунгари и топает по Амуру до их города напротив нашего Благовещенска... Ну, до этого... До Хэйхэ! — вспоминает он наконец китайское название города.

— А дым и вправду перемещается... Вроде, пароход,— почти соглашается Сидоркин, но быстрые уступки не в его характере, и он задиристо спрашивает: — А ежели и пароход, так что?

— Или комары тебя заели, паря? Забыл, что ли, наказ командира фиксировать всякую новую плавучую посудину в этом Тунцзяне? Насчет появления рейсового он предупредил особо: доложить о нем немедля.

— Немедля, — иронически усмехается Сидоркин. — Как вообще доложишь, если связи нет?

— А ты на что? — без тени улыбки спрашивает Меньшов.— Ты и будешь связь.

Меньшов — старший, принимать решения его обязанность. Впрочем, тут Сидоркин и не спорит. Его вполне устраивает перспектива избавиться разом и от глазения на осточертевшие за день пустынные сопки, и от пронявших до предела комаров. Правда, засовестившись в последнюю минуту, он говорит:

— А может, аллах с ним, с этим пароходом? Скоро смена, тогда и доложим.

Меньшов отрицательно машет головой. Давая Сидоркину последние наставления, он старательно делает вид, будто не замечает радостных искорок в глазах напарника, но не выдерживает командирского тона и, усмехнувшись, говорит:

— Ну, ползи, Аника-воин, да гляди корму не подставляй комарью — сгрызут!..

В тот час Александр Меньшов и Василий Сидоркин не знали и не могли знать по малости чинов и должностей своих о том, что их донесение пройдет путь от командира отделения до командующего флотилией, будет многократно проверено и перепроверено по разным каналам, обрастет справками и схемами и, наконец, выльется в боевой приказ — перехватить рейсовый пароход с началом боевых действий. Не ведали они и о том, что при задержании парохода группа офицеров-самураев, находившихся на его борту, окажет ожесточенное сопротивление и будет отстреливаться, пока последний не рухнет на палубу у порога штурманской рубки. Пухлый том лоции, который искали и обнаружили в капитанском сейфе наши разведчики, товарищи Меньшова и Сидоркина, содержал детальное и точное описание судоходных путей, порогов, мелей, перекатов на всем протяжении реки Сунгари.

Пройдет короткая летняя ночь, и лоция со всеми картами и схемами, переведенная на русский язык, ляжет на штурманские столики наших кораблей, шедших с десантом вверх по Сунгари...

Два часа дня, а мрачно, как поздним вечером. Небо сплошь затянуто черно-серыми тучами. Пятые сутки подряд льет дождь, временами переходящий в ливни. Хлеба на полях стоят высокие, по грудь, но уборка из-за дождей затягивается. Уровень воды в Амуре и его притоках стремительно поднимается, угрожая большим половодьем.

Все эти ночи к границе нескончаемым потоком подтягивались войска и занимали отведенные им рубежи. С рассветом и до темноты всякое движение на дорогах замирало и окрестные сопки, поля, деревни казались пустынными и безжизненными. С той минуты, как нам объявлена готовность номер один, каждый живет с особым ощущением близости войны. Это чувство тревожного ожидания и в то же время какой-то волнующей приподнятости невозможно передать обычными словами.

Наконец из штаба флотилии возвращается командир отряда, а спустя две-три минуты за мной прибегает Бигеев, его ординарец. В нетерпении буквально ссыпаюсь по трапу в кают-компанию. По лицу капитана вижу — есть новости. Он показывает рукой на привинченное к палубе кресло и подтверждает:

— Получена первая боевая задача. Давайте проработаем ее,— и достает из полевой сумки карту.

Задача непростая. С получением боевого сигнала мы должны высадиться со «Смелого» на берег противника и бесшумно за-

хватить погранполицейский пост, условно названный «Гвоздь». И действительно, Могонхо, что зловредный гвоздь в сапоге. Он находился за широкой протокой и был почти скрыт от визуального наблюдения. Сколько там японцев, чем они вооружены, какими техническими средствами располагают, точно неизвестно. А знать необходимо, потому что, пока этот «Гвоздь» торчит у входа в устье Сунгари, идти туда нашим кораблям с десантом небезопасно. Решая задачу по захвату объекта, разведчики одновременно должны лишить его средств связи, с помощью которых он мог бы вызвать подкрепления из тыла для противодействия нашим десантам.

Командир показывает на карте место предполагаемой высадки. Мне кажется, что оно далеко от объекта захвата, и я говорю об этом. Капитан согласно кивает головой и объясняет:

— Зато мы обеспечиваем себе внезапность действий, выходим прямо к линиям связи противника и получаем возможность перекрыть ему все пути отхода.

Кузнецов собирает в кают-компании старшин и ставит задачу отделениям, приказывает довести ее до каждого бойца.

Наше волнение по мере приближения вечера нарастает, но все стараются не показывать его. Разведчики заканчивают последние приготовления к ночному десанту. Командиры отделений, опытные десантники, внимательно наблюдают за бойцами, не скупятся на советы. Потом мы с командиром отряда проверяем готовность каждого моряка. Обращаем внимание на тяжесть вещевых мешков. Взвесив в руке мешок Меньшова, капитан спрашивает:

— Что у вас там? Харчи про запас?

— Сухой паек на два дня, три снаряженных запасных магазина и... немного патронов россыпью, — перечисляет Меньшов.

— А как немного? — смотрит на него капитан.

— Я не считал,— щеки разведчика розовеют.

— Небось горстями из ящиков брали? — качает головой командир отряда и обводит взглядом стоящих рядом моряков.

Те молчат, переминаются с ноги на ногу, прячут затаенные ухмылки. Меньшов, осмелев, говорит без виноватости в голосе:

— Свой запас, однако, плеча не тянет. Вон леоновцы говорят, в бою каждый патрон может для дела сгодиться.

— Ну, если леоновцы говорят...— хмуро произносит капитан и вдруг улыбается. Тут же широкие улыбки появляются и на лицах разведчиков.

Перед полуночью на «Смелый» прибыл капитан 2-го ранга Бобков. Мы выстраиваем на палубе разведчиков. Борис Назарович неторопливо проходит вдоль строя, вглядываясь в их лица. Разведчики в полном боевом снаряжении, с подсумками и ножами

на поясе. У большинства оттопыриваются нагрудные карманы гимнастерок — в каждом по «лимонке». Спусковые рычаги гранат торчат из карманов, как зажимы авторучек.

Парни стоят молодцевато, словно бы им сам черт не брат, но Бориса Назаровича не проведешь, он знает: они волнуются — впереди бой и для большинства он будет первым. Душевное состояние людей невольно передается и ему. Отогнув манжет кителя, он бросает взгляд на часы и обращается к разведчикам:

— Сейчас ноль часов 9 августа 1945 года. С этой минуты наша страна, верная своему союзническому долгу и обязательствам, находится в состоянии войны с Японией. Советский Союз вступает в войну, желая прекратить агрессию японской военщины и быстрее установить мир на земле. Вы идете в бой первыми, на то вы и разведчики. Знаю, это трудно, но я уверен, каждый из вас выполнит свой долг. Боевой вам удачи, товарищи!

Сходя с катера, начальник разведки пожимает нам с командиром руки. Уже у трапа предупреждает:

— Сигналов вам больше не будет. В назначенное время приступайте к выполнению задачи. Ждем три ваши красные ракеты.

Забегая вперед, скажу: разведчики выполнили приказ. Объект «Гвоздь» был нами бесшумно захвачен и обезврежен. Японцы не успели ничего передать в свой тыл — телефонные линии связи были своевременно перерезаны, а рация выведена из строя до того, как ее успели включить. Три красные ракеты взмыли веером в небо. Они еще не успели погаснуть, как к вражескому берегу устремились десятки наших кораблей и судов с армейским десантом.

В первой операции отряда отличились многие разведчики, среди них и наш комсорг Александр Меньшов. Вместе с Андреем Дмитриевым он и его лучший друг Антюков снимали японских часовых на подступах к объекту, а потом одними из первых ворвались в него и захватили радиостанцию.

Тунцзян был занят нашими войсками малой кровью. Японское командование спешно отводило свои разбитые части к Фуцзиню, где намеревалось дать нам серьезный отпор на заранее подготовленных позициях.

На городской площади Тунцзяна перед обгорелым остовом здания жандармерии стихийно возник митинг. Выступали не только наши офицеры, солдаты и моряки. На импровизированную трибуну — задрапированный кумачом кузов трофейного грузовика «нисан» — поднимались один за другим жители китайского городка. Я стоял тут же и переводил их слова нашим морякам и солдатам.

Вот на грузовике старик в ветхом бумажном халате. Ветер с реки треплет его жидкие седые волосы. Изборожденное морщи-

нами лицо мокро от слез. Пресекающимся от волнения голосом он говорит:

— Мы столько лет ждали вас, братья из страны Ленина! Спасибо, что вы пришли и принесли нам свободу!..

Краем глаза вижу Сашу Меньшова. Он стоит возле грузовика в окружении наших разведчиков. Машу ему рукой, и он легко поднимается на кузов. Видно, добрые слова переполняют и его душу. Он обращается к китайцам и своим товарищам:

— Мы — советские люди, пришли в вашу страну как друзья, как братья. Ни крови своей, ни жизни мы не пожалеем, чтобы сделать ваш народ свободным, а край мирным и счастливым!..

Меньшова сменяет китаец средних лет, по виду портовый рабочий. Он долго мнет пальцами замасленную кепку. Вероятно, эта речь первая в его жизни.

— Мы страдали и от японских и от своих собственных кровопийцев. Как и вы, мы ненавидим тех, кто наживается на труде и страданиях народа. Пройдет десять тысяч лет, но китайцы будут помнить, откуда к ним пришла свобода...

Вслед за рабочим на грузовик поднимается женщина, она выкрикивает в притихшую толпу:

— Вы спасли жизнь трех моих детей. Ваш солдат погиб, он закрыл собой моего младшего — Вана...— Женщина низко кланяется: — Спасибо вам, добрые люди! Спасибо вам!..

То был первый день войны против милитаристской Японии, первый освобожденный нами город и первый митинг, на котором китайцы в полный голос говорили о своей благодарности нашей стране и ее воинам, открывшим путь к свободе и счастью...

Отряду поручена новая боевая задача. Мы должны разведать Фуцзиньский укрепленный район, куда японское командование отвело свои войска от границы. По первоначальной разработке штаба разведчики должны были высадиться со «Смелого» на юго-западной окраине Фуцзиня, где меньше оборонительных сооружений. Капитан Кузнецов предложил иной план — высаживаться прямо на городскую пристань, в центре Фуцзиня. Его доводы были весомы. «Верно, у противника здесь имеются и силы и мощные огневые средства, но именно тут он не ожидает нас,— доказывал капитан.— Есть и другие плюсы. Во-первых, безопасный подход: не станут же японцы минировать фарватер и район причала, где плавают их суда. Во-вторых, от пристани нам куда ближе к объектам разведки: вызвав огонь на себя, мы засечем их огневые точки. Но главное — в-третьих: мы захватим плацдарм на берегу и постараемся удержать его до подхода главных сил». Предложение командира отряда поддержал начальник разведки, и коман-

дующий Краснознаменной Амурской флотилией контр-адмирал Антонов утвердил его. Время начала операции назначено на пять утра 11 августа 1945 года.

После недолгого «военного совета» с командирами развед-групп, на котором знакомим их с новой боевой задачей, отпускаем всех, кроме парторга и комсорга. Просим их помочь командирам групп в подготовке разведчиков, но главное — поговорить по душам с каждым бойцом, особенно с молодыми, если надо, кого-то приободрить, а в бою подстраховать.

— Ободрять никого особенно не нужно,— говорит Дмитриев,— настрой у ребят боевой. Задачу выполним.— Он ненадолго умолкает и добавляет: — И насчет подстраховки в бою не сомневайтесь. Верно я говорю, Меньшов? — оборачивается Дмитриев к комсоргу.

— Верно, — подтверждает Меньшов. — Одно скажу твердо: комсомольцы не подведут. А что касается индивидуальных бесед, то парторг подсказал мне об этом загодя. Теперь по второму, а кое с кем и по третьему кругу будем беседовать.

...Ночь темная, дождливая, но уже близится утро. Над Сунгари стелется плотный туман. Видимость не больше пяти — семи метров. С противоположного берега не доносится ни звука, не видно ни огонька — он будто вымер. В зыбкой тишине слышны только посвисты порывов ветра, монотонный шорох дождя и всплески волн не на шутку разбушевавшейся реки.

«Смелый» покачивается на крутых волнах и с громким, пугающим скрежетом бьется тонким своим бортом о броню монитора «Сун Ят-сен», к которому пришвартован. Разведчики в сборе. Все напряжены до предела. Кто-то из матросов кашляет, и тут же на нем скрещиваются гневные взгляды. Наш командир смотрит на «кашлюна», обводит взглядом всех нас и усмехается. Он очень спокойный, уравновешенный человек, наш командир, и, конечно, учитывает, что до японских ушей не то что кашель, громкий крик отсюда не долетит.

Вот наконец и сигнал! Под мелко вздрагивающей палубой глухо рокочет двигатель. Лента черной воды между катером и бортом монитора быстро ширится. «Смелый» разворачивается и медленно, словно на ощупь, идет к чужому затаившемуся берегу. За кормой едва различимы почти сливающиеся с водой движущиеся тени — это бронекатера отряда огневой поддержки.

Разведчики лежат на палубе, прячутся от ветра и дождя за рубкой и надстройками. Дула пулеметов и автоматов нацелены в темноту. Считанные минуты отделяют каждого из нас от потока огня и стали, бьющих навстречу, в упор.

Берег и город открываются неожиданно, хотя мы глаза проглядели, высматривая их. В свете неяркой зарницы, едва «Сме-

лый» выныривает из полосы густого тумана, видим на фоне посветлевшего неба черные изломы крыш, пятна деревьев, даже тонкую иглу фабричной трубы.

— Вижу берег! — срывающимся голосом докладывает старшина катера Володин.

— И я его вижу. Подходите к пристани,— говорит невозмутимо капитан Кузнецов, и его спокойствие передается всем, кто находится рядом, и потные от напряжения пальцы уже не так стискивают ложе автомата или перестают теребить, ощупывать, на месте ли десантный нож.

Катер от пристани отделяет узкая полоска воды. Последние секунды бесконечны. Боковым зрением вижу у борта Меньшова. Рядом с ним парторг Дмитриев, Братухин и Залевский. У якорной лебедки припал к станкачу Новиков. Тупое рыльце «максима» направлено в сторону пристани.

— Вроде никого нет. Тихо,— ни к кому не обращаясь, больше чтобы успокоить себя, говорю я. В груди холодок какой-то пустоты, и сам себе я кажусь невесомым.

Капитан кладет мне руку на плечо и чуть сдавливает пальцы:

— Пора, лейтенант.

И тут же бухает первый выстрел со стороны пакгаузов. Над рекой ослепительно вспыхивает ракета, затопляя на секунды все вокруг мертвенным серебристым светом, и в нашу сторону устремляются воющие рои огненных ос. Противник бьет из крупнокалиберных пулеметов. Нити трасс причудливо переплетаются, и кажется, что каждая из них — твоя.

До причала чуть больше метра. Первым прыгает командир. Он оскользается на влажных досках, но удерживает равновесие и, выставив перед собой ППШ, бежит в сторону пакгаузов. Мы бросаемся за ним. С бака «Смелого» пулеметным огнем нас прикрывает Новиков. Затем он перебирается на причал, затаскивает с помощью ребят «максим» на плоскую крышу трансформаторной будки и оттуда, сверху, строчит по японцам то короткими, то длинными очередями. Вступают в бой и наши «дегтяревы». В сплошной трескотне пулеметной и автоматной пальбы гулко ухают разрывы ручных гранат.

Порт очищен от противника. Разведчики рвутся вперед, стараются выбить его из ближайших кварталов, расширить плацдарм и проложить путь армейскому десанту, который пойдет следом за нами. От пленного японского унтера узнаем, что против отряда действуют рота пехоты и группа смертников — камикадзе. Они постепенно приходят в себя после заставшей их врасплох атаки разведчиков и наращивают сопротивление. Сражаются с ожесточением обреченных, цепляясь за каждую фанзу, перекресток, канаву. Несколько раз переходят в контратаки. Для

прикрытия гонят перед собой китайских жителей города. Разведчики и начавшие уже высадку на захваченном нами плацдарме армейцы штурмового батальона быстро разгадывают подлую тактику самураев. Метким огнем снайперов и пулеметно-автоматными очередями с флангов стараемся отсечь японских солдат от их жертв. Отбитых жителей тут же эвакуируем в район высадки.

Ко мне подползает Владимир Братухин — Огонек, так мы звали его за огненно-рыжую шевелюру. На его лице, закопченном до черноты, несколько кровоточащих царапин, обмундирование разорвано, перемазано копотью. Тяжело дыша, Огонек докладывает:

— Товарищ лейтенант, самураи согнали китайцев во двор жандармерии, заперли ворота и запалили все вокруг. Там детишки, женщины, они плачут, кричат. Разрешите атаковать?

Японцы отошли, но держали горящее здание и двор под прицельным огнем. Всматриваюсь слезящимися глазами в завесу черного, как деготь, дыма, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть за ней. В какой-то миг почудилось, что вижу фигурки мечущихся людей, слышу их крики. Огонек торопит:

— Ну что, лейтенант?!

А у меня приказ командира ждать сигнала общей атаки. И все-таки решаюсь.

Матросы прорвались через стену свинца и огня, сбили гранатами ворота жандармерии и вывели из пламени полсотни китайцев, среди которых было много женщин и ребятишек.

На войне нет, пожалуй, ничего труднее, чем бой в городе — в запутанном лабиринте незнакомых улиц и переулков, в домах, во дворах-колодцах, когда почти не разобраться, где свой, а где чужой, когда опасности подкарауливают тебя на каждом шагу и смерть может прийти из любого окна, подвала, с чердака. Разведчики выиграли тот бой. Оттеснив противника от припортовых кварталов, они разорвали его кольцо и пробились к окраине города. Им предстояло теперь выполнить не менее важную и опасную вторую часть боевой задачи — разведать огневые позиции японцев у подножия горы Вахулишань, являющейся ключевым пунктом вражеского укрепрайона.

Командир принимает решение: разведчикам скрытно подобраться вплотную к переднему краю обороны японцев, используя для этого складки местности, заросли гаоляна, а если представится возможность, то и вражеские ходы сообщений. Действовать тремя группами — отвлекающей под командой старшего сержанта Протодьяконова и двумя поисковыми, задача которых ведение разведки на флангах.

Постановка боевой задачи командирам групп занимает дветри минуты. Бойцы Протодьяконова, действующие вдоль дороги,

на которой пока что сосредоточено все внимание противника, резко учащают темп стрельбы, кричат вовсю «ура», будто вот-вот поднимутся в атаку, а тем временем капитан Кузнецов и бойцы отделения Дмитриева ныряют в гущу гаоляна и, петляя, то ползком, то быстрыми перебежками, направляются на правый фланг. Такой же маневр выполняют разведчики группы Валерия Коротких, только они спешат на левый фланг вражеской обороны.

Группе Коротких поначалу везло. Она незамеченной пробралась через гаоляновое поле и вышла к какой-то траншее. Спустились в нее и двинулись вперед. Траншея оборвалась, почти уперевшись во второй противотанковый ров. Коротких выглянул из нее и даже присвистнул. До переднего края японской обороны было 25—30 метров.

Старшина приказал Братухину, Меньшову и Антюкову вести наблюдение, остальным, рассредоточившись, прикрывать их. Опытные разведчики Коротких и Братухин вскоре обнаружили, что покатые купола, прикрытые желтыми соломенными циновками, которые они издалека приняли за бетонные доты и уже успели нанести на свои карты, на самом деле — груды аккуратно уложенного бутового камня. Настоящие же двухамбразурные пушечно-пулеметные доты располагались ниже по скатам горы Вахулишань и были старательно замаскированы. С позиции разведчиков хорошо просматривались и японские пулеметные точки, и решетчатая металлическая вышка корректировочного артпоста, и темно-серые прямоугольники казарм военного городка.

Разведчики заканчивали наблюдение, когда их заметили из пулеметного дзота, расположенного метрах в двадцати за рвом. Шквал огня из дзота прижал наших бойцов к земле, преградил им пути отхода. Японцы с минуты на минуту могли предпринять вылазку крупными силами и попытаться захватить дерзких разведчиков.

Меньшов, лежащий на дне траншеи рядом со старшиной, зло произнес:

— Точно бьет, сволочь, головы не поднять! Разреши я заткну его противотанковой, иначе всех побьет?

— Не даст приподняться,— усомнился Коротких.

— Сумею,— пробурчал Саша. В его глазах горела непреклонная решимость.— Должен суметь,— повторил он, отстегивая от пояса противотанковую гранату.

— Всем приготовить гранаты! — предупредил разведчиков старшина.— Бросать по моей команде.

Огонь из дзота неожиданно прекратился — возможно, пулемет заело или японцы меняли ленту.

Саша Меньшов рывком приподнялся над землей и с силой метнул противотанковую гранату в черную щель амбразуры. Грана-

та была еще в воздухе, когда из дзота снова ударил тяжелый пулемет. Но его длинная строчка оборвалась, потонув в тяжком грохоте взрыва. Из амбразуры повалил густой дым. В наступившей тишине голос Валерия Коротких прозвучал необычно громко:

— Гранатами огонь! — выкрикнул он, и в окопы у дзота полетели «лимонки» разведчиков.

Александр стремительно вскочил на ноги, и, увлекая за собой товарищей, первым ринулся к дзоту. И тут навстречу разведчикам ударили близкие выстрелы. За противотанковым рвом поднимались в атаку японцы. Их было не меньше взвода против восьми моряков.

— Ложись! Гранаты к бою! Огонь по цепи! — крикнул Коротких, заглушая звуки стрельбы.

Саша Меньшов не лег — схватившись обеими руками за горло, сделал еще шаг вперед и рухнул на землю как подкошенный. Автомат упал рядом. Саша протянул к нему руку, пытаясь достать...

Японцы бросились в атаку, стремясь захватить горстку советских разведчиков. Гранаты, брошенные Братухиным и Коротких, разорвались в самой гуще наступающих, те попятились, залегли за дзотом.

— Меньшов! Саша!.. Саша! — неистово выкрикивал Антюков, склонившись над телом друга.

Задерживаться дольше было нельзя. Необходимо срочно доложить командованию ценные сведения. Коротких отдал приказ всем отходить. Тяжелый пулемет в дзоте, выведенный из строя гранатой Меньшова, молчал, и это спасло жизнь разведчикам.

Возвращались они по той же траншее. Впереди шли Антюков и Муравейский — несли на плащ-палатке тяжело раненного Сашу Меньшова, остальные бойцы группы их прикрывали. Японцы кинулись было преследовать, но нарвались на дружный огонь автоматов и, потеряв несколько человек, отстали.

Разведчики шли медленно, осторожно сменяясь у плащ-палатки. Их лица были суровы, глаза — скорбны. Свою боевую задачу они выполнили, сейчас главное — донести Сашу...

А навстречу им двигались наши войска. Вдоль Вахулишаньских высот и оборонительного вала Лифынфан разгоралось ожесточенное сражение. Над позициями противника стояла плотная стена дыма от разрывов корабельных снарядов. Гул ударов тяжелых орудий сотрясал воздух и землю, отзывался в распадках сопок долгим неумолчным эхом. Корабли били по целям, точно указанным разведчиками...

Письмо от Саши Меньшова из госпиталя пришло в канун нашего десанта на Цзямусы. Оно было адресовано всем разведчикам. Комсорг отряда писал нам:

«Дорогие друзья! Дела мои плохие. Рана оказалась тяжелой и, хотя врачи от меня скрывают, я знаю, что умру. Как не хочется уходить из жизни в двадцать лет. Я еще мало сделал для своей Родины. Я еще мало жил, мало трудился. Но с первого часа войны я дрался с врагами, не щадя своей жизни, за наше правое дело, за любимую Родину. Я стал коммунистом, какое это для меня счастье...»

На этих словах письмо обрывалось. Саша Меньшов его не дописал.

В тот день, отправляясь в разведку, мы дали клятву отомстить врагу за нашего комсорга, сражаться в бою за себя и за Сашу.

Свою клятву мы сдержали.

Андрей
ВИНОГРАДОВ

...ПРИНИМАЮ НА СЕБЯ

Есть памятники героизма и мужества на морских равнинах, у берегов нашей Родины. Здесь 40 лет назад гремели бои, кипело от разрывов снарядов и бомб море, густо пластался над ним горький дым корабельных пожаров, слышались хриплые крики команд и докладов, стоны раненых, здесь лилась кровь советских моряков, которая навсегда смешалась с соленой морской водой. Эти памятники не возвышаются над поверхностью, гуляет тут в шторм крутая волна, но все моряки о них знают. Они обозначены на морских картах «Координатами боевой славы».

В одну из таких точек, на траверзе «Гаврюшкина камня», у южной оконечности Камчатского полуострова, в 12 часов 15 минут по судовому времени, в годовщину разгрома милитаристской Японии, прибыл пограничный сторожевой корабль «Камчатка».

Объявили «большой сбор». Чистые, сильные звуки горна плыли над кораблем, над океаном, уносились ввысь и растворялись там в бездонной синеве неба.

«Слушайте все!» — выводил мелодию горнист.

Замер в торжественном строю экипаж. Лица моряков строги. Обнажили седые головы ветераны. Приспускается Военно-морской флаг погранвойск. Минута молчания...

Боцман «Камчатки» мичман Папко, участник войны, и старший матрос Микляев, представители двух поколений моряков-пограничников, поднимают с палубы кедровый венок, подносят его к борту и бережно опускают на волны Тихого океана. Коснувшись воды, ветки кедрача расправляются, охватывающая их красная лента намокает, темнеет и еще четче проступают на ней слова: «Павшим героям — морякам-пограничникам».

Проходят годы, десятилетия... Сменяются поколения. Но как эстафету передают люди наказ дедов и отцов: «Живи и помни!»

Из боевой хроники августа 1945 года[1]

Утро 6 августа было душным и пасмурным. С океана катила зыбь. Пограничные сторожевые корабли «ПК-7» и «ПК-10» шли

---

[1] Эти материалы в основном взяты автором из боевой истории части.— *Ред.*

в кильватере на линию дозора. Возглавлял отряд командир дивизиона Бойко.

Первым вынырнул из-за облаков и резко пошел на снижение двухмоторный штурмовик. За ним вывалился четырехмоторный бомбардировщик. Оба самолета были без опознавательных знаков.

Первая очередь полоснула по воде слева по борту. Первая бомба разорвалась справа. «ПК-7» будто даже сдвинулся влево, накренился, но, стряхнув с себя водяной смерч, снова стал на ровный киль. Почти одновременно ударили по врагу пушки и пулеметы обоих пограничных кораблей. Штурмовик задымил, завалился на левое крыло и потянул к берегу. Бомбардировщик круто ушел в облака.

Когда сторожевики вернулись в базу, на «ПК-7» насчитали 99 пробоин от пуль и осколков. У «ПК-10» их было 87. Восемь моряков-пограничников погибли в бою, за два дня до начала войны с империалистической Японией. Командир отдельного дивизиона пограничных сторожевых кораблей капитан 3-го ранга Никифор Игнатьевич Бойко был в их числе.

...Хоронили погибших в тот же день вечером в братской могиле, на склоне сопки. Отсюда был виден океан, родная бухта, пирс, где стояли, прижавшись друг к другу бортами, как родные братья, пограничные сторожевики. Те, что были израненны в утреннем бою, узнавались по приспущенным флагам.

Прощальный митинг был недолгим. Суровы лица моряков, будто окаменевших у края братской могилы. Они клялись отомстить врагу.

Капитан Яков Семенович Эдельман, заместитель командира дивизиона по политчасти, не смог сдержать горе. Вглядываясь в такие знакомые, но теперь отрешенные от всего житейского и будничного черты лица погибшего комдива, замполит будто наяву слышал его голос. Только вчера вечером они прощались на пирсе... Только вчера...

Низко наклонив голову, Бойко, тяжело ступая, поднялся по трапу на борт сторожевика, и почти тотчас взревели моторы. Синяя гарь выхлопов быстро окутала корму. Когда дым отнесло слабым ветерком в сторону, силуэты сторожевиков виднелись уже у выхода из бухты.

По давно заведенному порядку в дозор к линии границы с Японией на кораблях обязательно выходил один из трех ответственных офицеров дивизиона: Бойко, Эдельман или Скрябин — начальник штаба. Вчера была очередь комдива... Теперь Скрябин принял на себя командование дивизионом.

После похорон замполит и начштаба допоздна засиделись над картой. Оба хорошо понимали: война, в сущности, уже началась. Свидетельство тому — первые потери и первая настоящая боевая проверка готовности техники и людей. Офицеры еще раз перечитали полученный накануне приказ начальника войск пограничного округа. В нем было четкое указание: к выходу в море и боевым действиям должны быть готовы все корабли дивизиона. В любое, самое ближайшее время.

— В любое, самое ближайшее время,— медленно, будто заучивая на память, повторил Эдельман и внимательно посмотрел на начштаба.

— А готовы ли мы сейчас, немедленно всем дивизионом принять бой? — голос замполита звучал сурово.— И выиграть его, выиграть без потерь. А не так, как сегодня?

Скрябин глухо сказал:

— Да, не все у нас было ладно в первом бою...

— Это мягко говоря — неладно,— Эдельман считал, что именно ему, политработнику, и следует начать этот трудный, но очень нужный разговор по анализу происшедшего столкновения.— Сигнальщики поздно обнаружили самолеты. Комендоры своим огнем не смогли заставить пиратов свернуть с боевого курса. Почему?

— Можно найти еще десяток таких «почему»,— резко вставил начштаба.— Так что работать есть над чем. Нужно издать приказ по дивизиону...

— Правильно, приказ такой нужен,— согласился замполит.— Важно и то, чтобы завтра с утра все специалисты штаба дивизиона побывали на кораблях, осмотрели и проверили технику и оружие, поговорили с моряками. А я побеседую с коммунистами, послушаю, что они скажут о наших делах. Согласен?

— Добро, комиссар.— Скрябин встал, провел тыльной стороной ладони по своему подбородку, взглянул на часы.— Однако засиделись мы с тобой, Яков. Пойду. Мне ведь еще вахтенную службу проверить на кораблях надо.

Вернувшись домой, Эдельман сразу лег в постель, но заснуть долго не мог. Ворочался с боку на бок, вставал, выходил на кухню, пил остывший чай. Думал... Жены дома не было. Она дежурила в госпитале. Трехлетняя дочурка Женя тихо посапывала в кроватке. Яков Семенович поправлял ей одеяло, подушку. Снова ложился, крепко зажмуривался, как делал это в детстве, когда хотел поскорее заснуть, чтобы сразу перенестись в завтра. Но сон не приходил. В памяти снова всплывали лица погибших моряков и глаза тех, кто стоял в строю у края братской могилы. Замполит читал в матросских глазах вопрос: «Как же так? Войны нет, а ребята погибли?..»

...Совещание в штабе дивизиона состоялось во второй половине дня. Офицеры докладывали результаты проверок, предложения по устранению недостатков. Скрябин то и дело задавал вопросы, уточнял, делал пометки в блокноте, иногда при этом негодующе передергивал плечами, нервничал.

Итоги подводил, как зачитывал приказ. Четко, сжато.

— Самое первое и наиглавнейшее,— бывший начштаба обвел взглядом всех присутствующих,— привести в полную боевую готовность оружие: пушки, пулеметы и бомбосбрасыватели, а также личное стрелковое. Срок — сутки.— И он выразительно посмотрел на свои часы, давая этим понять, что отсчет времени уже начался.

Эдельман, молчавший все совещание, постукивая карандашиком по краю стола, при последних словах комдива удовлетворенно кивнул и тоже посмотрел на часы. Встав, добавил своим глубоким голосом:

— Все, что касается боеготовности, коммунисты дивизиона полностью поддерживают...

Утром, когда Эдельман шел в штаб, его нагнал запыхавшийся, с потным лицом старшина 2-й статьи Алексей Богданов, дивизионный оружейный мастер. Яков Семенович хорошо знал этого моряка по выступлениям в самодеятельности на вечерах отдыха. Старшина лихо пел цыганские романсы.

— То-в-арищ капитан,— задыхаясь от бега и волнения, докладывал старшина.— В-се пулеметы на кораблях п-роверены и отлажены. Могут хоть сейчас бить по врагу.

— Молодцом.— Здороваясь за руку с моряком, сказал Эдельман.— Когда же успели? Ночью что ли работали?

— Так точно, ночью. Но ведь надо...

— Очень надо, старшина. — И замполит заспешил в штаб.

...13 августа Скрябина и Эдельмана вызвали в штаб Камчатской военно-морской базы. Там разъяснили диспозицию штурма Курил и поставили задачу по высадке десанта на остров Шумшу. Отдельному дивизиону пограничных сторожевых кораблей с 12 ноль-ноль следующих суток предписывалось быть в полной боевой готовности к немедленному выходу в океан. Конкретное задание изложили кратко: «Боевое охранение самоходных барж с десантниками». Особое поручение было у «ПК-8»: высадить на остров штаб первого эшелона десанта.

Скрябин и Эдельман шли на «ПК-8». Выход был назначен на 21 ноль-ноль 17 августа.

За два часа перед выходом в море командир корабля капитан-лейтенант Николай Тихонович Федченко пригласил к себе в каюту корабельного механика техника-лейтенанта Науменко, секретаря партийной организации корабля.

— Как с топливом, Михаил Тихонович? — спросил командир.

— Только что закончили заправку. Все цистерны под самую горловину.— Бензин — первого сорта! Моторы — в порядке.— Глаза механика радостно блестели.

— Тут вот такое дело, Михаил Тихонович,— как-то смущаясь, что было совсем несвойственно командиру, продолжал Федченко.— Такое вот дело... Да ты садись, садись,— командир пододвинул стул и сам сел на краешек дивана.— Как-то нескладно получается, понимаешь. В экипаже у нас семнадцать человек. Восемь — коммунистов, восемь — комсомольцев, один — беспартийный.

— Так,— Науменко понимающе вскинул глаза.

— Получается что же? — в голосе Федченко зазвучали привычные для слуха жесткие командирские нотки.— Вы, значит, партийные, пойдете в бой в одном строю, а я, что же,— в другом?

И не давая парторгу времени, чтобы высказать мнение о том, что его, командира, несмотря на беспартийность, любят и уважают все моряки, что ему беспредельно доверяют и с готовностью выполнят все команды и распоряжения, Федченко, решительно встав, достал из нагрудного кармана кителя сложенный вчетверо тетрадный листок и протянул его парторгу.

— Вот, Михаил Тихонович, письменно по данному вопросу все тут изложено. Извини, может, не по форме. Но... в бой хочу идти коммунистом!

Выйдя из командирской каюты на палубу, Науменко развернул листок, прочитал: «В партийную организацию «ПК-8» от беспартийного капитан-лейтенанта Федченко Николая Тихоновича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Идя в бой, я отдам все силы, а если потребуется, то и жизнь для выполнения боевого приказа.

Оформиться в члены ВКП(б) не успел. Если погибну за Родину, за наш народ, прошу считать меня коммунистом.

17 августа 1945 года. Подпись».

Из боевой хроники августа 1945 года

В дни подготовки к штурму Курил в партийные организации кораблей и частей десанта поступили сотни заявлений от воинов с просьбой принять их в ряды партии коммунистов.

«Мы идем в бой во имя нашей победы, во имя счастья своего народа, — писали они в своих заявлениях. — В бою мы не по-

срамим славы русского оружия, до конца выполним свой долг и, если потребуется, отдадим жизнь на благо любимой Родины. Считаем высшей наградой право идти в бой коммунистом».

...Идти в бой коммунистом — значило воевать как герои Великой Отечественной войны, быть всегда на линии огня...

...Со швартовов снялись точно по диспозиции, сразу за сторожевиками «Киров» и «Дзержинский». От пирса отходили без суеты, малым ходом вышли на внешний рейд. Здесь заглушили моторы, легли в дрейф, ожидая подхода других кораблей дивизиона. Они подходили и тоже ложились в дрейф в нескольких десятках метров. Однако в сгущающихся сумерках позднего августовского вечера силуэты кораблей быстро растворялись, сливались с темным фоном берега, темной водой, темным беззвездным небом.

Вечер был прохладным. Сырой порывистый ветер быстро остужал разгоряченные матросские лица, деловито хлопал флагом на гафеле, заставляя помощников командиров то и дело склоняться к пеленгаторам, ведя наблюдение за местоположением кораблей, чтобы избежать опасного сближения или сноса к берегу.

Бо́льшая часть экипажа «ПК-8» собралась в эти минуты на юте. Моряки сидели на бомбосбрасывателях, глубинных бомбах, дымовых шашках, прямо на палубе. Курили, пряча огни папирос в кулаки, негромко переговаривались. Все были в синих робах, черных походных бушлатах, сапогах.

Замполит, спустившись с мостика, решил тоже пройти к ним на корму. Шел по левому борту, наставляя встретившегося на пути кока:

— Ты, Алексей, экстракт получил?

— Так точно, товарищ капитан.

— Тогда вот что. Сделай кисленький напиток для всех моряков. Да не жалей экстракту. И вода, смотри, чтобы кипяченая была. Однако остуди ее обязательно. Прохладней-то оно лучше. Понял?

— Понял, товарищ капитан,— с готовностью отозвался кок и, козырнув замполиту, пошел выполнять приказание.

Яков Семенович вышел на ют. Моряки сразу повернулись в его сторону. Разговоры смолкли. Замполит понял, что подошел в самое время. Все чего-то ждали.

Первым желанием Эдельмана было сходу сказать о том, что не так страшен черт, как его малюют. Что вон какая силища на японца идет, разве устоит... Но, едва войдя в круг моряков, он отказался от такого желания, интуитивно почувство-

вал, что сейчас нужны не лозунги, не призывы, а что-то другое, какое-то деловое, веское слово...

Капитан присел, не спеша достал из кармана кителя пачку папирос, вынул одну, начал разминать, посматривая по сторонам. Негромко спросил:

— Коммунисты все здесь?

Прошло несколько секунд, потом сзади, из темноты, послышался голос Науменко:

— Большинство тут. Одного моториста нет, на вахте в машине.

— Тогда я предлагаю провести внеочередное партийное собрание,— сказал Эдельман и тут же добавил: — Открытое. Какие будут мнения у членов партии?

— Не возражаю. Согласен. Поддерживаю.— Раздалось с разных сторон.

Яков Семенович коснулся рукой сидевшего рядом матроса.

— Сбегай, браток, на мостик. Скажи комдиву, что мы тут партсобрание открываем. Пусть подойдет, если сможет.

Моряк сразу поднялся и исчез в темноте. Замполит повернулся в ту сторону, откуда недавно подавал голос парторг.

— Тогда давай, Тихоныч, действуй. Бери руль в свои руки...

Собрание решили вести без президиума и протокола. Регламент для выступающих установили до трех минут.

Подошел Скрябин. Ему предоставили первое слово.

Комдив говорил негромко, скупо бросая в темноту слова:

— Штурм будет утром. Противник без сопротивления не сдастся. Крови и жертв не избежать. Война есть война. Мы эту войну здесь четыре года держали в узде, пока наши братья там, на Западе, кончат с фашистами. Теперь наш черед настал...

Так говорил комдив. Его поддержали и другие коммунисты. Боцман, рулевой, радист... Секретарь комсомольской организации старший матрос Елагин сказал как отрубил:

— На комсомольцев можете рассчитывать, как на самих себя.

Эдельман выступал последним. И успел сказать только две фразы:

— Не забывайте — мы пограничники-дзержинцы...

Он хотел напомнить морякам про озеро Хасан и заставу Лопатина, про Сталинград, где тоже геройски сражались пограничники, но не успел. Колокола громкого боя объявили собрание закрытым...

Сторожевики пограничного дивизиона шли кильватерным строем. Передним мателотом — «ПК-8». Комдив и командир корабля, штаб первого эшелона десанта были на мостике. А Эдель-

ман сразу после дачи хода пошел по боевым постам. Потом спустился в кубрик. Здесь отдыхали свободные от вахт. Матросы и старшины лежали на койках одетыми, не сняв даже сапог. Кто-то в накинутом поверх форменки бушлате сидел, притулившись спиной к пиллерсу, играл на гармошке. Мелодия была заунывная, жалостливая.

— Как умру, похоронят... — выводил гармонист с переборами.

Яков Семенович, войдя в кубрик, первым делом подошел к гармонисту. Положил на плечо руку.

— Погодь, браток.— Музыка смолкла.

Замполит решительно снял с плеч гармониста ремни его инструмента и, перекинув их на свои, размашисто заиграл «яблочко»...

Это была единственная мелодия, которую Яков Семенович мог играть на гармошке. Но играл он ее мастерски, ноги сами просились в пляс под эту музыку. Многие моряки поднялись, подошли поближе. Прекратив играть, поставил гармонь на палубу, сказал как бы между прочим:

— Не помирать мы идем, а побеждать. Так-то вот. После победы продолжу.— И тут же строгим командирским голосом спросил:

— А почему в сапогах на койки улеглись? Устав что ли переменился? Я что-то не слышал.— И вопросительно посмотрел на стоящих в первых рядах.

Моряки засуетились, послышались шутки. Стали снимать бушлаты, разуваться. Гармонист тоже снял бушлат и направился было к своей койке, но Эдельман задержал его.

— А ты, я вижу, мастер, браток. Сыграй еще что-нибудь. Ну, например...— Эдельман напел:

— Синенький, скромный платочек... Знаешь?

Моряк весело взглянул на офицера, не говоря ни слова повел плечами, поднял гармонь и сходу подхватил мелодию... И она вольно полилась в узком корабельном кубрике, под низким подволоком, среди тесно прижавшихся друг к другу коек.

Замполит не спеша поднялся с разножки, на которой сидел, прошел к выходу, задержался там и, выждав момент, когда гармонь заиграла чуть потише, сказал наставительно:

— И чтобы выспались все как следует...

Потом он поднялся на верхнюю палубу. Над океаном висела ночь. Темная, ветреная, беззвездная. Волна балла в четыре ритмично била сторожевик в левую скулу. Корабль шел средним ходом под тремя моторами, но их урчание почти совсем заглушали тяжелые вздохи океана. Воздух был густым и влажным. Он хлестко бил по лицу. Заставлял щурить глаза, плотно закрывать рот. Губы ощущали соленость водяной пыли.

Замполит подошел к «сорокапятке» на баке, положил руку на холодный и влажный ствол «главного корабельного калибра», задумался. С сожалением вспомнил, что, уходя в море, не успел, как всегда прежде делал, проститься с женой и дочкой. Жена опять дежурила в госпитале, а дочка со вчерашнего дня была у тети Дуси, одинокой женщины, согласившейся иногда приглядывать за ребенком.

Выкроить даже несколько минут и забежать перед отходом к дочери Яков Семенович не сумел. «Увижу ли их снова?» — подумал он. И эти грустные мысли о близких на несколько минут невольно заслонили собою все другие думы...

Капитану Эдельману, статному, черноволосому замполиту дивизиона пограничных сторожевых кораблей, было в ту пору тридцать один год. Родился он в Киеве, на Подоле, в семье учителя. В тридцатом году всей семьей переехали в Одессу, где жил старший брат Якова — Григорий, директор джутовой фабрики, коммунист.

В Одессе Яков окончил ФЗУ, работал мастером-обувщиком, вступил в комсомол. За три года поработал членом комитета комсомола, секретарем комсомольской организации цеха. Был рекомендован освобожденным секретарем комитета комсомола на другой завод. После трехмесячных курсов при ЦК ВЛКСМ приступил к выполнению новых обязанностей. Но подошло время призыва в армию.

В 1936 году, по спецнабору, направили Якова Эдельмана в морские части погранвойск. Закончил Кронштадтскую электроминную школу. Служба привела в 62-й Владивостокский морской пограничный отряд.

Дальний Восток... Еще мальчишкой мечтал Яков побывать в этих местах, увидеть Тихий океан, Камчатку, далекие острова, заливы и бухты с такими романтическими и загадочными названиями: «Провидения», «Ольги», «Измены»...

Во Владивостоке на берегу бухты «Золотой рог», тесно уставленной военными и гражданскими судами, транспортами, рыболовецкими сейнерами с обшарпанными морем бортами и деловито снующими буксирчиками, началась для краснофлотца Якова Эдельмана его пограничная тихоокеанская служба.

Шел 1937 год. В декабре состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Яков был в избирательной комиссии. Выступал на митингах, встречах кандидатов с избирателями, агитировал, разъяснял политику партии... Его активную пропагандистскую работу, умение «говорить» с людьми, убеждать заметили в политотделе отряда. И вскоре предложили перейти на политработу.

Время было предвоенное, горячее, решения скорыми... Через три дня после беседы в политотделе стал краснофлотец и моторист пограничного «морского охотника» Яков Семенович Эдельман младшим политруком и начальником библиотеки Владивостокского морского пограничного отряда. В очередной раз за 24 года изменила курс его судьба, на долгое время связав жизнь с морским пограничным флотом, с Тихим океаном.

Тихий океан... Вот он, рядом, в нескольких метрах за бортом мчащегося в темноте ночи «охотника». Огромный и самый неспокойный океан планеты. Он и сейчас ухает и глухо бьет волной в корабельный борт. Протяни руку — и тебе плеснет в ладонь свою холодную соленую влагу...

Яков Семенович смахнул с лица крупные капли воды и отошел от пушки к рубке, прислонился к ее гладкой крашеной обшивке. С мостика наклонился комдив, капитан-лейтенант Скрябин. Спросил озабоченно:

— Это ты, Яков? Как там дела в кубрике?

— Все нормально, командир,— деловым, будничным тоном отозвался Эдельман.— Свободные от вахт отдыхают.

— А ты чего там, на палубе? Иди к нам, на мостик. Здесь посуше.

— Хорошо. Сейчас поднимусь.

Скрябина кто-то позвал, и он ушел в рубку. А Яков Семенович так и остался на палубе. Стоял, широко расставив ноги, плотно прижавшись спиной к рубке, крепко держась руками за поручень. Потом с усилием разжал онемевшие и застывшие на поручне пальцы и валкой походкой пошел по кренящейся палубе на корму. И вдруг подумал: «А где лучше всего находиться в бою мне? На мостике? У орудия? В моторном отделении?..» Он даже остановился «проигрывая» в уме возможные варианты своего решения, не отдавая ни одному из них предпочтения. И тут вспомнил напутственные слова начальника политотдела пограничного отряда: «Находиться в бою нам, коммунистам, политработникам, надлежит там, где в данный момент нужна будет наша помощь. Помощь словом и делом. А подскажет правильность выбора партийный долг, совесть коммуниста...»

А пока еще один обход боевых постов. Ночь. Замполит заглянул на камбуз. Кок в белой поварской куртке с коротковатыми для его могучих рук рукавами в поте лица пек оладьи. Капитан постоял с минуту рядом, молча наблюдая за ловкими движениями моряка, потом спросил:

— К пяти ноль-ноль, Алексей, поспеешь?

— Так точно, товарищ капитан, не беспокойтесь,— не отрываясь от своих дел, ответил кок.

— И, значит, как вчера договорились, кофе, сахар, масло, все — без пайка. Кто сколько захочет.

— Ясно. Я понял...

После камбуза Эдельман зашел в кают-компанию. Обеденный стол был накрыт простынями. На диванах лежали санитарные сумки. В шкафчике для посуды темнели бутылки с йодом, громоздились свертки с ватой, коробки с медикаментами. Матрос-фельдшер дремал, прикорнув на стуле возле самой двери. Увидев офицера, вскочил, начал сбивчиво что-то докладывать о готовности пункта медицинской помощи. Эдельман, не дослушав, молча кивнул, разрешил моряку сесть. Еще раз окинул озабоченным взглядом кают-компанию, заметил на полке с книгами положенные им самим перед выходом тетрадь с конспектами и Краткий курс истории ВКП(б), для политзанятий в походе, свое кожаное пальто на вешалке и, ничего не сказав, вышел.

«Да, скоро здесь будут и кровь, и стоны, и смерть,— думал он, поднимаясь по узкому корабельному трапу на верхнюю палубу.— И кому-то из нас не суждено вернуться в родную базу».

Мысли эти о неминуемых жертвах были грустными, но они проходили только через сознание и не ранили сердце, как это бывало прежде, не отзывались тоскливой волной во всем теле. Наверное, потому, что все его помыслы настроились на предстоящий бой.

Курилы встретили холодом. Серое мглистое утро вставало над островами.

Из боевой хроники августа 1945 года

Десантные суда начали высадку в намеченном заранее месте с ходу. Вместе с десантниками первого броска высадились и корабельные корректировочные посты. Как только корректировщики установили связь, корабли огневой поддержки «Киров», «Дзержинский», «Охотск» открыли огонь. Остров Шумшу заволокло пылью и черным дымом. Моряки поднялись в атаку. Навстречу им из-за укрытий выползли японские танки.

Обстановка сложилась крайне опасная. Решалась судьба первой волны десанта. И решили ее корабли огневой поддержки...

Третий и четвертый залпы корабельной артиллерии взяли танки в вилку. Пятый залп накрыл цель. Через двенадцать минут горело восемь танков, а четыре с подбитыми гусеницами беспомощно крутились на месте. Залегла и японская пехота, начавшая было контратаку, а потом и вовсе отошла к своим дотам. Преследуя врага, десантники захватили господствующую над островом высоту.

В 7 часов 25 минут началась высадка на остров Шумшу главных сил десанта...

...Сбежав по сходне с десантного корабля на берег, бойцы взвода, которым командовал старшина 1-й статьи Николай Вилков, преодолели подъем и оказались на равнине. Навстречу десантникам ударили крупнокалиберные пулеметы. Атака захлебнулась. Времени на размышление было в обрез. Вилков жестом подозвал к себе матроса Петра Ильичева:

— Амбразуры видишь? Правую беру на себя. Левая — твоя...

Моряки поползли к доту. Десантники с напряженным вниманием следили за действиями своего командира, готовые в любой момент снова подняться в атаку.

Приблизившись к доту на бросок гранаты, Вилков метнул в амбразуру приготовленную заранее связку. Пламя взрыва заслонило собою дот. Николай поднялся. Замолкла и левая амбразура. Но лишь только многоголосое «ура» огласило побережье, как свинцовый ливень вновь хлестнул по бойцам. И тогда коммунист Вилков бросился на амбразуру и закрыл ее своим телом. Огонь вражеского дота теперь уже не мог помешать атаке...

Когда, заняв высоту, моряки вернулись за своим командиром, то увидели и Петра Ильичева. Он закрыл собой вторую вражескую амбразуру...

...В 8 ноль-ноль начальник высадки приказал командиру «ПК-8» доставить на остров Шумшу штаб первого эшелона десанта...

«Охотник» шел рывками, маневрируя между десантными баржами, разрывами снарядов и мин, поднимающими к дымному, серому небу мощные султаны холодной тихоокеанской воды.

Замполит Эдельман вместе с другими офицерами стоял на ходовом мостике, за спиной у командира сторожевика капитан-лейтенанта Федченко. Командир сам управлял моторами корабля, то стопоря ход, то перебрасывая ручки телеграфов на «полный вперед». Команды рулевому отдавал спокойным, чуть резковатым голосом.

Комдив Скрябин почти не опускал от глаз бинокль, внимательно всматриваясь в дымный берег, отыскивая там наиболее удобное место для высадки офицеров штаба десанта. На столике перед ним лежала морская карта, но комдив даже не смотрел на нее. Достоверность нанесенных там данных о глубинах и подводных опасностях моряки уже оценили. Несколько десантных барж сели на камни при подходе к острову, хотя никаких камней на картах в тех местах не значилось.

Чем ближе «охотник» подходил к берегу, тем гуще падали вокруг снаряды и мины. Перерывов между разрывами почти не было. Массы воды мощными водопадами обрушивались на корабельную палубу, брызги долетали до мостика. Очевидно, катер засекли японские батареи. Медлить было опасно. Скрябин опустил бинокль и, круто повернувшись к Федченко, крикнул:

— Давай сюда, командир! Вон, в ту излучину. Видишь? — И он показал рукой по правому борту.

— Руль, право на борт! — тут же скомандовал Федченко. Назвал курс и перекинул телеграфы машин на «средний вперед».

Но едва «охотник» лег на новый курс, как под левым бортом что-то заскрежетало, а потом полез из воды нос корабля. Мель!

Командир среагировал мгновенно. Отработал реверс машинами и задним ходом вывел «охотник» на чистую воду. А через секунду на том месте, где только что был корабль, прямо по носу рванула мина, окатив водой баковую группу, уже приготовившуюся к швартовке.

Скрябин зыркнул на Федченко глазами и негромко выругался, снова было взялся за бинокль, но тут же опустил его на грудь и решительно приказал:

— Давай к барже, командир. Видишь, под самым берегом десантников высаживает?

Федченко понимающе кивнул и дал команду рулевому, а сам, бросив ручки телеграфа на «полный вперед», начал прикуривать папиросу.

Швартовались к барже лихо — на «среднем ходу». Но комдив даже бровью осуждающе не повел. Боевая обстановка...

Баржа сидела на мели метрах в двадцати от берега. С правого борта у нее шла высадка десантников. Солдаты запрудили всю палубу.

Оценив обстановку, полковник — начальник штаба первого эшелона десанта — быстро прошел на корму сторожевика и приказал подать трап оттуда. Комдив и замполит, согласно морскому этикету, сопровождали старших офицеров. Федченко остался на мостике, подрабатывал машинами, чтобы удержать корабль на месте.

Подали трап, но он не доставал до берега. Свободный конец сносило течением. Полковник, худощавый, в очках, молча стоял у борта, не вмешиваясь в действия моряков, за ним сгрудились штабные офицеры с имуществом. Не ожидая команды, боцман главстаршина Миронов прыгнул за борт, подплыл к дальнему концу трапа и, встав на дно, положил трап на свое плечо. За боцманом прыгнул в воду и старший матрос Елагин, секретарь

комсомольской организации. Они вдвоем уверенно держали трап на своих плечах.

Начальник штаба высадки и другие быстро сошли на берег по трапу. Задача, поставленная экипажу «ПК-8», была выполнена.

Скрябин побежал на ходовой мостик, чтобы дать команду на отход от берега для соединения с другими кораблями дивизиона. Эдельман остался на корме, смотрел, как принимают на борт боцмана и комсорга. Те поднялись улыбающиеся, возбужденные. Со смехом выливали из сапог воду, отжимали ватные брюки. Замполит тоже улыбнулся. Махнул на мостик рукой, что все в порядке и можно отходить.

Правый мотор взбурлил мутную прибрежную воду. И тут что-то глухо и мощно рвануло под ногами. Из щелей между досками в настиле палубы синими лентами пополз дым... Снаряд угодил в носовое моторное отделение. Все двигатели заглохли. С кормовой машины сорвало крышку люка, и оттуда валил густой, черный дым...

Эдельман бросился к этому люку, но тут новый мощный удар тряхнул «охотник». Яркая вспышка озарила мостик.

Этим снарядом были убиты командир корабля и несколько матросов в рубке. Комдив — тяжело ранен в шею. Он не мог говорить, лежал у разбитой рубки на палубе, зажимая рукой рану. А кровь из-под пальцев пробивалась, пульсируя вместе с ударами сердца, текла по руке на китель, быстро впитываясь в темно-синюю ткань.

Замполит склонился к комдиву, крикнув, чтобы скорее вызвали санитара и сделали перевязку. Сам начал расстегивать на Скрябине китель, но комдив энергично замотал головой и попытался что-то сказать уже обескровленными, сухими губами. Слов не было слышно, но Яков Семенович понял смысл приказа. Он выпрямился и окинул взглядом палубу. Картина была страшной. Ходовой мостик и рубка горели. В разные стороны с треском летели искры. Из кормового люка моторного отделения продолжал валить густой черный дым. Носовая машина зияла провалом. «Охотник», накренившись на правый борт, медленно разворачивался параллельно берегу. Носом он, по всей видимости, сидел на камнях. На палубе лежали несколько тяжело раненных и убитых.

Оставшиеся в живых матросы, вызванные по авралу на швартовку, смотрели на замполита, ожидая приказаний, потому что теперь именно он, Эдельман, оставался на корабле самым старшим из командиров и теперь от его действий и приказов зависела дальнейшая судьба экипажа. Моряки ждали, какое он примет решение.

Замполит не колебался.

— Командование кораблем принимаю на себя,— хрипло, но, как ему казалось, громко сказал он.— Всем слушать мою команду!

Может быть, и не все моряки в эту минуту разобрали полностью слова капитана. Шум боя заглушил голос. Но смысл принятого замполитом решения поняли все.

Первым делом Эдельман попытался снять «охотник» с мели, чтобы затем хоть без моторов вывести корабль из-под прицельного огня вражеской береговой артиллерии. Но уже через минуту стало ясно, что дело это безнадежное. Нос корабля плотно сидел на камнях, а корма быстро погружалась в воду. Очевидно, в моторном отделении была большая пробоина.

Прекратив попытки снять сторожевик с мели, Эдельман подбежал к кормовому люку моторного отделения, надеясь, что, может быть, хоть один из моторов удастся запустить. Из люка как раз показалась голова парторга, техника-лейтенанта Науменко. Замполит и подоспевший матрос помогли механику выбраться на палубу.

Науменко был ранен в ногу, весь перемазан бензином, маслом, кровью и черной копотью. Глаза слезились. От одежды шел дым. Сказал еле слышно:

— Все мои убиты, Яков. Машинам конец. Машинное горит, а в топливном отсеке две почти полных цистерны с бензином. Если прогорит переборка...— Он потерял сознание.

Еще один снаряд рванул совсем рядом у левого борта. Неподвижный «охотник» был отличной мишенью для артиллеристов врага. Вести дальнейшую борьбу за его живучесть стало бессмысленно. Нужно было принимать решение. Трудное, ответственное, но единственно правильное. И право на него было предоставлено коммунисту Якову Семеновичу Эдельману. Он не колебался.

— Всем раненым надеть спасательные жилеты, — пытаясь перекрыть своим голосом шум боя, распорядился замполит. Потом значительно тише добавил: — Приготовиться покинуть корабль...

Это его распоряжение не вызвало ни паники, ни замешательства. На раненых, в том числе и на комдива, которому успели сделать перевязку, быстро надели спасательные пояса и помогли перебраться на корму. Командиры отделений осматривали отсеки и боевые посты, подбегали к капитану с докладами. Сам Яков Семенович не торопясь, не обращая внимания на визжащие осколки, обошел верхнюю палубу. Чуть прихрамывая, все-таки один осколок задел ногу, прошел на корму и приказал раненым спускаться за борт.

Дышать становилось все труднее. Воздух был густой и горький. Стремительно летели секунды. Секунды жизни экипа-

жа и корабля. Вокруг то и дело ухали мины и снаряды. Но замполит, будто не замечая ничего, хладнокровно ждал последнего доклада от моряка, посланного в кают-компанию, там могли еще быть раненые. Но вот и он, судорожно хватая ртом дымный воздух и тараща красные глаза, показался на палубе и доложил:

— Корабль осмотрен, никого нет.

И тогда Эдельман скомандовал:

— Всем покинуть корабль!

Сходили с борта по-разному. Одни опускались в воду с кормы. Другие, на секунду задерживаясь на привальном брусе,— по правому борту. Третьи ныряли прямо с палубы и потом, шумно отфыркиваясь, плыли к берегу, где уже укрывали раненых.

Палуба быстро опустела, и тогда Эдельман тоже шагнул к борту. Он еще не решил в этот момент, как спуститься за борт, и, может быть, поэтому замешкался на несколько секунд. И тут увидел, что один из моряков повернул назад, к кораблю. Замполит узнал старшину 2-й статьи Николая Машихина, радиомастера. Крикнул строгим голосом:

— Ты куда, старшина?

Но тот, будто не слышал, забрался на борт «охотника» и только здесь, подняв руку, сказал:

— Флаг!

Эдельман поднял глаза. На обгоревшей и искривленной взрывом мачте, среди обрывков антенн, вант и фалов мокрое и закопченное пожаром развевалось на дымном ветру зелено-бело-голубое полотнище Военно-морского флага погранвойск.

Машихин забрался на мачту, снял его и, опустившись на палубу, сложил и спрятал на груди, под бушлатом. Потом прыгнул за борт. За ним шагнул в воду и Эдельман.

Вначале вода остудила разгоряченное тело. Однако с каждой секундой холод все глубже проникал внутрь, сковывал мышцы. Начали коченеть ноги, замедлились гребки руками. Тело наливалось тяжестью. Кто-то с берега уже пошел навстречу капитану, но тут сапоги его коснулись донной тверди. Яков Семенович сделал несколько шагов, но, не выходя совсем из воды, остановился и повернулся лицом к покинутому кораблю.

Очертания «охотника» были размыты дымом. Корма почти по самую палубу погрузилась в воду. Нос уставился в небо. Эдельман поднял руку, чтобы в прощальном жесте обнажить голову, но не успел сам выполнить этот ритуал. Огонь подобрался к топливным цистернам на несколько мгновений раньше. «ПК-8» взорвался...

Упругая взрывная волна толкнула в грудь, жарко хлестнула по лицу, сорвала с головы замполита фуражку и унесла ее куда-то на берег...

Из боевой хроники августа 1945 года

...Добравшись вплавь до берега, остатки экипажа «ПК-8» под командованием капитана Эдельмана, вооружившись подобранным трофейным оружием, еще в течение суток действовали, как взвод морской пехоты, пока не были взяты на один из кораблей огневой поддержки для усиления орудийных расчетов.

К исходу дня 23 августа 1945 года военные действия на Северных Курилах прекратились. Японские гарнизоны на островах Шумшу и Парамушир капитулировали.

Указом Президиума Верховного Совета СССР заместитель командира отдельного дивизиона пограничных сторожевых кораблей по политчасти капитан Эдельман Яков Семенович за успешное выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм награжден орденом Красного Знамени.

Из мирной хроники наших дней

...В морском пограничном подразделении на Камчатке открыт памятник экипажу пограничного корабля «ПК-8».

Правда, 1980, 3 ноября

Геннадий
САВИЧЕВ

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ

В полдень 8 августа 1945 года на имя начальника политотдела бригады тральщиков капитана 2-го ранга Корнилова поступила телефонограмма. Его срочно вызывали в политуправление Тихоокеанского флота.

Планы Николая Ивановича на этот день были другими. Он намеревался выйти на тральщике в море, где с тремя кораблями бригады находился на учебном тралении комбриг капитан 1-го ранга Саид Аввакумович Капанадзе. Однако телефонограмма за подписью члена Военного совета флота вице-адмирала Захарова — приказ. Поэтому Корнилов, предупредив по радио Капанадзе о задержке, поспешил выполнить его.

В политуправлении, где Николай Иванович бывал множество раз. царила особая, как показалось ему, напряженная атмосфера. И по сосредоточенным лицам сотрудников, и по тому, что были собраны начальники политотделов практически всех соединений и частей главной базы флота, можно было догадаться, что назревали события исключительной важности.

Впрочем их ждали, эти события, к ним готовились. С запада на Дальний Восток прибывали все новые и новые войска. Это были закаленные в сражениях бойцы. Из тех, кто совсем еще недавно освобождал Варшаву и Вену, штурмовал Берлин, избавил от фашистского ига многие страны Европы.

Поговаривали, что прибыли на Дальний Восток крупные военачальники с неизвестными ранее фамилиями. И многие догадывались, что за этими вымышленными именами — прославленные полководцы Великой Отечественной.

Пополнялся опытными специалистами и Тихоокеанский флот. Матросы, старшины и офицеры, прошедшие суровую школу морских и десантных операций на Черноморском, Балтийском и Северном флотах, вливались в экипажи кораблей и частей, не имевших еще боевого опыта. В общем все свидетельствовало о том, что не за горами война с милитаристской Японией. Но, разумеется, не была известна дата ее начала.

И вот, кажется, ответ на этот важнейший вопрос собравшие-

ся и должны были услышать. Приглушенный говор стих, когда в конференц-зал вошли член Военного совета Захаров и начальник политуправления Муравьев. В помещении разлилась напряженная тишина. Только через открытые форточки доносился со стороны бухты дробный стук выбираемой якорь-цепи. Видно, какой-то корабль уходил в море.

— Товарищи,— произнес Захаров хрипловатым, видно от волнения, голосом,— завтра будет обнародовано решение Советского правительства о вступлении нашей страны в войну против милитаристской Японии.

Далее адмирал подчеркнул, что Советский Союз преследует справедливые цели, стремится ликвидировать последний очаг агрессии и ускорить окончание второй мировой войны, изгнать японских захватчиков из Маньчжурии и Кореи и тем самым оказать содействие китайскому и корейскому народам в их освободительной борьбе против империалистического рабства, вернуть нашей стране исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова.

Слушая выступление члена Военного совета, Корнилов старался не пропустить ни единого слова. По давней привычке он записывал все основное, главное в блокнот, справедливо полагая при этом, что самый плохой карандаш все же лучше хорошей памяти.

— Задача политработников,— продолжал Захаров,— разъяснять морякам справедливые цели Советского Союза, пробудить у них стремление к подвигу, к беззаветному служению Отчизне. Вся агитационно-пропагандистская работа на флоте должна проводиться под лозунгом: «Разгромим японского агрессора».

Слова вице-адмирала как бы вводили участников совещания в боевые будни, настраивали их на решительный лад. И Корнилов, чувствуя тот особый подъем, намечал в уме, что надо сделать в ближайшие же часы, как лучше довести до каждого бойца услышанное здесь, чтобы воодушевить на решительные действия весь личный состав бригады.

— Политуправление подготовило листовки, разъясняющие цели войны и задачи флота, призывающие к мужеству и героическим действиям, а также памятки агитаторам,— сказал в заключение Захаров.— Разработана нами и тематика лекций, докладов, бесед. Так что идем во всеоружии — боевом и политическом. Вам надлежит немедленно организовать доставку материалов во все подразделения и ознакомить с ними каждого краснофлотца. Все, товарищи, не теряя времени за дело!

Обычно участники совещаний расходятся шумно, оживленно переговариваясь, со смехом. На этот раз громких разговоров не было. Захваченные ответственностью поистине исторического

момента, политработники спешили на корабли и в части, чтобы там сразу начать подготовку к грядущим боям.

Корнилов тоже направился к выходу из зала, но Семен Егорович Захаров окликнул его:

— Николай Иванович, задержитесь.

Одновременно член Военного совета отдавал приказания подходящим к нему офицерам, подписывал бумаги, разложенные на длинном столе. Затем обернулся к Корнилову:

— Николай Иванович, часть ваших тральщиков находится в море. Организовывая митинги, не забудьте об их экипажах.

— Товарищ адмирал, я намерен побывать на этих кораблях еще сегодня.

— Добро,— согласно кивнул Захаров.— Знаете, как действовать! Вы же боевой политработник, коммунист с солидным стажем.

«Да, стаж действительно уже немалый»,— подумал Николай Иванович, идя по коридорам управления. В памяти его всплыл тот уже далекий день 5 октября 1927 года (разве можно хотя бы на миг забыть эту дату), когда на собрании волостной партийной ячейки его принимали в члены ВКП(б). Вопросы были обычными: где родился, где учился. По международному положению. По партийному уставу. Отвечал Николай толково. Коммунисты проголосовали за его принятие единогласно. Учитывали они, конечно, и его участие в политической работе. А в заключение секретарь партийной ячейки сказал молодому коммунисту напутствие: «Ты, Николай, вступаешь в партию для того, чтобы бороться за светлые коммунистические идеалы. Будь всегда впереди, там, где труднее».

Сколько лет прошло, но всегда с тех пор Корнилов неуклонно следовал этому завету. И был, как говорят, постоянно на переднем крае. И когда участвовал в создании первой в уезде коммуны «Новая жизнь», ставшей зачатком будущего колхоза, и когда мобилизовывал комсомольцев на строительство новой больницы, когда ремонтировал школу и прокладывал новые дороги...

Получив подробный инструктаж в отделах, Корнилов заспешил в бригаду.

Он уже был на улице Ленинской, где находилось политуправление. А еще через несколько минут — на берегу бухты. Здесь у одного из причалов, тесно прижавшись друг к другу, покачивались на некрупной волне тральщики.

Вид кораблей вызвал, как всегда, у Николая Ивановича особое чувство, которое непосвященному показалось бы странным. В глубинах своего сознания он воспринимал их словно живыми.

И не мудрено. За годы службы, пройдя трудной дорогой флотского возмужания, Корнилов сроднился с морем, с кораблями. И дорога эта была длиною не в один год...

Началась она в Ленинграде. На Московском вокзале новобранцев, призванных на действительную службу, построили в колонны, и пошагали они широким проспектом, в конце которого сверкал золотом адмиралтейский шпиль. Вот этот прямой, как стрела, проспект и стал началом всей его флотской жизни. С того дня с флотом Корнилов уже не порывал, плавал на различных кораблях, радовался его успехам и остро переживал, если случались неудачи.

Сейчас все эпизоды той его жизни мелькают в памяти Николая Ивановича, как кадры яркого и удивительного фильма. Вот верткий морской буксир, огласив окрестность басовитым гудком, миновал устье Невы и вышел в Финский залив. И сразу же на молодых парней, сгрудившихся на палубе, дохнуло морем. Это был, как показалось Николаю, неповторимый морской запах, словно бы пропитанный солью. И манило вдаль свинцовое водное покрывало, расстилавшееся перед буксиром.

Палубный матрос, сворачивавший швартовые концы, сказал тогда им, махнув рукой в сторону моря:

— Кронштадт.

Только тогда все увидели, как из-за горизонта, вырастая на глазах, выплывал знаменитый остров — колыбель Балтийского флота.

Действительно, Кронштадт был насквозь флотским: корабли у мощных причалов, в доках, множество моряков на брусчатых тротуарах, величественный собор, где побывали, пожалуй, все русские флотоводцы, старый Петровский парк, в котором установлен памятник основателю русского флота Петру I — все говорило о принадлежности Кронштадта к флоту, о его неразрывной с ним связи.

Корнилов был определен в электро-минную школу, в класс радистов. С первых же дней — занятия. Изучал физику, радиотехнику, математику, геометрию. Ну и, разумеется, морское дело. Практиковался в передаче морзянки. Она давалась Николаю сравнительно легко. Вероятно, поэтому, когда окончил школу, он получил назначение радистом не куда-нибудь, а в Севастополь, на крейсер «Червона Украина». Это был первый корабль в его жизни. Но не последний.

Служба на кораблях — дело нелегкое. Но Николаю с первого же дня она пришлась по душе. И ранние подъемы, физзарядка и субботние стирки, авралы и драйка с песочком палубы, ритуал подъема Военно-морского флага, ну и, разумеется, стрельбы, вахты — все он выполнял охотно, с душой.

Следует заметить, что и на флотской службе, как и в гражданской жизни, он всегда был в гуще событий. Его неоднократно избирали членом бюро партийных ячеек, был он и делегатом на партийных конференциях. Часто молодой коммунист выступал перед моряками с беседами, небольшими лекциями. И, наверное, неплохо себя показал, поскольку однажды (в то время он возглавлял команду радистов на канонерской лодке «Верный» Днепровской военной флотилии) Корнилова вызвал начальник политотдела. Усадив в кресло, начал без обиняков:

— Краснофлотцам нравятся беседы и политинформации, которые вы с ними проводите. Чувствую, есть у вас жилка политработника. А тут вот разнарядка. Выделено нам место в военно-политической школе. Хотите посвятить свою жизнь политработе на флоте?..

Так Николай Иванович ступил на стезю флотского политработника, человека ответственного за судьбы многих людей, за их политическое воспитание и идейную зрелость.

Снова Ленинград. Учеба в школе, разместившейся в здании Военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского, в том самом увенчанном золотым шпилем здании Адмиралтейства, которое Корнилов увидел в конце проспекта, когда впервые попал в город на Неве.

Учебный процесс был насыщен до предела. Дисциплины для него новые: философия, политэкономия, история ВКП(б), педагогика, сугубо морские предметы.

Наряду со знаниями различных дисциплин приходило понимание роли и предназначения политработника, человека, на которого возлагается работа с людьми. В различных жизненных ситуациях ему придется проявлять себя и педагогом, и психологом, и политическим деятелем, и военным специалистом. Настоящий политработник позаботится и о быте подчиненных, и об их боевой готовности. Он — как старший брат, отец — даст добрый совет, вовремя, если надо, придет на помощь, а если потребуется, то и строго спросит. И еще. Политработники — эти истинные наследники комиссаров — были всегда там, где труднее, всегда впереди...

Об этом думал Корнилов, направляясь в бригаду. В своем боевом опыте офицера-политработника, прошедшего горнило Великой Отечественной, он искал те слова, с которыми должен будет скоро направлять краснофлотцев в бой. В бой ради мира на земле...

Прибыв в бригаду, Корнилов приказал собрать на инструктаж работников политотдела. Он зачитал собравшимся обращение Военного совета к личному составу Тихоокеанского флота, рассказал о совещании в политуправлении, о том, что с ноля часов 9 августа 1945 года СССР вступает в войну с Японией.

Слушали его так, как, наверное, никогда до этого. Тут же на этом первом, можно сказать уже военном, совещании наметили план работы на ближайшие сутки. Особое внимание Корнилов обратил на расстановку работников политотдела. Четко указал, кому на каком корабле отправляться в море. Во внимание принимались и подготовленность экипажа, и партийная прослойка, и характер командира корабля, и, разумеется, опыт, навыки самого политработника.

...А на следующее утро, после того как было объявлено о войне, выступая на очередном митинге перед экипажем одного из кораблей бригады, Корнилов, как всегда, в заключение спросил: будут ли вопросы. Руку поднял невысокий, с живыми блестящими глазами матрос:

— Товарищ капитан второго ранга, а с кем вы идете?

— На боевом тралении я буду вместе с вами. На головном тральщике.

Слова эти прозвучали не как ответ, а как утверждение незыблемого принципа всей жизни. Быть впереди.

С 9 августа 1945 года события на Дальнем Востоке стали разворачиваться стремительно. Войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов нанесли мощнейшие удары по противнику, и он, не сумев оказать в приграничье организованного сопротивления, стал отходить в глубь Маньчжурии.

Вступили в схватку с врагом и моряки-тихоокеанцы. Военно-воздушные силы флота нанесли массированные удары по северокорейским портам Юки, Расин, Сейсин. Здесь базировалось до сорока японских кораблей и судов, включая эсминцы и подводные лодки.

Удары были сокрушительными. Летчики, возвращавшиеся с боевых заданий, докладывали, что акватории портов полыхали гигантскими факелами. Это горели пораженные с воздуха корабли и суда. Впрочем, не только с воздуха. Как призраки, вырывались из темноты торпедные катера, и тогда оглушительные взрывы торпед сливались в единую какофонию боя со свистом и грохотом авиационных бомб. А вдали от портов и баз, поджидая караваны транспортов, неслышно скользили в океанских глубинах подводные лодки. Японское командование было вынуждено почти полностью прекратить все морские перевозки и держать свои боевые корабли в базах.

Тихоокеанский флот в полной мере использовал наиболее эффективный способ содействия сухопутным войскам — высадку морских десантов в тыл отступающих японских войск на побережье, а также на Южный Сахалин и Курильские острова.

Успеху десантов во многом способствовали умелые действия экипажей тральщиков. Очищая от мин подступы к портам, куда готовились высадки, они прокладывали фарватеры, по которым двигались корабли с десантниками на борту.

Самоотверженно действовали экипажи тральщиков из бригады Корнилова — «ТЩ-279» и «ТЩ-281» в районе северокорейского порта Расин.

Высокое мужество проявил личный состав тральщика «ТЩ-279» уже в последние дни войны. Случилось так, что корабль, проводя боевое траление, подорвался сразу на трех минах. Вышли из строя двигатели, тральщик потерял ход. Два моряка погибли, 27 человек получили ранения. Однако краснофлотцы и в этих тяжелейших условиях самоотверженно боролись за живучесть корабля. И тральщику удалось удержаться на плаву до подхода других кораблей, с которыми прибыл и начальник политотдела. Корнилов поблагодарил экипаж за мужество и отвагу, организовал быструю отправку раненых, позаботился о том, чтобы в госпитале был за ними надлежащий уход. Вместе с командиром корабля прикинули, как быстрее ввести его в строй. Кстати, здесь Николай Иванович узнал, что мины, на которых подорвался тральщик, были не японскими, а американскими.

Трудно сказать, какими соображениями руководствовалось командование наших союзников, но факт остается фактом: зная о предполагавшемся вступлении Советского Союза в войну с Японией, американцы выставили на подходах к северокорейским портам Гензан, Сейсин и Расин 780 неконтактных мин. Эти минные постановки значения в ускорении разгрома Японии в те дни уже не имели. Японские транспорты, опасаясь нашей авиации и подводных лодок, отстаивались в своих портах. Однако действия Тихоокеанского флота именно эти мины затрудняли, так как о расположении полей и системе установки мин союзники нас не информировали.

Требовались большие силы, чтобы ликвидировать минные поля. Поэтому во второй половине августа из главной базы Тихоокеанского флота вышел отряд тральщиков и катеров — морских охотников. Возглавлял его капитан 1-го ранга Капанадзе. Замполитом шел капитан 2-го ранга Корнилов.

В походе Николай Иванович переходил с корабля на корабль. Рассказывал экипажам о ходе боевых действий на Дальнем Востоке, о международной обстановке. Делился он с офицерами и своим боевым опытом, ведь за время Великой Отечественной он отмахал по минным полям не одну сотню миль...

...Великая Отечественная война застала Николая Ивановича на Балтике. Тогда он получил назначение военным комиссаром в бригаду тральщиков. Базировалась она в Таллине.

Тральщики! Как их иной раз называют — пахари моря. Небольшие корабли, предназначенные для ликвидации вражеских мин. Пожалуй, труднее найти более опасное военное дело. Не зря говорят, минер ошибается раз в жизни. И действительно, стоит допустить малейшую оплошность, неправильно закрепить трал, отклониться от курса и... гибель кораблю: ведь в каждой мине сотни килограмм взрывчатки. К тому же сколько придумано различных приспособлений, чтобы затруднить обнаружение и обезвреживание мин!

Когда Корнилов прибыл к новому месту службы, обстановка под Таллином была напряженной. Несмотря на большие потери, гитлеровцы во что бы то ни стало стремились овладеть главной базой Краснознаменного Балтийского флота. При этом они намеревались блокировать корабли, не дать им уйти в Кронштадт. С этой целью резко активизировали постановки минных заграждений. Противник создал минно-артиллерийскую позицию на линии мыс Юминда — Финские шхеры. Кроме того, все подходы к Таллинскому порту были буквально засыпаны плавающими минами. Считая, что Балтийскому флоту из главной базы уже не вырваться, Гитлер и Геббельс оповестили весь мир, что он уничтожен. Но фашистские главари просчитались: преодолев все преграды, боевые соединения совершили беспримерный переход в Кронштадт. Особую роль сыграли тральщики, шедшие во главе караванов. Не счесть, сколько ими было подсечено мин, сколько спасено людей с тонущих транспортов. Корнилов весь этот переход находился на борту знаменитого тральщика «Фугас».

Затем была не менее трудная работа по сопровождению кораблей и судов, доставлявших боеприпасы и горючее защитникам полуострова Ханко. Да и сами тральщики принимали необычные для такого класса кораблей грузы: например, заполняли топливные цистерны высокооктановым авиационным бензином. Где только возможно, укладывали ящики со снарядами: в кубриках, на боевых постах, на палубах, даже в каютах. И тогда тральщики становились, по существу, плавающими пороховыми бочками. Детонация — и...

Всю блокадную зиму 1941/42 года Николай Иванович был в Ленинграде. А с весны сорок второго снова началось боевое траление в очистившемся ото льда Финском заливе. Тральщики проводили за собой подводные лодки, которые, буквально продираясь через противолодочные рубежи, топили в открытом море фашистские корабли и суда. Каждое сообщение о торпедировании вражеских транспортов глубоко радовало Корнилова: ведь в этом успехе был вклад и экипажей тральщиков. Но вскоре тяжелое ранение вывело Корнилова из строя. После выздоровления на Балтику он уже не вернулся. Был направлен на Тихоокеанский флот...

— Расин,— проговорил Капанадзе, передавая Корнилову бинокль и показывая на чуть синеющую на горизонте полоску.

Город уже был освобожден от японских захватчиков советскими десантниками, но входить кораблям в порт опасно. Американцы, блокируя его, не пожалели мин. Как сказал комбриг Корнилову: «Их тут, как галушек в супе».

В общем, работы предстояло много. А медлить нельзя. На внешнем рейде, ожидая разминирования фарватера, уже стояли сухогрузы.

— Ну что ж, пора приниматься за дело,— произнес Капанадзе.— Николай Иванович, на Балтике вы с чего начинали?

— Думаю, для начала стоит пробомбить будущий фарватер,— ответил Корнилов.

Так и поступили. По строго намеченному маршруту легкие и быстрые, как птицы, морские охотники помчались к Расину, сбрасывая глубинные бомбы. И море вспухало от их разрывов. А там, где детонировала мина, оно вздымалось столбами, выплескивая к небу ил, пронизанный пламенем. Подобную операцию осуществили несколько раз. А затем в дело вступили тральщики.

Используя опыт балтийцев, каждый тральщик поставил не по одному тралу, а сразу по три различного предназначения: против контактных якорных мин, против магнитных и против акустических.

И вот, выстроившись в строй уступом, тральщики легли на первый тревожный галс. А всего таких галсов только при прокладке этого первого фарватера было 15.

Со стороны посмотреть — идут себе не спеша небольшие суденышки. Погода чудесная. Море такой синевы, что глаз ломит. Бриз ласкает разгоряченные лица моряков. Но идиллия эта хрупка и обманчива. То и дело справа и слева за тральщиками вздымаются горы соленой воды и оглушительные взрывы рвут на куски хрустальную прозрачность осеннего воздуха. И тогда волны накатываются на корабли, валят их на борта, захлестывают палубы, норовя смыть моряков в воду. И так не один и не два раза. И хорошо, когда мины рвутся в стороне, а не под днищем...

На третьи сутки Корнилов, облегченно вздохнув, сказал:

— Можно пускать суда.

Поскольку Япония к тому моменту уже капитулировала, это был первый мирный фарватер, к которому пришел через всю войну боевой политработник флота. Еще два года после окончания войны тральщики очищали морские и океанские пути от мин. Мир и безопасность Родины — этому служат и сегодня корабли, которые ведут наследники боевой славы Великой Отечественной войны, преемники ее героев.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ФЛОТАХ БОЕВАЯ ТРЕВОГА

ФАРВАТЕРЫ МУЖЕСТВА

КУРС НА ПОБЕДУ!

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

КОМИССАРЫ
НА ЛИНИИ ОГНЯ.
1941—1945.
На море.

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *А. В. Горенков*
Художник *Ю. Н. Маркаров*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технические редакторы *Е. В. Васильевская, О. В. Лукоянова*

ИБ № 4543

Сдано в набор 20.08.84. Подписано в печать 06.12.84.
А00224. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,74. Усл. кр.-отт. 19,07. Уч.-изд. л. 19,32. Тираж 200 тыс. экз.
Заказ № 5020. Цена 95 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда»,
603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

№ 110 (9881)
...трального Комитета и МК ВКП(б).
Среда, 9 мая 1945 г.
ЦЕНА 20 КОП.

95 к.

...ДА

Ве...
наро...
побе...
Да здр...
ПРАЗ...

Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил

Акт о военной капитуляции

...ы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Коман-
...глашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил
...оре и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под
...андованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и од-
...ховному Командованию Союзных экспедиционных сил.
...ое Верховное Командование немедленно издаст приказы всем не-
...щим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам,
...ерманским командованием, прекратить военные действия в 23-01
...вропейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих
...ятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их
...ество местным союзным командующим или офицерам, выде-
...Союзного Верховного Командования, не разрушать и не при-
...ний пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпу
...кже машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще
...ам ведения войны.
...е Командовачие немедленно выделит соответствую-
...ыполнение всех дальнейших приказов, изданных
...м Красной Армии и Верховным Командованием С...
...препятствием к замене его ...
...нным об'единенными ...
...м вооружен...

НА МОРЕ
КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ
ИПЛ